

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ
ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ В. В. СИПОВСКІЙ.

Т. II, вып. 2-й. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА начало XIX в.

РОМАНТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ XIX в.

ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ „ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ“

ТОГО ЖЕ АВТОРА Ч. II.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Томъ I былъ допущенъ Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. въ качествѣ учебнаго пособия въ среднеучебныя заведенія Мин. Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія книга эта допускается и въ учебн. завед. Вѣд. Императрицы Маріи Ѳеодоровны и учебн. заведенія Мин. Торговли и Промышленности.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ Я. БАШМАКОВА и К^о.

1910.

1938

ИЗДАНИЕ

ХИТЕСОМАТИЯ

ПО ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

Предисловіе.

Выпуская въ свѣтъ II-ой томъ моей хрестоматіи, я надѣюсь, что онъ будетъ встрѣченъ такъ же благосклонно, какъ I-ый и III-ій. Обиліе литературнаго матеріала, включеннаго въ содержаніе этого II-го тома, заставило меня разбить его на ПЯТЬ выпусковъ.

Въ первый выпускъ включилъ я произведенія XVIII вѣка, принадлежащія **романтическому направленію**. Многіе изъ нихъ впервые появляются въ учебныхъ хрестоматіяхъ, между тѣмъ, ихъ интересъ настолько великъ, что ознакомленіе съ ними учениковъ является, на мой взглядъ, дѣломъ необходимымъ. Только при условіи широкаго и всесторонняго освѣщенія литературной жизни XVIII-го вѣка и начала XIX-го понятной сдѣлается дѣятельность Пушкина и Гоголя. Преслѣдуя своимъ учебникомъ („Исторія русской словесности“ въ 3-хъ т.) и хрестоматіей вполнѣ опредѣленную цѣль—помочь строго-исторической постановкѣ школьнаго изученія русской литературы, глубже и шире освѣтитъ русское творчество прошлаго, я считаю необходимымъ и цѣлесообразнымъ то расширеніе изученія литературнаго матеріала, первымъ опытомъ котораго въ нашей педагогической литературѣ является моя „Историческая хрестоматія“.

Оглавление.

| | СТРАН. |
|--|--------|
| Романтическое направление | 1—189 |
| КАМЕНЕВЪ—„Громвалъ“—баллада | 1 |
| ЖУКОВСКІЙ | 1—183 |
| ✓ „Сельское кладбище“ | 7 |
| „На смерть Андрея Ив. Тургенева“ | 10 |
| „Къ К. М. С-ой“ | — |
| „Пѣсня“ | — |
| „Моя богиня“ | 11 |
| „Пѣвецъ“ | 12 |
| „Теонъ и Эсхинъ“ | 13 |
| „Пѣсня“ („Минувшихъ дней очарованье“) | 15 |
| „На кончину Ея Величества Королевы Виртембергской“ | — |
| „Море“ | 18 |
| „19 Марта 1825“ | 19 |
| „Я музу юную бывало“ | — |
| „Невыразимое“ | — |
| „Умирающій лебедь“ | 20 |
| „Могила“ | — |
| „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“ | — |
| „Государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ на рожденіе В. К. Александра Николаевича“ | 28 |
| „Сказка о царѣ Берендеѣ и сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кощея Безсмертнаго и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери“ | 29 |
| „Спящая царевна“ | 37 |
| „Война мышей и лягушекъ“ | 41 |
| ✓ „Юдмила“ | 47 |
| ✓ „Ивиковы журавли“ | 49 |
| „Свѣтлана“ | 52 |
| „Эолова Арфа“ | 54 |
| „Мазепа“ | 58 |
| „Гаральдъ“ | — |
| „Графъ Габсбургскій“ | 59 |
| „Рыцарь Тогенбургъ“ | 60 |
| ✓ „Лѣной царь“ | 61 |

| | |
|--|-----|
| „Торжество побѣдителей“ | 62 |
| ✓ „Кубокъ“ | 64 |
| „Поликратовъ перстень“ | 66 |
| „Жалобы Цереры“ | 67 |
| „Ночной сторожъ“ | 69 |
| „Овсяный кисель“ | — |
| „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ | 71 |
| „Громобой“ | 72 |
| „Вадимъ“ | 81 |
| ✓ „Шильонскій узникъ“ | 91 |
| „Камоэнсъ“ | 95 |
| „Орлеанская дѣва“ | 101 |
| „Ундина“ | 125 |
| Отрывки изъ „Одиссеи“ | 146 |
| „Марина Роща“ | 166 |
| „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ“ | 179 |
| „Писатель въ обществѣ“ | 183 |



РОМАНТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ.

Романтическое направленіе въ русской литературѣ вырази-лось блѣднѣе, чѣмъ въ западно-европейской,—Жуковскій, ученикъ Карамзина, сентименталистъ по міросозерцанію, въ первый періодъ своей дѣятельности былъ писателемъ карамзинской школы, ученикомъ Юнга, Томсона, Клопштока (см. мою книгу: „Исторія русской словесности“ ч. II 226—248). Лишь въ послѣдствіи, онъ, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ романтиковъ, сталъ увлекаться фантастической поэзіей средневѣковыхъ легендъ и сказаній, увлекся поэзіей другихъ народовъ. Вотъ почему и баллады его изъ жизни античной, и переводъ „Одиссеи“ и восточныхъ поэмъ,—должны быть объяснены, какъ результатъ романтическихъ вліяній. Такимъ образомъ, къ романтизму Жуковскій подошелъ какъ писатель-художникъ, какъ человѣкъ, душа котораго была склонна къ идеализму, мечтательности и мистицизму. Внеся къ намъ въ русскую литературу интимную лирику сердца, Жуковскій этимъ самымъ способствовалъ освобожденію русской лирики отъ господства псевдоклассицизма,—но убѣжденнымъ и энергичнымъ „борцомъ“ за свободу творчества Жуковскій не былъ,—это сдѣлалъ Пушкинъ своимъ „Борисомъ Годуновымъ“.

К а м е н е в ъ.

Громвалъ, баллада.

Мысленнымъ взоромъ я быстро лечу,
Быстро проникнувъ сквозь мрач-
ность времени,
Поднимаю завѣсу сѣдой старины,
И Громвала я вижу на добромъ
конѣ.

Зыблются перья на шлемѣ его,
Стрѣлы калены въ колчанѣ звучатъ;
Онъ по чистому полю несетъ какъ
вихрь,

Въ вороненныхъ доспѣхахъ, съ бу-
латнымъ кошемъ.

Солнце склонялось въ кремнистымъ
горамъ,
Вечеръ спускался съ воздушныхъ
высотъ;

Богатырь пріѣзжаетъ въ глухіе
лѣса,

Сквозь вершины ихъ видитъ лишь
небо одно.

Буря, облекшись въ угрюмую ночь,
Мчится съ заката на черныхъ кры-
лахъ;
Заревѣла пучина, дубрава шумитъ,
И столѣтніе дубы скрипятъ и тре-
чатъ.

Негдѣ укрыться отъ бури, дож-
дя:
Нѣтъ ни пещеры, не видно жилья;
Лишь во мракѣ сгущенномъ, сквозъ
вѣтви деревь,
То блеснетъ, то померкнетъ вдали
огонекъ.

Въ сердцѣ съ надеждой, съ отва-
гой въ душѣ
Ѣхавши тихо сквозъ лѣсъ на огонь,
Богатырь приѣзжаетъ на берегъ
ручья,
И вдругъ — видитъ онъ замокъ
вблизи предъ собой.

Синее пламя изъ замка блеститъ,
Свѣтъ отражая въ струистомъ
ручѣ;
Тѣни въ окнахъ мелькаютъ и взадъ
и впередъ;
Завыванія, стоны въ немъ глухо
ревутъ.

Витязь, сошедши послѣшно съ ко-
ня,
Идетъ къ воротамъ, заросшимъ
травой,
Ударяетъ въ нихъ сильно булат-
нымъ копьемъ;
Но на стукъ отвѣчаютъ лишь гулы
въ лѣсу.

Вмигъ потухаетъ внутрь замка
огонь,
Свѣтъ умираетъ въ объятіяхъ тьмы,
Завыванія, стоны утихли, мол-
чатъ,
Усугубилась буря, удвоился дождь.

Сильнымъ ударомъ могучей руки
Рушится твердость желѣзныхъ во-
ротъ:
Отлетѣли запоры, скрипятъ ве-
рей,
И во внутренность входитъ без-
страшный Громваль.

Мечъ обнаживши, готовый разить,
Ощупью тихо онъ въ замокъ идетъ.
Тишина распростерта и мрачность
вездѣ,
Лишь сквозъ окна и щели вихрь
бурный свиститъ.

Витязь въ досадѣ и въ грусти
вскричалъ:
„Хищный волшебникъ, зловарный
Зломарь!
Ты Громвала принудилъ по свѣту
бродить,
Ты похитилъ Рогнѣду, подругу его!

Многія царства и земли прошелъ,
Рыцарей сильныхъ, чудовищъ по-
билъ,
Великановъ сразилъ я могучей
рукой,
Но Рогнѣды любезной еще не на-
шелъ.

Гдѣ обитаешь ты, лютый Зломарь?
Въ дѣбряхъ ли дикихъ, въ пеще-
рахъ, въ лѣсахъ,
Въ подземельяхъ ли мрачныхъ, въ
пучинѣ-ль морской
Укрываешь ее ты отъ взоровъ
моихъ?

Если найду я жилище твое,
Злобный волшебникъ, лихой ча-
родѣй,
Извлеку изъ неволи Рогнѣду мою,
Выву черное сердце изъ груди
твоей!“

Витязь, умолкнувъ, почувствовалъ
сонъ;
Одръ ему стелютъ усталость и
ночь.
Не снимая доспѣховъ, въ бронѣ,
въ шипакѣ
Прикорнувъ, засыпаетъ глубокимъ
онъ сномъ.

Тучи промчались, и вихрь замол-
чалъ,
Звѣзды потухли, алѣетъ востокъ;
Пробудилась денница, Зимцера
цвѣтетъ,
Какъ румяная роза—Громваль еще
спитъ.

Катится солнце по своду небесъ,
 Блещетъ съ полудня каленымъ лу-
 чомъ,
 И по соснамъ слезится смола сквозь
 кору;
 Но Громвала все держитъ въ объ-
 тяхъ сонъ.

Ночи предтеча со смуглымъ челомъ
 Смотритъ съ востока на лѣсъ, на
 луга,
 Окропляетъ изъ урны росой мураву;
 Но Громвала все держитъ въ объ-
 тяхъ сонъ.

Ночь, съ кипариснымъ вѣнкомъ на
 главѣ,
 Въ ризѣ, сотканной изъ мрака и
 звѣздъ,
 По ступенямъ, нахмурясь, на тронъ
 свой идетъ;
 А Громвала все держитъ въ объ-
 тяхъ сонъ.

Тучи сомкнулись на сводѣ небесъ,
 Мрачность густѣетъ, настала пол-
 ночь;
 Богатырь, воспрянувши отъ крѣп-
 каго сна,
 Изумился, не видя румяной зари.

Вдругъ затрещало по замку, какъ
 громъ,
 Стѣны трясутся, окошки звенять,
 И, какъ молнія быстро блистаетъ
 во тьмѣ,
 Освѣщается зала ужаснымъ огнемъ.

Громко всѣ двери стучать, отво-
 рясь;
 Въ саванахъ бѣлыхъ, съ свѣчами
 въ рукахъ,
 Появляются тѣни—за ними несутъ
 Гробъ желѣзный скелеты въ рукахъ
 костяныхъ.

Въ залѣ обширной поставили гробъ,
 Крышка слетѣла мгновенно съ
 него,
 И волшебникъ Зломарь — ужасаю-
 щий видь!—
 Бездыханенъ лежалъ въ немъ, от-
 крывши глаза.

Поль разступился, а адскій огонь
 Съ вихремъ трескучимъ и съ гро-
 момъ летитъ,
 Охвативъ гробъ желѣзный, какъ
 жаръ раскалилъ;
 Застоналъ стономъ тяжкимъ геенны
 Зломарь.

Въ дикихъ, свирѣпыхъ, кровавыхъ
 глазахъ
 Ужасъ начертанъ, отчаянье, скорбь;
 Изъ рта пѣна черная клубомъ ки-
 пить;
 Но лежитъ неподвижно, какъ трупъ,
 чародѣй.

Духи, скелеты, руками схватясь,
 Гаркаютъ, воютъ, хохочутъ, сви-
 стятъ;
 Въ изступленномъ восторгѣ бѣс-
 нуются, они
 Пляшутъ адскую пляску верругъ
 гроба его.

Въ страшныхъ забавахъ проходить
 полночь;
 Вопли ихъ, клики ужаснѣй гре-
 мятъ.
 Но лишь утра предвѣстникъ три
 раза пропѣлъ,
 Исчезаютъ вмгъ духи, скелеты и
 гробъ.

Тьма, какъ въ могилѣ, повсюду
 покой!
 Тихо и мрачно въ окрестномъ лѣсу.
 Удивляется чуду смущенный Гром-
 валь;
 Изумившись, не вѣрять себѣ са-
 мому.

Вдругъ раздалася волшебна сви-
 рѣль,
 Арфы внезапный послышался звукъ,
 Растворился сводъ залы, и розо-
 вый лучъ
 Разогналъ тихимъ свѣтомъ сгущен-
 ную ночь.

Въ облакѣ легкомъ душистыхъ на-
 ровъ
 Будто бы свѣжій дышалъ вѣтерокъ,
 И въ поднебесѣхъ лебедь спокойно
 плыла,

Опускается тихо волшебница въ
залъ.

Чище лилеи одежда ея,
Полясъ по чресламъ, какъ яхонтъ,
горитъ;
Какъ игра златояркой восточной
звѣзды,
Такъ веселость сіяетъ у ней во
очахъ.

Гласомъ пріятнымъ Добрада рекла:
„Рыцарь печальный, покорствуй
судьбѣ!
Знай: Зломара не стало; судьба
навсегда
Ужъ очистила свѣтъ отъ злодѣя
сего!

Въ адскую пропасть низвержень
навѣкъ,
Челюсть геенны его пожрала;
Съ клокотаніемъ лавы и съ ревомъ
огня,
Вой и стонъ его бездна лишь бу-
детъ внимать.

Смерть, преступивши природы за-
конъ,
Чувствъ не лишила волшебниковъ
трупъ;
Развращенныхъ имъ тѣни погиб-
шихъ людей
Каждоночно здѣсь въ замкѣ тер-
заютъ его.

Рыцарь! спѣши ты къ Рогнѣдѣ
своей:
Къ югу за лѣсомъ, въ песчаныхъ
степяхъ.
Тамъ Зломарова замка въ темницѣ
стальной
Два крылатыхъ Зиланта ее стере-
гутъ.

Рогъ сей волшебный прими отъ
меня,
Челюсть чудовищъ онъ силенъ сом-
кнуть;
Но внимай! Ты не можешь Рогнѣду
спасти,
Не проливъ ея крови: судьбы такъ
велятъ“.

Струны волшебно вторично звучать,
Облако кверху съ Добрадой ле-
титъ;
Пораженный сей рѣчью Громвалъ
внѣ себя,
Истукану подобенъ, вслѣдъ смо-
тритъ за ней.

Рогъ изумрудный держащій въ рукѣ,
Съ горькой досадой вскричалъ бо-
гатырь:
„Вѣроломной волшебницы пагубный
даръ!
Ты убійствомъ Рогнѣды мнѣ счастье
сулишь!

Нѣтъ! трепещу я отъ мысли од-
ной,—
Сердце изъ груди ей въ жертву ле-
титъ!
Но, Громвалъ, повинуйся глаголу
судьбы,
Чародѣйство Зломара спѣши истре-
бить.

Если не можешь Рогнѣду спасти,
Замокъ разрушить, Зилантовъ сра-
зить,—
Богатырскую кровь ты пролей за
нее
И геройскою смертию любовь увѣн-
чай!“

Красное утро блестящимъ лучомъ
Сосенъ столѣтнихъ верхи золотитъ;
Обращая на полдень коня своего,
Оставляетъ нашъ витязь и замокъ
и лѣсъ.

Дебри, утесы, стремнины, хребты
Стонутъ отъ тяжкихъ ударовъ ко-
пытъ:
Пыль, густая, какъ туча, крутится
столбомъ,
По поднебесью вьется, гдѣ скачетъ
Громвалъ.

Мрачнымъ ущельемъ скалистой горы
Выѣхалъ рыцарь въ обширную
степь:
Открывается взорамъ песка океанъ,
Вдали, будто бы, съ небомъ сливает-
ся онъ.

Вѣтръ не волнуеть сыпучю зыбь,
Дышитъ тлетворнымъ дыханіемъ
зной.

Ни кусты не шумятъ, не журчатъ
ручейки,
Какъ въ полночь, на кладбищѣ, все
спитъ, все молчитъ.

Въ дикой пустынѣ, въ сихъ страш-
ныхъ поляхъ
Нѣтъ ни дороги, не видно слѣдовъ.
Лишь къ востоку примѣтна крутая
гора,
И на ней крѣпкій замокъ чернѣетъ
вдали.

Съ жаждой и зноемъ сражаясь три
дня,
Смерти препоны расторгъ богатырь;
На конѣ утомленномъ, въ крова-
вомъ поту,
Подвѣзжаетъ онъ тихо къ подошвѣ
горы.

Въ скользкихъ стремнинахъ навис-
нувшихъ скалъ,
Страшно грозящихъ низринуться въ
доль,
Обрываясь надъ бездной, по узкой
тропѣ,
Достигаетъ вершины и замка Гром-
валь.

Силой геенны и адскихъ духовъ
Мрачный сей замокъ построилъ Зло-
маръ.
Взгроможденныя башни на черныхъ
скалахъ
Предвѣщаютъ погибель и лютую
смерть.

Въ сердцѣ съ Рогнѣдой, съ герой-
ствомъ въ душѣ,
Бурѣ свирѣпой подобный, Громваль
Сокрушаетъ чугунныхъ воротъ ве-
рей,
Въ замокъ страшный вступаетъ съ
булатнымъ мечомъ.

Грозно идетъ онъ,—подъ крѣпкой
пятой
Мертвыя кости, черенья хрустятъ;
Враны, птицы ночныя и неопыри
Пробуждаются въ мшистыхъ разсѣ-
динахъ стѣнъ.

Облакомъ вьются надъ замкомъ они,
Воздухъ колеблетъ ужасный ихъ
крикъ;

И Зиланты, послышавъ Громваловъ
приходъ,
Испускаютъ вой, свисты и крылья-
ми бьютъ.

Челюсть разинувъ, летятъ на него;
Коньями жала торчатъ изъ пастей;
Чешуею брячатъ, извивая хвосты,
Выпускаютъ погибельныя когти изъ
лапъ.

Въ рогъ изумрудный трубитъ бо-
гатырь;
Звукъ оглушилъ ихъ: какъ камни
падутъ;
Подсѣкаются крылья, сомкнулся ихъ
звѣвъ,—
Погрузившись въ сонъ смертный,
горами лежатъ.

Рыцарь въ восторгѣ къ темницѣ
летитъ
Съ пламеннымъ сердцемъ Рогнѣду
обнять;
Но огромная дверь растворяется
вдругъ,
И навстрѣчу выходитъ въ бронѣ
исполнѣ.

Грозные взгляды—кометы во тьмѣ;
Мѣдь на немъ—панцырь, свинецъ—
булава,
Сѣрый мохъ по болоту—брада у
него,
Черный лѣсъ послѣ бури—власы на
челѣ.

Съ силой ужасной взмахнувъ бу-
лаву,
Прямо въ Громвала пустилъ испо-
линъ,
Поражаетъ его по буйной главѣ;
Содрогается эхо, по замку звуча.

Шлемъ, зазвенѣвши, дробится въ
куски,
Сыплотся искры изъ темныхъ очей,
Булава отъ удара согнулась дугой,
Но не двинулся съ мѣста Громваль,
какъ скала.

Мечъ въ богатырской рукѣ забли-
сталъ,
Бурнымъ перуномъ злодѣя разить:
Разлетѣлась бы крѣпкая вдребезги
мѣдь,
Но скользнуть лезвіе по волшебной
бронѣ.

Въ бѣшенствѣ лютѣмъ реветъ ве-
ликанъ,
Пламенемъ пышетъ, отъ злости дро-
жить;
Напрягаетъ онъ мышцы уклады-
стыхъ плечъ,
Угрожаетъ Громвала въ когтяхъ за-
душить.

Смерть неизбежна, погибель близ-
ка,
Страшныя длани касаются латъ;
Но Громваль, ухватя его ногу, какъ
дубъ,
Потряхнувши, повергъ, опрокинулъ
его.

Башнѣ подобно, громыхнулъ гигантъ,
Звукомъ ужаснымъ весь замокъ по-
трясъ;
Разсѣдаются стѣны, валятся зуб-
цы;
Онъ упалъ и въ сырой землѣ яму
вдавиль.

Взявши за горло могучей рукой,
Мечъ ему въ челюсть вонзаетъ Гром-
валь;
По булату зубами скрипитъ вели-
канъ,
Возревѣлъ, застоналъ и въ изгибы
свился.

Черная пѣна, багровая кровь
Хлещетъ, клубится изъ пасти его;
Разъяренный мученьемъ, со смертью
борясь,
Роетъ землю ногами, трепещетъ,
хрипитъ.

Вмѣстѣ сливаясь кипящей струей,
Пучится, бродитъ гигантова кровь;
Поднявшись облачкомъ, легкій паръ
отъ нея
Образуетъ Рогнѣду прекрасной чер-
ты:

Розы въ ланитахъ и прелесть въ
очахъ,
Алыя губы манятъ поцѣлуй;
По плечамъ разстилаясь, какъ бар-
хатъ, власы
Осѣняютъ ея лебединую грудь.

Чуду такому дивится Громваль:
Призракъ ли видить, или существо?
Приближаясь съ надеждой и съ ро-
бостью къ ней,
Не мечту, но Рогнѣду онъ къ пер-
самъ прижалъ.

Страстнымъ восторгомъ исполнясь,
Громваль
Голосомъ нѣжнымъ любезной вѣ-
щалъ:
„Долго, долго искалъ я, Рогнѣда,
тебя
И по бѣлу свѣту скитался, какъ
тѣнь!“

Тяжко вздохнувши, сказала она:
„Лютый волшебникъ, коварный Зло-
маръ,
Раздраженный презрѣнною страстью
своей,
Въ чародѣйскій сей замокъ меня
перенесъ.

Здѣсь, поразивши волшебнымъ жез-
ломъ,
Памяти, чувства меня онъ лишилъ:
Погрузившись мгновенно въ таин-
ственный сонъ,
Я съ тѣхъ поръ въ бездѣ мрака
сокрыта была“.

За руку взявши Рогнѣду, Громваль
Тихо спустился къ подошвѣ горы;
Посадивши ее на коня за собой,
По дорогѣ обратно стрѣлой поле-
тѣлъ.

Замокъ объемлетъ глубокая тьма;
Громы во мракѣ свирѣпо ревуть;
Бурны вихри завывли, сорвавшись съ
цѣпей.

Затрещали кремнистыя ребра горы;
Съ ревомъ ужаснымъ разверглась
земля;
Рухнули башни въ бездонную пасть;

Ниспроверглись Зиланты, темница,
гигантъ:

Чародѣйство Зломара разрушилъ
Громваль.

Жуковскій.

Сельское кладбище.

Элегія, изъ Грея.

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь
за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣ-
кой;
Усталый селянинъ медлительной сто-
пою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ
спокойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрест-
ность исчезаетъ...
Повсюду тишина, повсюду мертвый
сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній
жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ уны-
лый звонъ.

Лишь дикая сова, таясь подъ
древнимъ сводомъ
Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ при-
ходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ сосенъ и
вызовъ наклоненныхъ,
Которые окрестъ, развѣсившись, сто-
ятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ
уединенныхъ
Навѣки затворясь, сномъ непробуд-
нымъ спать.

Денницы тихій гласъ, дня юнаго
дыханье,
Ни крики пѣтуха, ни звучный гулъ
роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ ще-
бетанье,
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ
гробовъ.

На дымномъ очагѣ трескущей огнь,
сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ ве-
селить,
И дѣти рѣвныя, встрѣчать ихъ вы-
бѣгая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній
ихъ ловить.

Какъ часто ихъ серпы златую
ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя
поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы
трететали,
И потомъ ихъ лица кропилися
земля!

Пускай рабы суетъ ихъ жребій
унижаютъ,
Смѣясь въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ
трудамъ;
Пускай съ холодною презрѣннѣ
внимаютъ
Таящимся во тьмѣ убогаго дѣламъ.

На всѣхъ ярится смерть; царя,
любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная... и нѣкогда
найдетъ;
Всемощныя судьбы незыблемы
уставы,
И путь величія ко гробу насъ ведетъ.

А вы, наперники фортуны ослѣ-
пленны,
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите
презирать
За то, что гробы ихъ непыльны и
забвенны,
Что лестъ имъ алтарей не мыслить
воздвигать.

Вотще надъ мертвыми, ислѣв-
шими костями
Трофеи зиждутся, надгробія бле-
стятъ,
Вотще гласъ почестей гремитъ пе-
редъ гробами,
Угасшій пепель нашъ они не вос-
палятъ.

Ужель смягчится смерть сплетае-
мой хвалою
И невозвратную добычу возвра-
тить?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мра-
морной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть
ихъ бременить.

Ахъ, можетъ быть, подъ сей мо-
гилою таятся
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго
любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ
гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ, иль мы-
слими парить!

Но просвѣщеня храмъ, воздвиг-
нутый вѣками,
Угрюмою судьбой для нихъ былъ
затворенъ;
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣ-
пами,
Ихъ геній строгою нуждою умерщ-
влень!

Какъ часто рѣдкій перль, вол-
нами сокровенный,
Въ бездонной пропасти сіяетъ кра-
сотою;
Какъ часто лилія цвѣтетъ уеди-
ненно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя за-
пахъ свой.

Быть можетъ, пылью сей покрытъ
Гампденъ надменный,
Защитникъ согражданъ, тиранства
смѣлый врагъ,
Иль кровію гражданъ Кромвель не-
обогранный,
Или Мильтонъ нѣмой, безъ славы
скрытый въ прахъ.

Отечество хранить державною ру-
кою,
Сражаться съ бурей бѣды, фор-
туну презирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣ-
кою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла
свои читать—

Того имъ не далъ рокъ; но вмѣ-
сто преступленья
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣс-
ный положилъ;
Вѣжать стезей убійствъ ко славѣ,
наслажденьямъ,
И быть жестокими къ страдальцамъ
запретилъ,

Таить въ душѣ своей гласъ со-
вѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости те-
рять,
И, раболѣбствуя, на жертвенни-
кахъ лести
Дары небесныхъ музъ гордынѣ по-
свящать.

Скрываясь отъ мірскихъ поги-
бельныхъ смятеній,
Безъ страха и надеждъ, въ долину
жизни сей,
Не зная горести, не зная насла-
жденій,
Они безопасно шли тропинкою сво-
ей...

И здѣсь спокойно спятъ подъ
сѣнью гробовою—
И скромный памятникъ, въ пріютѣ
соснѣ густыхъ,
Съ непышной надписью и рѣзбою
простою,
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ
прахомъ ихъ.

Любовь на камнѣ семъ ихъ па-
мять сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись на-
чертать;
Окрестъ библейскую мораль изобра-
зила,
По коей мы должны учиться ума-
рять.

И кто съ сей жизнью безъ горя
разставался;
Кто прахъ свой по себѣ забвеню
предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ
міромъ не плѣнялся,
И взора томнаго назадъ не обращалъ?

Ахъ! нѣжная душа, природу по-
кидая,
Надѣется друзьямъ оставить пла-
мень свой,
И взоры тусклые, навѣки угасая,
Еще стремятся къ нимъ съ послѣд-
нею слезой;

Ихъ сердце милый гласъ въ мо-
гилѣ нашей слышитъ;
Нашъ камень гробовой для нихъ
одушевленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ
холодной урнѣ дышитъ,
Еще огнемъ любви для нихъ вос-
пламененъ.

А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ
удиненный!
И твой ударить часъ послѣдній ро-
ковой;
И къ гробу твоему, мечтой сопро-
вожденный,
Чувствительный придетъ услышать
жребій твой.

Быть можетъ, селянинъ съ поч-
тенной сѣдиною
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу го-
ворить:
„Онъ часто по утрамъ встрѣчался
здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю пре-
дупредить.“

Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ
подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый ко-
рень свой;
Тамъ часто въ горести безпечной,
молчаливой,
Лежалъ, задумавшись, надъ свѣт-
лою рѣкой;

Нерѣдко къ вечеру, ситаясь
межъ кустами—

Когда мы съ поля шли, и въ рождѣ
соловей
Свисталъ вечерню пѣснь—онъ том-
ными очами
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей.

Прискорбный, сумрачный, съ гла-
вою наклоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву сле-
зы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей,
всего лишенный,
Которому ничѣмъ души не ула-
дить.

Взошла заря—но онъ съ зарею
не являлся,
Ни къ ивѣ, ни на холмъ, ни въ
лѣсъ не приходилъ;
Опять заря взошла—нигдѣ онъ не
встрѣчался;
Мой взоръ его искалъ—искалъ—
не находилъ.

На утро пѣніе мы слышимъ гро-
бовое...
Несчастнаго несутъ въ могилу по-
ложить.
„Приблизься, прочитай надгробіе
простое,
Чтобъ память добраго слезой бла-
гословить“.

— Здѣсь пепелъ юноши безвре-
менно сокрыли;
Что слава, счастье, не зналъ онъ
въ мірѣ семъ;
Но музы отъ него лица не отвра-
тили,
И меланхолии печать была на немъ.

Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чув-
ствителенъ душою—
Чувствительнымъ Творецъ награду
положилъ.
Дарилъ несчастныхъ онъ — чѣмъ
только могъ—слезою;
Въ награду отъ Творца онъ друга
получилъ.

Прохожій, помолисъ надъ этою
могилой;
Онъ въ ней нашелъ пріютъ отъ
всѣхъ земныхъ тревогъ;

Здѣсь все оставилъ онъ, что въ
немъ грѣховно было,
Съ надеждою, что живъ его Спа-
ситель-Богъ.

**На смерть Андрея Ив. Тур-
генева.**

О, другъ мой! неужель твой гробъ
передо мною?
Того-ль, несчастный, я отъ рока ожи-
далъ?
Забывшись, я тебя бессмертнымъ
почиталъ.
Святая благодать Предвѣчнаго съ
тобою!

Покойся, милый прахъ! твой сонъ
завиденъ мнѣ!
Въ семь мѣръ безъ тебя, съ душою
благъ лишенной,
Я буду странствовать, какъ въ
чуждой сторонѣ;
Но долго-ль слезы лить на пепель
твой священный?

Ахъ, нѣтъ! пройдетъ и жизнь, —
ты будешь мой опять!
Во гробъ намъ судьбой назначено
свиданье!
Надежда сладкая, прелестно ожи-
данье!
Съ какимъ веселиемъ я буду уми-
рать!

Къ К. М. С...ой.

Протекшихъ радостей уже не воз-
вратить!
Но въ самой скорби есть для серд-
ца наслажденье.
Ужели все мечта? Напрасно-ль сле-
зы лить?
Ужели наша жизнь есть только при-
видѣнье,
И трудная стезя къ ничтожеству
вести?
Ахъ, нѣтъ, мой милый другъ, не
будемъ безнадежны;
Есть пристань вѣрная, есть берегъ
безмятежный;
Тамъ все погибшее предъ нами ожи-
ветъ;

Незримая рука, простертая надъ
нами,
Ведетъ насъ къ одному различнымъ
путями!
Блаженство—наша цѣль; когда мы
къ ней придемъ,
Намъ провидѣніе сей тайны не от-
крыло.
Но рано-ль, поздно ли, мы радост-
но вздохнемъ:
Надеждой не вотще насъ небо ода-
рило!

Пѣсня.

[М. А. Протасовой].

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой,
О, ты, съ которой нѣтъ сравненья!
Люблю тебя, дышу тобой;
Но гдѣ для страсти выраженья?
Во всѣхъ природы красотахъ
Твой образъ милый я встрѣчаю;
Прелестныхъ вижу—въ ихъ чертахъ
Одну тебя воображаю!

Беру перо — имъ начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лирѣ восхищенной;
Съ тобой, одинъ, вблизи, вдали,
Тебя любить—одна мнѣ радость;
Ты мнѣ всѣ блага на земли;
Ты—сердцу жизнь, ты—жизни сла-
дость.

Въ пустынѣ, въ шумѣ городскомъ
Одной тебѣ внимать мечтаю;
Твой образъ, забываясь сномъ,
Съ послѣдней мыслию сливаю!
Пріятный звукъ твоихъ рѣчей
Со мной во снѣ не растается;
Проснусь — и ты въ душѣ моей
Скорѣй, чѣмъ день очамъ коснется.

Ахъ! мнѣ-ль разлуку знать съ
тобой?
Ты всюду спутникъ мой незримый;
Молчишь—мнѣ взоръ понятенъ твой,
Для всѣхъ другихъ неизъяснимый;
Я въ сердце твой приѣмлю гласъ;
Я пью любовь въ твоемъ дыханьи...
Восторги, кто постигнетъ васъ?
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
 Живу и жизнью наслаждаюсь!
 Тобою чувствую себя,
 Въ тебѣ природѣ удивляюсь!
 И съ чѣмъ мнѣ жребій мой сравнить?
 Чего желать въ толь сладкой долѣ?
 Любовь мнѣ жизнь—ахъ! я любить
 Еще стократъ желалъ бы болѣ!

Моя богиня.

[Подражаніе Гёте].

Какую безсмертную
 Вѣнчать предпочтительно
 Предъ всѣми богинями
 Олимпа надзвѣзднаго?
 Не спорю съ питомцами
 Разборчивой мудрости,
 Учеными, строгими;
 Но свѣжей гирляндю
 Вѣнчаю веселую,
 Крылатую, милую,
 Всегда разнovidную,
 Всегда животворную,
 Любимицу Зевсову
 Богиню-фантазію!

Ей далъ онъ тѣ вымыслы,
 Тѣ сны благотворные,
 Которыми въ области
 Олимпа надзвѣзднаго,
 Съ амврозіей, съ нектаромъ,
 Подчасъ утѣшается
 Отъ скуки безсмертія;
 Лелѣя съ усмѣшкою
 На персяхъ родительскихъ,
 Ее величаетъ онъ
 Богинею-радостью!

То въ утреннемъ вѣяннѣ,
 Съ лилейною вѣткою,
 Одѣтая ризою,
 Сотканной изъ нѣжнаго
 Денницы сіянія,
 По долу душистому,
 По холмамъ муравчатымъ,
 По облакамъ утреннимъ
 Малиновкой носится;
 На ландышъ, на лилію,
 На цвѣтъ-незабудочку,
 На травку дубравную

Спускается пчелкою;
 Устами пчелиными
 Впиваяся въ листики,
 Пьетъ росу медвяную;
 То, кудри съ небрежностью
 По вѣтру развѣявши,
 Во взорѣ уншіе,
 Тоской отуманена,
 Глава наклоненная,
 Сидитъ на кругой скалѣ
 И смотритъ въ мечтаніи
 На море пустынное,
 И любить прислушивать,
 Какъ волны плескаются,
 О камни дробимыя;
 То внемлетъ, задумавшись,
 Какъ вѣтеръ полуночный
 Порой подымается,
 Шумитъ надъ дубравою,
 Качаетъ вершинами
 Деревъ сѣннолиственныхъ;
 То въ сумракѣ вечера
 [Когда златорога
 Луна изъ-за облака
 Надъ рощею выглянетъ
 И, сливши дрожащій лучъ
 Съ вечерними тѣнями,
 Одѣнетъ и лѣсъ, и долъ
 Туманнымъ сіяніемъ]
 Играетъ съ Наадами
 По гладкой поверхности
 Потока дубравнаго,
 И струекъ, съ журчаніемъ
 Мѣшая гармонию
 Волшебнаго шопота,
 Наводитъ задумчивость,
 Дремоту и легкой сонъ;
 Иль быстро съ зефирами
 По дремлющимъ лиліямъ,
 Гвоздикамъ узорчатымъ,
 Фіалкамъ и ландышамъ,
 Порхая, питается
 Душистымъ дыханіемъ
 Цвѣтовъ, ожемчуженныхъ
 Росинками свѣтлыми;
 Иль съ сонмами геніевъ,
 Воздушно пѣбію
 Віясь, развиваяся,
 Въ мерцаніи мѣсяца,
 Невидима-видима,
 По облакамъ носится
 И, къ роцѣ спустившись,
 Играетъ листочками
 Осины трепещущей.

Прославимъ создателя
 Могущаго, древняго,
 Зевеса, пославшаго
 Намъ радость-фантазію!
 Въ сей жизни, гдѣ радости
 Прямья—лучъ молніи,
 Онъ далъ намъ въ ней счастье,
 Всегда неизмѣнное,
 Супругу веселую,
 Красой вѣчно-юную,
 И съ нею насъ цѣлю
 Сопрягъ нераздѣльною.
 „Да будешь, сказалъ онъ ей,
 И въ счастья, и въ горести,
 Имъ вѣрная спутница,
 Утѣха, прибѣжище!“

Другія творенія,
 Съ очами незрячими,
 Въ слѣпыхъ наслажденіяхъ,
 Съ печалами смутными,
 Гнетомыя бременемъ
 Нужды непреклонныя,
 Начавшись, кончаются
 Въ кругу ограниченномъ
 Чертой настоящаго,
 Минутною жизнію;
 Но мы, отличенные
 Зевесовой благостью!..
 Онъ далъ намъ сопутницу,
 Игривую, нѣжную,
 Летунью, искусницу
 На милые вымыслы,
 Причудницу рѣзвую,
 Любимую дочь свою
 Богиню-фантазію!
 Ласкайте прелестную;
 Кажите вниманіе
 Ко всѣмъ ея прихотямъ,
 Невиннымъ, младенческимъ!
 Пускай почитается
 Надъ нами владычицей
 И дома хозяйкою;
 Чтобъ вотчиму старому,
 Брюзгливцу суровому,
 Разсудку, не вздумалось
 Ее переучивать,
 Пугать укоризнами
 И мучить уроками;
 Я знаю сестру ея
 Степенную, тихую...
 Мой другъ утѣшительный,
 Тогда лишь простись со мной,
 Когда изъ очей моихъ

Лучъ жизни сокроется;
 Тогда лишь покинъ меня,
 Причина всѣхъ добрыхъ дѣлъ,
 Источникъ великаго,
 Намъ твердость и мужество
 И силу дающая,
 Надежда отрадная!

Пѣвецъ.

Въ тѣни деревь, надъ чистыми во-
 дами,
 Дерновыи холмъ вы видите ль,
 друзья?
 Чуть слышно тамъ плескаетъ въ
 брегъ струя,
 Чуть вѣтерокъ тамъ дышитъ межъ
 листьями,
 На вѣткахъ лира и вѣнецъ...
 Увы, друзья! сей холмъ—могила;
 Здѣсь прахъ пѣвца земля со-
 крыла.

Бѣдный пѣвецъ!

Онъ сердцемъ простъ, онъ нѣженъ
 былъ душою,
 Но въ мірѣ онъ минутный стран-
 никъ былъ:
 Едва расцвѣлъ—и жизнь ужъ раз-
 любилъ
 И ждалъ конца съ волненіемъ и
 тоскою;
 И рано встрѣтилъ онъ конецъ,
 Заснулъ желаннымъ сномъ мо-
 гилы...
 Твой вѣкъ былъ мигъ, но мигъ
 унылый!

Бѣдный пѣвецъ!

Онъ дружбу пѣлъ, давъ другу
 нѣжную руку,
 Но вѣрный другъ во цвѣтѣ лѣтъ
 угасъ;
 Онъ пѣлъ любовь, но былъ печал-
 ленъ гласъ;
 Увы! онъ зналъ любви одну лишь
 муку;
 Теперь всему, всему конецъ,
 Твоя душа покой вкусила,
 Ты спишь, тиха твоя могила...
 Бѣдный пѣвецъ!

Здѣсь у ручья, вечернею порою,
Прощальну пѣснь онъ заупевно
пѣлъ:
„О, красный міръ, гдѣ я вотще рас-
цвѣлъ,
Прости навѣкъ! съ обманутой ду-
шою
Я счастья ждалъ—мечтамъ ко-
нецъ,
Погибло все, умолкни, лира,
Скорѣй, скорѣй въ обитель
мира!

Бѣднѣй пѣвецъ!

„Что жизнь, когда въ ней нѣтъ
очарованья?
Блаженство знать, къ нему летѣть
душой,
Но пропасть зрѣть межъ нимъ и
межъ собой,
Желать всякъ часъ и трепетать
желанья...

О, пристань горестныхъ сердець,
Могила, вѣрнѣй путь къ покою,
Когда же будетъ взята тобою
Бѣднѣй пѣвецъ?“

И нѣтъ пѣвца!.. его не слышно
лиры...
Его слѣды исчезли въ сихъ мѣ-
стахъ,
И скорбно все въ долинѣ, на хол-
махъ,
И все молчить... лишь тихіе зе-
фиры,

Колемля вѣнущій вѣнецъ,
Порою вѣютъ надъ могилой,
И лира вторитъ имъ уныло:
„Бѣднѣй пѣвецъ!“

Теонъ и Эсхинъ.

Эсхинъ возвращался къ пенатамъ
своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея.
Онъ долго по свѣту за счастьемъ
бродилъ—
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгло.

И роскошь, и слава, и Вахъ, и
Эротъ—
Лишь сердце они изнурили;

Цвѣтъ жизни былъ сорванъ, увяла
душа,
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужъ взорамъ его тихоструйный
Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ откры-
вался...

Предъ нимъ оживились минувшіе
дни,
Давно улетѣвшая младость...

Все тѣ-жъ берега и поля, и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но гдѣ-жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ при домашнихъ пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пыш-
ныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.

Близъ мѣста, гдѣ въ море втекаетъ
Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ—
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило
небесъ,
И* тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ,
И мирты окрестны алѣли.

Изъ бѣлаго мрамора гробъ невеликъ,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ соплетались.

На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи
Теонъ,
Смотря на багряное море—
Вдругъ видитъ Эсхина—и вмигъ
узнаетъ
Сопутника юныя жизни.

„Да благостно взглянетъ храни-
тель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ
пенатамъ!“

Съ блистающимъ радостью взоромъ
Теонъ
Сказалъ, обнимая Эскина.

И взглядъ на него любопытный
вперилъ—
Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотреть
Эсхинъ—
Взоръ друга прискорбень, но
ясень.

— Когда я съ тобой разлучался,
Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни
явилъ:
Надежда—лукавый предатель.

Скажи, о Теонъ, твой задумчивый
взглядъ
Не ту же ль судьбу возвыщаетъ?
Ужель и тебя постигла печаль
При мирныхъ домашнихъ пена-
тахъ?—

Теонъ указалъ, въздыхая, на гробъ...
„Эсхинъ, вотъ безмолвный сви-
дѣтель,
Что боги для счастья послали намъ
жизнь—
Но съ нею печаль неразлучна.

„О, нѣтъ! не ропщу на Зевесовъ
законъ:
И жизнь, и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ
ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.

Что можетъ разрушить въ минуту
судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: лю-
бовь
И сладость возвышенныхъ мыс-
лей—

Вотъ счастье! о другъ мой, оно
не мечта.
Эсхинъ, я любилъ и былъ сча-
стливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ пред-
стала.

При блескѣ возвышенныхъ мыслей
я зрѣлъ
Яснѣ великость творенья;

Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по
землѣ
Къ прекрасной, возвышенной
цѣли.

Увы! я любилъ... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоємъ столь жи-
вое,
Навѣки-ль исчезло? И прежніе
дни
Вотще ли столь были предестны?

О, нѣтъ! никогда не погибнетъ
ихъ слѣдъ;
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же
любовь;
Надъ сердцемъ утрага без-
сильна.

И скорбь о погибшемъ не есть ли,
Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной
странѣ,
Погибшее намъ возвратится?

Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ,
мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ...
Ахъ! свѣтъ, гдѣ она предо мною
цвѣла—
Онъ тотъ же, все ею онъ по-
лонъ.

„По той же дорогѣ стремлюся
одинъ,
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился
вдвоємъ,—
Сихъ узъ не разрушить могила.

Сей мыслью высокой украшена
жизнь;
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано
благъ,
На полное славы творенье.

Спокойно смотрю я съ земли
рубежа
На сторону лучшя жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озарень,
Какъ небо—сіянемъ Авроры.

Съ сей сладкой надеждой я выше
 судьбы,
 И жизнь мнѣ земная священна;
 При мысли великой, что—я чело-
 вѣкъ,
 Всегда возвышаюсь душою.

А этотъ безмолвный, таинствен-
 ный гробъ...

О, другъ мой, онъ вѣрный свидѣ-
 тель,
 Что лучшее въ жизни еще впереди,
 Что вѣрно желанное будетъ.

Сей гробъ—затворенная къ счастью
 дверь;

Отворится... жду и надѣюсь.
 За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
 На мигъ мнѣ явившійся въ
 жизни.

О, другъ мой, искавъ измѣняю-
 щихъ благъ,

Искавъ наслаждений минутныхъ,
 Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
 Ты жизнь презирать научился.

Съ симъ гибельнымъ чувствомъ
 ужасенъ и свѣтъ;

Дай руку; близъ вѣрнаго друга
 Съ природой и жизнь опять при-
 мирись;

О, вѣрь мнѣ, прекрасна все-
 ленна.

Все небо намъ дало, мой другъ,
 съ бытіемъ:

Все въ жизни къ великому сред-
 ству;

И горестъ, и радость—все къ цѣли
 одной:

Хвала жизнедавцу-Зевесу!"

Пѣсня.

Минувшихъ дней очарованье,
 Зачѣмъ опять воскресло ты?
 Кто разбудилъ воспоминанье
 И замолчавшія мечты?
 Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалый;
 Душѣ блеснулъ знакомый взоръ;
 И зримо ей въ минуту стало
 Незримое съ давнишнихъ поръ.

О, милый гость, святое прежде,
 Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
 Могу-ль сказать: „живи“, надеждѣ?
 Скажу-ль тому, что было: „будь“?
 Могу-ль узрѣть во блескѣ новомъ
 Мечты увядшей красоту?
 Могу-ль опять одѣтъ покровомъ
 Знакомой жизни наготу?

Зачѣмъ душа въ тотъ край стре-
 мится,
 Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
 Пустынный край не населится,
 Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ;
 Тамъ есть одинъ жилище безглас-
 ный,
 Свидѣтель милой старины;
 Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни пре-
 красны
 Въ единый гробъ положены!

на кончину ея величества

Королевы Виртембергской.

Элегія.

Ты улетѣлъ, небесный посѣтитель;
 Ты погостилъ недолго на землѣ;
 Мечталось намъ, что здѣсь съ твоей
 обитель;
 Навѣкъ „своимъ“ тебя мы нарекли...
 Пришла судьба, свирѣпый истре-
 битель,
 И вдругъ слѣдовъ твоихъ уже не
 нашли:
 Прекрасное погубило въ пышномъ
 цвѣтѣ...
 Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ.

Губителемъ, неслышнымъ и нез-
 римымъ,
 На всѣхъ путяхъ бѣда насъ сто-
 рожить;
 Приюта нѣтъ главамъ, равно гро-
 зимымъ;
 Гдѣ не была,—тамъ будетъ и сразить!
 Вотще дерзать въ борьбѣ съ необ-
 ходимымъ:
 Житейскаго никто не побѣдитъ;
 Гнетомы всѣ единой грозной силой;
 Намъ всѣмъ сказать о здѣшнемъ
 счастье: „было!“

Но, въ свой чередъ, съ деревьевъ
обветшалыхъ
Осенній листь, отвянувши, падеть;
Слабая жизнь старикъ съ рамень
усталыхъ,
Ее, какъ долгъ, могилѣ отдаеть:
Къ страдалцу смерть на прахъ надеждъ
увялыхъ,
Какъ званый другъ, желанная идетъ..
Природа здѣсь вѣрна стезѣ привыч-
ной:
Безъ ужаса беремъ удѣлъ обычной.

Но если вдругъ, неожиданая, вбѣ-
гаеть
Бѣда въ семью играющихъ надеждъ;
Но если жизнь измѣною слетаетъ
Съ веселыхъ, ей лишь мигъ знако-
мыхъ вѣждъ,
И счастье младое умираеть,
Еще не снявъ и праздничныхъ
одеждъ...
Тогда нашъ духъ объемлетъ трепе-
танье,
И силой въ грудь врывается ро-
панье!

О, наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь
утраты, дано,
Гдѣ милому мгновенье лишъ!
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости
крылаты,
И гдѣ навѣкъ минувшее одно...
Почто-жъ мы здѣсь мечтаи такъ
богаты,
Когда мечтамъ не сбыться суждено?
Внимая гласъ надежды, намъ
поющей,
Не слышимъ мы шаговъ бѣды гря-
дущей!

Кого спѣшишь ты, прелесть мо-
лодая,
Въ твоихъ дверяхъ такъ радостно
встрѣчатъ?
Куда бѣжишь, ужаснаго не чая,
Привышая сей жизнью лишь играть?
Не радость—вѣсть стучится гро-
бовая...
О, подожди сей прагъ пересту-
пать!
Пока ты здѣсь — ничто не уми-
рало;
Переступи—и милое пропало.

Ты, знавшая житейское страданье,
Постигшая всѣ таинства утратъ,
И ты спѣшишь съ надеждой на сви-
данье...
Ахъ, удались отъ входа сихъ палатъ;
Отложено навѣкъ торжествованье!
Счастливицы тамъ тебя не угостятъ;
Ты посѣтишь обитель, ужъ пустыю...
Смерть унесла хозяйку молодую!

Изъ дома въ домъ по улицамъ
столицы
Страшилищемъ скитается молва;
Ужъ прорвалась къ убѣжищу ца-
рицы;
Ужъ шепчетъ тамъ ужасныя слова;
Трепещетъ все, печалью блѣдны
лицы...
Но мертвая для матери жива;
Въ ея душѣ спокойствіе незнанья;
Предъ ней мечта недавняго свиданья.

О, счастье, почто же на отлетѣ
Ты намъ въ лицо умильно такъ гля-
дишь?
Почто въ своемъ предательскомъ
привѣтѣ,
Спѣша отъ насъ: я „вѣчно!“ гово-
ришь;
И къ милому, ужъ бывшему на
свѣтѣ,
Насъ прелестью нѣжнѣйшею ма-
нишь?...
Увы, въ тотъ часъ, какъ мать ты
плѣняло,
Ты только дочь на жертву украшало.

И, насъ губя съ холодностью ужас-
ной,
Еще судьба смѣяться любить намъ;
Ея ужъ нѣтъ, сей жизни столь пре-
красной...
А мать, склоняся къ обманчивымъ
листамъ,
Въ нихъ видитъ дочь надеждою на-
прасной,
Даруетъ жизнь безжизненнымъ чер-
тамъ,
Въ нихъ голосу умолкшему внимаетъ,
Въ нихъ воскресить умершую меч-
таеть.

Скажи, скажи, супругъ осиротѣ-
лый,

Чего надъ ней ты такъ упорно
ждешь?
Съ ея лица привѣтное слѣбло;
Въ ея глазахъ узнанья не найдешь!
И въ руку ей рукой оцѣпенѣлой
Отвѣтнаго движенья не возмешь.
Наголосъ чадъ зовущихъ недвижима..
О! вѣрь, отецъ, она невозвратима.

Запри навѣкъ ту мирную обитель,
Гдѣ спутникъ твой тебѣ минутою
жилъ;
Твоей души свидѣтель и хранитель,
Съ кѣмъ жизни долгъ не столько
бременилъ;
Совѣтникъ думъ, прекраснаго дѣлитель,
Слабѣющихъ очарователь силъ—
Съ полупути ушелъ онъ отъ земного,
Отъ бытія прелестно-молодого!

И вотъ сія минутная царица,
Какою смерть ее намъ отдала:
Отторгнута отъ скипетра десница;
Развѣнчано величіе чела;
На страшный гробъ упала багряница,
И жадная судьбина пожрала
Въ минутою все, что было такъ прекрасно,
Что всѣхъ влекло и такъ влекло
напрасно!

Супругъ, зовутъ иди на разставанье!
Сорвавъ съ чела супружескій вѣнецъ,
Въ послѣднее земное провожанье
Веди сиротъ за матерью, вдовецъ!
Послѣднее отдайте ей лобзанье;
И тамъ, гдѣ всѣмъ свиданіямъ ко-
нецъ
Невнемлющей „прости“ свое ска-
жите,
И въ землю съ ней всѣ блага по-
ложите.

Прости-жь, нашъ цвѣтъ, столь
пышно восходившій—
Едва зарю успѣлъ ты перецвѣсть.
Ты, жизнь, прости, красавецъ не-
дожившій;
Какъ радости обманчивая вѣсть,
Пропала ты, лишь сердце прима-
нивши,

Не давь и дня надеждѣ перечесть.
Простите вы, благія начинанья,
Вы, славныхъ дѣлъ напрасны упо-
ванья...

Но мы... смотря, какъ наше счастье
тлѣнно,
Мы жизнь свою дерзнемъ ли прези-
рать?
О, нѣтъ, главу подставивши сми-
ренно,
Чтобъ пошу бѣдъ отъ Промысла
принять,
Себя отдавъ рукѣ неоткровенной,
Не мни Творца, страдалецъ, вопро-
шать;
Слѣпцомъ иди къ концу стези ужас-
ной..
Въ послѣдній часъ слѣпцу все бу-
детъ ясно!

Земная жизнь небеснаго наслѣд-
никъ;
Несчастье—намъ учитель, а неврагъ!
Спасительно-суровый собесѣдникъ,
Безжалостный разитель бранныхъ
благъ,
Великаго понятный проповѣдникъ,
Намъ объ-руку на тайный жизни
прагъ
Оно идетъ, все руша передъ нами,
И скорбію дружа насъ съ небе-
сами.

Здѣсь радости—не нашеобладанье;
Пролетные плѣнители земли,
Лишь по пути запосять къ намъ
преданье
О благахъ, намъ обѣщанныхъ вдали;
Земли жилецъ безвыходный—стра-
данье;
Ему на часть судьбы насъ обрекли;
Блаженство намъ по слуху лишь
знакомецъ;
Земная жизнь—страданія потомецъ!

И сколь душа велика симъ стра-
даньемъ!
Сколь радости при немъ помрачены!
Когда, простясь свободно съ упо-
ваньемъ,
Въ величии покорной тишины,
Она молчитъ предъ грознымъ испы-
таньемъ,

Тогда... тогда съ сей свѣтлой вы-
 шины
 Вся Промысла ей видима дорога;
 Она полна понятнаго ей Бога.

О, матери печаль непостижима,
 Смиряются всѣ мысли предъ тобой!
 Какъ милое сокровище таима,
 Какъ бытіе, сліянная съ душой,
 Она съ однимъ лишь небомъ раз-
 дѣлима...

Что ей сказать дерзнетъ языкъ
 земной?

Что міръ съ своимъ презрѣннымъ
 утѣшенемъ

Передъ ея великимъ вдохновенемъ?

Когда грустишь, о мать, оди-
 нока,

Скажи, тебѣ не слышится ли гласъ,
 Призывное несущій издалека,
 Изъ той страны, куда все манитъ
 насъ,

Гдѣ милое скрывается до срока,
 Гдѣ возвратимъ отнятое на часть?

Не сходить ли къ душѣ благовѣ-
 ститель,

Земныхъ утратъ и неба изъясни-
 тель?

И въ горнее уныніемъ влекома,
 Не вѣроу-ль душа твоя полна?

Не мнится-ль ей, что отческаго дома
 Лишь только входъ—земная сторона?

Что милая небесная знакома,
 И ждущею семьей населена?

Все тайное не зрится-ль откровен-
 нымъ,

А бытіе великимъ и священнымъ?

Внемли-жь: когда молчитъ во
 храмѣ пѣнье,

И вышнихъ силъ мы чувствуемъ
 нисходъ;

Когда въ алтарь, на жертвосовер-
 шенье

Сосудъ любви сіяющій грядетъ;
 И на тебя съ дѣтми благословенье

Торжественно мольба съ небесъ зо-
 веть;

Въ часъ таинства, когда союзомъ
 тѣснымъ

Соединенъ житейскій міръ съ небес-
 нымъ—

Уже въ сей часъ не будетъ, какъ
 бывало,

Отшедшая твоя наречена;
 Объ ней навѣкъ земное замолчало;
 Небесному она передана;
 Задернулось за нею покрывало...

Въ божественномъ святилищѣ она,
 Незрима намъ, но, видя насъ от-
 толъ,

Безмолвствуетъ при жертвенномъ
 престолѣ.

Святой символъ надеждъ и утѣ-
 шенья!

Мы всѣ стоимъ у таинственныхъ
 вратъ;

Опущена завѣса Провидѣнья;
 Но проникать ее дерзаетъ взглядъ;

За нею скрытъ предѣлъ соединенья;
 Изъ-за нея, мы слышимъ, говорятъ:

„Мужайтесь; душою не скорбите;
 Съ надеждою и съ вѣрой присту-
 пите!“

М о р е.

Элегія.

Безмолвное море, лазурное море!
 Стою очарованъ надъ бездной тво-
 ей.

Ты живо; ты дышишь; смятенной
 любовью,

Тревожною думой наполнено ты.
 Безмолвное море, лазурное море,

Открой мнѣ глубокую тайну твою!
 Что движетъ твое необъятное лоно?

Чѣмъ дышетъ твоя напряженная
 грудь?

Иль тянетъ тебя изъ земныхъ неволи
 Далекое свѣтлое небо къ себѣ?..

Таинственной, сладостной полное
 жизни,

Ты чисто въ присутствіи чистомъ
 его;

Ты льешься его свѣтозарной ла-
 зурью,

Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ
 горишь,

Ласкаешь его облака золотыя
 И радостно блещешь звѣздами его.

Когда же собираются темныя тучи,
 Чтобъ ясное небо огнять у тебя—

Ты бьешься, ты воешь, ты волны
 подъемлешь,
 Ты рвешь и терзаешь враждебную
 мглу...
 И мгла исчезаетъ, и тучи уходятъ;
 Но, полное прошлой тревогой своей,
 Ты долго вздымаешь испуганны
 волны,
 И сладостный блескъ возвращен-
 ныхъ небесъ
 Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ!
 Обманчивъ твоей неподвижности
 видъ:
 Ты въ безднѣ покойной скрываешь
 смятенъе,
 Ты, небомъ любясь, дрожишь за
 него.

19-го марта 1823.

Ты предо мною
 Стояла тихо,
 Твой взоръ унылый
 Былъ полонъ чувствъ.
 Онъ мнѣ напомнилъ
 О миломъ прошломъ;
 Онъ былъ послѣдній
 На здѣшнемъ свѣтѣ.
 Ты удалилась,
 Какъ тихій ангель;
 Твоя могила,
 Какъ рай, спокойна.
 Тамъ всѣ земныя
 Воспоминая,
 Тамъ всѣ свята!
 О небѣ мысли.

Звѣзды небесъ!
 Тихая ночь!

* *

Я музу юную, бывало,
 Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
 И вдохновеніе летало
 Съ небесъ, незваное, ко мнѣ;
 На все земное наводило
 Животворящій лучъ оно —
 И для меня въ то время было:
 Жизнь и поэзія одно.

Но дарователь пѣснопѣній
 Меня давно не посѣщалъ;
 Бывалыхъ пѣтъ въ душѣ видѣ-
 ній,
 И голось арфы замолчалъ.
 Его желаннаго возврата
 Дождаться-ль мнѣ когда опять?
 Или навѣкъ моя утрата?
 И вѣчно арфѣ не звучать?

Но все, что отъ времени пре-
 красныхъ,
 Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
 Все, что отъ милыхъ темныхъ, яс-
 ныхъ,
 Минувшихъ дней я сохранилъ —
 Цвѣты мечты уединенной
 И жизни лучшіе цвѣты —
 Кладу на твой алтарь священный,
 О, геній чистой красоты!

Не знаю свѣтлыхъ вдохновеній,
 Когда воротится чреда —
 Но ты знакомъ мнѣ, чистый геній,
 И свѣтитъ мнѣ твоя звѣзда.
 Пока еще ея сіянье
 Душа умѣетъ различать,
 Не умерло очарованье,
 Былое сбудется опять.

Невыразимое.

[Отрывокъ].

Что нашъ языкъ земной предъ див-
 ною природой?
 Съ какой небрежною и легкою сво-
 бодой
 Она разсыпала повсюду красоту
 И разнообразное съ единствомъ со-
 гласила;
 Но гдѣ, какою кистью ее изобразила?
 Едва, едва одну ея черту
 Съ усиліемъ поймать удастся вдох-
 новенью...
 Но лъзя ли въ мертвое живое пере-
 дать?
 Кто могъ созданіе въ словахъ пе-
 ресоздать?
 Невыразимое подвластно-ль выра-
 женью?..
 Святыя таинства, лишь сердце
 знаетъ васъ.

Не часто ли въ величественный
часть
Вечерняго земли преображенья—
Когда душа смятенная полна
Пророчествомъ великаго видѣнья
И въ безпредѣльное унесена—
Спирается въ груди болѣзненное
чувство?
Хотимъ прекрасное въ полетѣхъ удерживать,
Ненареченному хотимъ названье
дать,
И обезсиленно безмолвствуетъ искусство?
Что видимо очамъ — сей пламень
облаковъ,
По небу тихому летящихъ,
Сіе дрожанье водъ блестящихъ,
Сіи картины береговъ
Въ пожарѣ пышнаго заката —
Сіи столь яркія черты,
Легко ихъ ловить мысль крылата,
И есть слова для ихъ блестящей
красоты;
Но то, что слито съ сей блестящей
красотою—
Сіе столь смутное, волнующее насъ,
Сей немлемый одной душою
Обворожающаго гласъ,
Сіе къ далекому стремленье,
Сей миновавшаго привѣтъ
(Какъ прилетѣвшее внезапно дуновенье
Отъ луга родины, гдѣ былъ когда-то
цвѣтъ,
Святая молодость, гдѣ жило
упованье),
Сіе минувшее души воспоминанье
О миломъ радостномъ и скорбномъ
старини,
Сія сходящая святыня съ вышины,
Сіе присутствіе Создателя въ созданьѣ —
Какой для нихъ языкъ?.. Горѣ душа
летитъ,
Все необъятное въ единый вздохъ
тѣснится
И лишь молчаніе понятно говорить.

Умиращій лебедь.

День ужъ къ вечеру склонялся,
Дряхлый лебедь умиралъ.

Онъ въ тѣни деревъ лежалъ,
Тихо съ жизнію прощался
И при смерти сладко пѣлъ.
И надъ нимъ сидѣлъ уныло
Голубочекъ сизокрылый,
Слушалъ пѣніе, смотрѣлъ,
Какъ покойно онъ кончался,
И грустилъ и восхищался.
„Что глядишь на старика?“
Такъ спросила голубка
Легкомысленная утка.
„Ахъ! для сердца и разсудка
Смерть его святой урокъ.“
Отвѣчала ей голубокъ.
„Слышишь, какъ онъ сладкогласно
При концѣ своемъ поетъ!
Кто на свѣтѣ жилъ прекрасно,
Тотъ прекрасно и умретъ!“

Могила.

Въ лонѣ твоемъ глубокомъ и темномъ
покоится тайно
Весь человѣческій жребій. Скорби,
рыданье, сомнѣнье,
Страсти навѣки въ твой засыпаютъ
цѣлебный пріютъ.
Мука любви и блаженство любви не
тревожатъ тамъ болѣ
Груди спокойной. О жизнь, ты
трепета полная буря!
Только въ безмолвно-хранительномъ
мракѣ могилы безвластенъ
Рокъ... Мы тамъ забываемся сномъ
безпробуднымъ, быть можетъ,
Сны прекрасные видя. О! тамъ не
кипитъ, не пылаетъ
Кровь, и терзація жизни не рвутъ
охлаждѣвшаго сердца.

Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ ¹⁾.

ПѢВЕЦЪ.

На полѣ бранномъ тишина,
Огни между шатрами;

¹⁾ Авторъ писалъ эти стихи послѣ отдачи Москвы, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, находясь въ московскомъ ополченіи.—В. Ж.

Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна.
Здѣсь кровь небесъ надъ нами!
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе, руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любить видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

воины.

Кто любить видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

пѣвецъ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могучихъ нѣтъ;
Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ дома вихорь разметалъ,
Ихъ гробы срили плуги,
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги;
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ,
Ихъ поприще предъ нами...
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами.

Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полгами,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами...
О, Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,

Се твой полетъ орлиной.
„Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!“
Гремитъ передъ дружиной.
И ты, невѣрныхъ страхъ, Донской,
Съ четою двухъ соименныхъ,
Летилъ погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.

И ты, нашъ Петръ, въ толпѣ вож-
дей!
Внимайте кличъ: „Полтава!“
Орды пришельца—снѣдь мечей,
И мѣръ взываетъ: „слава!“

Давно-ль, о хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады!
Бѣги! твой конь и всадникъ палъ,
Твой слѣдъ—костей громады!
Бѣги! и стыдъ, и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ сарматомъ,
Отчизны врагъ сопутникъ твой,
Злодѣй владыкъ братомъ.

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязъ полуночи?
Друзья, на спящій вражій станъ
Верилъ онъ страшны очи;
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роємъ,
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Взлетѣли тѣни съ воємъ;
Блѣднѣетъ галль, дрожитъ сар-
матъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взо-
ровъ...

О, горе, горе, супостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ!

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ,
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый;
Да мчитъ нашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами;
Да съетъ намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами.
Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный мсти-
тель!
За гибель — гибель, брань — за
брань,
И казнь тебѣ, губитель!

воины.

Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный мсти-
тель!
За гибель — гибель, боань — за
брань,
И казнь тебѣ, губитель!

пѣвецъ.

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,

Родного неба милый свѣтъ,
 Знакомые потоки,
 Златыя игры первыхъ лѣтъ
 И первыхъ лѣтъ уроки,
 Чтò вашу прелесть замѣнить?
 О, родина святая,
 Какое сердце не дрожить,
 Тебя благословляя?
 Тамъ все — тамъ родныхъ милый
 домъ,
 Тамъ—наши жены, чада;
 О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ,
 Мы жизни ихъ ограда;
 Тамъ дѣвы—прелесть нашихъ дней,
 И сонмъ друзей безцѣнный,
 И царскій тронъ, и прахъ царей,
 И предковъ прахъ священный.
 За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
 На вражьи грянемъ силы;
 Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
 Зажгутъ отцовъ могилы!

воины.

За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
 На вражьи грянемъ силы;
 Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
 Зажгутъ отцовъ могилы!

пѣвецъ.

Тебѣ сей кубокъ, русскій царь!
 Цвѣти твоя держава;
 Священный тронъ твой — намъ
 алтарь;
 Предъ нимъ обѣтъ нашъ —
 слава,
 Не измѣнимъ!—мы отъ отцовъ
 Пріяли вѣрность съ кровью;
 О, царь, здѣсь сонмъ твоихъ сы-
 новъ,
 Къ тебѣ горимъ любовью;
 Нашъ каждый ратникъ—славянинъ;
 Всѣ долгу здѣсь послушны;
 Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ
 И чуждъ имъ малодушный.

воины.

Не измѣнимъ!—мы отъ отцовъ
 Пріяли вѣрность съ кровью;
 О, царь, здѣсь сонмъ твоихъ сы-
 новъ,
 Къ тебѣ горимъ любовью.

пѣвецъ.

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
 Въ шатрахъ, на полѣ чести,
 И жизнь, и смерть, все пополамъ;
 Тамъ дружество безъ лести,
 Рѣшимость, правда, простота,
 И правовъ непритворство,
 И смѣлость—бранныхъ красота,
 И твердость, и покорство.
 Друзья, мы чужды низкихъ узъ;
 Къ вѣнцамъ стезею правой!
 Опасность—твердый нашъ союзъ;
 Одной пылаемъ славой.

Тотъ нашъ, кто первый въ бой ле-
 тить,

На гибель супостата,
 Кто слабость падшаго щадить,
 И грозно мститъ за брата;
 Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
 Онъ махомъ мощной длани
 Ихъ мчитъ во срѣтеніе врагамъ,
 Въ средину шумной брани;
 Ему веселье битвы гласъ,
 Спокоенъ подъ громами;
 Онъ свой послѣдній видитъ часъ
 Безстрашными очами.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь ¹⁾,
 Герой подъ сѣдинами!
 Какъ юный ратникъ, вихрь и
 дождь,
 И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
 О сколь съ израненнымъ челомъ
 Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
 И сколь онъ хладенъ предъ вра-
 гомъ,
 И сколь врагу ужасенъ!
 О, диво! се орелъ пронзиль
 Надъ нимъ небесъ равнины...²⁾
 Могучій вождь главу склонилъ;
 „Ура!“ кричатъ дружины.

Лети ко пращѣдамъ, орелъ,
 Пророкомъ славной мести!

¹⁾ Кутузовъ.

²⁾ У древнихъ парящій орелъ почитаемъ былъ предвѣстникомъ побѣды; знаменіе сіе не обмануло и насъ на достопамят- номъ Бородинскомъ полѣ. Когда російскій вождь устраивалъ полки свои, орелъ пролетѣлъ надъ нимъ при радостныхъ кликахъ воиновъ и былъ вѣрнымъ пред- текою гибели враговъ нашихъ.

[Примѣч. Дашкова].

Мы тверды: вождь наш перешелъ
 Путь гибели и чести;
 Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
 Онъ бодръ и съ сѣдиною;
 Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
 Довѣренность къ герою!
 Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
 Москва на расхищеніе;
 Тамъ стѣны... въ россахъ вся она:
 Мы здѣсь—и Богъ нашъ мщенье!

Хвала сподвижникамъ-вождямъ!
 Ермоловъ, витязь юный,
 Ты—ратнымъ братъ, ты—жизнь пол-
 камъ,

И страхъ—твой перуны.
 Раевскій, слава нашихъ дней,
 Хвала! передъ рядами
 Онъ первый грудь противъ мечей
 Съ отважными сынами.
 Нашъ Милорадовичъ, хвала!
 Гдѣ онъ промчался съ бранью,
 Тамъ, мнится, смерть сама прошла
 Съ губительною дланью!

Нашъ Витгенштейнъ, вождь-герой,
 Петрополя спаситель,
 Хвала!... Онъ—щитъ странъ родной,
 Онъ хищныхъ истребитель.
 О, сколь величественный видъ,
 Когда передъ рядами,
 Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
 Онъ грозными очами
 Блудетъ противниковъ полки,
 Имъ гибель устрояетъ,
 И вдругъ... движеніемъ руки
 Ихъ сонмы рассыпаетъ.

Хвала тебѣ, славянъ любовь,
 Нашъ Коновницынъ смѣлый!..
 Ничто ему толпы враговъ,
 Ничто мечи и стрѣлы;
 Предъ нимъ, за нимъ перунъ гре-
 мить,
 И пышетъ пламень боя...
 Онъ весель, онъ на гибель зреть
 Съ спокойствіемъ героя;
 Себя забывая... однимъ врагамъ
 Готовитъ истребленіе;
 Примѣръ и ратнымъ, и вождямъ,
 И смѣлымъ удивленіе.

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
 Вождь невредимыхъ, Платовъ!

Твой очарованный арканъ—
 Гроза для супостатовъ,
 Орломъ шумишь по облакамъ,
 По полю волкомъ рыщешь,
 Летаешь страхомъ въ тылъ вра-
 гамъ,
 Бѣдой имъ въ уши свищешь;
 Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
 Деревья сыплютъ стрѣлы;
 Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
 Лишь къ селамъ—пышутъ селы!

Хвала, нашъ Несторъ-Бенингсонъ,
 И вождь, и мужъ совѣта,
 Блудетъ враговъ, не дремля онъ,
 Какъ змѣй орелъ съ полета.
 Хвала, нашъ Остерманъ-герой,
 Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
 И Тормасовъ, летящій въ бой,
 Какъ юноша веселый!
 И Багговуть среди громовъ,
 Средь копей безмятежный! ¹⁾
 И Дохтуровъ, гроза враговъ,
 Къ побѣдѣ вождь надежный!

Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!
 О, други, сколь смутилась
 Вся рать славянъ, когда стрѣла
 Въ безстрашнаго вонзалась;
 Когда полмертвъ, окровавленъ,
 Съ потухшими очами,
 Онъ на щитъ былъ изнесенъ
 За ратный строй друзьями.
 Смотрите... язвой роковой
 Къ постелѣ пригвожденный,
 Онъ страждетъ, братскою толпой
 Увѣчныхъ окруженный.

Ему возглавіе бранный щитъ;
 Незыблемый въ мученьѣ,
 Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
 „Друзья, бѣдамъ презрѣнне!“
 И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
 Веселье пробуждаетъ,
 И, оживясь, до-полы мечъ
 Рука ихъ обнажаетъ.
 Спѣши-жь, о, витязь нашъ, вос-
 прынь!
 Ужь ангель истребленія
 Горѣ подъялъ ужасну длань,
 И близокъ часъ отмщенья!

¹⁾ Стихи сіи сочинены прежде тару-
 тинскаго сраженія. Багговуть былъ пер-
 вою его жертвою [6 октября 1812]. Д.

Хвала, Щербатовъ, вождь молодой!
 Среди грозы военной,
 Друзья, онъ сѣтуетъ душой
 О тратѣ незабвенной.
 О, витязь, ободришь... она
 Твой спутникъ невидимый,
 И ею свыше знамена
 Дружинъ твоихъ хранимы.
 Любви и скорби—оживить
 Твои для мщенья силы:
 Рази дерзнувшихъ возмутить
 Покой ея могили.

Хвала, нашъ Палень, чести сынъ!
 Какъ бурею носимый,
 Вездѣ впереди своихъ дружинъ
 Разить, неотразимый.
 Нашъ смѣлый Строгоновъ, хвала!
 Онъ жаждетъ чистой славы;
 Она изъ мира увлекла
 Его на путь кровавый...
 О храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!
 Свершайте истребленье,
 Отчизна къ вамъ вызываетъ: „месть!“
 Вселенная: „спасенье!“

Хвала безтрепетныхъ вождямъ! ¹⁾
 На коняхъ окрыленныхъ
 По долямъ скачутъ, по горамъ,
 Во слѣдъ враговъ смятенныхъ;
 Днемъ мчатся строй на строй, въ
 ночи
 Страшать, какъ привидѣнья,
 Блещутъ смертью ихъ мечи,
 Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
 По вѣзмъ разсыпаны путямъ;
 Невидимы и зрими;
 Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
 И всюду невредимы.

Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ
 враговъ
 Идетъ во мракъ ночи;
 Какъ тѣнь, прокрался вкругъ ша-
 тровъ,
 Все зрѣли быстры очи...
 И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
 День свѣтлый не проглянулъ—
 А онъ ужъ, витязь, на конѣ,
 Уже съ дружиной гранулъ!
 Сеславинъ—гдѣ ни пролетитъ
 Съ крылатыми полками,

Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и
 щить,
 И устланъ путь врагами.

Давыдовъ, пламенный боець,
 Онъ вихремъ въ бой кровавый;
 Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
 Вина, любви и славы.
 Кудашевъ скокомъ черезъ ровъ
 И лѣтомъ на стремнину;
 Бросаетъ взглядомъ Чернышевъ
 На мечъ и громъ дружину;
 Орловъ—отважностью орель;
 И мчитъ грозу ударовъ,
 Сквозь дымъ и огонь, по грудамъ
 тѣль,
 Въ среду враговъ Кайсаровъ.

воины.

Вожди славянъ, хвала и честь!
 Свершайте истребленье,
 Отчизна къ вамъ вызываетъ: „месть!“
 Вселенная: спасенье!

пѣвецъ.

Друзья, кипящій кубокъ сей
 Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ!
 Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
 Не станутъ въ ратномъ строѣ,
 Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
 Не будетъ вѣстникъ мщенья,
 И не помчитъ ихъ мощный кликъ
 Дружину въ пыль сраженья;
 Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ
 щить,
 Ихъ ратники унылы;
 И сирь могучихъ конь стоитъ
 Близъ тихой ихъ могили.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
 Свирѣпый пламень брани?
 Онъ палъ—главу на щитъ склонилъ
 И стиснулъ мечъ во длани;
 Гдѣ жизнь судьба ему дала,—
 Тамъ брань его сразила;
 Гдѣ колыбель его была,—
 Тамъ днесъ его могила. ¹⁾
 И тихъ его послѣдній часъ:
 Съ молитвою священной

¹⁾ Кульневъ убитъ въ 30 верст. отъ мѣстечка Люцина, гдѣ жила его мать и гдѣ онъ провелъ свое младенчество.—Д.

¹⁾ т.-е. вождямъ партизановъ.

О милой матери угасъ
Герой нашъ незабвенный.

А ты, Кутайсовъ, вождь молодой...¹⁾
Гдѣ прелести? Гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ, какъ радость;
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ,—
Бросали смерть перуны;
Во струны-ль арфы ударялъ,—
Одушевлялись струны...
О, горе! вѣрный конь бѣжить
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
И нѣтъ на немъ героя.

И гдѣ же твой, о витязь, прахъ?
Какою взять могилой...
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милой...
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день прятнѣй!
И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни,
И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружной тѣни.

И ты... и ты, Багратіонъ? ²⁾
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мнить: съ одра возстанетъ;
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
„Увы, намъ! скоро грянетъ“.
А онъ навѣки взоръ смежилъ,
Рѣшителъ бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ-Суворовъ! ³⁾

И честь вамъ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни;
Тамъ ваша вѣрная семья—
Вождей минувшихъ тѣни.

Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды.
„Отъ нихъ учитесь умирать!“—
Такъ скажутъ внукамъ дѣды;
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.

воины.

При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.

пѣвецъ.

Сей кубокъ мщенью! други, въ строй!
И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть!—нашъ роковой
Обѣтъ предъ богомъ брани.
Вотще, о, врагъ, изъ тьмы племенъ
Ты зришь ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ,
И жаждутъ низложенья.
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ до-
макъ,—
Тамъ стрѣлы и кольчуги;
Мы села въ пепелъ, грады въ прахъ,
Въ мечи—серпы и плуги.

Злодѣй! онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины,
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
Съ кремлевскія вершины.
„Пойду по стогамъ съ торжествомъ!
Пойду... и все восплещеть!
И въ прахъ падутъ съ своимъ па-
ремъ!..“
Пришелъ... и самъ трепещеть;
Подвигло мщеніе Москву:
Вспылала предъ врагами,
И грянулася на ихъ главу
Губящими стѣнами.

воровымъ, наставникомъ покойнаго князя Багратіона въ воинскомъ искусствѣ. Герой Италійскій, съ отеческою нѣжностью, приѣмлетъ въ жилища небесныя вождей, запечатлѣвшихъ кровью своею одержанныя побѣды: Кудневъ, Кутайсовъ, Багратіонъ возносятся къ нему со славою и радостно взираютъ на храбрыхъ своихъ сподвижниковъ, карающихъ дерзновенныхъ галловъ.—Д.

¹⁾ Кутайсовъ убитъ подъ Бородинымъ.

²⁾ Багратіонъ умеръ отъ раны, полученной въ сраженіи подъ Бородинымъ. Армія нѣсколько надѣялась на его выздоровленіе, но судьба рѣшила иначе.—Д.

³⁾ По мнѣологій сѣверныхъ народовъ, витязи, сраженные во браняхъ, переселялись къ Валгаллу, къ отцу своему Одину. Стихотворецъ замѣнилъ здѣсь баснословнаго Одну безсмертнымъ Су-

Веди-жь своихъ царей-рабовъ
 Съ ихъ стаей въ область хлада!
 Пробей тропу среди снѣговъ
 Во срѣтеніе глада...
 Зима, союзникъ нашъ, гряди!
 Имъ запертъ путь возвратный;
 Пустыни въ пеплѣ позади:
 Предъ ними сонмы ратни.
 Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
 Духъ алчности, иль мщенье?
 Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
 За правыхъ Провидѣнье!

воины.

Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
 Духъ алчности, иль мщенье?
 Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
 За правыхъ Провидѣнье!

пѣвецъ.

Святому братству сей фіаль
 Отъ вѣрныхъ братій круга!
 Блаженъ, кому Создатель далъ
 Усладу жизни, друга;
 Съ нимъ счастье вдвое, въ скорб-
 ный часъ
 Онъ—сердцу утѣшенье,
 Онъ—наша совѣсть, онъ для насъ
 Второе Провидѣнье.
 О! будь же, други, святость узъ
 Законъ нашъ подъ шатрами;
 Написанъ кровью нашъ союзъ:
 И жить, и пасть друзьями!

воины.

О! будь же, други, святость узъ
 Законъ нашъ подъ шатрами;
 Написанъ кровью нашъ союзъ:
 И жить, и пасть друзьями!

пѣвецъ.

Любви сей полный кубокъ въ
 даръ!
 Среди борьбы кровавой,
 Друзья, святой питайте жаръ:
 Любовь одно со славой.
 Кому здѣсь жребій удѣленъ
 Знать тайну страсти милой,
 Кто сердцемъ сердцу обрученъ,
 Тотъ смѣло, съ бодрой силой

На все великое летить,
 Нѣтъ страха; нѣтъ преграды;
 Чего, чего не совершить
 Для сладостной награды?

Ахъ! мысль о той, кто все для
 насъ,
 Намъ спутникъ неизмѣнный;
 Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
 Зримъ образъ незабвенный;
 Она на бранныхъ знаменахъ,
 Она въ пылу сраженья,
 И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
 Веселыхъ сновидѣнья.
 Отвѣдай, врагъ, исторгнуть щить,
 Рукою данный милой;
 Святой обѣтъ на немъ горить:
 „Твоя и за могилой!“

О, сладость тайныя мечты!
 Тамъ, тамъ за синей далью
 Твой ангелъ, дѣва красоты,
 Одна съ своей печалью
 Груститъ, о другѣ слезы льетъ;
 Душа ея въ молитвѣ,
 Бойтся вѣсти, вѣсти ждетъ:
 „Увы! не палъ ли въ битвѣ!“
 И мыслить: „скоро ль, дружной
 гласъ,
 Твои мнѣ слышать звуки?
 Лети, лети свиданья часъ,
 Смѣнить тоску разлуки“.

Друзья! блаженнѣйшая часть:
 Любевныхъ быть спасеньемъ,
 Когда-жь предѣлъ нашъ въ битвѣ
 пасть—
 Погибнемъ съ наслажденьемъ!
 Святое имя призовемъ
 Въ минуту смертной муки;
 Кѣмъ мы дышали въ мірѣ семъ,
 Съ той нѣтъ и тамъ разлуки:
 Туда душа перенесетъ
 Любовь и образъ милой...
 О, други, смерть не все возъ-
 метъ,—
 Есть жизнь и за могилой!

воины.

Въ тотъ міръ душа перенесетъ
 Любовь и образъ милой...
 О, други, смерть не все возьметъ,—
 Есть жизнь и за могилой!

пѣвецъ.

Сей кубокъ чистымъ музамъ въ даръ!
 Друзья, онѣ въ героя
 Вливають бодрость, славы жаръ,
 И месть, и жажду боя.
 Гремятъ ихъ лиры—старь и младь
 Одѣлись въ бранны латы;
 Ничто имъ стрѣлъ свистащихъ
 градъ,
 Ничто—твердынь раскаты.
 Пѣвцы—сотрудники вождямъ;
 Ихъ пѣсни—жизнь побѣдамъ,
 И внуки, внемля ихъ струнамъ,
 Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

О, радость древнихъ лѣтъ, Баянъ!
 Ты, арфой ополченный,
 Леталь предъ строеми славянъ—
 И гимнъ гремѣль священный.
 Петру возникъ среди снѣговъ
 Пѣвецъ, податель славы;
 Честь Задунайскому—Петровъ;
 О, камскія дубравы,
 Гордитесь,—вашъ Державинъ сынъ;
 Готовъ свои перуны,
 Суворовъ, чудо-исполинь—
 Державинъ грянетъ въ струны!

О, старецъ! да услышимъ твой
 Днесъ голосъ лебединый;
 Не тщетной славы предъ тобой,
 Но мщенія дружины;
 Простерли не къ добычамъ длань,
 Вѣгутъ не за вѣнками—
 Ихъ подвигъ святъ: то правыхъ
 брань

Съ злодѣйскими ордами.
 Пришло разрушить ихъ мечамъ
 Племень порабощенье;
 Самимъ губителя рабамъ
 Побѣды ихъ—спасенье.

Такъ, братья, чадамъ Музъ хвала!..
 Но я—пѣвецъ вашъ юный...
 Увы! почто судьба дала
 Незвучныя мнѣ струны?
 Доселѣ тихимъ лишь полямъ
 Моя играла лира...
 Вдругъ жребій выпалъ: къ знаме-
 намъ!

Прости, и сладость мира,
 И отчій край, и кругъ друзей,
 И трудъ уединенный,

И все... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
 Гдѣ ужасы военны.

Но буду-ль ваши пѣть дѣла
 И хищныхъ истребленье?
 Быть можетъ, ждетъ меня стрѣла,
 И мнѣ удѣль—паденье.
 Но что-жь... на-вѣки-ль смертный

часть
 Мой слѣдъ изгладитъ въ мѣрѣ?
 Останется привычный гласъ
 Въ осиротѣвшей лирѣ.
 Пускай губителя во прахъ
 Низринетъ месть кровава—
 Родится жизнь въ ея струнахъ,
 И звучно грянутъ: „слава!“

воины.

Хвала возвышеннымъ пѣвцамъ!
 Ихъ пѣсни—жизнь побѣдамъ;
 И внуки, внемля ихъ струнамъ,
 Въ слезахъ дивятся дѣдамъ!

пѣвецъ.

Подыmemъ чашу!.. Богу силъ!
 О, братья, на колѣна!
 Онъ искони благословилъ
 Славянскія знамена.
 Безсильнымъ щить—его законъ,
 И гибнущимъ спаситель;
 Всегда союзникъ правыхъ Онъ
 И гордыхъ истребитель.
 О, братья, взоры къ небесамъ!
 Тамъ жизни сей награда!
 Оттолъ отецъ незримый намъ
 Гласить: „мужайтесь, чада!“

Безсмертье—тихий, свѣтлый брегъ;
 Нашъ путь—къ нему стремленье.
 Покойся, кто свой кончилъ бѣгъ!
 Вы, странники, терпѣнье!
 Блаженъ, кого постигнулъ бой!
 Пустъ долго, съ жизнью хилой,
 Старикъ трепещущей ногой
 Влечется надъ могилой;
 Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
 Съ могучихъ плечъ свергаетъ,
 И, бодръ, на молніиныхъ крылахъ
 Въ мѣрѣ лучшей улетаетъ.

А мы?.. Довѣренность къ Творцу!
 Что бъ ни было—незримый

Ведеть насъ къ лучшему концу
 Стезей непостижимой.
 Ему, друзья, отважно вслѣдъ!
 Прочь низкое, прочь злоба!
 Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ
 До самой двери гроба;
 Въ высокой долѣ простота;
 Не жадность въ наслажденьи;
 Въ союзѣ съ равнымъ правота;
 Въ могуществѣ смиренье.

Обѣтамъ вѣрность, чести честь,
 Покорность правой власти;
 Для дружбы все, что въ мірѣ
 есть;
 Любви—весь пламень страсти;
 Утѣха—скорби, просьбѣ—дань,
 Погибели—спасенье,
 Могущему пороку—брань,
 Безильному—презрѣнье;
 Неправдѣ—грозный правды гласъ,
 Заслугѣ—воздаянье,
 Спокойствіе—въ послѣдній часъ,
 При гробѣ—упованье.

О! будь же, русскій Богъ, намъ
 щить!
 Прострешь твою десницу—
 И мститель-громъ твой раздробить
 Коня и колесницу.
 Какъ воскъ передъ лицомъ огня,
 Растаетъ врагъ предъ нами...
 О, страхъ карающаго дня!
 Бродя окрестъ очами,
 Речеть пришлецъ: „враговъ я зрѣлъ,
 „И мнилъ—земли имъ мало;
 „И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
 „Протекъ—враговъ не стало!“

в о и н ы .

Речеть пришлецъ: „враговъ я зрѣлъ,
 „И мнилъ—земли имъ мало;
 „И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
 „Протекъ—враговъ не стало!“

п ѣ в е ц ь .

Но свѣтлыхъ облаковъ гряда
 Уже утро возвѣщаетъ;
 Уже восточная звѣзда
 Надъ холмами играетъ;
 Рѣдѣетъ сумракъ; сквозь туманъ
 Проглянули равнины,

И дальній лѣсъ, и тихій станъ,
 И спящія дружины.
 О, други, скоро!.. день грядетъ...
 Недвижны рати бурны...
 Но... рокъ ужъ жребіи беретъ
 Изъ таинственной урны.

О, новый день, когда твой свѣтъ
 Исчезнетъ за холмами,
 Сколь многихъ взоръ нашъ не най-
 детъ

Межъ нашими рядами!..
 И онъ блеснулъ!.. Чу!.. вѣстовой
 Перунъ по холмамъ грянулъ;
 Внимайте: въ полѣ шумъ глухой!
 Смотрите: станъ воспрянулъ!
 И кони ржутъ, грызя бразды,
 И строй сомкнулся съ строемъ,
 И вождь летитъ передъ рядами,
 И пышетъ ратникъ боемъ.

Друзья, прощанью кубокъ сей!
 И смѣло въ бой кровавой
 Подъ вихоръ стрѣлъ, на рядъ ме-
 чей,

За смертью, иль за славою!..
 О, вы, которыхъ и вдали
 Боготворимъ сердцами,
 Вамъ, вамъ все блага на земли!
 Щить Промысла надъ вами!..
 Всевышній царь, благослови!
 А вы, друзья, лобзанье
 Въ завѣтъ: здѣсь съ вѣрныя любви,
 Тамъ сладкаго свиданья!

в о и н ы .

Всевышній царь, благослови!
 А вы, друзья, лобзанье
 Въ завѣтъ: здѣсь съ вѣрныя любви,
 Тамъ сладкаго свиданья!

— — —

ГОСУДАРЫНѢ ВЕЛИКОЙ КНИГИНѢ
Александрѣ Феодоровнѣ,

НА РОЖДЕНІЕ

В. К. АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

ПОСЛАНИЕ.

...Гряди въ нашъ міръ, младенецъ,
 гость желанный!
 Тебя узрѣвъ, колѣнопреклоненъ,

Младой отецъ предъ матерью спасенной
 Въ жару любви рыдаетъ, словъ лишень;
 Предъ твоей невинностью смиренной
 Безмолвная праматерь слезы льетъ;
 Уже Москва своимъ тебя зоветъ...
 Но какъ понять, что въ часъ сей непонятный
 Сбылось съ твоей, младая мать, душой?
 О, для нея открылся мѣръ иной.
 Твое дитя, какъ вѣстникъ благодатный,
 О лучшемъ ей сказало бытіи;
 Чистѣйшія заглялись въ ней упованья;
 Не для тебя теперь твои желанья,
 Не о тебѣ днесъ радости твои;
 Младенчества обвитый пеленами,
 Еще безъ словъ, незрящими очами
 Въ твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ онъ;
 Какъ тишина, его прекрасенъ сонъ;
 И жизни вѣсть къ нему не достигала...
 Но ужъ судьба свой судъ объ немъ сказала;
 Уже въ ея святилищѣ стоитъ
 Ему испитъ назначенная чаша.
 Что скрыто въ ней, того надежда наша
 Во тьмѣ земной для насъ не разрѣшитъ...
 Но онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
 На высотѣ воскресшаго Кремля;
 Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоглавыи;
 Кругомъ его и небо, и земля,
 Питавшія Россію въ колыбели;
 Здѣсь жизнь отцовъ великая была;
 Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
 И здѣсь ихъ прахъ могила приняла—
 Обманетъ ли сіе знаменованье?..
 Прекрасное Россія упованье
 Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдастъ.
 Тебѣ его младенческія лѣта!
 Отъ ихъ пелень ко входу въ бури свѣта
 Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ

Съ душой, на все прекрасное готовой;
 Наставленный: достойнымъ счастья быть,
 Великое съ величіемъ сносить,
 Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
 И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой!
 Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
 Откинувши младенчества забавы,
 Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
 Да встрѣтитъ онъ обильный чествованьемъ!
 Да славнаго участникъ славный будетъ!
 Да на чредѣ высокой не забудеть
 Святѣйшаго изъ званій: челоуѣкъъ.
 Жить для вѣковъ въ величїи народномъ,
 Для блага всѣхъ — свое позабывать,
 Лишь въ голосѣ отчества свободномъ
 Съ смиреніемъ дѣла свои читать!—
 Вотъ правила царей великихъ внуку.
 Съ тобой ему начать сію науку.
 Теперь, едва проснувшійся душой,
 Предъ матерью, какъ будто предъ судьбой,
 Безпечно онъ играетъ въ колыбели,
 И радости младяя прилетѣли
 Ея покой прекрасный оживляетъ;
 Житейское отъ ней еще далеко...
 Храни ее, заботливая мать;
 Твоя любовь—всевидающее око;
 Въ твоей любви—святая благодать.

Сказка

О ЦАРЬ БЕРЕНДЕЙ, О СЫНЪ ЕГО ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ, О ХИТРОСТЯХЪ КОЩЕЯ БЕЗСМЕРТНАГО И О ПРЕМУДРОСТИ МАРЬИ ЦАРЕВНЫ, КОЩЕЕВОЙ ДОЧЕРИ.

Жилъ-былъ царь Берендей до колѣнъ борода. Ужъ три года былъ онъ женатъ и жилъ въ согласьи съ женою; но все имъ Богъ дѣтей не давалъ, и было царю то прискорбно.

Нужда случилась царю осмотрѣть
свое государство;
Онъ простился съ царицей, и восемь
мѣсяцевъ ровно
Пробылъ въ отлучкѣ. Девятый былъ
мѣсяць въ исходѣ, когда онъ,
Къ царской столицѣ своей подъѣз-
жая, на полѣ чистомъ
Въ знойный день отдохнуть рассу-
дилъ; разбили палатку;
Душно стало царю подъ палаткой,
и смерть захотѣлось
Выпить студеной воды. Но поле
было безводно...
Какъ быть, что дѣлать? А плохо
приходить; вотъ онъ рѣшился
Самъ объѣхать все поле: авось по-
падется на счастье
Гдѣ-нибудь ключъ. Поѣхалъ и ви-
дитъ колодезь. Поспѣшно
Спрянувъ съ коня, заглянулъ онъ
въ него: онъ полонъ водою
Вплоть до самыхъ краевъ; золотой
на поверхности ковшикъ
Плаваетъ. Царь Берендей спсѣшно
за ковшикъ—не тутъ-то
Было; ковшикъ прочь отъ руки. За
янтарную ручку
Царь съ нетерпѣньемъ то правой
рукою, то лѣвой хватаетъ
Ковшикъ; но ручка, проворно ви-
ляя и вправо, и влѣво,
Только что дразнить царя и никакъ
не дается.
Что за причина? Вотъ онъ, выж-
давши время, чтобъ ковшикъ
Сталъ на мѣсто, хватъ его разомъ
справа и слѣва—
Какъ бы не такъ! Изъ рукъ усколь-
знувши, какъ рыбка, нырнулъ онъ
Прямо на дно колодца и снова по-
томъ на поверхность
Выплылъ, какъ будто ни въ чемъ
не бывало. „Постой же! подумалъ
Царь Берендей, я нашьюсь безъ те-
бя и, недолго собираясь,
Жадно прильнулъ онъ губами къ
водѣ, и струю ключевую
Началъ тянуть, не заботясь о томъ,
что въ водѣ утонула
Вся его борода. Напившись вдо-
воль, поднять онъ
Голову хочеть... анъ нѣтъ, погоди!
не пускаютъ; и кто-то

Царскую бороду держать. Упер-
шись въ ограду колодца,
Силится онъ оторваться, трясеть,
вертитъ головою—
Держать его да и только. „Кто
тамъ? Пустите!“—кричитъ онъ.
Нѣтъ отвѣта; лишь страшная смот-
реть со dna образаина:
Два огромные глаза горятъ, какъ
два изумруда;
Ротъ, разинутый, чуднымъ смѣхомъ
смѣется; два ряда
Крупныхъ жемчужинъ свѣтятся въ
немъ, и языкъ, межъ зубами
Выставясь, дразнить царя; а въ бо-
роду впутались крѣпко
Вмѣсто пальцевъ клешни. И вотъ,
наконецъ, сиповатый
Голосъ сказалъ изъ воды: „не тру-
дися, царь, понапрасну;
Я тебя не пушу. Если же хочешь
на волю,
Дай мнѣ то, что есть у тебя, и
чего ты не знаешь“.
Царь подумалъ: „чего жъ я не знаю?
я, кажется, знаю
Все!“ И онъ отвѣчалъ образинѣ:
„изволь, я согласенъ“.
„Ладно! опять сиповатый послы-
шался голосъ; смотри же,
Слово сдержи, чтобъ себѣ не на-
жить ни попрека, ни худа“.
Съ этимъ словомъ исчезли клешни;
образина пропала.
Честную вручивъ бороду, царь
отряхнулся, какъ гоголь,
Всѣхъ придворныхъ обрызгалъ, и
всѣ царю поклонились.
Сѣвъ на коня, онъ поѣхалъ; и
долго ли, мало ли ѣхалъ,
Только ужъ вотъ онъ близко сто-
лицы; навстрѣчу толпами
Сыплеть народъ, и пушки палатъ,
и на всѣхъ колокольняхъ
Звонъ. И царь подъѣзжаетъ къ сво-
имъ златоверхимъ палатамъ—
Тамъ царица стоитъ на крыльцѣ и
ждетъ; и съ царицей
Рядомъ первый министръ; на ру-
кахъ онъ своихъ парчевую
Держитъ подушку; на ней же млада-
нецъ, прекрасный, какъ свѣтлый
Мѣсяць, въ пеленгахъ конышется.
Царь догадался и ахнулъ.

„Вотъ оно то, чего я не зналъ?

Уморилъ ты, проклятый Демонъ, меня!“ Такъ онъ подумалъ и горько, горько заплакалъ; всѣ удивились, но слова никто не промолвилъ. Младенца

На руки взявши, царь Берендей любовался имъ долго, Самъ его взнесъ на крыльцо, положилъ въ колыбельку и, горе

Скрывъ про себя, попрежнему царствовать началъ. О тайнѣ Царской никто не узналъ; но всѣ примѣчали, что крѣпко

Царь былъ печаленъ—онъ все дожидался: вотъ придутъ за сыномъ; Днемъ онъ покоя не зналъ, и сна не вѣдалъ онъ ночью.

Время, однако, текло, а никто не являлся. Царевичъ Росъ не по днямъ—по часамъ, и сдѣлался чудо-красаецъ.

Вотъ, наконецъ, и царь Берендей о томъ, что случилось, вовсе забылъ... но другіе не такъ забывчивы были.

Разъ царевичъ, охотой въ лѣсу забавляясь, въ густую Чащу заѣхалъ одинъ. Онъ смотритъ: все дико, поляна,

Черныя сосны кругомъ, на полянѣ дулистая липа. Вдругъ зашумѣло въ дуплѣ; онъ глядитъ, вылѣзаетъ оттуда

Чудный какой-то старикъ, съ борою зеленою, съ глазами Также зелеными. „Здравствуй, Иванъ царевичъ, сказалъ онъ,

Долго тебя дожидались мы; пора бы насъ вспомнить“. Кто ты? царевичъ спросилъ. „Объ этомъ послѣ; теперь же

Вотъ, что ты сдѣлай: отцу своему, царю Берендею, Мой поклонъ отнеси, да скажи отъ меня: не пора ли,

Царь Берендей, должнокъ заплатить? Ужъ давно миновалось Время. Онъ самъ остальное пойметъ. До свиданья“. И съ этимъ

Словомъ исчезъ бородастый старикъ. Иванъ же царевичъ Въ крѣпкой думѣ поѣхалъ изъ темнаго лѣса.

Вотъ онъ къ отцу своему, царю Берендею, приходитъ.

„Батюшка царь-государь, говоритъ онъ, со мною случилось Чудо“. И онъ рассказалъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ.

Царь Берендей поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. „Бѣда, мой сердечный Другъ, Иванъ царевичъ! воскликнулъ онъ, горько заплакавъ, Видно, пришло намъ разстаться!..“

И страшную тайну о данной Клятвѣ сыну открылъ онъ. „Не плачь, не крушися, родитель“, Такъ отвѣчалъ Иванъ царевичъ, бѣда не велика.

Дай мнѣ коня: я поѣду, а ты меня дожидайся; Тайну держи про себя, чтобъ о ней здѣсь никто не провѣдалъ, Даже сама государыня матушка.

Если-жъ назадъ я къ вамъ по прошествіи цѣлаго года не буду, тогда ужъ Знайте, что нѣтъ на свѣтѣ меня!“—

Снарядили, какъ должно, Въ путь Ивана царевича. Даль ему царь золотыя Латы, мечъ и коня вороного; царица съ мощами

Крестъ на шею надѣла ему, отгѣли молебень; Нѣжно потомъ обнялися, поплакали... съ Богомъ! Поѣхалъ

Въ путь Иванъ царевичъ. Что-то съ нимъ будетъ? Ужъ ѣдетъ День онъ, другой и третій; въ исходѣ четвертаго—солнце

Только успѣло зайти—подъѣзжаетъ онъ къ озеру; гладко Озеро то, какъ стекло: вода наравнѣ съ берегами;

Все въ окрестности пусто; румянымъ вечернимъ сияньемъ Воды покрытыя гаснутъ, и въ нихъ отразился зеленый

Берегъ и частый тростникъ—и все какъ будто бы дремлетъ: Воздухъ не вѣетъ, тростинка не тронется, шороха въ струйкахъ

Свѣтлыхъ не слышно. Иванъ царевичъ смотритъ, и что же Видитъ онъ? Тридцать хохлатыхъ сѣренькихъ уточекъ подлѣ

Берега плавают; рядомъ тридцать
бѣлыхъ сорочекъ
Подлѣ воды на травкѣ лежатъ.
Осторожно поодавъ
Слѣзъ Иванъ царевичъ съ коня;
высокой травую
Скрытый, подползъ и одну изъ бѣ-
лыхъ сорочекъ тихонько
Взялъ, потомъ угнѣздился въ кустѣ
дожидаться, что будетъ.
Уточки плаваютъ, плещутся въ
струйкахъ, играютъ, ныряютъ...
Вотъ, наконецъ, поигравъ, поны-
рвавъ, поплескавшись, подплыли
Къ берегу; двадцать девять изъ
нихъ, побѣжавъ съ перевалкой
Къ бѣлымъ сорочкамъ, всѣ обратились
Въ красныхъ дѣвицъ, нарядились,
порхнули и разомъ исчезли.
Только тридцатая уточка, на берегъ
выйти не смѣя,
Взадъ и впередъ одна единешенька,
съ жалобнымъ крикомъ,
Около берега бѣтается; съ робостью
вытянувъ шейку,
Смотритъ туда и сюда, то вспорх-
нетъ, то снова присядетъ...
Жалко стало Ивану царевичу. Вотъ
онъ выходитъ
Къ ней изъ-за кустика; глядь, а
она ему человѣчьимъ
Голосомъ вслухъ говоритъ: „Иванъ
царевичъ, отдай мнѣ
Плате мое, я сама тебѣ приго-
жуся“. Онъ съ нею
Спорить не сталъ, положилъ на
травку сорочку и, скромно
Прочь отошедши, сталъ за кустомъ.
Вспорхнула на травку
Уточка. Что же вдругъ видитъ
Иванъ царевичъ? Дѣвица
Въ бѣлой одеждѣ стоитъ передъ
нимъ, молода и прекрасна
Такъ, что ни въ сказкѣ сказать,
ни перомъ описать, и, краснѣя,
Руку ему подаетъ, и, потупивъ
стыдливыя очи,
Голосомъ звонкимъ, какъ струны,
ему говоритъ: „благодарствуй,
Добрый Иванъ царевичъ, за то, что
меня ты послужалъ;
Тѣмъ ты себѣ самому услужилъ, но
и мною доволенъ

Будешь: я—дочь Кощея безсмерт-
наго, Марья царевна;
Тридцать насъ у него дочерей мо-
лодыхъ. Подземельнымъ
Царствомъ владѣетъ Кощей. Онъ
давно ужъ тебя поджидаетъ
Въ гости и очень сердитъ; но ты
не пейся, не забудься,
Сдѣлай лишь то, что я тебѣ при-
совѣтую. Слушай:
Только завидишь Кощея царя,
упади на колѣни,
Прямо къ нему поползи; затопаешь
онъ—не пугайся;
Станетъ ругаться—не слушай; ползи
да и только; что послѣ
Будетъ, увидишь; теперь пора
намъ.—И Марья царевна
Въ землю ударила маленькой нож-
кой своей; разступилась
Тотчасъ земля, и они вмѣстѣ въ
подземное царство спустились.
Видятъ—дворецъ Кощея безсмерт-
наго; высѣченъ былъ онъ
Весь изъ карбункула камня и ярче
небеснаго солнца
Все подъ землей освѣщалъ. Иванъ
царевичъ отважно
Входитъ: Кощей сидитъ на пре-
столѣ въ свѣтлой коронѣ;
Блещутъ глаза, какъ два изумруда;
руки съ клешнями.
Только завидѣлъ его вдалькѣ,
тотчасъ на колѣни
Сталъ Иванъ царевичъ. Кощей же
затопалъ; сверкнуло
Страшно въ зеленыхъ глазахъ, и
такъ закричалъ онъ, что своды
Царства подземнаго дрогнули. Слово
Марьи царевны
Вспомня, поползъ на корачкахъ
Иванъ царевичъ къ престолу;
Царь шумить, а царевичъ ползетъ
да ползетъ. Напоследокъ
Стало царю и смѣшно: „Добро ты,
проказникъ, сказалъ онъ,
Если тебѣ удалось меня разсмѣшить,
то съ тобою
Ссоры теперь заводитъ я не стану.
Милости просимъ
Къ намъ въ подземное царство;
но знай, за твое послушанье
Долженъ ты намъ отслужить три
службы; сочтемся мы завтра;

Нынѣ ужъ поздно; поди“. Тутъ два придворныхъ проворно Подъ руки взяли Ивана царевича очень учтиво, Съ нимъ пошли въ покой, отведенный ему, отворили Дверь, поклонились царевичу въ поясъ, ушли, и остался Тамъ онъ одинъ. Беззаботно онъ легъ на постель и скоро Сномъ глубокимъ заснулъ. На другой день рано поутру Царь Кощей къ себѣ Ивана царевича кликнулъ: „Ну, Иванъ царевичъ, сказала онъ, теперь мы посмотримъ, Что-то искусенъ ты дѣлать? Изволь, напримѣръ, намъ построить Нынѣшней ночью дворецъ: чтобъ кровля была золотая, Стѣны изъ мрамора, окна хрустальные, вокругъ регулярный Садъ и въ саду пруды съ карасями; если построишь Этотъ дворецъ, то нашу царскую милость заслужишь; Если же нѣтъ, то прошу не пенять... головы не удержишь!“ „Ахъ ты, Кощей окаянный, Иванъ царевичъ подумаль, Вотъ что затѣялъ, смотри пожалуй!“ Съ тяжелой кручиной Онъ возвратился къ себѣ и сидитъ пригорюнясь; ужъ вечеръ; Вотъ блестящая пчелка къ его подлетѣла окошку, Бьется объ стекла—и слышитъ онъ голосъ: „впусти!“ Отворилъ онъ Дверку окошка, пчелка влетѣла и вдругъ обернулась Марьей царевной. „Здравствуй, Иванъ царевичъ, о чемъ ты Такъ призадумался?“—„Нехотя будешь задумчивъ, сказалъ онъ: Батюшка твой до моей головы добирается.“—„Что же Сдѣлать рѣшился ты?“ „Что? Ничего. Пускай его сниметъ Голову; двухъ смертей не видать, одной не минуешь.“ „Нѣтъ, мой милый Иванъ царевичъ, не должно терять намъ Бодрости. То ли бѣда? Бѣда впереди, не печалься;

Утро вечера, знаешь ты самъ, мудренѣе, ложися Спать; а завтра поранѣе встань; ужъ дворецъ твой построенъ Будетъ; ты-жъ только ходи съ молоткомъ да постукивай въ стѣну!“ Такъ все и сдѣлалось. Утромъ, ни свѣтъ ни заря, изъ каморки Вышелъ Иванъ царевичъ... глядитъ, а дворецъ ужъ построенъ, Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей изумился; Вѣрить не хочетъ глазамъ. „Да ты хитрецъ не на шутку, Такъ онъ сказалъ Ивану царевичу; вижу, ты ловокъ На руку; вотъ мы посмотримъ, такъ же ли будешь догадливъ? Тридцать есть у меня дочерей, прекрасныхъ царевенъ. Завтра я всѣхъ ихъ рядомъ поставлю, и долженъ ты будешь Три раза мимо пройти и въ третій мнѣ разъ безъ ошибки Младшую дочь мою, Марью царевну, узнать; не узнаешь— Съ плечъ голова! поди.“—„Ужъ выдумаль, чучела, мудрость“, Думаль Иванъ царевичъ, сидя подъ окномъ. „Не узнать мнѣ Марью царевну... какая-жъ тутъ трудность?“—„А трудность такая, Молвила Марья царевна, пчелкой влетѣвши, что, если Я не вступлюся, то быть бѣдѣ неминуемой. Всѣхъ насъ Тридцать сестеръ, и всѣ на одно мы лицо; и такое Сходство межъ нами, что самъ отецъ нашъ только по платью Можетъ насъ различать!“—„Ну что же мнѣ дѣлать? А вотъ что: Буду я та, у которой на правой щецкѣ ты замѣтишь Мошку. Смотри же, будь остороженъ, взглядишь хорошенько, Сдѣлать ошибку легко. До свиданья!“—И пчелка исчезла. Вотъ на другой день опять Ивана царевича кличетъ Царь Кощей. Царевны ужъ тутъ, и всѣ въ одинакомъ Платьѣ рядомъ стоятъ, потупивъ глаза. „Ну, искусникъ.

Молвилъ Кощей, изволь-ка пройтись три раза мимо Этихъ красавицъ, да въ третій разъ потрудишься указать намъ Марью царевну.“ Пошелъ Иванъ царевичъ; глядитъ онъ въ оба глаза: ужъ подлинно сходство! И вотъ онъ проходитъ въ первый разъ—мошки нѣтъ; проходитъ другой разъ—все мошки нѣтъ; проходитъ въ третій, и видитъ—крадется мошка, Чуть замѣтно, по свѣжей щекѣ, а щека-то подъ нею Такъ и горитъ; загорѣлось и въ немъ, и съ трепещущимъ сердцемъ: „Вотъ она, Марья царевна!“ сказалъ онъ Кощею, подавши Руку красавицѣ съ мошкой.—„Э! Э! да тутъ, примѣчаю, Что-то нечисто!“ Кощей проворчалъ, на царевича съ сердцемъ Выпучивъ оба зеленые глаза. „Правда, узналъ ты Марью царевну, но какъ узналъ? Вотъ тутъ-то и хитрость! Вѣрно съ грѣхомъ пополамъ. По-годи же, теперь доберуся Я до тебя. Часа черезъ три ты опять къ намъ пожалуй; Рады мы гостю, а ты намъ свою премудрость на дѣлѣ Здѣсь покажи: зажгу я соломенку; Будетъ горѣть та соломенка, здѣсь, не трогаясь съ мѣста, Сшей мнѣ пару сапогъ съ оторочкой; не диво; да только Знай напередъ: не сошьешь—долой голова; до свиданья!“— Золь возвратился къ себѣ Иванъ царевичъ, а пчелка, Марья царевна, ужъ тамъ.—„Отчего опять такъ задумчивъ, Милый Иванъ царевичъ?“ спросила она. „Поневолѣ Будешь задумчивъ, онъ ей отвѣчалъ. Отецъ твой затѣялъ Новую шутку: шей я ему сапоги съ оторочкой; Развѣ какой я сапожникъ? Я царскій сынъ; я не хуже Родомъ его. Кощей онъ бессмертный! видали мы много

Этихъ бессмертныхъ“.—„Иванъ царевичъ, да что же ты будешь Дѣлать?“—„Что мнѣ тутъ дѣлать? Шить сапоговъ я не стану. Сниметъ онъ голову—чортъ съ нимъ съ собакой! какая мнѣ нужда!“— „Нѣтъ, мой милый, вѣдь мы теперь женихъ и невѣста; Я постараюсь избавить тебя; мы вмѣстѣ спасемся, Или вмѣстѣ погибнемъ. Намъ должно бѣжать: ужъ другого Способа нѣтъ“.—Такъ сказавъ, на окошко Марья царевна Плонула; слюнки въ минуту примерзли къ стеклу; изъ каморки Вышла она потомъ съ Иваномъ царевичемъ вмѣстѣ, Двери ключомъ заперла, и ключъ далеко зашвырнула. За руки взявшись потомъ, они поднялись и мигомъ Тамъ очутились, откуда сошли въ подземельное царство: То же озеро, низкій берегъ, муравчатый, свѣжій Лугъ, и, видяты, по лугу свѣжему бодро гуляетъ Конь Ивана царевича. Только почувалъ могучій Конь сѣдока своего, какъ заржалъ, заплесалъ и помчался Прямо къ нему и, примчавшись, какъ вкопанный въ землю, Сталъ передъ нимъ. Иванъ царевичъ, не думая долго, Сѣлъ на коня, царевна за нимъ, и пустились стрѣлою. Царь Кощей въ назначенный часъ посылаетъ придворныхъ Слугъ доложить Ивану царевичу: „что-де такъ долго Мѣшкать изволите? Царь дожидается“.—Слуги приходятъ: Заперты двери. Стукъ! стукъ! и вотъ изъ-за двери имъ слюнки, Словно какъ самъ Иванъ царевичъ, отвѣтствуютъ: „б у д у“. Этотъ отвѣтъ придворные слуги относятъ къ Кощею; Ждать-подождать, царевичъ неидетъ; посылаетъ въ другой разъ Тѣхъ же пословъ разсерженный Кощей, и та же все пѣсня:

Буду, а нѣтъ никого.—Взбѣсился
Кощей. „Насмѣхаться
Что ли онъ вздумалъ? Бѣгите же;
дверь разломать и въ минуту
За ворота къ намъ притащить не-
учтивца!“ Бросились слуги...
Двери разломаны... вотъ тебѣ разъ!
никого тамъ, а слюнки
Такъ и хохочутъ. Кощей едва отъ
злости не лопнулъ.
„Ахъ онъ, воръ окаянный! люди!
люди! скорѣе
Всѣ въ погоню за нимъ!.. и всѣхъ
перевѣшаю, если
Онъ убѣжитъ!“... Помчалась по-
гоня... „Мнѣ слышится топотъ“,
Шепчетъ Ивану царевичу Марья
царевна, прижавшись
Жаркою грудью къ нему. Онъ слѣ-
заетъ съ коня и, припавши
Ухомъ къ землѣ, говоритъ ей: „ска-
чутъ и близко.“— „Такъ медлить
Нечего“, Марья царевна сказала, и
въ ту же минуту
Сдѣлалась рѣчкой сама, Иванъ ца-
ревичъ желѣзнымъ
Мостикомъ, чернымъ ворономъ—конь,
а большая дорога
На три дороги разбилась за мости-
комъ. Быстро погоня
Скачетъ по свѣжему слѣду; но къ
рѣчкѣ примчавшись, стали
Въ пенъ кощеёвы слуги: слѣдъ до
мостика виденъ;
Далѣ-жъ и слѣдъ пропадаетъ, и
дѣлится на три дорога.
Нечего дѣлать, назадъ! Воротились
разумники. Страшно
Царь Кощей разозлился, о ихъ не-
удачѣ услышавъ.
„Черти! вѣдь мостикъ и рѣчка были
они! догадаться
Можно бы вамъ, дуралеямъ! На-
задъ! чтобъ былъ непремѣнно
Здѣсь онъ!“... Опять помчалась по-
гоня... „Мнѣ слышится топотъ“,
Шепчетъ опять Ивану царевичу
Марья царевна.
Слѣзъ онъ съ сѣдла и, припавши
ухомъ къ землѣ, говоритъ ей:
„Скачутъ и близко.“—И въ ту же
минуту Марья царевна
Вмѣстѣ съ Иваномъ царевичемъ,
съ ними и конь ихъ дремучимъ

Сдѣлались лѣсомъ; въ лѣсу томъ
дорожекъ, тропинокъ, числа нѣтъ;
По лѣсу-жъ, кажется, конь съ двумя
сѣловами несется.
Вотъ по свѣжему слѣду гонцы при-
чались къ лѣсу;
Видятъ въ лѣсу скакуновъ и пу-
стились вдогонку за ними.
Лѣсъ же раскинулся вполоть до входа
въ Кощеёво царство.
Мчатся гонцы, а конь передъ ними
скачетъ, да скачетъ;
Кажется, близко; ну, только бѣ
схватить; анъ нѣтъ, не дается.
Глядь! очутились они у входа въ
Кощеёво царство,
Въ самомъ томъ мѣстѣ, откуда пу-
стились въ погоню; и скрылось
Все: ни коня, ни дремучаго лѣсу.
Съ пустыми руками
Снова явились къ Кощей они. Какъ
цѣпная собака,
Началъ метаться Кощей. „Вотъ и
жъ его плута! коня мнѣ!
Самъ поѣду, увидимъ мы, какъ отъ
меня отвертится!“
Снова Ивану царевичу Марья ца-
ревна тихонько
Шепчетъ: „мнѣ слышится топотъ“; и
снова онъ ей отвѣчаетъ:
„Скачутъ и близко.“— „Бѣда намъ!
вѣдь это Кощей, мой родитель
Самъ; но у первой церкви граница
его государства;
Далѣе жъ церкви скакать онъ ни-
какъ не посмѣетъ. Подай мнѣ
Крестъ твой съ мощами.“—Послу-
шавшись Марьи царевны, снимаетъ
Съ шеи свой крестъ золотой Иванъ
царевичъ и въ руки
Ей подаетъ, и въ минуту она обра-
тилася въ церковь,
Онъ—въ монаха, а конь—въ коло-
кольню, и въ ту же минуту
Съ свитою къ церкви Кощей при-
скакалъ. „Не видалъ ли проѣзжихъ,
Старецъ честной?“ онъ спросилъ у
монаха.— „Сейчасъ проѣзжали
Здѣсь Иванъ царевичъ съ Марьей
царевной; входили
Въ церковь они—святымъ помоли-
лись, да мнѣ приказали
Свѣчку поставить за здравье твое
и тебѣ поклониться,

Если ко мнѣ ты заѣдешь!“— „Чтобъ шею сломить имъ проклятымъ!“ Крикнулъ Кощей и, коня повернувъ, какъ безумный, помчался съ свитой назадъ; а, примчавшись домой, пересѣкъ безошадно всѣхъ до единого слугъ. Иванъ же царевичъ съ своею Марьей царевной поѣхали далѣе, уже не бояся болѣе погони. Вотъ они ѣдутъ шажкомъ; ужъ склонялось солнце къ закату, и вдругъ въ вечернихъ лучахъ передъ ними городъ прекрасный. Ивану царевичу смерть захотѣлось въ этотъ городъ заѣхать.— „Иванъ царевичъ, сказала Марья царевна, не ѣзди; не даромъ вѣщее сердце Ноеть во мнѣ: бѣда приключится!“— „Чего ты боишься, Марья царевна? Заѣдемъ туда на минуту; посмотримъ городъ, потомъ и назадъ“.— „Заѣхать нетрудно, да трудно выѣхать будетъ. Но быть такъ! ступай, а я здѣсь останусь. Вѣлымъ камнемъ лежать у дороги; смотри же, мой милый, будь остороженъ: царь и царица и дочь ихъ царевна выйдутъ навстрѣчу тебѣ и съ ними прекрасный младенецъ будетъ; младенца того не цѣлуй: поцѣлуешь, забудешь. Тотчасъ меня; тогда и я не останусь на свѣтѣ, съ горя умру—и умру отъ тебя! Вотъ здѣсь у дороги буду тебя дожидаться я три дня; когда же на третій день не придешь... но прости, поѣзжай“.— И въ городъ поѣхалъ, съ нею простаяся, Иванъ царевичъ одинъ. У дороги вѣлымъ камнемъ осталася Марья царевна. Проходитъ день, проходитъ другой, напоследокъ проходитъ и третій— нѣтъ Ивана царевича. Бѣдная Марья царевна! Онъ не исполнилъ ея наставленья: въ городѣ вышли

Встрѣтить его и царь, и царица, и дочь ихъ царевна; Выбѣжалъ съ ними прекрасный младенецъ, мальчикъ-кудряшка, Живчикъ, глазенки, какъ ясныя звѣзды, и бросился прямо въ руки Ивану царевичу; онъ же его красотою Такъ былъ плѣненъ, что, умъ потерявши, въ горячій щечи Началъ его цѣловать: и въ эту минуту затмилась Память его, и онъ позабылъ о Марьѣ царевнѣ. Горе взяло ее. „Ты покинулъ меня, такъ и жить мнѣ Незачѣмъ болѣ“.— И въ то же мгновенье изъ бѣлаго камня Марья царевна въ лазоревый цвѣтъ полевой превратилась. „Здѣсь у дороги останусь, авось мимоходомъ затопчетъ Кто-нибудь въ землю меня“, сказала она, и росинки Слезъ на листьяхъ голубыхъ заблестали. Дорогой въ то время Шель старикъ; онъ цвѣтокъ голубой у дороги увидѣлъ; Нѣжной его красотою плѣнясь, осторожно онъ вырылъ съ корнемъ его, и въ избушку свою перенесъ, и въ корытце Тамъ посадилъ и полилъ водой, и за милымъ цвѣточкомъ Началъ ухаживать. Что же случилось? Съ той самой минуты Все не по-старому стало въ избушкѣ; чудесное что-то Начало дѣяться въ ней: проснется старикъ,—а въ избушкѣ Все ужъ, какъ надобно, прибрано. Нѣтъ нигдѣ ни пылинки. Въ полдень придетъ онъ домой,—а обѣдъ ужъ состряпанъ и чистой Скатертью столъ ужъ накрытъ: садися и ѣшь на здоровье. Онъ дивился, не зная, что подумать; ему напоследокъ Стало страшно, и онъ у одной ворожейки-старушки Началъ совѣта просить, что дѣлать. „А вотъ, что ты сдѣлай, Такъ отвѣчала ему ворожейка: встань ты до первой

Ранней зари, пока пѣтухи не пропѣли, и въ оба
Глаза гляди: что начнеть въ избушкѣ твоей шевелиться,
То ты вотъ этимъ платкомъ и накрой. Что будетъ, увидишь!“
Цѣлую ночь напролетъ старикъ пролежалъ на постели,
Глазъ не смыкая. Заря занялася и стало въ избушкѣ
Видно, и видитъ онъ вдругъ, что цвѣтокъ голубой встрепенулся,
Съ тонкаго стебля спорхнулъ и началъ летать по избушкѣ;
Все между тѣмъ по мѣстамъ становилось, повсюду сметалась
Пыль, и огонь разгорался въ печуркѣ. Проворно съ постели
Прянулъ старикъ и накрылъ цвѣточекъ платкомъ, и явилась
Вдругъ предъ глазами его красавица Марья царевна.
— „Что ты сдѣлалъ?“ сказала она: „зачѣмъ возвратилъ ты
Жизнь мнѣ мою? Женихъ мой, Иванъ царевичъ прекрасный,
Бросилъ меня, и я имъ забыта!“ — „Иванъ твой царевичъ
Женится нынче. Ужъ свадебный пиръ приготовлень, и гости
Сѣхались всѣ“. Заплакала горько Марья царевна;
Слезы потомъ отерла; потомъ въ сарафанъ нарядившись,
Въ городъ крестьянкой пошла. Приходить на царскую кухню;
Вбѣгаютъ тамъ повара въ колпакахъ и фартукахъ бѣлыхъ;
Шумъ, возня, стукотня... Вотъ Марья царевна, приближась
Къ старшему повару, съ видомъ умилнымъ, и сладкимъ, какъ
флейта,
Голосомъ молвила: „Поваръ, голубчикъ, послушай, позволю мнѣ
Свадебный спечь пирогъ для Ивана царевича“. — Поваръ,
Занятый дѣломъ, съ досады хотѣлъ
орызнуться; но слово
Замерло вдругъ у него на губахъ, когда онъ увидѣлъ
Марью царевну; и ей отвѣчалъ онъ съ привѣтливымъ взглядомъ:

„Въ добрый часъ, дѣвица-красавица; все, что угодно,
Дѣлай; Ивану царевичу самъ поднесу я пирогъ твой!“
Вотъ пирогъ испечень; а званые гости, какъ должно,
Всѣ ужъ сидятъ за столомъ и пируютъ. Услуживый поваръ
Важно огромный пирогъ на узорномъ серебряномъ блюдѣ
Ставить на столъ передъ самымъ Иваномъ царевичемъ; гости
Всѣ удивились, увидя пирогъ. Но лишь только верхушку
Срѣзавъ съ него Иванъ царевичъ — новое чудо!
Сизый голубъ съ бѣлой голубкой порхнули оттуда.
Голубъ по столу ходить; голубка за нимъ, и воркуетъ:
„Голубъ, мой голубъ, постой, не бѣги; обо мнѣ ты забудешь
Такъ, какъ Иванъ царевичъ забылъ о Марьѣ царевнѣ!“
Ахнулъ Иванъ царевичъ, то слово голубки услышавъ;
Онъ вскочилъ, какъ безумный, и кинулся въ дверь, а за дверью
Марья царевна стоитъ ужъ и ждегъ.
У крыльца же
Конь вороной съ нетерпѣнья, осѣдланый, взнузданный, пляшетъ.
Нечего медлить; поѣхалъ Иванъ царевичъ съ своею
Марьей царевной; ѣдутъ, да ѣдутъ, и вотъ прѣзжаютъ
Въ царство царя Берендея они.
И царь, и царица
Приняли ихъ съ весельемъ такимъ, что такого веселья
Видомъ не видано, слыхомъ не слыхано. Долго не стали
Думать, — честнымъ пиркомъ, да за свадебку; сѣхались гости;
Свадѣбу сыграли; я тамъ былъ, тамъ медъ я и пиво
Пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не попало. И все тутъ.

Спящая царевна.

Жилъ былъ добрый царь Матвѣй;
Жилъ съ царицею своею

Онъ въ согласьи много лѣтъ;
А дѣтей все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Разъ царица на лугу,
На зеленомъ берегу
Ручейка, была одна;
Горько плакала она.
Вдругъ, глядитъ, ползеть къ ней
ракъ,

Онъ сказалъ царицѣ такъ:
„Мнѣ тебя, царица, жаль;
Но забудь свою печаль;
Понесешь ты въ эту ночь!—
У тебя родится дочь!“
„Благодарствуй, добрый ракъ,
Не ждала тебя никакъ...“
Но ужъ ракъ уползъ въ ручей,
Не слыхавъ ея рѣчей.
Онъ, конечно, былъ пророкъ,
Что сказалъ, сбылося въ срокъ:
Дочь царица родила.
Дочь прекрасна такъ была,
Что ни въ сказкѣ рассказать,
Ни перомъ не описать.
Вотъ царемъ Матвѣемъ пиръ
Знатный данъ на цѣлый мѣръ;
И на пиръ веселый тотъ
Царь одиннадцать зоветъ
Чародѣекъ молодыхъ;
Было-жъ всѣхъ двѣнадцать ихъ;
Но двѣнадцатой одной,
Хромоногой, старой, злой,
Царь на праздникъ не позвалъ!
Отчего-жъ такъ оплошалъ
Нашъ разумный царь Матвѣй?
Было то обидно ей.
Такъ, но есть причина тутъ:
У царя двѣнадцать блюдъ
Драгоценныхъ, золотыхъ,
Было въ царскихъ кладовыхъ;
Приготовили обѣдъ,
А двѣнадцатаго нѣтъ!
[Кѣмъ украдено оно,
Знать объ этомъ не дано].
„Что-жъ тутъ дѣлать! царь сказалъ;
Такъ и быть!“ И не послалъ
Онъ на пиръ старухи звать.
Собралися пировать
Гости, званныя царемъ;
Пили, ѣли, а потомъ,
Хлѣбосолянаго царя
За приемъ благодаря,
Стали дочь его дарить:
„Будешь въ золотѣ ходить;
Будешь чудо красоты;

Будешь всѣмъ на радость ты,
Благонравна и тиха;
Дамъ красавца-женеха
Я тебѣ, мое дитя;
Жизнь твоя пройдетъ шути,
Межъ знакомыхъ и родныхъ...
Словомъ, десять молодыхъ
Чародѣекъ, одаривъ
Такъ дитя наперерывъ,
Удалились; въ свой чередъ,
И послѣдняя идетъ;
Но еще она сказать
Не успѣла слова—глядъ:
А незваная стоитъ
Надъ царевной и ворчитъ:
„На пиру я не была,
Но подарокъ принесла:
На шестнадцатомъ году
Повстрѣчаешь ты бѣду;
Въ этомъ возрастѣ своемъ
Руку ты веретенемъ
Оцарапаешь, мой свѣтъ,
И умрешь во цвѣтѣ лѣтъ!“
Проворчавши такъ, тотчасъ,
Вѣдьма скрылася изъ глазъ;
Но оставшая тамъ
Рѣчь домолвила: „не дамъ
Безъ пути ругаться ей
Надъ царевною моею;
Будетъ то не смерть, а сонъ;
Триста лѣтъ продлится онъ;
Срокъ назначенный пройдетъ,
И царевна оживетъ,
Будетъ долго въ свѣтѣ жить;
Будутъ внуки веселить
Вмѣстѣ съ нею мать, отца
До земнаго ихъ конца“.
Скрылася гостя. Царь груститъ;
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ:
Какъ отъ смерти дочь спасти?
И бѣду чтобъ отвести,
Онъ даетъ такой указъ:
„Запрещается отъ насъ
Въ нашемъ царствѣ сѣять ленъ,
Прясть, сучить, чтобъ веретень
Духу не было въ домахъ;
Чтобъ скорѣй, какъ можно, пряхъ
Всѣхъ изъ царства выслать вонъ“.
Царь, издавъ такой законъ,
Началъ нить и ѣсть, и спать,
Началъ жить да поживать,
Какъ дотолѣ, безъ заботъ.
Дни проходить; дочь растетъ;
Расцвѣла, какъ майскій цвѣтъ;

Вотъ ужъ ей пятнадцать лѣтъ...
 Что-то, что-то будетъ съ ней!
 Разъ съ царицею своей
 Царь отправился гулять;
 Но съ собою царевну взялъ
 Не случилось имъ; она
 Вдругъ соскучилась одна
 Въ душевной горницѣ сидѣть
 И на свѣтъ въ окно глядѣть.
 „Дай, сказала наконецъ,
 Осмотрю я нашъ дворецъ“.
 По дворцу она пошла:
 Пышныхъ комнатъ нѣтъ числа;
 Всѣмъ любитъ она;
 Вотъ, глядитъ, отворена
 Дверь въ покой; въ покой томъ
 Вьется лѣстница винтомъ
 Вкругъ столба; по ступенямъ
 Вскочить вверхъ и видѣть тамъ:
 Старушонка сидитъ;
 Гребень подъ носомъ торчитъ;
 Старушонка прядетъ
 И за пряжею поетъ:
 „Веретенце, не лѣнись;
 Пряжа тонкая, не рвись;
 Скоро будетъ въ добрый часъ
 Гостя жданая у насъ“.
 Гостя жданая вошла;
 Пряжа, молча, подала
 Въ руки ей веретено;
 Та взяла, и вмигъ оно
 Укололо руку ей...
 Все исчезло изъ очей:
 На нее находить сонъ;
 Вмѣстѣ съ ней объемлетъ онъ
 Весь огромный царскій домъ;
 Все утихло кругомъ;
 Возвращаясь во дворецъ,
 На крыльцѣ ея отецъ
 Пошатнулся и зѣвнулъ
 И съ царицею заснулъ;
 Свита вся за ними спитъ;
 Стража царская стоитъ
 Подъ ружьемъ въ глубокомъ снѣ,
 И на спящемъ спитъ конѣ
 Передъ ней хорунжій самъ;
 Неподвижно по стѣнамъ
 Мухи сонныя сидятъ;
 У воротъ собаки спятъ;
 Въ стойлахъ, головы склонивъ,
 Пышно гривы опустивъ,
 Кони корму не ѣдятъ,
 Кони сномъ глубокимъ спятъ;
 Поваръ спитъ передъ огнемъ;

И огонь, обьятый сномъ,
 Не пылаетъ, не горитъ,
 Соннымъ пламенемъ стоитъ;
 И не тронется надъ нимъ,
 Свившись клубомъ, сонный дымъ;
 И окрестность со дворцомъ
 Вся обьята мертвымъ сномъ;
 И покрылъ окрестность боръ;
 Изъ терновника заборъ
 Дикій боръ тотъ окружилъ;
 Онъ навѣкъ загородилъ
 Къ дому царскому пути:
 Долго, долго не найти
 Никому туда слѣда
 И приблизиться—бѣда!
 Птица тамъ не пролетитъ,
 Близко звѣрь не пробѣжитъ,
 Даже облака небесъ
 На дремучій, темный лѣсъ
 Не навѣтъ вѣтерокъ.
 Вотъ ужъ полный вѣкъ протекъ;
 Слово не жилъ царь Матвѣй—
 Такъ изъ памяти людей
 Онъ изгладился давно.
 Знали только то одно,
 Что средъ бора домъ стоитъ,
 Что царевна въ домѣ спитъ,
 Что проспавъ ей триста лѣтъ,
 Что теперь къ ней слѣду нѣтъ.
 Много было смѣльчаковъ
 (По сказанью, стариковъ),
 Въ лѣсъ брались они сходить,
 Чтобъ царевну разбудить;
 Даже бились объ закладъ,
 И ходили—но назадъ
 Не пришелъ никто. Съ тѣхъ поръ
 Въ неприступный, страшный боръ,
 Ни старикъ, ни молодой,
 За царевной ни ногой!
 Время-жъ все текло, текло;
 Вотъ и триста лѣтъ прошло.
 Что-жъ случилось? Въ одинъ
 День весенній, царскій сынъ,
 Забавляясь ловлей, тамъ
 По долинамъ, по полямъ,
 Съ свитой ловчихъ разбѣзжалъ.
 Вотъ отъ свиты онъ отсталъ,
 И у бора вдругъ одинъ
 Очутился царскій сынъ.
 Боръ, онъ видитъ, темень, дикъ.
 Съ нимъ встрѣчается старикъ.
 Съ старикомъ онъ въ разговоръ,
 „Разскажи про этотъ боръ
 Мнѣ, стариночка честной?“

Покачавши головой,
 Все старикъ тутъ разскалъ,
 Что отъ дѣдовъ онъ слыхалъ
 О чудесномъ борѣ томъ:
 Какъ богатый царскій домъ
 Въ немъ давнымъ-давно стоитъ,
 Какъ царевна въ домѣ спитъ,
 Какъ ея чудесенъ сонъ,
 Какъ три вѣка длится онъ,
 Какъ во снѣ царевна ждетъ,
 Что спаситель къ ней придетъ;
 Какъ опасны въ лѣсѣ пути,
 Какъ пыталася дойти
 До царевны молодежь,
 Какъ со всякимъ то-жъ, да то-жъ
 Приключалось: попадалъ
 Въ лѣсѣ, да тамъ и погибалъ.
 Была дѣтина удалой
 Царскій сынъ; отъ сказки той
 Вспыхнулъ онъ, какъ отъ огня;
 Шпоры втиснулъ онъ въ коня;
 Прянулъ конь отъ острыхъ шпоръ,
 И стрѣлой помчался въ боръ,
 И въ одно мгновенье тамъ.
 Что-жъ явилось очамъ
 Сына царскаго? Заборъ,
 Ограждавшій темный боръ,
 Не терновникъ ужъ густой,
 Но кустарникъ молодой;
 Блещутъ розы по кустамъ;
 Передъ витяземъ онъ самъ
 Разступился, какъ живой;
 Въ лѣсѣ вѣзжаетъ витязь мой:
 Все свѣжо, красно предъ нимъ;
 По цвѣточкамъ молодымъ
 Пляшутъ, блещутъ мотыльки;
 Свѣтлой змѣйкой ручейки
 Вьются, пѣнятся, журчатъ;
 Птицы прыгаютъ, шумятъ
 Въ густотѣ вѣтвей живыхъ;
 Лѣсѣ душистъ, прохладенъ, тихъ,
 И ничто не страшно въ немъ.
 Бдетъ гладкимъ онъ путемъ
 Часъ, другой; вотъ, наконецъ,
 Передъ нимъ стоитъ дворецъ,
 Зданье—чудо старины;
 Ворота отворены;
 Въ ворота вѣзжаетъ онъ;
 На дворѣ встрѣчаетъ онъ
 Тьму людей, и каждый спитъ:
 Тотъ, какъ вкопанный, сидитъ;
 Тотъ, не двигаясь, идетъ;
 Тотъ стоитъ, раскрывши ротъ,
 Сномъ пресѣкъся разговоръ,

И въ устахъ молчить съ тѣхъ поръ
 Недоконченная рѣчь;
 Тотъ, вздремавъ, когда-то лечь
 Собрался, но не успѣлъ:
 Сонъ волшебный овладѣлъ
 Прежде сна простого имъ;
 И три вѣка недвижимъ,
 Не стоитъ онъ, не лежитъ,
 И, унасть готовый, спитъ.
 Изумленъ и пораженъ
 Царскій сынъ. Проходитъ онъ
 Между сонными къ дворцу;
 Приближается къ крыльцу;
 По широкимъ ступенямъ
 Хочетъ вверхъ итти; но тамъ
 На ступеняхъ царь лежитъ
 И съ царицей вмѣстѣ спитъ.
 Путь наверхъ загороженъ.
 „Какъ же быть? подумалъ онъ.
 Гдѣ пробраться во дворецъ?“
 Но рѣшился наконецъ,
 И, молитву сотворя,
 Онъ шагнулъ черезъ царя.
 Весь дворецъ обходить онъ:
 Пышно все, но всюду сонъ,
 Гробовая тишина.
 Вдругъ глядитъ: отворена
 Дверь въ покой; въ покой томъ
 Вьется лѣстница винтомъ
 Вкругъ столба; по ступенямъ
 Онъ взошелъ. И что же тамъ?
 Вся душа его кипитъ,
 Передъ нимъ царевна спитъ.
 Какъ дитя, лежитъ она.
 Распылалася отъ сна;
 Молодъ цвѣтъ ея ланитъ;
 Межъ рѣсницами блеститъ
 Пламя сонное очей;
 Ночи темныя темнѣй,
 Залетенные косою,
 Кудри черной полосой
 Обвилися кругомъ чела;
 Грудь, какъ свѣжій снѣгъ, бѣла;
 На воздушный, тонкій станъ
 Брошенъ легкій сарафанъ;
 Губки алыя горятъ;
 Руки бѣлыя лежатъ
 На трепещущихъ грудяхъ;
 Сжаты въ легкихъ сапожкахъ
 Ножки, чудо красотой.
 Видомъ прелести такой
 Отуманенъ, распаленъ,
 Неподвижно смотреть онъ:
 Неподвижно спитъ она.

Что-жь разрушить силу сна?
 Вотъ, чтобъ душу насладить,
 Чтобъ хоть мало утолить
 Жадность пламенныхъ очей,
 На колѣни ставши, къ ней
 Онъ приблизился лицомъ:
 Распалительнымъ огнемъ
 Жарко рдѣющихъ ланить
 И дыханьемъ устъ облить,
 Онъ души не удержалъ
 И ее поцѣловалъ.
 Вмигъ проснулася она;
 И за нею вмигъ отъ сна
 Поднялося все кругомъ:
 Царь, царица, царскій домъ;
 Снова говоръ, крикъ, возня;
 Все, какъ было; словно дня
 Не прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ
 сонъ

Весь тотъ край былъ погружень.
 Царь на лѣстницу идетъ;
 Нагулявшись, ведетъ
 Онъ царицу въ ихъ покой;
 Сзади свита вся толпой;
 Стражи ружьями стучать;
 Мухи стаями летать;
 Приворотный даетъ пѣсъ;
 На конюшнѣ свой овесъ
 Доѣдаетъ добрый конь;
 Поваръ дуетъ на огонь,
 И треща огонь горить,
 И струею дымъ бѣжитъ;
 Все бывалое: одинъ
 Небывалый царскій сынъ.
 Онъ съ царевной, наконецъ,
 Сходитъ сверху; мать, отецъ
 Принялись ихъ обнимать.
 Что жъ осталось досказать?
 Свадьба, пиръ, и я тамъ былъ,
 И вино на свадьбѣ пилъ;
 По усамъ вино бѣжало,
 Въ ротъ же капли не попало.

Война мышей и лягушекъ.

С К А З К А

[отрывокъ].

Слушайте: я расскажу вамъ, друзья,
 про мышей и лягушекъ.
 Сказка—ложь, а пѣсня—быль, гово-
 рять намъ; но въ этой

Сказкѣ моей найдется и правда.
 Милости-жь просимъ
 Тѣхъ, кто охотникъ въ досужный
 часокъ пошутить, посмѣяться,
 Сказки послушать; а тѣхъ, кто лю-
 битъ смотрѣть исподобья,
 Всякую шутку считая за грѣхъ, мы
 просимъ покорно
 Къ намъ не ходить и дома сидѣть,
 да высиживать скуку.
 Было прекрасно майское утро. Ква-
 кунъ двадесятый,
 Царь знаменитой породы, власти-
 тель ближней трясины,
 Вышелъ изъ мокрой столицы своей,
 окруженный блестящей
 Свитой придворныхъ. Вприпрыжку
 они взобрались на приго-
 рокъ,
 Сочной травой покрытый; и тамъ,
 на кочкѣ усѣвшись,
 Царь приказалъ изъ толпы его
 окружавшихъ почетныхъ
 Стражей вызвать бойцовъ, чтобъ
 его, царя, забавляли
 Боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы;
 началось; ужъ много
 Было лягушечьихъ мордъ, царю въ
 угожденъе, разбито;
 Царь хохоталъ; отъ смѣха придвор-
 ная квакала свита
 Вслѣдъ за его величествомъ; солнце
 взошло ужъ на полдень.
 Вдругъ изъ кустовъ молодецъ въ
 прекрасной бѣленькой шубкѣ,
 Съ тоненькимъ хвостикомъ, острымъ,
 какъ стрѣлка, на тоненькихъ
 ножкахъ
 Выскочилъ; слѣдомъ за нимъ четыре
 такихъ же, но въ шубахъ
 Дымнаго цвѣта. Рысцой они подбѣ-
 жали къ болоту.
 Бѣлая шубка, носикъ въ болото
 уткнувъ и поднявши
 Правую ножку, началъ воду тянуть,
 и, казалось,
 Былъ для него тотъ напитокъ прі-
 ятнѣе меда; голову
 Часто онъ вверхъ подымалъ, и вода
 съ усагаго рыльца
 Мелкимъ бисеромъ падала; вдоволь
 напившись и лапой
 Рыльце обтерши, сказалъ онъ: „Ка-
 кое раздолье студеной

Выпить воды, утомившись отъ зноя!
 Теперь понимаю
 То, что чувствовалъ Дарій, когда
 онъ, въ бѣгствѣ, изъ мутной
 Лужи напившись, сказалъ: „я не
 знаю вкуса напитка!“
 Эти слова одна изъ лягушекъ под-
 слухала; тотчасъ
 Скачетъ она съ донесеньемъ къ ца-
 рю: „изъ лѣса-де вышли
 Пять какихъ-то звѣрковъ, съ усами
 турецкими, уши
 Длинные, хвостики острые, лапки,
 какъ руки; въ осоку
 Всѣ они побѣжали и царскую воду
 въ болотѣ
 Пьютъ. А кто и откуда они, неиз-
 вѣстно!“—Съ десяткомъ
 Стражей Квакунъ посылаетъ хорун-
 жаго Пышку провѣдать,
 Кто незваные гости; когда непріа-
 тели,—взять ихъ,
 Если дадутся; когда же сосѣди, при-
 шедшіе съ миромъ,—
 Дружески ихъ пригласить къ царю
 на бесѣду. Сошедши
 Пышка съ холма и увидя гостей,
 въ минуту узналъ ихъ:
 „Это мыши; неважное дѣло! Но мнѣ
 не случилось
 Бѣлыхъ межъ ними видать, и это
 мнѣ чудно. Смотрите-жь,—
 Спутникамъ тутъ онъ сказалъ,—ни-
 кого не обидѣть. Я съ ними
 Самъ на словахъ объяснюся. Уви-
 димъ, что скажетъ мнѣ бѣлый“.
 Бѣлый, межъ тѣмъ, съ удивленьемъ
 великимъ смотрѣлъ, приподнявши
 Уши, на скачущихъ прямо къ нему
 съ пригорка лягушекъ;
 Слуги его хотѣли бѣжать, но онъ
 удержалъ ихъ,
 Выступилъ бодро впередъ и ждалъ
 скакуновъ; и какъ скоро
 Пышка съ своими къ болоту при-
 близился: „Здравствуй, почтенный
 Воинъ,—сказалъ онъ ему,—прошу не
 взискать, что безъ спросу
 Вашей воды напился я; мы всѣ отъ
 охоты устали;
 Въ это же время здѣсь никого ни
 нашлось; благодарны
 Очень мы вамъ за прекрасный на-
 питокъ и сами готовы

Равнымъ добромъ за ваше добро
 заплатить: благодарность
 Есть добродѣтель возвышенныхъ
 душъ!“ Удивленный такою
 Умною рѣчью, отвѣтствовалъ Пыш-
 ка: „Милости просимъ
 Къ намъ, благородные гости; нашъ
 царь, о прібытіи вашемъ
 Свѣдавъ, весьма любопытенъ узнать:
 откуда вы родомъ,
 Кто вы и какъ васъ зовутъ? Я по-
 сланъ сюда пригласить васъ
 Съ нимъ на бесѣду. Рады мы очень,
 что вамъ показала
 Наша по вкусу вода; а платы не
 требуемъ: воду
 Создалъ Господь для всѣхъ на по-
 требу, какъ воздухъ и солнце“.
 Бѣлая-шубка учтиво отвѣтствовалъ:
 „Царская воля
 Будетъ исполнена; радъ я къ его
 величеству съ вами
 Вмѣстѣ пойти, но только сухимъ
 путемъ, не водою;
 Плавать я не умѣю; я царскій сынъ
 и наслѣдникъ
 Царства мышинаго“. Въ это мгно-
 венье, спустившись съ пригорка,
 Царь Квакунъ со свитой своей при-
 ближался, Царевичъ
 Бѣлая-шубка, увидя царя съ такою
 толпою,
 Нѣсколько струсилъ, ибо не вѣдалъ,
 доброе-ль, злое-ль
 Было у нихъ иа умѣ. Квакунъ от-
 личался зеленымъ
 Платьемъ, глаза навывкатъ сверкали,
 какъ звѣзды, и пузомъ
 Громко онъ, прыдая, шлепалъ. Ца-
 ревичъ Бѣлая-шубка,
 Вспомнивши, кто онъ, робость свою
 побѣдилъ. Величаво
 Онъ поклонился царю Квакуну. А
 царь, благосклонно
 Лапку подавши ему, сказалъ: „Лю-
 безному гостю
 Очень мы рады! садись, отдохни;
 ты изъ дальняго, вѣрно,
 Края, ибо до сихъ поръ тебя намъ
 видать не случилось“.
 Бѣлая-шубка, царю поклонясь опять,
 на зеленой
 Травкѣ усѣлся съ нимъ рядомъ; а
 царь продолжалъ: „Разскажи намъ

Кто ты, кто твой отецъ, кто мать,
и откуда пришелъ къ намъ?
Здѣсь мы тебя угостимъ дружелюбно,
когда, не таяся,
Правду всю скажешь: я царь и много
имѣю богатства;
Будетъ намъ сладко почитать дорогого
гости дарами“.—
„Нѣтъ никакой мнѣ причины,—отвѣтствовалъ Бѣлая-шубка,—
Царь-государь, утаивать истину.
Самъ я породы
Царской, весьма на землѣ знаменитой;
отецъ мой изъ дома Древнихъ
воинственныхъ Бубликовъ,
царь Долгохвость Иринарий Третій;
владѣеть пятью чердаками, наследіемъ
славныхъ Предковъ,
но область свою онъ самъ расширилъ
войнами: Три подполья,
одинъ амбаръ, и двѣ трети
ветчины Онъ покорилъ,
побѣдивши соседнихъ царей;
а въ супруги взявши царевну
Прасковью-Пискуню,
бѣлую шкурку, Цѣлый овинокъ
получилъ онъ за нею въ приданое.
Въ свѣтѣ Нѣтъ подобнаго царства!
Я—сынъ царя Долгохвоста,
Петръ Долгохвость, по прозванію
Хватъ. Былъ я воспитанъ
въ нашемъ столичномъ подпольѣ
премудрымъ Онуфриемъ-крысой.
Мастеръ я рытлся въ мукѣ,
таскать орѣхи; вскребаюсь
въ сырѣ, и множество книгъ
ужъ изгрызъ, любя просвѣщеніе.
Хватомъ же прозванъ я вотъ за
какое смѣлое дѣло:
Разъ случилось, что множество насъ
молодыхъ мышенятокъ Бѣгало
по полю взапуски; я, какъ шальной,
раззадорясь, Вспрыгнувъ съ разбѣгу
на льва, отдыхавшаго въ полѣ,
и въ пышной Гривѣ запутался;
левъ проснулся и лапой
огромной Стиснулъ меня;
я подумалъ, что буду раздавленъ,
какъ мошка. Съ духомъ
собравшись, я высунулъ нозъ
изъ-подъ лапы;
„Левъ-государь, ему я сказалъ,
мнѣ и въ мысль не входило

Милость твою оскорбить;
пощади, не губи;
неровень часъ, Самъ я тебѣ
пригожуся!“ Левъ улыбнулся
(конечно, Онъ ужъ покушать успѣлъ)
и сказалъ мнѣ: „Ты, вижу,
забавникъ! Льву услужить
ты задумалъ—добро, мы
посмотримъ, какую Милость
окажешь ты намъ? Ступай.
Тогда онъ раздвинулъ Лапу,
а я—давай Богъ ноги;
но вотъ что случилось:
Дня не прошло, какъ мы
всѣ испуганы были въ
подпольяхъ. Нашихъ
львинымъ рыканьемъ: смутилась,
какъ будто отъ бури, Вся
сторона; я не струсилъ;
выбѣжалъ въ поле, и что же
Въ полѣ увидѣлъ? Царь-левъ,
запутавшись въ крѣпкихъ
тенетахъ, Мечется, бьется,
какъ бѣшенный; кровью
глаза налилися; Лапами
рветъ онъ веревки, зубами
грызетъ ихъ; и было Все
то напрасно, лишь болѣ
себя онъ запутывалъ.
„Видишь, Левъ-государь,
сказалъ я ему, что и я
пригодился. Будь спокоенъ;
въ минуту тебя мы избавимъ!“
И тотчасъ Созвалъ я
дюжину ловкихъ мышатъ;
принялись мы работать
Зубомъ; узлы перегрызли
тенеть, и левъ распутялся.
Важно кивнувъ головою
косматою и насъ допустивши
къ царской лапѣ своей,
онъ гриву расправилъ,
ударилъ сильнымъ хвостомъ
по бедрамъ и въ три прыжка
очутился въ ближнемъ
лѣсу, гдѣ вмигъ и пропалъ.
По этому дѣлу прозванъ
я Хватомъ, и славу свою
поддержать я стараюсь;
Страшнаго нѣтъ для меня
ничего; я знаю, что смѣлымъ
Богъ владѣеть. Но должно,
однако, признаться, что
всюду Здѣсь мы
встрѣчаемъ опасность;
такъ Богъ ужъ землю устроилъ.
Все здѣсь воюеть: съ
травою—овца, съ овцою—
голодный Волкъ,
собака—съ волкомъ,
съ собакой—медвѣдь,
а съ медвѣдемъ

Левъ; человѣкъ же и льва, и медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ. Такъ и у насъ, отважныхъ мышей, есть много опасныхъ Сильныхъ гонителей: совы, ласточки, кошки, а всѣхъ ихъ Злѣе козни людскія. И тяжело подчасъ намъ приходиться. Я, однако, спокоенъ; я помню, что мнѣ мой наставникъ, Мудрый крыса - Онуфрій, твердилъ: „бѣды насъ смиренью Учатъ“. Съ вѣрой такою ничто не бѣда. Я доволенъ Тѣмъ, что имѣю: счастію радъ, а въ несчастьи не хмурюсь“. Царь Квакуиъ со вниманіемъ слушалъ Петра Долгохвоста. „Гость дорогой, — сказалъ онъ ему, — признаюсь откровенно: Столь разумныя рѣчи меня въ изумленіе приводятъ. Мудрость такая въ такія цвѣтущія лѣта! Мнѣ сладко Слушать тебя: и пріятность, и польза! Теперь опиши мнѣ То, что случилось когда съ мышинымъ вашимъ народомъ, Что отъ враговъ вы терпѣли, и съ кѣмъ, когда воевали?“ — „Долженъ я прежде о томъ рассказать, какія намъ козни Строитъ нашъ хитрый, двуногій злодѣй, человѣкъ. Онъ ужасно Жаденъ, — онъ хочетъ всю землю заграбить одинъ и съ мышами Въ вѣчной враждѣ. Не исчислить всѣхъ выдумокъ хитрыхъ, какими Наше онъ племя избытъ замышляетъ. Вотъ, напримѣръ, онъ Домикъ затѣялъ построить: два входа, широкій и узкій; Узкій задѣланъ рѣшоткой, широкой съ подъемной дверью. Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ подполье. Намъ же, сдуру, на мысли взбрело, что, поладить Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостиницу. Жирный Кусъ ветчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ; вотъ цѣлый десятокъ Смѣлыхъ охотниковъ вызвались въ домикъ забраться, безъ платы

Въ немъ отобѣдать и вѣрныя вѣсти принести намъ. Входятъ они; но только что начали дружно висячій Кусъ ветчины тормошить, какъ подъемная дверь съ превеликимъ Стукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопнула. Тутъ поразило Страшное зрѣлище насъ: увидѣли мы, какъ злодѣи Нашихъ героевъ таскали за хвостъ и въ воду бросали. Всѣ они пали жертвой любви къ ветчинѣ и къ отчизнѣ! Было нѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ Множество вкусныхъ для насъ пирожковъ, и расклатал ихъ, Словно какъ добрый, по всѣмъ закоулкамъ; народъ нашъ Очень довѣрчивъ и вѣтренъ; мы — лакомки; бросилась жадно Вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Объ этомъ Вспомнить, морозъ подираетъ по кожѣ! Открылся въ подпольѣ Моръ: отравой злодѣй угостилъ насъ. Какъ будто шальные Съ пиру пришли удалцы: глаза навывкатъ, разинувъ Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью Бѣгали съ пискомъ они, родныхъ, и друзей и знакомыхъ Болѣ не зная въ лицо; наконецъ, утомясь, обезсилѣвъ, Всѣ попадали мертвые лапками вверхъ; запусѣла Цѣлая область отъ этой бѣды; отъ ужаснаго смрада Труповъ ушли мы въ другое подполье, и край нашъ родимый Надолго былъ обезмышенъ. Но главное бѣдствіе наше Нынѣ въ томъ, что губитель двуногій крѣпко сдружился, Намъ ко вреду, съ сибирскимъ котомъ Ѳедотомъ Мурлыкой. Кошачій родъ давно враждуетъ съ мышинымъ. Но этотъ Хитрый котище Ѳедотъ-Мурлыка — для насъ наказанье Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился. Глупымъ мышонкомъ

Былъ я еще и не зналъ ничего. И
 мнѣ захотѣлось
 Высунуть носъ изъ подполья. Но
 мать-парица Прасковья
 Съ крысой Онуфриемъ крѣпко-на-
 крѣпко мнѣ запретили
 Норку мою покидать; но я не по-
 слушался, въ щелку
 Выглянулъ: вижу, камнемъ выслан-
 ный дворъ; освѣщало
 Солнцемъ его, и окна огромнаго
 дома свѣтились;
 Птицы летали и пѣли. Глаза у меня
 разбѣжались.
 Выйти не смѣя, смотрю я изъ щел-
 ки и вижу на дальнемъ
 Краѣ двора звѣрекъ усастый, сизая
 шкурка,
 Розовый носикъ, зеленые глазки,
 пушистыя уши,
 Тихо сидитъ и за птичками смо-
 трить; а хвостикъ, какъ змѣйка,
 Такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею
 бархатной лапкой
 Началъ усастое рыльце себѣ умы-
 вать. Облилося
 Радостью сердце мое, и я ужъ сби-
 рался покинуть
 Щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ
 познакомиться. Вдругъ зашумѣло
 Что-то вблизи; оглянувшись, такъ
 я и обмеръ! Какой-то
 Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ;
 широко шагая,
 Черныя ноги свои подымалъ онъ, и
 когти кривые
 Съ острыми шпорами были на нихъ;
 на уродливой шеѣ
 Длинные косы висѣли змѣями; носъ
 крючковатый;
 Подъ носомъ трясся какой-то мох-
 натый мѣшокъ и какъ будто
 Красный съ зубчатой верхушкой
 колпакъ, съ головы перегнувшись
 По носу бился, а сзади какіе-то
 длинные крючья
 Разнаго цвѣта торчали снопомъ.
 Не успѣлъ я отъ страха
 Въ память придти, какъ съ обоихъ
 боковъ поднялся у урода
 Словно, какъ парусы, начали хло-
 патъ, и онъ, раздвоивши
 Острый носъ свой, такъ заоралъ,
 что меня, какъ дубиной

Треснуло. Какъ прибѣжалъ я на-
 задъ въ подполье, не помню.
 Крыса Онуфрий, услышавъ о томъ,
 что случилось со мною,
 Такъ и ахнулъ. Тебя помиловалъ
 Богъ, онъ сказалъ мнѣ;
 Свѣчку ты долженъ поставить уро-
 ду, который такъ кстати
 Крикомъ своимъ тебя испугалъ,—
 вѣдь это нашъ добрый
 Сторожъ-пѣтухъ; онъ—горланъ и
 съ своими большой забіяка;
 Намъ же мышамъ онъ приносить и
 пользу: когда закричитъ онъ,
 Знаемъ мы всѣ, что проснулись на-
 ши враги; а пріятель,
 Такъ обольстившій тебя своей ли-
 цемѣрною харей,
 Былъ не иной кто, какъ нашъ зло-
 дѣй записной, обзѣдало
 Котъ Мурлыка; хорошъ бы ты былъ,
 когда бы съ знакомствомъ
 Къ этому плуту подѣхалъ: тебя бѣ
 онъ порядкомъ погладилъ
 Бархатной лапкой своею; будъ же
 впередъ осторожень.—
 Долго рассказывать мнѣ объ этомъ
 проклятомъ Мурлыкѣ;
 Каждый день отъ него у насъ не-
 дочетъ. Расскажу я
 Только то, что случилось недавно.
 Разнесся въ подпольѣ
 Слухъ, что Мурлыку повѣсили. На-
 ши лазутчики сами
 Видѣли это глазами своими. Вскру-
 жилось подполье;
 Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье,
 кувырканье, пляска—
 Словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ
 мой Онуфрий премудрый
 Съ радости такъ напился, что по-
 дрался съ царницей, и въ дракѣ
 Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ
 и высѣченъ больно.
 Что же случилось потомъ? Не раз-
 вѣдавши дѣла порядкомъ,
 Вздумали мы кота погребать, и над-
 гробное слово
 Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ
 поэтъ нашъ подпольный
 Клима, по прозванью Бѣшеный
 Хвостъ; такое прозванье
 Дали ему за то, что, стихи читая,
 всегда онъ

Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ,
 какъ маятникъ, стукаль.
 Все изготовивъ, отправились мы на
 поминки къ Мурлыкѣ;
 Вылѣзло множество насъ изъ под-
 поля; глядимъ мы, и вправду
 Котъ Мурлыка въ ветчинѣ виситъ
 на бревнѣ и повѣшенъ
 За ноги, мордою внизъ; оскалены
 зубы; какъ палка,
 Вытянуть весь; и спина, и хвостъ,
 и переднія лапы,
 Словно какъ мерзлыя; оба глаза
 глядятъ, не моргая.
 Всѣ запищали мы хоромъ: „повѣшенъ
 Мурлыка, повѣшенъ
 Котъ окаинный! довольно ты, котъ,
 погулялъ! погуляемъ
 Нынче и мы!“ И шесть смѣльчаковъ
 тотчасъ взобрались
 Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлы-
 кины лапы распутать, но лапы
 Сами держались, когтями вѣднѣв-
 шись въ бревно, а веревки
 Не было тамъ никакой, и лишь
 только къ нимъ прикоснулись
 Наши ребята, какъ вдругъ распу-
 стились когти, и на полъ
 Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы
 всѣ по угламъ разбѣжались
 Въ страхъ и смотримъ, чтó будетъ.
 Мурлыка лежитъ и не дышитъ,
 Усъ не тронется, глазъ не морг-
 нетъ,—мертвецъ да и только.
 Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ
 нему подступать понемногу
 Начали; кто посмѣлъ, тотъ дер-
 нетъ за хвостъ, да и тягу
 Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему
 погрозитъ; тотъ подразнить
 Сзади его языкомъ; а кто еще по-
 смѣлъ,
 Тотъ, подкравшись, хвостомъ въ
 носу у него пощечочетъ.
 Котъ ни съ мѣста, какъ пень. „Бе-
 регитесь,—тогда намъ сказала
 Старая мышь Степанида, которой
 Мурлыкины когти
 Были знакомы (у ней онъ весь задъ
 ободралъ, и насилу
 Какъ-то она отъ него упледа),—бе-
 регитесь: Мурлыка—
 Старый мошенникъ, вѣдь онъ ви-
 сѣлъ безъ веревки, а это

Знакъ недобрый, и шкурка цѣла у
 него“. То услыша,
 Громко мы всѣ засмѣялись.—„Смѣй-
 тесь, чтобъ послѣ не плакать,—
 Мышь Степанида сказала опять,—а
 я не товарищъ
 Вамъ“. И поспѣшно, созвавъ мыш-
 нятокъ своихъ, убралася
 Съ ними въ подполье она. А мы
 принялись, какъ шальные,
 Прыгать, скакать и ката торма-
 шить. Наконецъ, поуставши,
 Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ
 мордой его, и поэтъ нашъ
 Клима, по прозванью Бѣшеный
 Хвостъ, на Мурлыкино пузо
 Взлѣзши, началъ оттуда читать
 намъ надгробное слово,
 Мы же при каждомъ стихѣ захо-
 тать; и вотъ что прочелъ онъ:
 „Жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка,
 котъ сибирскій,
 Ростъ богатырскій, сизая шкурка,
 усы, какъ у турка;
 Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ по-
 мѣшанъ, за то и повѣшенъ,
 Радуйся, наше подполье!“... Но толь-
 ко успѣлъ проповѣдникъ
 Это слово промолвить, какъ вдругъ
 нашъ покойникъ очнулся.
 Мы бѣжать... Куда ты! пошла ужас-
 ная травля.
 Двадцать изъ насъ осталось на мѣ-
 стѣ, а раненныхъ втрое
 Болѣе было. Тотъ воротился съ обо-
 драннымъ пузомъ,
 Тотъ безъ уха, другой съ отъѣден-
 ной мордой, иному
 Хвостъ былъ оторванъ, у многихъ
 такъ страшно искусаны были
 Спины, что шкурки мотались, какъ
 тряпки, царицу Прасковью
 Чуть успѣли въ нору уволочъ за
 заднія лапки,
 Царь Иригарій спасся съ рубцомъ
 на носу, но премудрый
 Крыса Онуфрій съ Климомъ-поэ-
 томъ достались Мурлыкѣ
 Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ
 кончился пиръ нашъ бѣдою!

Людмила.

[русская баллада, подражаніе Бюргеровой Ленорѣ].

„Гдѣ ты милый? Чтѣ съ тобою?
Съ чужеземною красою
Знать въ далекой сторонѣ
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ!
Иль безвременно могила
Свѣтлый взоръ твой угасила?“
Такъ Людмила, приунывъ,
Къ персямъ очи преклонивъ,
На распутии вздыхала.
„Возвратится-ль онъ, мечтала,
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ
Съ грозной ратию славянъ?“

Пыль туманить отдаленье;
Свѣтитъ ратныхъ ополченье;
Топотъ, ржаніе коней;
Трубный трескъ и стукъ мечей;
Прахомъ панцири покрыты,
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратныхъ строй!
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны...
„Возвратились незабвенны!..“
А Людмила?.. Ждетъ-пождетъ...
„Тамъ дружину онъ ведетъ!“

„Сладкій часъ соединенья!..“
Вотъ проходитъ ополченье;
Миновался ратныхъ строй...
Гдѣ-жъ, Людмила, твой герой?
Гдѣ твоя, Людмила, радость?
Ахъ! прости, надежда-сладость!
Все погбло: друга нѣтъ.
Тихо въ теремъ свой идетъ,
Томну голову склонила:
„Разступись, моя могила!
Гробъ, откройся! полно жить!
Дважды сердцу не любить!“

„Чтѣ съ тобой, моя Людмила?
Мать со страхомъ возопила;
О, покой тебя Творецъ!“
— „Милый другъ, всему конецъ!
Что прошло — невозвратимо;
Небо къ намъ неумолимо!
Царь небесный насъ забылъ...
Мнѣ-ль онъ счастья не сулилъ?
Гдѣ-жъ обѣтовъ исполненъ?
Гдѣ святое Провидѣнье?“

Нѣтъ, немилостивъ Творецъ;
Все прости, всему конецъ.

„О, Людмила, грѣхъ — роштанье;
Скорбь — Создателя посланье!
Зла Создатель не творить;
Мертвыхъ стонъ не воскреситъ“.
— „Ахъ, родная, миновалось!
Сердце вѣрить отказалось!
Я ль, съ надеждой и мольбой,
Предъ иконою святой
Не точила слезъ ручьями?
Нѣтъ, бесплодными мольбами
Не призвать минувшихъ дней;
Не цвѣсти душѣ моей!“

Рано жизнью насладились,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежнихъ лѣтъ краса!
Чтѣ взирать на небеса?
Чтѣ молить неумолимыхъ?
Возвращу-ль невозвратимыхъ? —
„Царь небесъ, то скорби гласъ!
Дочь, вспомни смертный часъ;
Кратко жизни сей страданье;
Рай — смиреннымъ воздаянье,
Адъ — бунтующимъ сердцамъ;
Будь послушна небесамъ“.

— „Чтѣ, родная, муки ада?
Чтѣ небесная награда?
Съ милымъ вмѣстѣ — всюду рай;
Съ милымъ розно — райскій край
Безотрадная обитель.
Нѣтъ, забылъ меня Спаситель!“
Такъ Людмила жизнь кляла,
Такъ Творца на судъ звала...
Вотъ ужъ солнце за горами;
Вотъ успала звѣздами
Ночь спокойный сводъ небесъ;
Мраченъ доль и мраченъ лѣсъ.

Вотъ и мѣсяць величавый
Всталъ надъ тихою дубравой:
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ;
Съ горъ простерты длинны тѣни;
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зеркало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны...
Спать пригорки отдаленны,
Боръ заснулъ, долина спитъ...
Чу!.. полночный часъ звучитъ.

Потряслись дубовъ вершины;
 Вотъ повѣялъ отъ долины
 Перелетный вѣтерокъ...
 Скачетъ по полю ѣздокъ:
 Борзый конь и ржетъ, и пышетъ.
 Вдругъ... идутъ... (Людмила слы-
 шить)

На чугунное крыльцо...
 Тихо брякнуло кольцо...
 Тихимъ шопотомъ сказали...
 (Всѣ въ ней жилки задрожали)
 То знакомый голосъ былъ,
 То ей милый говорилъ:

— „Спать иль нѣтъ моя Люд-
 мила?“

Помнить друга, иль забыла?
 Весела, иль слезы леть?
 Встань, женихъ тебя зоветъ!“ —
 „Ты-ль? Откуда въ часъ полночи?
 Ахъ! едва прискорбны очи
 Не потухнули отъ слезъ.
 Знать, тронулся Царь небесъ
 Бѣдной дѣвицы тоскою!
 Точно-ль милый предо мною?
 Гдѣ же былъ? Какой судьбой
 Ты опять въ странѣ родной?“

— „Близъ Наревы домъ мой тѣс-
 ный.“

Только мѣсяцъ поднебесный
 Надъ долиною взойдетъ,
 Лишь полночный часъ пробьетъ,
 Мы коней своихъ сѣдаемъ,
 Темны кельи покидаемъ...
 Поздно я пустился въ путь.
 Ты моя, моею будь!..
 Чу! совы пустынной крики.
 Слышишь? Пѣнье, брачны лики.
 Слышишь? Борзый конь заржалъ.
 Ёдемъ, ёдемъ, часъ насталь!“

„Переждемъ хотъ время ночи;
 Вѣтеръ всталъ отъ полуночи;
 Хладно въ полѣ, боръ шумить;
 Мѣсяцъ тучами закрытьъ“.
 — „Вѣтеръ буйный перестанетъ;
 Стихнетъ боръ, луна проглянетъ;
 Ёдемъ, намъ сто верстъ ѣзды.
 Слышишь? Конь грызетъ бразды,
 Бьетъ коштомъ съ нетерѣбья.
 Мигъ намъ страшень замедленья;
 Краткій, краткій данъ мнѣ срокъ;
 Ёдемъ, ёдемъ, путь далекъ!“ —

„Ночь давно ли наступила?
 Полночь только что пробила.
 Слышишь? Колоколь гудить“.
 — „Вѣтеръ стихнулъ; боръ молчить;
 Мѣсяцъ въ водный токъ глядится;
 Мигомъ борзый конь домчится!“
 „Гдѣ-жь, скажи, твой тѣсный домъ?“
 — „Тамъ, въ Литвѣ, краю чужомъ:
 Хладенъ, тихъ, уединенный,
 Свѣжимъ дерномъ покровенный;
 Саванъ, крестъ и шесть досокъ.
 Ёдемъ, ёдемъ, путь далекъ!“

Мчатся всадникъ и Людмила.
 Робко дѣва обхватила
 Друга нѣжною рукой,
 Прислонясь къ нему главой.
 Скокомъ, лѣтомъ по долинамъ,
 По буграмъ и по равнинамъ;
 Пышетъ конь, земля дрожитъ;
 Брызжутъ искры отъ копытъ;
 Пыль катится вслѣдъ клубами:
 Скачутъ мимо нихъ рядами
 Рвы, поля, бугры, кусты;
 Съ громомъ зыблется мосты.

Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
 Мертвый съ дѣвицею мчится;
 Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
 „Страшно-ль, дѣвица, со мной?“
 — „Что до мертвыхъ! Что до гроба!
 Мертвыхъ домъ—земли утроба!“
 Чу! въ лѣсу потрясса листь.
 Чу! въ глуши раздался свистъ.
 Черный воронъ встрепенулся;
 Вздрогнулъ конь и отшатнулся;
 Вспыхнулъ въ полѣ огонекъ.
 — „Близко-ль, милый!“ — „Путь да-
 лекъ“.

Слышатъ шорохъ тихихъ тѣней:
 Въ часъ полуночныхъ видѣний,
 Въ дымѣ облака, толпой,
 Прахъ оставя гробовой
 Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
 Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ
 Въ цѣпъ воздушную свились...
 Вотъ за ними понеслись...
 Вотъ поютъ воздушны лики,—
 Будто въ листьяхъ повилики
 Вьется легкій вѣтерокъ,
 Будто плещетъ ручеекъ.

Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
 Мертвый съ дѣвицею мчится:

Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
„Страшно-ль, дѣвица, со мной?“

— „Что до мертвыхъ! Что до гроба!
Мертвыхъ домъ земли утроба“.
„Конь, мой конь, бѣжитъ песокъ;
Чую ранній вѣтерокъ;
Конь, мой конь, быстрѣ мчися!
Звѣзды утренни зажглися,
Мѣсяцъ въ облакѣ потухъ.
Конь, мой конь, кричить пѣтухъ!“

— „Близко-ль, милый?“ — „Вотъ
примчались!“

Слышать, сосны зашатались;
Слышать, спалъ съ воротъ запоръ;
Борзый конь стрѣлой на дворъ.
Что же, что въ очахъ Людмилы?
Камней рядъ, кресты, могилы,
И среди нихъ Божій храмъ.
Конь несется по гробамъ;
Стѣны звонкій вторятъ топотъ;
И въ травѣ чуть слышный шопотъ,
Какъ усопшихъ тихій гласъ...
Вотъ денница занялась.

Что же чудится Людмилѣ?..
Къ свѣжей конь примчалъ могилѣ,
Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ!
Вдругъ—глухой подземный громъ,
Страшно доски затрещали,
Кости въ кости застучали,
Пыль взвилася, обручъ хлопъ,
Тихо, тихо вскрылся гробъ...
Что же, что въ очахъ Людмилы?..
Ахъ, невѣста, гдѣ твой милый?
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой — гробъ, женихъ—мертвецъ!

Видитъ трупъ оцѣненѣлый,
Прямъ, недвижимъ, посинѣлый,
Длиннымъ саваномъ обвить.
Страшенъ милый прежде видъ:
Впалы мертвыя ланиты,
Мутный взоръ полуоткрытый,
Руки сложены крестомъ.
Вдругъ привсталъ... манить перстомъ...
„Конченъ путь: ко мнѣ, Людмила,
Намъ постель—темна могила,
Завѣсъ—саванъ гробовой,
Сладко спать въ землѣ сырой!“

Что-жь Людмила?.. Каменѣеть,
Меркнуть очи, кровь хладѣеть,
Пала мертвая на прахъ.
Стонъ и вопли въ облакахъ—
Визгъ и скрежетъ подъ землею;
Вдругъ усопшіе толпою
Потянулись изъ могилъ,
Тихій, страшный хоръ завылъ:
„Смертныхъ ропотъ безразсуденъ,
Царь Всевышній правосуденъ,
Твой услышалъ стонъ Творецъ—
Часъ твой билъ, насталъ конецъ“.

ИВИЕОВЫ журавли.

[Изъ Шиллера].

На Посидоновъ пиръ веселый, ¹⁾
Куда стекались чада Гелы
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шель Ивикъ, скромный другъ бо-
говъ.
Ему, съ крылатою мечтою,
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ,
И съ лирой, съ легкою клюкою
Шель, вдохновенный, къ Истму
онъ.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринѣе и горы,
Сліянны съ синевою небесь.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ...
Все тихо: листь не колыхнется,
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

„О, спутники, вашъ рои кры-
латый,

Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ!
Сказавъ, прости, родной странѣ,
Чужого берега посѣтителъ,
Ищу приюта, какъ и вы;
Да отгратитъ Зевесъ-хранителъ
Вѣду отъ странничьей главъ!“

¹⁾ Подъ словомъ «Посидоновъ пиръ» разуміются здѣсь «игры истмійскія», которыя отправляемы были на перешейкѣ (Истмѣ) Коринѣскомъ въ честь Посидона (Нептуна). Побѣдители получали сосновыя вѣнцы. Гела, Элла, Эллада—имена древней Греціи. В. Ж.

И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаешь лѣса;
Идетъ заглохшею тропой...
И зрить убійць передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами;
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.

Къ богамъ и къ людямъ онъ вызы-
ваетъ...

Лишь эхо стоны повторяетъ—
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
„И такъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей;
И симъ врагамъ не будетъ мщенья,
Ни отъ боговъ, ни отъ людей!“

И онъ боролся ужъ съ кончи-
ной...
Вдругъ... шумъ отъ стаи журавли-
ной...

Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно-стенающій гласъ.
„Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу!“

И трупъ узрѣли обнаженный:
Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица.
Коринескій другъ узналъ пѣвца.
„И ты-ль недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ!“

И внемлютъ гости Подисона,
Что палъ наперсникъ Аполлона...
Вся Греція поражена;
Для всѣхъ сердець печаль одна.
И съ дикимъ ревомъ изступленья
Притановъ окружилъ народъ
И вопить: „Старцы, мщенья! мще-
нья!
Злодѣямъ—казнь, ихъ сгибни родъ!“

Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому при-
мѣтно
Лицо врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ;

И кто-жъ—разбойникъ-ли презрѣн-
ный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Гелиосъ то зрѣлъ священ-
ный,¹⁾
Все озаряющій съ небесъ.

Съ подъятой, можетъ быть, гла-
вою,

Между шумящею толпою,
Злодѣй сокрытъ въ сей самый
часъ

И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капищѣ, склонивъ ко-
лѣни,

Жжетъ ладанъ гнусною рукою;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Гдѣ, устремивъ на сцену взоры,
[Чуть могутъ ихъ сдержатъ под-
поры],

Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ
странъ,

Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ на-
роды,

И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя на синевы небесъ.

И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отвсюду: отъ Афинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Ми-
кинь,

Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Фракійскихъ
горъ...

И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ.²⁾

По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окружонъ,
Обходятъ вокругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада;
Не здѣсь ихъ колыбель была.

¹⁾ Гелиосъ—имя солнца у грековъ.
В. Ж.

²⁾ Хоръ Эвменидъ (Эринній, Фурій).
Син богини, дочери Ноци и Ахерона,
открывали тайныя преступленія, пре-
слѣдовали виновныхъ и местили имъ на
землѣ и въ адѣ. В. Ж.

Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земного перешла.

Идутъ съ поникшими главами
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови свѣтъ,
Ихъ мертвы лица, очи впалы,
И, свитыя межъ ихъ власовъ,
Эхидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.

И стали вкругъ, сверкая взо-
ромъ,
И гимнъ заѣбли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающей боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ:
„казнь!“
Гроза души, ума смутитель,
Эринній страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:

„Блаженъ, кто незнакомъ съ ви-
ною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ;
Ему чужда дорога бѣдъ...
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ.
Ужасныя созданья тьмы.

Не мните скрыться — мы съ
крылами.
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну—мы за
вами;
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣ-
тяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ—веселье
намъ!
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ!“

И пѣснь ужасныхъ замолчала,
И надъ внимавшими лежала,
Богиня присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой тишина.
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель, зыблемый сомнѣ-
ньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ,
Со страхомъ мнитъ о силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываясь, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

И все, и все еще въ мол-
чаньи...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
„Пароеній, слышишь?... Крикъ
вдали,
То—Ивиковы журавли!“
И небо вдругъ покрылось тьмою;
И воздухъ весь отъ крылъ шу-
митъ;
И видятъ... черной полосой
Станица журавлей летитъ.

„Что? Ивикъ!...“ Все поколеба-
лось —
И имя Ивика помчалось
Изъ устъ въ уста... шумить на-
родъ,
Какъ бурная пучина водъ.
„Нашъ добрый Ивикъ! нашъ сра-
женный
Врагомъ незнаемымъ поэтъ!..
Что, что въ семь словъ сокро-
венно?
И что сихъ журавлей полеть?“

И всѣмъ сердцамъ въ одно мгно-
венье,
Какъ будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: „убійца тутъ,
То—Эвменидъ ужасныхъ судъ;
Отмщенье за пѣвца готово;
Себѣ преступникъ измѣнилъ!
Къ суду и тотъ, кто молвилъ
слово,
И тотъ, къмъ онѣ внимаемъ
былъ!“

И блѣденъ, трепетенъ, смятен-
ный,
Незапной рѣчью обличенный,
Исторгнуть изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей
Онѣ привлеченъ съ своимъ клевер-
томъ;

Смущенный видъ, склоненный взоръ,
И тщетный плачь былъ ихъ отвѣ-
томъ,
И смерть была имъ приговоръ.

Свѣтлана.

[А. А. Воейковой].

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачекъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водою
Кладли перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстлали бѣлый платъ
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана,
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
„Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко,
Слушай пѣсни круговой,
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: „кузнецъ,
Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
Скуй кольцо златое, —
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
Обручаться тѣмъ кольцомъ
При святомъ налож“.

— „Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далеко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ,
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышитъ..
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью.
Утоли печаль мою,
Ангель-утѣшитель.

Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою,
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
„Загадай, Свѣтлана!
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой —
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою“.

Вотъ красавица одна
Къ зеркалу садится,
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ, кругомъ
Мертвое молчанье,
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть лѣтъ сянне...
Робость въ ней волнуется грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманить очи...
Съ трескомъ пыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи..

Подпернися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышитъ...
Вотъ... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами...
Занялся отъ страха духъ...
Вдругъ въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шопотъ:
„Я съ тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышанъ ропотъ!“

Оглянулась... милый къ ней
Простираетъ руки.
„Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки!
Бѣдемъ! попь ужъ въ церкви ждешь
Съ дякономъ, дячками,
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ,
Храмъ блеститъ свѣчами“.
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;

Идутъ на широкій дворъ,

Въ ворота тесовы:

У воротъ ихъ санки ждуть;

Съ нетерпѣнья кони рвутъ

Повода шелковы.

Сѣли... кони съ мѣста въ разъ,

Пышутъ дымъ позdryми,

Отъ копытъ ихъ поднялась

Вьюга надъ санями.

Скачутъ... пусто все вокругъ,

Степь въ очахъ Свѣтлани,

На лунѣ туманный кругъ,

Чуть блестятъ поляны...

Сердце вѣщее дрожить,

Робко дѣва говорить:

„Что ты смолкнулъ, милый?“

Ни полслова ей въ отвѣтъ,

Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,

Блѣдень и унылый.

Кони мчатся по буграмъ,

Топчутъ снѣгъ глубокой...

Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ

Видѣнь одинокой;

Двери вихорь отворилъ,

Тьма людей во храмѣ,

Яркой свѣтъ паникадилъ

Тускнеть въ оиміамѣ,

На срединѣ черный гробъ,

И гласить протяжно поць:

„Буди взятъ могилой!“

Пуще дѣвица дрожить,

Кони мимо, другъ молчитъ

Блѣдень и унылой.

Вдругъ метелица кругомъ,

Снѣгъ валить клоками,

Черный вранъ, свистя крыломъ,

Вьется надъ санями;

Воронъ каркаетъ: „печаль!“

Кони торопливы

Чутко смотреть въ темну даль,

Подымая гривы;

Брежить въ полѣ огонекъ,

Видѣнь мирный уголокъ,

Хижинка подъ снѣгомъ.

Кони борзые быстрѣй,

Снѣгъ взрывая, прямо къ ней

Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчались... и вмигъ

Изъ очей пропали:

Кони, сани и женихъ

Будто не бывали.

Одинокая, впотьмахъ

Брошена отъ друга

Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ,

Вкругъ метель и вьюга.

Возвратиться—слѣду нѣтъ...

Видѣнь ей въ избушкѣ свѣтъ:

Вотъ перекрестилась,

Въ дверь съ молитвою стучить...

Дверь шатнулася... скрипитъ...

Тихо растворилась.

Что-жъ?.. Въ избушкѣ гробъ, на-
крытъ

Бѣлою запоной;

Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ,

Свѣчка предъ иконой...

Ахъ! Свѣтлана, что съ тобой?

Въ чью зашла обитель?

Страшенъ хижины пустой

Безотвѣтныи житель.

Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;

Предъ иконой пала въ прахъ,

Спасу помолилася,

И, съ крестомъ своимъ въ рукѣ,

Подъ святыми въ уголкѣ

Робко притаилась.

Все утихло... вьюги нѣтъ...

Слабо свѣчка тлится,—

То прольетъ дрожащій свѣтъ,

То опять затмится...

Все въ глубокомъ мертвомъ снѣ;

Страшное молчанье...

Чу, Свѣтлана!.. въ тишинѣ

Легкое журчанье...

Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ

Бѣлоснѣжный голубокъ

Съ свѣтлыми глазами,

Тихо вѣя, прилетѣлъ,

Къ ней на перси тихо сѣлъ,

Обнялъ ихъ крылами.

Смогло все опять кругомъ...

Вотъ, Свѣтланѣ мнится,

Что подъ бѣлымъ полотномъ

Мертвый шевелится...

Сорвался покровъ, мертвецъ

[Ликъ мрачнѣе ночи!]

Видѣнь весь—на лбу вѣнецъ,

Затворены очи.

Вдругъ... въ устахъ сомкнутыхъ

стонъ...

Силится раздвинуть онъ

Руки охладѣлы...
 Что же дѣвица?.. Дрожитъ...
 Гибель близко... но не спитъ
 Голубочекъ бѣлый!

Встрепенулся, развернулъ
 Легкія онъ крылы,
 Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ...
 Всей лишенный силы,
 Простонавъ, заскрежеталъ
 Страшно онъ зубами,
 И на дѣву засверкалъ
 Грозными очами...
 Снова блѣдность на устахъ;
 Въ закатившихся глазахъ
 Смерть изобразилась...
 Глядь, Свѣтлана... о, Творецъ!
 Милый другъ ея—мертвецъ,
 „Ахъ!..“ и пробудилась.

Гдѣ-жь?.. У зеркала, одна
 Посреди свѣтлицы;
 Въ тонкій занавѣсъ окна
 Свѣтитъ лучъ денницы;
 Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
 День встрѣчая пѣнемъ;
 Все блестить... Свѣтланинъ духъ
 Смутенъ сновидѣньемъ.
 „Ахъ, ужасный, грозный сонъ!
 Не добро вѣщаетъ онъ—
 Горькую судьбину;
 Тайный мракъ грядущихъ дней,
 Что сулишь душѣ моей,
 Радость, иль кручину?“

Сѣла [тяжко ноетъ грудь]
 Подъ окномъ Свѣтлана;
 Изъ окна широкой путь
 Видѣнъ сквозь тумана:
 Слѣтъ на солнышкѣ блестить,
 Паръ алѣетъ тонкій...
 Чу!.. вдали пустой гремитъ
 Колокольчикъ звонкій;
 На дорогѣ снѣжный прахъ;
 Мчатъ, какъ будто, на крылахъ,
 Санки кони рыяны;
 Ближе, вотъ ужъ у воротъ;
 Статный гость къ крыльцу идетъ...
 Кто?.. Женихъ Свѣтланы!

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
 Прорицатель муки?
 Другъ съ тобой; все тотъ же онъ
 Въ опытъ разлуки;

Та-жь любовь въ его очахъ,
 Тѣ-жь пріятны взоры;
 Тѣ-жь на сладостныхъ устахъ
 Милы разговоры.
 Отворяйся-жь, Божій храмъ;
 Вы летите къ небесамъ,
 Вѣрные обѣты;
 Соберитесь, старъ и младъ;
 Сдвинувъ звонкія чаши, въ ладъ
 Пойте: „многи лѣты!“

Улыбнись, моя краса,
 На мою балладу,—
 Въ ней большія чудеса,
 Очень мало складу.
 Взоромъ счастливый твоимъ,
 Не хочу я славы;
 Слава—насъ учили—дымъ,
 Свѣтъ—судья лукавый.
 Вотъ баллады толкъ моей:
 „Лучшій другъ намъ въ жизни сей
 Вѣра въ Провидѣнье,
 Благъ Зиждителя законъ:
 Здѣсь несчастье—лживый сонъ;
 Счастье—пробужденъ“.
 О! не знай сихъ страшныхъ сновъ
 Ты, моя Свѣтлана...
 Будь, Создатель, ей покровъ!
 Ни печали рана,
 Ни минутной грусти тѣнь
 Къ ней да не коснется;
 Въ ней душа, какъ ясный день;
 Ахъ! да пронесется
 Мимо—бѣдствія рука;
 Какъ пріятный ручейка
 Блескъ на лонѣ дуга,
 Будь вся жизнь ея свѣтла,
 Будь веселость, какъ была,
 Дней ея подруга.

Золова арфа.

Владыка Морвены,
 Жиль въ дѣдовскомъ замкѣ могучій
 Ордалъ;
 Надъ озеромъ стѣны
 Зубчатызамокъ съ холмавозвышалъ;
 Прибрежны дубравы
 Склонялись къ водамъ,
 И стался кудрявый
 Кустарникъ по значнымъ окрестнымъ
 холмамъ.

Спокойствіе сѣней
Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ
нарушалъ;
Рогатыхъ оленей
И вепрей, и ланей могучій Ор-
далъ
Съ отважными псами
Гонялъ по холмамъ;
И доли съ холмами,
Шумя, отвѣчали зовущимъ рогамъ.

Въ жилище Ордала
Веселость изъ ближнихъ и дальнихъ
краевъ
Гостей собирала;
И убранны были чертоги пировъ
Оленей рогами;
И въ память отцамъ,
Висѣли рядами
Ихъ шлемы, кольчуги, щиты по стѣ-
намъ.

И въ дружныхъ бесѣдахъ
Любилъ за бокаломъ рассказы Ордалъ
О древнихъ побѣдахъ,
И взоры на брони отцовъ устрем-
лялъ:
Чеканны ихъ латы
Въ глубокихъ рубцахъ,
Мечи ихъ зубчаты,
Щиты ихъ и шлемы избиты въ бо-
яхъ.

Младая Минвана
Красой озаряла родительскій домъ;
Какъ зыби тумана,
Зарею златимы надъ свѣжимъ хол-
момъ,—
Такъ кудри густыя
Съ главы молодой
На перси младя,
Віаяся, бѣжали струей золотой.

Пріятнѣй денницы
Задумчивый пламень во взорахъ
сіялъ,
Сквозь темны рѣсницы
Онъ сладкое въ душу смятенье вли-
валъ;
Потока журчанье—
Пріятность рѣчей,
Какъ роза—дыханье,
Душа же прекраснѣй и прелестей
въ ней.

Гремѣла красою
Минвана и въ ближнихъ, и въ даль-
нихъ краяхъ;
Въ Морвену толпою
Стекалися витязи, славны въ бояхъ;
И дочерью гордился
Предъ ними отецъ...
Но втайнѣ дѣлился
Душою съ Минваной Арминій-пѣ-
вецъ.

Младой и прекрасный,
Какъ свѣжая роза—утѣха долинь,
Пѣвецъ сладкогласный...
Но родомъ незнатный, не княже-
скій сынъ...
Минвана забыла
О санѣ своемъ,
И сердцемъ любила,
Невинная, сердце невинное въ
немъ.

На темные своды
Багряннымъ щитомъ покатилаь луна,
И озера воды
Струистымъ сіяньемъ покрыла она;
Отъ замка, отъ сѣней
Дубравъ по брегамъ,
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ во-
дамъ.

На холмѣ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ
кустовъ,
Подъ дубомъ вѣтвистымъ,
Свидѣтелемъ тайныхъ свиданья ча-
совъ,

Минвана младая
Сидѣла одна,
Пѣвца ожида,
И въ страхѣ таила дыханье она.

И съ арфою стройной
Ко древу къ Минванѣ приходитъ
пѣвецъ.

Все было спокойно,
Какъ тихая радость ихъ юныхъ
сердецъ:

Прохлада и нѣга,
Мерцанье луны,
И ропотъ у берега
Дробимыя съ легкимъ плесканьемъ
волны.

И долго безмолвны
Пѣвецъ и Минвана съ унылой ду-
шой

Смотрѣли на волны,
Златимыя тихо блестящей луной.

„Какъ быстрыя воды
Потокъ свой лютъ,

Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью не-
сутъ.“

— Что-жъ сердце уныло?
Пусть воды лютятся, пусть годы бѣ-
гутъ;

О, вѣрный! о, милый!
Съ любовію годы и жизнь унесутъ.

„Минвана, Минвана,
Я—бѣдный пѣвецъ,

Ты-жъ царскаго сана,
И предками славень твой гордый
отецъ“.

— „Что въ славѣ и санѣ?
Любовь—мой высокій, мой царскій
вѣнецъ!

О, милый, Минванѣ
Всѣхъ витязей краше смиренный
пѣвецъ!

Зачѣмъ же уныло
На радость глядѣть?

Все близко, что мило;
Оставимъ годамъ за годами летѣть.

„Минутная сладость
Веселаго вмѣстѣ, помедли, постой!
Кто скажетъ, что радость
Навѣкъ не умчится съ грядущей
зарей!

Проглянетъ денница—
Блаженству конецъ;

Опять ты—царица,
Опять я—ничтожный и бѣдный пѣ-
вецъ“.

— „Пускай возвратится
Веселое утро, сіяніе дня;
Зарей озарится
Тотъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ
для меня!

Лишь царскимъ уборомъ
Я буду съ толпой,

А мыслю, взоромъ
И сердцемъ, и жизнью, о милый—
съ тобой!

„Прости, ужъ блѣднѣетъ
Разсвѣтомъ далекій, Минвана, вос-
токъ,

Ужъ утренній вѣетъ
Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣ-
терокъ“.

— „О нѣтъ! то зарница
Блеститъ въ облакахъ;

Нескоро денница;
И тихъ вѣтерокъ на кудрявыхъ
холмахъ!“

„Ужъ въ замкѣ проснулись;
Мнѣ слышался шорохъ и звукъ го-
лосовъ“.

— „О нѣтъ! встрепенулись
Дремавшія пташки на вѣтвяхъ ку-
стовъ!“

„Заря ужъ багряна.“

— „О, милый, постой!“
„Минвана, Минвана,
Почто-жъ замираетъ такъ сердце
тоской?“

И арфу унылый
Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ
вѣтвей:

„Будь, арфа, для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго
дней;

И сладкіе звуки
Любви не забудь;

Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь.

Когда же мой юный,
Убитый печалію цвѣтъ опадетъ,
О, вѣрныя струны,
Въ васъ съ прежней любовію душа
перейдетъ!

Какъ прежде, възграетъ
Веселіе въ васъ,

И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію
гласъ,

И думой, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, по-
рой,

Что легкою тѣнью,
Все вѣрный, летаетъ твой другъ
надъ тобой;

Что прежнія муки:
Превратности страхъ,

Томленье разлуки,
Всѣ съ трепетной жизнью онъ бро-
силъ во прахъ.

Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не разсталась съ
душой;

Что робко любившій
Безъ робости любить и болѣе твой!
А ты, дубъ вѣтвистый,
Ее осѣняй,
И, вѣтеръ душистый,
На грудь молодую дышать прилетай!“

Умолкъ—и съ прелестной
Задумчивыхъ долго очей не сводилъ...
Какъ бы неизвѣстный
Въ немъ голосъ: „навѣки прости!“
говорилъ.

Горячей рукою
Ей руку пожалъ,
И, тихой стопою
Отъ ней удался, какъ призракъ,
пропалъ...

Луна возсіяла...
Минвана у древа... но гдѣ же пѣ-
вецъ?

Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастьемъ конецъ.
Молва о свиданьи
Достигла отца...
И мчитъ ужъ въ изгнанье
Ладья черезъ море молодого пѣвца.

И поздно, и рано
Подъ древомъ свиданья Минвана
груститъ.

Уныло съ Минваной
Одинъ лишь нагорный потокъ го-
ворить;

Все пусто... День ясный
Взойдетъ и зайдетъ—
Пѣвецъ сладкогласный
Минваны подъ древомъ свиданья
не ждетъ.

Прохладою дышитъ
Тамъ вѣтеръ вечерній, въ листьяхъ
шумитъ

И вѣтви колышетъ,
И арфу лобзаетъ... но арфа мол-
читъ.

Творенія радость,

Настала весна—
И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земля убрана.

И яркимъ сіянемъ
Холмы осыпалъ вечерѣющій день,
На землю съ молчаньемъ
Сходила ночная росистая тѣнь;
Ужъ синіе своды
Блестали въ звѣздахъ,
Сравнялися воды,
И вѣтеръ улегся на спящихъ ли-
стахъ.

Сидѣла уныло
Минвана у древа... душой вдалекѣ...
И тихо все было...
Вдругъ... къ пламенной что-то кос-
нулось щекѣ,

И что-то шатнуло
Безъ вѣтра листья,
И что-то прильнуло
Къ струнамъ, невидимо слетѣвъ съ
высоты...

И вдругъ... изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый
звонъ,

И тише дыханья
Играющей въ листьяхъ прохлады
былъ онъ.

Въ ней сердце смутилось:
То друга привѣтъ!
Свершилось, свершилось!...
Земля опустѣла и милого нѣтъ!

Отъ тяжкія муки
Минвана упала безъ чувства на
прахъ,

И жалобнѣй звуки
Надъ ней застенали въ смятенныхъ
струнахъ.

Когда-жъ возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и надъ нею была тишина.

Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечеръ, ходила на
холмъ

И, звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ—

И мнились ей звуки,
Какъ будто летящій отъ родины
гласъ.

„О, милыя струны,
Играйте, играйте!.. мой часъ не
далекъ;
Ужь клонится юный
Главой недоцвѣтшей ко праху цвѣ-
токъ.

И странникъ унылый
Завтра придетъ
И спроситъ: „гдѣ милый
Цвѣтокъ мой?...“ и болѣ цвѣтка не
найдетъ“.

И нѣтъ ужъ Минваны...
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна
безъ лучей—

Двѣ видятся тѣни:
Слившись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни...
И дубъ шевелится, и струны звучать.

Ищенье.

[Изъ Уланда].

Измѣной слуга паладина убилъ:
Убийцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.

Свершилось убійство ночью порой—
И трупъ поглощенъ былъ глубокой
рѣкой.

И шпоры, и латы убійца надѣлъ
И въ нихъ на коня паладинова сѣлъ,

И мость на конѣ проскакать онъ
спѣшитъ,
Но конь поднялся на дыбы и хра-
пиль.

Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые
бока—
Конь бѣшенный сбросилъ въ рѣку
сѣдока.

Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается
силъ,
Но панцырь тяжелый его утопилъ.

Гаральдъ.

[Изъ Уланда].

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны
Вѣвѣжаетъ въ лѣсъ густой.

Отбиты вражи знамена
И вѣютъ, и шумятъ,
И гуломъ пѣсней боевыхъ
Кругомъ холмы гудятъ.

Но что порхаетъ по кустамъ?
Что зыблется въ листьяхъ?
Что налетаетъ съ вышины
И плещется въ волнахъ?

Что такъ ласкаетъ, такъ манитъ?
Что нѣжною рукой
Снимаетъ мечъ, съ коня влечетъ
И тянетъ за собой?

То феи... въ легкой хороводъ
Слетѣлись при лунѣ.
Спасенья нѣтъ; ужъ всѣ бойцы
Въ волшебной сторонѣ!

Лишь онъ, безстрашный вождь
Гаральдъ,
Одинъ не побѣжденъ;
Въ нетлѣнный съ ногъ до головы
Булатъ закованъ онъ.

Пропали спутники его;
Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щитъ,
Тамъ ржетъ осиротѣлый конь
И дико въ лѣсъ бѣжитъ.

И ѣдетъ сумрачно-унылъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны
Одинъ съвозъ лѣсъ густой.

Но вотъ шумитъ, журчитъ ручей—
Гаральдъ съ коня прыгнулъ,
И снялъ онъ племъ и влаги имъ
Студеной зачерпнулъ.

Но только жажду утолилъ,
Вдругъ обезсилѣлъ онъ;
На камень сѣлъ, поникъ главой,
И погрузился въ сонъ.

И вѣки на утесѣ томъ,
Главу склона, онъ спить.
Сѣдые кудри, борода,
У ногъ копые и щить.

Когда-жъ гроза и молній блескъ,
И лѣсъ реветъ густой—
Сквозь сонъ хватается за мечъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой.

Графъ Габсбургскій.

[Изъ Шиллера].

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ
шумѣлъ;

Въ старинныхъ чертогахъ на пирѣ
Рудольфъ, императоръ избранный,
сидѣлъ

Въ сѣнни вѣнца и въ порфирѣ.
Тамъ кушанья рейнскій фальцграфъ
разносилъ,

Богемецъ нанитки въ бокалы цѣ-
дили

И семь избирателей, чиномъ
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блестали, какъ звѣзды предъ солн-
цемъ блестятъ,

Предъ новымъ своимъ властели-
номъ.

Кругомъ возвышался богатый бал-
конъ,

Ликующимъ полный народомъ;
И клики, со всѣхъ прилетая сто-
ронъ,

Подъ древнимъ сливались сво-
домъ.

Быль конченъ раздоръ; перестала
война;

Безцарственны, грозны прошли вре-
мена;

Судья надъ землею былъ снова;

И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могущимъ во власть безъ покрова.

И кесарь, наполнивъ бокаль зо-
лотой,

Съ привѣтливимъ взоромъ вѣ-
щаетъ:

„Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ
со мной;

Все царскій мой духъ восхи-
щаетъ...
Но гдѣ-жъ утѣшитель, плѣнитель
сердцецъ?

Придетъ ли мнѣ душу растрогать
пѣвецъ

Игрой и благимъ поученьемъ?
Я пѣсней былъ другомъ, какъ ры-
царь простой;

Ставь кесаремъ, брошу-ль обычай
святой—

Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?“

И вдругъ изъ среды величавыхъ
гостей

Выходитъ одѣтый таларомъ
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ
кудрей,

Младымъ преисполненный жаромъ.
„Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье
живеть,

Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святого есть въ
мирѣ,

Что душу волнуетъ, что въ сердцѣ
манить...

О чемъ же властитель воспѣтъ по-
велить

Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?“

— „Не мнѣ управлять пѣснопѣвца
душой!

[Пѣвцу отвѣчаетъ властитель];
Онъ высшую силу призналъ надъ
собою;

Минута—ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумить;
Кто знаетъ, откуда, куда онъ ле-
титъ?

Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зарождаетъ души глу-
бина,

И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ, воспрянувъ, пы-
лаетъ.

И смѣло ударилъ пѣвецъ по стру-
намъ,

И голосъ пріятный раздался:
„На статномъ конѣ по горамъ, по
полямъ

За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ
самъ-другъ

Изъ чаши лѣсной на сіяющей дугъ
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ
гремить,
Идетъ изъ кустовъ пономарь и
звонить,
И слѣдомъ священникъ съ Да-
рами.

И набожный графъ, умиленный
душой,
Колѣна свои преклоняетъ,
Съ сердечною вѣрой, съ горячей
мольбой
Предъ тѣмъ, что живетъ и спа-
саетъ.

Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ
дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь Дары отдаетъ
И обувь снимаетъ, и смѣло идетъ
Съ священною ношею въ воду.

„Куда?“ изумившійся графъ вопро-
силъ.

— „Въ село; умирающей нищій
Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь
его разрѣшилъ,

И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ черезъ этотъ по-
токъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ
мостокъ—

Его разбросало водою;
Чтобъ душу святой благодатью
спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою!“

И пастырю витязь коня уступилъ
И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ
спѣшилъ

Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдло пере-
сѣлъ,
И весело въ чашу на ловъ поле-
тѣлъ;

Священникъ же, требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи
дни

Является къ графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

„Дерзну ли помыслить я, графъ
возгласилъ,

Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь мой ничтожной забавѣ
служилъ,

Спасителю-Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не приемишь
коня,

Пусть будетъ онъ даромъ благимъ
отъ меня

Отнынѣ Тому, чье даанье
Всѣ блага земныя, и сила, и честь,
Кому не помедлю на жертву при-
нести

И силу, и честь, и дыхаанье“.

— Да будь же Вышній Господь
надъ тобой

Своей благодатью святою;
Тебя да почититъ онъ въ сей жизни
и въ той,

Какъ днесъ онъ почтенъ былъ
тобою;

Гельвеція славою сіяетъ твоею;
И шесть расцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:

Да будетъ же [молвилъ пророчески
онъ]

Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ
коронъ;

Да славятся въ роды и роды!“

Задумавшись, голову кесарь скло-
нилъ:

Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на цѣвца
устремилъ—

И таинство словъ объяснилось:
Онъ пастыря видитъ въ цѣвцѣ
предъ собой:

И слезы свои, отъ толпы золотой,
Порфирой закрылъ въ умиленъ...
Все смолкло, на кесаря очи поднявъ.

И всякъ догадался, кто набожный
графъ,

И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

Рыцарь Тогенбургъ.

[Изъ Шиллера].

„Сладко мнѣ твоей сестрою,
Милый рыцарь, быть;

Но любовію иною
 Не могу любить:
 При разлукѣ, при свиданьи
 Сердце въ тишииѣ—
 И любви твоей страданье
 Непонятно мнѣ“.

Онъ глядитъ съ нѣмой печалью—
 Участь рѣшена;
 Руку сжалъ ей; крѣпко сталью
 Грудь обложена;
 Звонкій рогъ созвалъ дружину;
 Всѣ ужъ на коняхъ;
 И помчались въ Палестину,
 Крестъ на раменахъ.

Ужъ въ толпѣ враговъ сверкаютъ
 Грозно шлемы ихъ,
 Ужъ отвагой изумляютъ
 Чуждыхъ и своихъ.
 Тогенбургъ лишь выйдетъ къ бою—
 Сарацинъ бѣжить...
 Но душа въ немъ все тоскою
 Прежнею болить.

Годъ прошелъ безъ утоленья...
 Нѣтъ ужъ силъ страдать;
 Не найти ему забвенья—
 И покинулъ рать.
 Зритъ корабль—шумятъ вѣтрила,
 Бьетъ въ корму волна—
 Сѣлъ и поплылъ въ край тотъ милый,
 Гдѣ цвѣтетъ она.

Но стучится къ ней напрасно
 Въ двери пилигримъ;
 Ахъ, онѣ съ молвой ужасной
 Отперлись предъ нимъ:
 „Узы вѣчнаго обѣта
 Приняла она;
 И погибшая для свѣта,
 Богу отдана“.

Пышны праотцевъ палаты
 Бросить онъ спѣшитъ;
 Навсегда покинулъ латы;
 Конь навѣкъ забыть;
 Власяной покрыть одеждой,
 Инокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
 Неукрашенный надеждой
 Онъ оставилъ свѣтъ.

И въ убогой кельѣ скрылся
 Близъ долины той,

Гдѣ межъ темныхъ липъ свѣтился
 Монастырь святой:
 Тамъ—сіло-ль утро ясно,
 Вечеръ ли темнѣль—
 Въ ожиданьи, съ мукой страстной,
 Онъ одинъ сидѣль.

И душѣ его унылой
 Счастье тамъ одно:
 Дождаться, чтобъ у милой
 Стукнуло окно,
 Чтобъ прекрасная явилась,
 Чтобъ отъ вышины
 Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
 Ангелъ тишины.

И дождавшись, на ложе
 Простирался онъ,
 И надежда: „завтра то же!“
 Услаждала сонъ.
 Время годы уводило...
 Для него-жъ одно:
 Ждать, какъ ждалъ онъ, чтобъ у
 милой

Стукнуло окно,
 Чтобъ прекрасная явилась,
 Чтобъ отъ вышины
 Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
 Ангелъ тишины.
 Разъ—туманно утро было—
 Мертвъ онъ тамъ сидѣль,
 Блѣденъ ликомъ и уныло
 На окно глядѣль.

Лѣсной царь.

[Изъ Гете].

Кто скачетъ, кто мчится подъ
 хладною мглой?—
 Ъздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ
 молодой.
 Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка
 приникъ:
 Обнявъ, его держитъ и грѣетъ
 старикъ.

— „Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко
 прильнулъ?“—
 „Родимый, лѣсной царь въ глаза
 мнѣ сверкнулъ:

Онъ въ темной коронѣ, съ густой
бородой!“

— „О нѣтъ, то бѣлѣеть туманъ надъ
водой.“ —

„Дитя, оглянися! младенецъ, ко
мнѣ!

Веселаго много въ моей сторонѣ;
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
Изъ золота слиты чертоги мои“.

„Родимый, лѣсной царь со мной
говорить:

Онъ золото, перлы и радость сулитъ!“

— „О нѣтъ, мой младенецъ, слы-
шался ты:

То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ
листья!“

„Ко мнѣ, мой младенецъ! въ ду-
бровѣхъ моей

Узнаешь прекрасныхъ моихъ доче-
рей:

При мѣсяцѣ будутъ играть и ле-
тать,

Играя, летая, тебя усыплять!“

„Родимый, лѣсной царь созвалъ
дочерей!..

Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ
вѣтвей!“

— „О нѣтъ, все спокойно въ ночной
глубинѣ,—

То вѣтлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ!“

„Дитя, я плѣнился твоей красо-
той:

Неволей, иль волей, а будешь ты
мой!“

Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ
догнать;

Ужь вотъ онъ... мнѣ душно, мнѣ
тяжко дышать...“

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, — ле-
титъ;

Младенецъ тоскуетъ, младенецъ
кричить;

Ѣздокъ погоняетъ... Ѣздокъ доска-
каль...

Въ рукахъ его мертвый младенецъ
лежалъ.

Торжество побѣдителей.

[Изъ Шиллера].

Паль Приамовъ градъ священный;

Грудой пепла стала Пергамъ;

И побѣдой насыщены,

Къ острогрудымъ кораблямъ

Собрались Эллены—тризну

Въ честь минувшаго свершить,

И въ желанную отчизну,

Къ берегамъ Эллады плыть.

„Пойте, пойте гимнъ согласной:

Корабли обращены

Отъ враждебной стороны

Къ нашей Греціи прекрасной!“

Брегомъ шла толпа густая

Иліонскихъ дѣвъ и женъ;

Изъ отеческаго края

Ихъ вели въ далекій плѣнъ...

И съ побѣдной пѣснью дикой

Ихъ свивался тихій стонъ

По тебѣ святой, великій,

Невозвратный Иліонъ.

„Вы, родные холмы, нивы,

Намъ васъ больше не видать!

Будемъ въ рабствѣ увядать...

О, сколь мертвые счастливы!“

И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ

Жертву самъ Кальхасъ заклалъ:

„Грады зиждущей Палладѣ

И губящей [онъ воззвалъ],

Буреносцу Посидону,

Воздымателю валовъ,

И носящему Горгону

Богу смертныхъ и боговъ!“

Судъ оконченъ; споръ рѣшился;

Прекратилася борьба;

Все исполнила судьба:

Градъ великій сокрушился,

Царь народовъ, сынъ Атрея,

Обозрѣлъ полковъ число:

Вслѣдъ за нимъ на брегъ Сигея

Много, много ихъ пришло...

И незапный мракъ печали

Отуманилъ царскій взглядъ:

Благороднѣйшіе пали...

Мало съ нимъ пойдетъ назадъ.

„Счастливы тотъ, кому сѣнье

Бытія сохранено,

Тотъ, кому вкусить дано

Съ милой родиной свиданье!

И не всякій насладится

Миромъ, въ свой пришедши домъ:

Часто злобный ковь таится
 За домашним алтаремъ;
 Часто Марсомъ пощаженный
 Погибаеть отъ друзей!“
 [Речь, Палладой вдохновенный,
 Хитроумный Одиссей].

„Счастливы тотъ, чей домъ укра-
 шень

Скромной вѣрностью жены!

Жены алчуть новизны:

Постоянный миръ имъ страшенъ!“

И стоящій близъ Елены

Менелай тогда сказалъ:

„Плодъ губительный измѣны—

Ею самъ измѣнникъ палъ;

И погибъ виной Париды

Огаченный Иліонъ...

Неизбѣженъ судъ Кронида,

Все блюдетъ съ Олимпа онъ.

Злому злой конецъ бываетъ:

Гибнетъ жертвой Эвменидъ,

Кто безумно, какъ Паридъ,

Право гостя оскверняетъ!“

„Пусть веселый взоръ счастливыхъ

[Оилеевъ сынъ сказалъ]

Зрѣть въ богахъ боговъ правди-
 выхъ!

Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:

Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!

Сколькихъ низкихъ роги щадить!..

Нѣтъ великаго Патрокла;

Живъ презрительный Терситъ!

Смертный! царь Зевесъ Фортунѣ

Своенравной предалъ насъ,

Уловляй же быстрый часъ,

Не тревожа сердца втуне.

Лучшихъ бой похитилъ ярый!

Вѣчно памятенъ намъ будь,

Ты, мой братъ, ты, подъ удары

Подставлявшій твердо грудь,

Ты, который насъ, пожаромъ

Осажденныхъ, защитилъ...

Но коварнѣйшему даромъ

Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.

Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!

Жизнь твою не врагъ отнялъ:

Ты своею силою палъ,

Жертва гибельнаго гнѣва!“

„О, Ахиллъ! о, мой родитель!

[Возгласилъ Неоптолемъ]

Быстрый міра побѣдитель,

Жребій лучший взялъ ты въ немъ!

Жить въ любви племень дѣлами—

Благо первое земли;

Будемъ вѣчны именами

И сокрытые въ пыли!

Слава дней твоихъ негнѣнна;

Въ пѣсняхъ будетъ цѣлѣсть она:

Жизнь живущихъ невѣрна,

Жизнь отжившихъ неизмѣнна!“

„Смерть велитъ умолкнуть злобѣ

[Диомедъ провозгласилъ]:

Слава Гектору во гробъ!

Онъ краса Пергама былъ;

Онъ за край, гдѣ жили дѣды,

Веледушно пролилъ кровь;

Побѣдившимъ—честь побѣды!

Охранявшему—любовь!

Кто, на судъ явясъ кровавый,

Славно палъ за отчій домъ,

Тотъ, почтенный и врагомъ,

Будеть жить въ преданьяхъ
 славы!“

Несторъ, жизнью убѣленный,

Нацѣдилъ вина фіалъ

И Гекубѣ сокрушенной

Дружелюбно выпить далъ.

„Пей страданій утоленье,

Добрый Вакховъ даръ вино,—

И веселость, и забвенье

Проливаетъ въ насъ оно!

Пей, страдалица, печали

Услаждаются виномъ,

Боги жалостные въ немъ

Подкрѣпленье сердцу дали.

Вспомни мать Ниобею:

Что извѣдала она!

Сколь ужасная надъ нею

Казнь была совершенна!

Но и съ нею, безотрадной,

Добрый Вакхъ недаромъ былъ:

Онъ струею виноградной

Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

Если грудь виномъ согрѣта,

И въ устахъ вино кипить,

Скорби наши быстро мчитъ

Ихъ смывающая Лета!“

И вперила взоръ Кассандра,

Внявъ шепчущимъ ей богамъ,

На пустынный брегъ Скамандра,

На дымящійся Пергамъ.

„Все великое земное

Разлетается, какъ дымъ:

Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,

Завтра выпадетъ другимъ...

Смертный, силъ, насъ гнету-
 щей,

Покоряйся и терни!

Спящій въ гробѣ, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущій!“

К у б о к ъ.

[Изъ Шиллера].

„Кто, рыцарь ли знатный, иль лат-
никъ простой,
Въ ту бездну прыгнетъ съ вы-
шинны?“

Бросаю мой кубокъ туда золотой;
Кто същещъ во тѣмѣ глубины
Мой кубокъ и съ нимъ возвратится
безвредно, —
Тому онъ и будетъ наградою по-
бѣдной!“

Такъ царь возгласилъ и съ высокой
скалы,

Висѣвшей надъ бездною морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
„Кто, смѣлый, на подвигъ опасный
рѣшится?“

Кто същещъ мой кубокъ и съ нимъ
возвратится?“

Но рыцарь и латникъ недвижно
стоятъ:

Молчанье—на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньи на грозное море гля-
дятъ;

За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ
громогласно:

„Отыщется-ль смѣлый на подвигъ
опасный?“

И всѣ безотвѣтны... вдругъ пажъ
молодой

Смирненно и дерзко впередъ...
Онъ снялъ епанчу, и снялъ поясъ
онъ свой;

Ихъ молча на землю кладетъ...
И дамы, и рыцари мыслятъ, без-
гласны:

„Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты,
прекрасный?“

И онъ подступаетъ къ наклону
скалы

И взоръ устремилъ въ глубину...

Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались, и пѣна кипѣла,
Какъ будто гроза, наступаая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и
шипить,

Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною, и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина хлоко-
четъ...

Не море-ль изъ моря извергнуться
хочетъ...

И вдругъ, успокоясь, волнение
легло.

И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;

И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго
чрева;

И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный при-
ливъ,

Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ—

Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой за-
крыла:

„Его не спасетъ никакая ужъ сила!“

Надъ бездною утихло... въ ней глу-
хо шумить...

И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твер-
дитъ:

„Красавецъ отважный, прости!“
Все тише и тише на днѣ ея воетъ...
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.

„Хоть брось ты туда свой вѣнецъ
золотой,

Сказавъ: „кто вѣнецъ воз-
вратитъ,

Тотъ съ нимъ и престоль
мой раздѣлитъ со мной!

Меня твой престоль не прель-
ститъ!

Того, что скрываетъ та бездна нѣ-
мая,

Ничья здѣсь душа не разскажетъ
живая!

Немало судовъ, закруженныхъ вол-
ной,

Глотала ея глубина;—
Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
Съ ея неприступнаго дна...“

Но слышится снова въ пучинѣ глу-
бокой

Какъ будто роштанье грозы недале-
кой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и
шипить,

Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною, и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ...

И брызнулъ потокъ съ оглушитель-
нымъ ревомъ,

Извергнутый бездны зияющимъ зѣ-
вомъ.

Вдругъ... что-то сквозь пѣну сѣдой
глубины

Мелькнуло живой бѣлизной...
Мелькнула рука и плечо изъ волны...

И борется, спорить съ волной...
И видятъ — весь берегъ потрясся

отъ клича —
Онъ лѣвою править, а въ правой
добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжело ды-
шалъ,

И Божій привѣтствовалъ свѣтъ...
И каждый съ весельемъ, „онъ

живъ!“ повторялъ!
„Чудеснѣе подвига нѣтъ!

Изъ темнаго гроба, изъ пропасти
влажной,

Спасъ душу живую красавецъ от-
важный!“

Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣ-
чень толпой;

Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;

И дочери царь приказалъ:
Дать юношѣ кубокъ съ струей ви-
нограда;

И въ сладость была для него та
награда.

„Да здравствуетъ царь! Кто живетъ
на землѣ,

Тотъ жизнью земной веселись!

Но страшно въ подземной таин-
ственной мглѣ...

И смертный предъ Богомъ смиришь:
И мыслью своею не желай дерзно-
венно

Знать тайны, имъ мудро отъ насъ
сокровенной!..

Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я
туда...

И вдругъ мнѣ навстрѣчу потокъ:
Изъ трещины камня лилася вода;

И вихрь ужасный повлекъ
Меня въ глубину съ непонятною
силой...

И страшно меня тамъ кружило и
било.

Но Богу молитву тогда я принесъ,
И онъ мнѣ спасителемъ былъ:

Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;

Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви
коралла:

Въ бездонное влага его не умчала.

И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;

Все спало для слуха въ той безднѣ
глухой;

Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобраз-
ныя груды,

Морской глубины несказанныя чуды.

Я видѣлъ, какъ въ черной пучи-
нѣ кипятъ,

Въ громадный свиваяся клубъ:
И млатъ водяной, и уродливый скать,

И ужасъ морей однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами

сверкая,
Мокдой ненастный, гѣна морская.

И былъ я одинъ съ неизбежной
судьбой,

Отъ взора людей далеко;
Одинъ межъ чудовищъ, съ любя-
щей душой,

Во чревѣ земли глубоко
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго

слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подзе-
мелья нѣмого.

И я содрогался... вдругъ слышу:
 ползеть
 Стоногое грозно изъ мглы
 И хочеть схватить, и разинулся
 ротъ...
 Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!..
 То было спасеньемъ: я схваченъ
 проливомъ
 И выброшенъ вверхъ водомета по-
 рывомъ!“

Чудесенъ разсказъ показался царю:
 „Мой кубокъ возьми золотой;
 Но съ нимъ я и перстень тебѣ по-
 дарю,
 Въ которомъ алмазъ дорогой,
 Когда ты на подвигъ отважишься
 снова
 И тайны всѣ дна перескажешь мор-
 ского“.

То слыша, царевна съ волненьемъ
 въ груди,
 Краснѣя, царю говоритъ:
 „Довольно, родитель, его пощади!
 Подобное кто совершитъ?
 И если ужъ должно быть опыту
 снова,
 То рыцаря вышли, не пажа младого“.

Но царь, не внимал, свой кубокъ
 златой
 Въ пучину швырнулъ съ высоты:
 „И будешь здѣсь рыцарь любимѣй-
 шій мой,
 Когда съ нимъ воротишься ты;
 И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
 Заступница, будетъ твоею женою!“

Въ немъ жизнью небесной душа
 зажжена;
 Отважность сверкнула въ очахъ;
 Онъ видитъ: краснѣеть, блѣднѣеть
 она;
 Онъ видитъ: въ ней жалость и
 страхъ...
 Тогда, неописанной радостью полный,
 На жизнь и погибель онъ кинулся
 въ волны...

Утихнула бездна... и снова шумить...
 И пѣною снова полна...
 И съ трепетомъ въ бездну царевна
 глядитъ...

И бѣгъ за волною волна...
 Приходить, уходитъ волна быстро-
 течно:
 А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ
 вѣчно.

Поликратовъ перстень.

[Изъ Шиллера].

На кровлѣ онъ стоялъ высоко,
 И на Самость богатый око
 Съ весельемъ гордымъ преклонялъ.
 „Сколь щедро взысканъ я богами!
 Сколь счастливъ я между царями!“
 Царю Египта онъ сказалъ.

— „Тебѣ благоприятны боги;
 Они къ твоимъ врагамъ лишь строги,
 И всѣхъ ихъ предали тебѣ;
 Но живъ одинъ, опасный мститель;
 Пока онъ дышитъ... побѣдитель,
 Не довѣрай своей судьбѣ!“

Еще не кончилъ онъ отвѣта,
 Какъ изъ союзнаго Милета
 Явился присланный гонецъ:
 „Побѣдой ты украшенъ новой:
 Да обовѣтъ опять лавровой
 Главу властителя вѣнецъ;
 Твой врагъ постигнуть строгой
 местью;
 Меня послалъ къ вамъ съ этой вѣстью
 Нашъ полководецъ Полидоръ“.
 Рука гонца сосудъ держала:
 Въ сосудѣ голова лежала;
 Врага узналъ въ ней царскій взоръ.

И гость воскликнулъ съ содро-
 ганьемъ:
 — „Страшись! судьба очарованьемъ
 Тебя къ погибели влечеть.
 Невѣрныя морскія волны
 Обломковъ корабельныхъ полны:
 Еще не въ пристани твой флотъ.“

Еще слова его звучали...
 А крики брегъ ужъ оглашали,
 Народъ на пристани кипѣлъ;
 И въ пристань, царь морей крылатый,
 Дарами дальнихъ странъ богатый
 Флотъ торжествующій влетѣлъ.

И гость, увидя то, блѣднѣетъ.
— „Тебѣ Фортуна благодѣетъ!..
Но ты не вѣрь: здѣсь хитрый ковь,
Здѣсь тайная погибель скрыта:
Разбойники морскіе Крита
Отъ здѣшнихъ близко береговъ!“

И только выронилъ онъ слово,
Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой.
„Побѣда, царь! Судьбѣ хвала!
Мы торжествуемъ надъ врагами:
Флотъ критскій истребленъ богами;
Его ихъ буря пожрала!“

Испуганъ гость неожиданой вѣстью...
— „Ты счастливъ; но судьбины лостью
Такое счастье мнится мнѣ:
Здѣсь вѣчны блага не бывали,
И никогда намъ безъ печали
Не доставалися они.“

И мнѣ все въ жизни улыбалось!
Неизмѣняемо казалось,
Я силой вышней былъ хранимъ:
Всѣ блага прочилъ я для сына...
Его, его взяла судьбина;
Я долгу мой сыномъ заплатилъ.

Чтобъ вѣрной избѣжать напасти,
Моли невидимыя власти
Подлить печали въ твой фіалъ.
Судьба и въ милостяхъ мздоимецъ:
Какой, какой ея любимецъ
Свой вѣкъ не бѣдственно кончалъ?

Когда-жъ въ несчастьи рокъ от-
кажетъ,
Исполни то, что другъ твой скажетъ:
Ты призови несчастье самъ.
Твои сокровища несмѣтны:
Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ за-
вѣтный,
Отдай любимое богамъ!“

Онъ гостю внемлетъ съ содро-
ганьемъ:
„Моимъ избраннымъ достоаьемъ
Донынѣ этотъ перстень былъ;
Но я готовъ властямъ незримымъ
Доброе пожертвовать любимымъ!..
И перстень въ море онъ пустилъ.“

На утро, только лучъ денницы
Озолотилъ верхъ столицы,

Къ царю является рыбарь:
„Я рыбу пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебѣ принесъ въ подарокъ, царь!“

Царь изъявилъ благоволенье...
Вдругъ царскій поваръ въ исту-
пленьи
Съ неожиданой вѣстію бѣжить:
„Найденъ твой перстень драгоцѣн-
ный,
Огромной рыбой поглощенный,
Онъ въ ней ножемъ моимъ открытъ!“

Тутъ гость, какъ пораженный гро-
момъ,
Сказалъ: „бѣда надъ этимъ домомъ!
Нельзя мнѣ другомъ быть твоимъ;
На смерть ты обреченъ судьбою:
Вѣгу, чтобъ здѣсь не пасть съ то-
бою!..
Сказалъ и разлучился съ нимъ.“

Жалобы Цереры.

[Изъ Шиллера].

„Снова геній жизни вѣетъ:
Возвратилася весна;
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ;
Ледъ разрушила волна;
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,
И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ;
Все цвѣтетъ—лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ:
Прозерпины, Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ!“

„Я вездѣ ее искала,
Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи;
Все за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ея подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ;
А подземной тьмы Эреба
Лучъ его пронзить не могъ:
Тѣ берега недостижимы,
И богамъ ихъ страшень видъ...
Тамъ она! Неумолимый
Ею властвуетъ Андъ.“

„Кто-жъ мое во мракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходитъ челнъ Харона,
Но лишь тѣни онъ беретъ.
Жизнь подземнаго страшится;
Недоступенъ адъ и тихъ;
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стре-
мится,
Стиксъ не видывалъ живыхъ;
Тьма дорогъ туда низводитъ;
Ни одной оттуда нѣтъ;
И отшедшій не приходитъ
Никогда уже на свѣтъ.

„Сколь завидна мнѣ, печальной,
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальный
Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ негнѣнныхъ,
Что усладою утратъ?
Насъ безрадостно-блаженныхъ
Парки строгія щадятъ...
Парки, Парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать;
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать!

„Въ тотъ предѣлъ — гдѣ, утѣ-
шенью

И веселію чужда,
Дочь живетъ—свободной тѣнью
Полетѣла-бъ я тогда!
Влизъ супруга, на престолѣ
Мнѣ предстала бы она,
Грустной думаю о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ бы взоръ склонился,
И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами-бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонь.

„Тщетный призракъ! стоишь на-
прасный!

Все однимъ путемъ небесъ
Ходитъ Геліосъ прекрасный;
Все навѣкъ рѣшилъ Зевесъ:
Жизнью горнею доволенъ,
Ненавидя адску ночь,
Онъ и самъ отдать неволенъ
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколѣ Аида
Не освѣтитъ Аполлонъ,
Или радугой Ирида
Не сойдетъ на Ахеронъ.

„Нѣтъ ли жъ мнѣ чего отъ милой,
Въ сладкопамятный завѣтъ:
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?..
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
Намъ святыя боги дали
Усладительный языкъ!

„Въ тѣ часы, какъ хладъ Борей
Губить нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ, желтѣя,
И лѣса обнажены:
Изъ руки Вертумна щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу,
И, его въ земное нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери ввѣрю
Тайный даръ моей руки,
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсти любви, залогъ тоски.

„Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна:
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень Стиксовой струей.

„Ими таинственно слита
Область тьмы съ страной дня,
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня:
И ко мнѣ въ живомъ дыханьи
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается призванье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ,
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

„О, привѣтствую васъ, чада
Расцвѣтающихъ полей;

„Вы тоски моей улада,
Образъ дочери моей;
Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой
И съ Авроринимъ сѣньемъ
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость
И печаль души моей!

Ночной смотръ.

[Изъ Цедлица].

Въ двѣнадцать часовъ по но-
чамъ

Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту;
Встаютъ молодцы-егеря,
Встаютъ старики-гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣ-

говъ,

Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горячихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по но-
чамъ

Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи-кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по но-
чамъ

Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сюртукъ,
Онъ съ маленькой шляпой и шпа-
гой;
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту;

И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдастъ.
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.

И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ соби-
раетъ,

И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и ло-
зунгъ;

И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ;
И Франція—тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ—Святая Елена.
Такъ къ старымъ солдатамъ сво-

имъ

На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ императоръ усопшій.

Овсяный кисель.

„Дѣти, овсяный кисель на столѣ; чи-
тайте молитву;
Смирно сидѣть, не марать рука-
вовъ и къ горшку не соваться;
Кушайте: всякій намъ даръ совер-
шенъ и даініе благо,
Кушайте, свѣты мои, на здоровье,
Господь васъ помилуетъ!
Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и
весной заскородилъ.
Вотъ Господь-Богъ сказалъ: „Поди
домой, не заботься;
Я не засну; безъ тебя онъ взой-
детъ, расцвѣтетъ и согрѣетъ“.
Слушайте-жь, дѣти: въ каждомъ
зернышкѣ тихо-смирно
Спитъ невидимкой малютка-заро-
дышь. Долго онъ, долго
Спитъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ и
не пьетъ и не пикнетъ, доколѣ
Въ рыхлую землю его не положить
и въ ней не согрѣютъ.
Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и ма-
луткѣ тепло подъ землею;
Вотъ тихомолкомъ проснулся, взгля-
нулъ и сосетъ, какъ младенецъ,

Сокъ изъ родного зерна, и растеть,
и невидимо зрѣеть;
Вотъ уползъ изъ пеленокъ, молодой
корешокъ пробуравилъ;
Роеся вглубь и корма ищетъ
въ землѣ и находить.
Что же?.. Вдругъ скучно и тѣсно
въ потемкахъ... „Какъ бы про-
вѣдать,
Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ тво-
рится?..“ Тайкомъ, боязливо
Выглянулъ онъ изъ земли... „Ахъ,
Царь мой небесный, какъ люблю!
Смотришь. — Господь-Богъ ангела
шлетъ къ нему съ неба:
„Дай росинку ему и скажи отъ Соз-
дателя: „здравствуй“.
Пьетъ онъ... ахъ! какъ же малю-
точкѣ сладко, свѣжо и свободно.
Рядится красное солнышко; вотъ
нарядилось, умылось,
На горы вышло съ своимъ руко-
дѣльемъ; идетъ по небесной
Свѣтлой дорогѣ; прилежно рабо-
тая, смотритъ на землю,
Словно какъ мать на дитя, и ма-
люткѣ съ небесъ улыбнулось,
Такъ улыбнулось, что всѣ корешки
молодые взыграли:
„Доброе солнышко! даромъ вель-
можа, а всякому ласка!“
Въ чемъ же его руководѣль? Точѣтъ
облачко дождевое.
Смотришь: посмеркло, вдругъ кап-
летъ, вдругъ полилось... занумѣло...
Жадно зародышекъ пьетъ; но по-
дулъ вѣтерокъ—онъ обсохнулъ.
„Нѣтъ [говоритъ онъ], теперь ужъ
подъ землю меня не заманять.
Что мнѣ въ потемкахъ! Здѣсь я
останусь; пусть будетъ, что бу-
детъ!“
Кушайте, свѣты мои, на здоровье,
Господь васъ помилуй!
Ждетъ и малюточку тѣжное время:
темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и
прячется солнце;
Снѣгъ и метель на горахъ, и градъ
съ гололедицей въ полѣ.
Ахъ! мой бѣдный зародышекъ, какъ
же онъ забнетъ, какъ поетъ!
Что съ нимъ будетъ? Земля запер-
лась и негдѣ взять пищи.

„Гдѣ же [онъ думаетъ] красное
солнышко? Что не выходитъ?
Или боится замерзнуть? Иль и его
нѣтъ на свѣтѣ?
Ахъ! зачѣмъ покидалъ я родимое
зернышко? Дома
Было мнѣ лучше! сидѣть бы въ
пріятномъ теплѣ подъ землею“.
Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ;
и вамъ доведется
Вчужѣ, межъ злыми, чужими людъ-
ми, съ трудомъ добывая
Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы
сказавъ въ одинокой печали:
„Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть
у родимой за печкой!..“
Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему
есть конецъ; веселѣе
Будетъ и вамъ, какъ былинчкѣ.
Слушайте: въ ясный день майскій
Свѣжесть повѣяла... солнышко яр-
кое на горы вышло,
Смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ,
что съ нимъ? и крошку цѣлуетъ.
Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ
веселья не помнитъ!
Мало-по-малу, одѣлись поля муравой
и цвѣтами;
Вишня въ саду зацвѣла, зеленѣетъ
и слива, и въ полѣ
Гуще становится рожь, и ячмень,
и пшеница и просо;
Наша былинчка думаетъ: „Я на-
зади не останусь!“
Кстати-ль! листки распустила... кто
такъ прекрасно соткалъ ихъ?
Вотъ стебелекъ показался... кто
изъ жилочки въ жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до
маковки сочной?
Вотъ проглянулъ, налился и ка-
чается въ воздухѣ колось...
Добрые люди, скажите: кто такъ
искусно развѣсилъ
Почки по гибкому стеблю на то-
ненькихъ, шелковыхъ нитяхъ?
Ангелы; кто же другой? Они отъ
былинки къ былинкѣ
По полю взадъ и впередъ съ бла-
годатю небесной летаютъ.
Вотъ ужъ и цвѣтомъ нашъ нѣж-
ный, зыбучій колосикъ осыпанъ;
Наша былинка стоитъ, какъ не-
вѣста въ уборѣ вѣчальномъ.

Вотъ налилось и зерно и тихо-
хонько зрѣетъ; былинка
Шепчетъ, качая въ раздумьи голо-
вой: „Я не знаю, что будетъ“.
Смотришь: слетаются мошки, жучки
молодую поздравить;
Пляшутъ, толкуются кругомъ, при-
пѣваютъ ей: „многія лѣта“;
Въ сумерки-жъ, только что мошки,
жучки позаснутъ и замолкнутъ,
Тащится въ травѣ свѣтлякъ съ
фонаремъ посвѣтить ей въ потем-
кахъ.
Кушайте, свѣты мои, на здоровье,
Господь васъ помилуй!
Вотъ ужъ и Троицынъ день мино-
вался, и сѣно скосили,
Собраны вишни; въ саду ни одной
не осталось сливки;
Вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень,
и пшеницу, и просо;
Ужъ и на жниво собирать босикомъ
ребятишки сходились
Колосъ оброненный; имъ помогла
тихомолкомъ и мышка.
Что-то былиночка дѣлаетъ? О! ужъ
давно пополнила;
Много, много въ ней зернышекъ;
гнется и думаетъ: „Полно!
Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ
одной оставаться
Въ полѣ пустомъ межъ картофе-
лемъ, пухлою рѣпой и свеклой?“
Вотъ съ серпами пришли и Иванъ,
и Лука, и Дуняша;
Ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ
и вечеромъ пальцы;
Вотъ и снопы ужъ сушили въ
овинѣ; ужъ ихъ молотили
Съ трехъ часовъ поутру, до пяти
по-полудни на ригѣ;
Вотъ и гнѣдко потащился на мель-
ницу съ возомъ тяжелымъ;
Началъ жерновъ молотъ, и зер-
нышки стали мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой
коровки родная
Полный горшочекъ; сварила ки-
сель, чтобъ дѣтушкамъ кушать;
Дѣтушки скушали, ложки обтерли,
сказали: „спасибо!“

Двѣнадцать спящихъ дѣвъ.

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ
БАЛЛАДАХЪ.

[Изъ романа Шписа].

Опять ты здѣсь, мой благодатный
геній,
Воздушная подруга юныхъ дней!
Опять съ толпой знакомыхъ приви-
дѣній
Тѣснишься ты, мечта, къ душѣ
моей!..
Приди-жъ, о другъ, дай прежнихъ
вдохновеній.
Минувшею мнѣ живнiю повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья!

Ты образы веселыхъ лѣтъ прим-
чала—
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда
плѣняла,
Что рокъ, отнявъ, назадъ не от-
даетъ, —
Ты все опять, душа моя, узнала;
Проснулась скорбь, и жалоба зо-
ветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ
прежде
И здѣсь вотще повѣрившихъ на-
деждѣ.

Къ нимъ не дойдутъ послѣдней
пѣсни звуки;
Разсѣявъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертая къ
нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни уле-
тѣлъ.
Другихъ умчалъ могущій духъ раз-
луки;
Счастливый край, ихъ знавшій, опу-
стѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ
міра!..
Не имъ поетъ задумчивая лира.

И снова въ томномъ сердцѣ во-
скресаесть
Стремленье въ оный таинственный
свѣтъ;

Давнишний гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ генія по-
летъ;

И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ
лѣтъ:

Все близкое мнѣ зрится отдален-
нымъ,

Отжившее, какъ прежде, оживлен-
нымъ!

БАЛЛАДА ПЕРВАЯ.

ГРОМОБОЙ.

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВНЪ
ПРОТАСОВОЙ.

Моихъ стиховъ желала ты—
Желанье исполняю;
Тебѣ досугъ мой и мечты
И лиру посвящаю.
Вотъ повѣсть прадѣдовскихъ лѣтъ.
Еще-жъ одно—желанье:
Цвѣти, мой несравненный цвѣтъ,
Сердечъ очарованье;
Печаль по слуху только знай,
Будь радостію свѣта,
Моихъ стиховъ хоть не читай,
Но другомъ будь поэта!

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ-рѣкой,
Надъ страшною стремниной,
Въ глухую полночь Громобой
Сидѣлъ одинъ съ кручиной...

Окрестъ него дремучій боръ,
Утесы подъ ногами;
Туманенъ видъ полей и горъ,
Туманы надъ водами;
Подернуть мглою сводъ небесъ;
Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ темный лѣсъ,
И волкъ во мракѣ рыщетъ.

Сидитъ съ поникшей головой,
И думаетъ онъ думу:
„Печальный, горькій жребій мой!
Клянусь судьбу угрюму;
Дала мнѣ крестъ тяжелый несть;
Всѣмъ людямъ жизнь—отрада:
Тѣмъ—злато, тѣмъ—покой и честь,
А мнѣ сума—награда;
Нѣтъ крова защититъ главу
Отъ бури, непогоды...

Усталъ я, въ помощь васъ зову,
Днѣпровски быстры воды!“

Готовъ онъ прыгнуть съ крутизны..
И вдругъ... предъ нимъ явленье:

Изъ темной бора глубины
Выходитъ привидѣнье:
Старикъ, съ шершавой бородой,
Съ блестящими глазами,
Въ дугу согнутой надъ клюкою,
Съ хвостомъ, когтями, рогами.
Идетъ, приблизился, грозитъ
Клюкою Громобойю...

И тотъ, какъ вкопанный, стоитъ,
Зря диво передъ собою...

— „Куда?“ невѣдомый спросилъ.
„Въ волнахъ скончатъ мученья“.
— „Почто-жъ, бессмысленный, за-
былъ

Во мнѣ искать спасенья?“
„Кто ты?“ воскликнулъ Громобой,
Отъ страха цѣпенѣя.
— „Заступникъ, другъ, спаситель
твой!..

Ты видишь Асмодея.
„Творецъ небесный!“—„Удержись!
Въ молитвѣ нѣтъ отрады;
Забудь о Богѣ,—мнѣ молись;
Мои вѣрнѣй награды.

Прими отъ дружбы, Громобой,
Полезное ученье:
Постигнуть ты судьбы рукой,
И жизнь тебѣ мученье;
Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ
Я способенъ имѣю;
Къ тебѣ нежалостливъ Творецъ—
Прибѣгни къ Асмодею;
Могу тебѣ я силу дать,
И честь, и много злата,
И грудью буду я стоять
За друга и за брата!

Клянусь... свидѣтель ада богъ,
Что клятвы не нарушу;
А ты, мой другъ, за то въ залогъ
Свою отдай мнѣ душу!“
Невольно вздрогнулъ Громобой,
По членамъ хладъ стремится,
Земли не взвидѣлъ подъ собой,
Нѣтъ силъ перекреститься.
— „О чемъ задумался, глупецъ?“
„Страшусь мученій ада“.

— „Но рано-ль, поздно-ль... наконець,

Все адъ твоя награда!

„Тебѣ на свѣтѣ жить бѣда,
Покинуть свѣтъ другая;
Останься здѣсь, поди туда,
Вездѣ погибель злая.

Ханжи-причудники твердятъ:

„Лукавый бѣсъ опасень“.

Не вѣрь имъ—бредни! веселъ адъ,
Лишь въ сказкахъ онъ ужасень.

Мы жизнь пріятную ведемъ;

Нашъ адъ не хуже рая;

Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:

Лишь въ адѣ жизнь прямая.

„Тебѣ я теремъ пышный дамъ,

И тьму людей на службу;

Къ боярамъ, витязямъ, князьямъ,

Тебя введу я въ дружбу;

Досель красавицъ ты пугаль—

Придутъ къ тебѣ толпою;

И словомъ—вздумаль, загадалъ,

И все передъ тобою,

И вотъ въ задатокъ кошелекъ:

Въ немъ вѣчно будетъ злато,

Но десять лѣтъ, не болѣ, срокъ,

Тебѣ такъ жить богато!

Когда-жъ послѣдній день отъ
глазъ

Исчезнетъ за горою,

Въ послѣдній, полуночный часъ

Приду я за тобою!“

Сталь думу думать Громобой,

Подумаль, согласился,

И обольстителю душой

За злато поклонился.

Разрѣзавъ руку, написалъ

Онъ кровью обѣщанье;

Лукавый принялъ—и пропаль,

Сказавши: „до свиданья!“

И вышелъ въ люди Громобой—

Откуда что взялося!

И счастье на него рѣкой

Съ богатствомъ полилося;

Какъ княжескій, разубранъ домъ,

Подвалы полны злата;

Съ заморскимъ выходы виномъ;

И рѣдкостей палата;

Пирь—хоть постъ, хоть мясоѣдъ;

Музыка роговая;

Для всѣхъ—чужихъ, своихъ—обѣдъ,
И чаша круговая.

Возможно все въ его очахъ, —

Всему онъ повелитель.

И сильнымъ бичъ, и слабымъ страхъ,

И хищникъ, и грабитель,

Двѣнадцать дѣвъ похитилъ онъ

Изъ отческой ихъ сѣни:

Презрѣлъ невинныхъ жалкій стонъ

И родственниковъ пѣни;

И въ годъ двѣнадцать дочерей

Имѣлъ отъ обольщенныхъ;

И былъ ужъ чуждъ своихъ дѣтей

И крови узъ священныхъ.

Но чадъ оставленныхъ щитомъ

Былъ ангель ихъ хранитель:

Онъ далъ имъ пристань—Божій
домъ,

Смирения обитель.

Въ святыхъ стѣнахъ монастыря

Сокрылъ ихъ съ матерями,

Да славятъ Вышняго Царя

Невинныхъ устъ мольбами.

И горней благодати сѣнь

Была надъ ихъ головою;

Какъ вешній ароматный день,

Цвѣли онѣ красою.

Отъ раннихъ колыбельныхъ лѣтъ

До юности златя,

Имъ вѣдомъ былъ лишь Божій
свѣтъ,

Лишь подвиги благіе;

Отъ сна вставая съ юнымъ днемъ,

Стекалися во храмъ;

На клиросѣ, предъ алтаремъ,

Кадильницъ въ оиміамъ,

Въ священный литургіи часъ

Ихъ слышалоса пѣнье—

И сладкій непорочныхъ гласъ

Внимало Провидѣнье.

И слезы нѣжныхъ матерей

Съ молитвой ихъ сливались!

Когда во храмъ близъ мощей

Онѣ распростирались.

„О! дай имъ кровь, Небесный Царь,

[То было ихъ моленье]

„Да будетъ твой святой алтарь

Незлобныхъ душъ спасенье;

„Покинулъ ихъ родной отецъ,

Давъ бѣднымъ жизнь постылу;

Но призри ты сиротъ, Творецъ,
И грѣшника помилуй!..“

Но вотъ... насталь десятый годъ;
Уже онъ на исходѣ;
И грѣшникъ горьки слезы леть,—
Всему онъ чуждъ въ природѣ.
Опять украшены весной
Луга, пригорки, доли;
И пахарь весель надъ сохой,
И счастья полны селы;
Не зрять лишъ онъ златой вес-
ны:

Его померкли взоры;
Въ туманъ для нихъ погребены
Луга, долины, горы.

Денница-ль красная взойдетъ,
„Прости [гласить], денница!“
Въ дубравѣ-ль птичка пропоеть,
„Прости, весны пѣвица!..
„Прости, и мирные лѣса,
И нивы золотыя,
И неба свѣтлая краса,
И радости земныя!“
И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ;
Къ себѣ ихъ призываетъ;
И мнитъ: „Онѣ Творца смягчатъ;
Невиннымъ Богъ внимаеть“.

И вотъ... насталь послѣдній день;
Ужъ солнце за горою,
И стелется вечерня тѣнь
Прозрачной пеленою;
Ужъ сумракъ... смерклось... вотъ
луна

Блеснула изъ-за тучи;
Легла на горы тишина;
Утихъ и лѣсъ дремучій;
Рѣка сравнялась въ берегахъ,
Зажглись свѣтила ночи,
И сонъ глубокой на поляхъ;
И близокъ часъ полночи...

И мучимъ смертною тоской,
У Спасовой иконы
Безъ вѣры ищеть Громобой
Отъ ада обороны.
И юныхъ чадъ къ себѣ призвалъ—
Сердца ихъ близки раю,
„Увы, молитесь! [вопять]
Молитесь, погибаю!“
Младенца внятенъ небу стонъ:
Невинныя молились;

Но вдругъ... на нихъ находить
сонъ...

Замолкли... усыпились.

И все въ ужасной тишинѣ;
Окрестность, какъ могила;
Вотъ... каркнулъ воронъ на стѣнѣ,
Вотъ... стая псовъ завыла;
И вдругъ... протяжно полночь бьетъ;
Нашли на небо тучи,
Рѣка надулась, боръ реветъ,
И мчитъ прахъ летучій...
Увы!.. послѣдній страшный бой
Отгрянулъ за горами...
Гуль тише... смолкъ... и Громо-
бой

Зрять бѣса предъ очами.

— „Ты видѣлъ, рекъ онъ, день изъ
глазъ

Сокрылся за горою!

Ты слышалъ, билъ послѣдній часъ;
Пришелъ я за тобою!“

— „О! дай, молю, хоть малый срокъ;
Терзаюсь, адъ ужасенъ!“

— „Свершилось! неизбѣженъ рокъ,
И поздній вопль напрасенъ!“

„Минуту!“ — Слышишь? Пѣнь зву-
чить.

„О страшный часъ! Помилуй!“

И гробъ готовъ, и саванъ шить;
И роютъ ужъ могилу.

„Завтра день взойдетъ во мглѣ;
Подымутся стѣнаны —
Увидать трупъ твой на столѣ,
Недвижный, безъ дыханья:
Кадиль и свѣчъ въ дыму густомъ,
При тихомъ ликѣвѣ пѣньѣ,
Тебя запрутъ въ подземный домъ
Навѣки въ заточенье;
И страшно заступъ застучитъ
Надъ кровлей гробовою;
И тихо клиръ провозгласить:
„Усопшій, миръ съ тобою!“

„И миръ не будетъ твой удѣлъ:
Ты адово стяжанье!“

Но время... идутъ... часъ приспѣлъ...
Внимай ихъ завыванье;

Сошлись... призывный слышувличь...
Ихъ челюсти зяютъ;

Смола клокочетъ... свещеть бичь...
Оковы разжигаютъ...

„Спаситель-царь, вонми слезамъ!“

— „Напрасное моленье!“

„Увы! позволь хоть сиротамъ
Мнѣ дать благословенье.“

Младенцевъ спящихъ видитъ бѣсъ,
Сверкнули страшно очи!

— „Лишить ихъ царствія небесъ,
Предать ихъ адской ночи...“

Вотъ слава! мнѣ восплещеть адъ
И съ гордымъ сатанюю!“

И, усмиривъ грозящій взглядъ,
Сказалъ онъ Громобой:

— „Я внялъ твоей печали гласъ,—
Есть средство избавленья;

Покоренъ будь, иль въ адъ сейчасъ
На скорби и мученья!

Предай мнѣ души дочерей
За временну свободу,

И дамъ, по милости своей,
На каждую по году!“

„Злодѣй! губить невинныхъ чадъ!“
— „Ты медлишь? Приступите!

Низриньте грѣшника во адъ!
На части разорвите!

И вдругъ отсюду крикъ и стонъ;
Земля затрепетала;

И грянулъ громъ со всѣхъ сторонъ,
И тьма бѣсовъ предстала...

Чудовищъ адскихъ грозный сонмъ;
Бѣгутъ, гремятъ цѣпами,

И стали грѣшники кругомъ
Съ разверстыми когтями!

И ницъ повергся Громобой,
Безчувственъ, полумертвый;

И вопить: „Страшный врагъ, стой!
Стой, готовы жертвы!“

И скрылись всѣ. Онъ будить чадъ...
Онъ пишетъ ихъ рукою...

О страхъ! свершилось...плещеть адъ
И съ гордымъ сатанюю.

Ты казнь отсрочилъ, Громобой,
И дверь сомкнулась ада;

Но жить, погибнувши душой,
Коль страшная отрада!

Влачи унылы дни, злодѣй,
Въ болѣзни ожиданья;

Веселья нѣтъ душѣ твоей,
И нѣтъ ей упованья!

Увы! и красный Божій мѣръ,
И жизнь—ему постылы;

Онъ въ людствѣ дикъ, въ семействѣ
сирь;

Онъ живъ—снѣдь могилы.

Напрасно вѣетъ вѣтерокъ

Съ душистыя долины,

И свѣтъ луны сребритъ потокъ

Съвозъ темны липъ вершины,

И ласточка зари восходъ

Встрѣчаетъ щебетаньемъ,

И роца въ тѣнь свою зоветъ

Листочковъ трепетаньемъ,

И шумъ бѣгущихъ съ поля стадъ

Съ пастушьими рогами

Вечерній мракъ животворятъ,

Теряясь за холмами...

Его доселѣ свѣтлый домъ

Ужъ сумрака обитель.

Угрюмъ, съ нахмуреннымъ ли-
цомъ

Пировъ веселыхъ зритель,

Не пьетъ кипящаго вина

Изъ чаши круговья...

И страшень день, и ночь страшна,

И тѣни гробовья

Онъ всюду слышитъ грозный вой,

И въ часъ глубокой ночи

Бѣжить одра его покой,

И сонъ забыли очи...

И тьмы лѣсовъ страшится онъ:

Тамъ бродитъ привидѣнье;

То чудится полночный звонъ,

То погребально пѣнье;

Страшитъ его и бури свистъ,

И грозныхъ тучъ молчанье,

И съ шорохомъ падающій листь,

И роци содроганье.

Прокатится ль по небу громъ—

Влѣднѣтъ, дыбомъ волосъ:

„То мститель посланъ Божествомъ;

То казни страшный голосъ!“

И видъ прелестный юныхъ чадъ —
Ему не наслажденье.

Ихъ милый, чувства полный, взглядъ,

Спокойствіе, смиренье,

Краса—веселіе очей,

И гласа нѣжны звуки,

И сладость ласковыхъ рѣчей

Его сугубятъ муки!

Какъ роза—благовонный цвѣтъ

Подъ сѣнью надежной,

Онѣ цвѣтуть: имъ скорби нѣтъ,
Ихъ сердце безмятежно.

А онѣ?... Преступникъ... онѣ въ тоскѣ

На нихъ подъемля очи,
Отверсту видитъ вдальекѣ
Пучину адской ночи.

Онѣ плачеть; онѣ судьбу клянеть:

„О, милыя творенья,
Какой васъ лютый жребій ждетъ!

И гдѣ искать спасенья?

Напрасно вамъ дана краса,
Напрасно сердцу милы,
Закрыть вамъ путь на небеса,
Цвѣтете для могилы!

„Увы! пора любви придетъ:

Вамъ сердце тайну скажетъ,
Для васъ она украситъ свѣтъ,

Вамъ милаго покажетъ;
И взоръ наполнится тоской,

И тихимъ грудь желаньемъ,

И, распаленныя душой,

Влекомы ожиданьемъ,
Для васъ взойдетъ краснѣе день,

И будетъ лугъ душистѣй,

И сладостнѣй дубравы тѣнь,

И птичка голосистѣй! —

„И дни блаженства не придуть;

Страшитесь милой встрѣчи:

Для васъ не брачныя зажгутъ,

А погребальны свѣчи.

Не въ Божій, гимновъ полный храмъ,

Пойдете съ женихами...

Ужасный гробъ готовятъ намъ;

Прокляты небесами.

И вашъ удѣлъ—тоска и стонъ

Въ обителяхъ геенны...

О, грозный жребія законъ,

О, жертвы драгоцѣнны!...“

Но взоръ возвелъ онѣ къ небесамъ

Въ душевномъ сокрушеньи

И мнитъ—„самъ Богъ вѣщаетъ намъ:

Въ раскаяньи спасенье.

Возносятся предъ вышній тронъ

Преступниковъ стенанья!...“

И домъ свой обращаетъ онѣ

Въ обитель покаянья:

Да странникъ тамъ найдетъ покоя,

Вдова и сирый—друга,

Голодный—сладку снѣдь, больной—

Спасенье отъ недуга.

Съ утра до ночи у воротъ

Служитель на-сторожѣ;

Онѣ всѣхъ прохожихъ въ домъ зоветъ:

„Есть хлѣбъ-соль, мягко ложе!“

И вотъ уже изъ всѣхъ краевъ,

Влекомыя молвою,

Идутъ толпы сиротъ и вдовъ

И нищихъ къ Громобой;

И всѣхъ приемлетъ Громобой,

Всѣмъ дань его готова;

Онѣ щедрой злато льетъ рукой

Отъ имени Христова.

И Божій онѣ воздвигнулъ домъ, —

Подобье свѣтла рая;

Обитель иноковъ при немъ

Является святая;

И въ той обители святой,

Отъ братіи смиренной

Увѣчный, дряхлый, и больной,

И скорбью убійенный

Приемлютъ именемъ Творца

Отраду, испѣленье:

Да воскрешаемы сердца

Узнаютъ Провидѣнье!

И славный мастеръ призванъ былъ

Изъ греческаго края;

Онѣ въ храмѣ ликъ изобразилъ

Святого Николая;

На той иконѣ Громобой

Былъ видимъ съ дочерями,

И на молящихся святой

Взиралъ любви очами...

И день, и ночь огонь пылалъ

Предъ образомъ въ лампадѣ;

Въ златомъ вѣнцѣ алмазъ сіялъ,

И перлы на окладѣ.

И въ часъ, когда рѣдѣетъ тѣнь,

Еще дубрава дремлетъ,

И воцаряющійся день

Полнеба лишь объемлетъ,

И въ часъ вечерней тишины,

Когда вездѣ молчанье,

И свѣчи, въ храмѣ возжены,

Льютъ тихое сіянье—

Въ слезахъ раскаянья, съ мольбой,

Предъ образомъ, смиренно

Распростирался Громобой,

Веригой отягченный...

Но быстро, быстро съ горъ текутъ

Въ долину вешни воды,

И невозвратные бѣгутъ
 Дни, мѣсяцы и годы.
 Ужь время съ годомъ десять лѣтъ
 Невидимо умчало;
 Последняго двухъ третей нѣтъ—
 И будто не бывало;
 И нѣкій неотступный гласъ
 Вѣщаетъ Громобой:
 „Всему конецъ! твой близокъ часъ,
 Погибель надъ тобою!“

И вотъ... недугъ повергнулъ злой
 Его на одръ мученья.
 Растерзанъ лютою рукой,
 Не чая исцѣленья,
 Всечасно предъ собой онъ зреть
 Отверстую дверь могилы;
 И у возглавля сидить
 Надъ нимъ призракъ унылый.
 И нѣтъ ужъ силъ ходить во храмъ
 Къ иконѣ чудотворной,
 Лишь взоръ стремить онъ къ небе-
 самъ,
 Молящій, но покорный.

Увы! ужъ и послѣдній день
 Край неба озлащаетъ;
 Сквозь темную дубраву сѣнь
 Блистанье проникаетъ;
 Все тихо, весело, свѣтло;
 Все нѣгой сладкой дышитъ;
 Рѣка прозрачна, какъ стекло;
 Едва, едва колышетъ
 Листами легкой вѣтерокъ;
 Въ поляхъ благоуханье,
 Къ цвѣтку прильнулъ лишь мотылекъ
 И пьетъ его дыханье.

Но грѣшникъ сей встрѣчаетъ день
 Со стономъ и слезами:
 „О, рано ты, ночная тѣнь,
 Разсталась съ небесами!
 Сойдитесь, дѣти, одръ отъ
 Съ молитвой окружите,
 И предъ судилище Творца
 Стенанія пошлите!
 Ужасенъ намъ сей ночи мракъ;
 Взывайте: Искуситель,
 Смягчи грозящій гнѣва зракъ:
 Не будь намъ строгій мсти-
 тель!“

И страшнаго одра кругомъ—
 Гдѣ блѣденъ, изможденный,

Съ обезображеннымъ челомъ
 Всѣ кости обнаженны,
 Брада до чреслъ, власы горой,
 Взоръ дикій, впали очи,
 Вопиль отъ муки Громобой
 Съ утра до поздней ночи—
 Стеклися дѣвы, ясный взоръ
 На небо устремили,
 И въ тихій къ Провидѣнью хоръ
 Сердца совокупили.

О, видъ, угодный небесамъ!
 Такъ ангелы спасенья,
 Вонмя раскаянья слезамъ,
 Съ улыбкой примиренья,
 Въ очахъ отрада и покой,
 Отъ горняго чертога
 Нисходятъ съ милостью святой
 Предшественники Бога
 Къ одру болѣзни въ смертный часъ...
 И, утомленъ страданьемъ,
 Сынъ гроба слышитъ тихій гласъ:
 „Отыди съ упованьемъ!“

И дѣвы, чистыя душой,
 Подъемя къ небу руки
 Смиренной мыслили мольбой
 Отца покоить муки;
 Но ужасъ близкаго конца
 Надъ нимъ уже носился;
 Языкъ коснѣющей Творца
 Еще молить стремился;
 Тоскуя, взоромъ онъ искалъ
 Сіянія денницы...
 Но взоръ недвижный угасалъ,
 Смыкалися зѣницы.

„О, дѣти, дѣти! гаснетъ день!“
 — „Нѣтъ, утро; лишь проснулась
 Заря на холмѣ; черна тѣнь
 По долу протянулась;
 И нивы пусты... въ высотѣ
 Лишь жаворонокъ вьется.
 „Увы! завтра въ красотѣ
 Опять сей день проснется!
 Но мы... ужъ скрылись отъ земли;
 Уже насъ гробъ снѣдаетъ;
 И мѣсто, гдѣ поднесъ цвѣли,
 Насъ болѣ не признаетъ.“

„Несчастныя, дерзнулъ на васъ
 Изречь благословенье?
 И въ самой вѣчности для насъ
 Погибло примиренье!“

Но не сопутствуйте отцу
 Съ проклятіемъ въ могилу;
 Молитесь, воззовемъ къ Творцу:
 „Разгнѣванный, помилуй!“
 И дѣти, страшныхъ сихъ рѣчей
 Не всю объемя силу,
 Съ невинной ясностью очей
 Воекликнули: „помилуй!“

„О, дѣти, дѣти, ночь близка!“
 — „Лишь полдень наступаетъ;
 Пастухъ у водъ для холода
 Со стадомъ отдыхаетъ,
 Молчать поля, въ долинѣ сонъ,
 Пылаетъ небо знойно“.
 „Мнѣ чудится надгробный стонъ!“
 — „Все тихо и спокойно,
 Лишь свѣжій вѣтерокъ, порой
 Подъемясь съ поля, дуетъ,
 Лишь иволга въ глуши лѣсной
 Повременно воркуетъ!“

„О, дѣти, свѣтлый день угасъ!“
 — „Ужъ солнце за горою;
 Ужъ по закату разлилась
 Багряною струею
 Заря, и съ пламенныхъ небесъ
 Спокойный вечеръ сходить,
 На заревѣ чернѣть лѣсъ,
 Въ долинѣ сумракъ бродить.“
 „О, вечеръ сумрачный, постой!
 Помедли, день прелестной!
 Помедли, взоръ не узритъ мой
 Тебя ужъ въ поднебесной!..“

О, дѣти, дѣти, ночь близка!“
 — „Заря ужъ догорѣла,
 Въ туманъ одѣлася рѣка.
 Окрестность поблѣднѣла,
 И на распутіи пылать
 Стада, спѣша къ селеню.
 „Спасите! полночь бѣтъ!“ — Зво-
 нять
 Въ обители къ моленю:
 Отцы ноютъ хвалебный гласъ,
 Огнями храмъ блистаетъ.
 При нихъ и грѣшникъ. Въ страш-
 ный часъ
 Къ тебѣ, Творецъ, взываетъ!..“

„Не тмится-ль, дѣти, неба сводъ?
 Не мчатся-ль черны тучи?
 Не вздулъ ли вихоръ бурныхъ водъ?
 Не вьется-ль прахъ летучій?“

Все тихо... служба отошла,
 Обитель засыпаетъ;
 Луна полнеба протекла;
 И Божій храмъ сіяетъ
 Одинъ съ холма въ окрестной мглѣ;
 Луга, поля безмолвны,
 Огни потухнули въ селѣ,
 И рощи спать, и волны...

И всюду тишина была:
 И вся природа, мнилось,
 Предустрешенная ждала,
 Чтобъ чудо совершилось...
 И вдругъ... какъ будто вѣтерокъ
 Повѣялъ отъ востока,
 Чуть тронулъ дремлющій листокъ,
 Чуть тронулъ зыбъ потока...
 И вѣбій гласъ промчался съ нимъ...
 Какъ будто надъ звѣздами
 Коснулся арфы серафимъ
 Эфирными перстами...

И тихо, тихо Божій храмъ
 Отверзся... Неизвѣстный
 Явился старецъ дѣвѣ очамъ;
 И ликъ красы небесной,
 И кротость благодатныхъ очей,
 Рождали упованье;
 Одѣявъ ризою лучей,
 Окрестъ главы сіянье,
 Онъ не касался до земли
 Въ воздушномъ приближеніи...
 Предъ нимъ незримыя текли
 Надежда и Спасенье.

Сердца ихъ ужасъ обуялъ...
 „Кто этотъ, въ славѣ зримый?“
 Но близъ одра уже стоялъ
 Пришлецъ неизъяснимый.
 И къ дѣвамъ прикоснулся онъ
 Полой своей одежды,
 И тихій во мгновение сонъ
 На ихъ простерся вѣжды.
 На искаженный старца ликъ
 Онъ кинулъ взглядъ укора,
 И трепетъ въ грѣшника проникъ
 Отъ пламеннаго взора.

„О! кто ты, грозный сынъ небесъ?
 Твой взоръ мнѣ наказанье!“
 Но страшный строгостью очесъ
 Пришлецъ хранить молчанье...
 „О, дай, молю, твой слышать гласъ!
 Одно надежды слово!“

Идетъ неотразимый часъ!

Событiе готово!“

— „Вы ликъ во храмъ чтили мой;

И въ томъ изображеньи

Моя десница надъ тобой

Простерта во спасенье!“

„Ахъ! что жъ Могущiй повелѣлъ?“

— „Надѣйся и страшися!“

„Увы! какой насъ ждетъ удѣлъ?

Что жребiй ихъ.“— „Молися!“

И руки положивъ крестомъ

На грудь изнеможенну,

Предъ неиспытаннымъ Творцомъ

Молитву сокрушенну

Умолкшiй пролилъ въ слезахъ,

И тяжело грудь дышала,

И въ призывающихъ очахъ

Вся скорбь души сияла...

Вдругъ началъ тмиться неба сводъ—

Мрачнѣе и мрачнѣе;

За тучей грозною ползеть

Другая велѣдъ грознѣе;

И страшно сшиблись надъ гла-
вой;

И небо заклубилось;

И вдругъ... повсюду съ черной мглой

Молчанье воцарилось...

И близокъ часъ полночи былъ...

И ризою святою

Угодникъ спящихъ дѣвъ накрылъ,

Отступника—десною.

И устремленны на востокъ

Горѣли старца очи...

И вдругъ, сквозь сонъ и мракъ глу-
бокъ,

Въ пучинѣ черной ночи,

Завылъ протяжно вѣщiй бой,

Окрестность съ нимъ завыла;

Вдругъ... страшной молнiи струей

Сводъ неба раздвоила,

По тучамъ вихоръ пробѣжалъ,

И съ сильнымъ грома трескомъ,

Ревущей бурѣ, бѣсъ предсталъ,

Одѣянъ адскимъ блескомъ.

И змѣи въ пламенныхъ власахъ,

Клубясь, шипятъ и свищутъ;

И радость злобная въ очахъ—

Кругомъ, сверкая, рыщутъ;

И тяжелой цѣпью онъ гремѣлъ—

Увлечъ добычу льстился;

Но старца грозного узрѣлъ—

Утихнулъ и смирился;

И вмигъ горднни блескъ угасъ;

И, смутенъ, вопрошаетъ:

— „Что, мощный врагъ, тебя въ
сей часъ

Къ симъ надшимъ призываетъ?“—

„Я зрѣлъ мольбу ихъ предъ со-
бой“.

— „Они мое стяженъ!“—

„Передъ небеснымъ судiей

Всесильно покаянъ“.

— „И часъ суда его притекъ:

Ихъ жребiй совершился!“—

„Еще ко Благости не рекъ

Онъ въ гнѣвъ: удалися!“—

— „Онъ правъ—иявладыкаимъ!“—

„Онъ благъ—я имъ храни-
тель“.

— „Исчезни, адъ неотразимъ!“

„Отвѣтствуй, Искушитель!“

И громъ съ востока пролетѣлъ;

И бездну тучъ трикраты

Разсѣлъ браздами яркихъ стрѣлъ

Перунъ огнекрылатый;

И небо съ края въ край зажглось,

И застонало въ страхъ;

И дрогнула земная ось...

И, воющiй во прахъ,

Творца грядуща слышитъ бѣсъ;

И молится Хранитель...

И грянулъ изъ среды небесъ

Глаголомъ Вседержитель.

„Гряду судить! и вѣчный судъ

Несетъ Моя десница!

Мнѣ казнь и благодъ предте-
кутъ...

Во прахъ, чадоубiйца!“

О, всемогущество словесъ!

Уже отступникъ—тлѣнъ;

Потухъ послѣднiй свѣтъ очесъ,

Въ костяхъ оцѣненнѣе;

И ликъ кончиной искаженъ,

И сердце охладѣло,

И отъ сомкнувшихся устенъ

Дыханье отлетѣло.

„И праху—обладатель адъ,

И гробу—отверженъ,

Доколь на погубленныхъ чадъ

Не снидетъ искупленъе.

И чадамъ—непробудный сонъ;
И тотъ, кто чистъ душою,
Кто, ихъ не зрѣвши, распаленъ
Одной изъ нихъ красою,
Придетъ, житейское презрѣвъ,
Въ забвенну ихъ обитель,
Есть обреченный спящихъ дѣвъ
Отъ неба искупитель.

„И будутъ спать: и къ нимъ вѣка
Въ полетѣ не коснутся,
И пройдетъ глѣбнѣя рука
Ихъ мимо, и проснутся
Съ неизмѣнлившейся красой
Для жизни обновленной,
И низойдетъ тогда покой
Къ могилѣ искупленной,
И будетъ миръ въ его костяхъ,
И претворенный въ радость,
Творца постигнувъ въ небесахъ,
Речетъ: „Господь есть Бла-
гость!..“

Ужъ вѣстникъ утра въ высотѣ;
И слышенъ громкій пѣтель
И день въ воздушной красотѣ
Летитъ, какъ радость, свѣ-
тель...
Узрѣли дѣвъ объятыхъ сномъ,
И старца трупъ узрѣли;
И мертвый страшень былъ ли-
цомъ!
Глаза, не зря, смотрѣли;
Какъ будто страждущъ, прижи-
малъ
Онъ къ хладнымъ персямъ руки,
И на устахъ его рожгаль,
Казалось, голосъ музи.

И спящихъ ликъ покоенъ былъ:
Невидимо крылами
Ихъ тихій ангелъ облачилъ;
И райскими мечтами
Чудесный былъ исполненъ сонъ,
И сладкимъ ихъ дыханьемъ
Окрестъ былъ воздухъ растворенъ
Какъ розъ благоуханьемъ,
И расцвѣтали ихъ уста
Улыбкою прелестной,
И ихъ являлась красота,
Въ спокойствіи, небесной.

Но вотъ ужъ гробъ одѣтъ парчой,
Отверзлася могила,

И слышенъ колокола вой,
И теплются кадила;
Идутъ и старъ, и младъ во храмъ,
Подъежится рыданье,
Даютъ безчувственнымъ устамъ
Послѣднее лобзанье;
И гранулъ въ гробъ ужасный млатъ,
И взять ужъ гробъ землею,
И ликъ воспѣлъ: „усопшій братъ,
Навѣки миръ съ тобою!“

И вотъ и старъ, и младъ пошли
Обратно въ домъ печали,
Но вдругъ предъ ними изъ земля
Вкругъ дома грозно встали
Гранитны стѣны—верхъ зубчатъ,
Бока одѣты лѣсомъ—
И, сгрянувшись, затворы вратъ
Задвинулись утесомъ.
И вспять погналъ пришельцевъ
страхъ,
Бѣгутъ, не озираясь;
„Небесный гнѣвъ на сихъ стѣ-
нахъ!“
Вѣщаютъ, содрогаясь.

И стала та страна съ тѣхъ поръ
Добычей запустѣнья,
Поля покрылъ дремучій боръ,
Разсыпались селенья.
И человѣчій гласъ умолкъ;
Лишь филинъ на утесѣ
И въ ночь осенню гладный волкъ
Тамъ воютъ въ черномъ лѣсѣ;
Лишь дико межъ сѣдыхъ береговъ,
Спираема корнями
Изытыхъ бурей дубовъ,
Рѣка клубитъ волнами.

Гдѣ древле окружала храмъ
Отшельниковъ обитель,
Тамъ грозно свищетъ по стѣнамъ
Змѣя, развалинъ житель;
И гимнъ по сводамъ не гремитъ,
Лишь, вѣющій порою,
Пустынный вѣтеръ шевелитъ
Въ развалинахъ травую;
Лишь, отторгаясь отъ стѣнъ,
Катятся камни съ шумомъ,
И гулъ на время пробужденъ
Шумитъ въ лѣсу угрюмомъ.

И на туманистомъ холмѣ
Могильный зрится камень

Надъ нимъ всегда въ полночной
 тьмѣ
 Сіяетъ блѣдный пламень.
 И крестъ поверженный обвить
 Листами повилки,
 На немъ угрюмый вранъ сидитъ,
 Могилы стороже дикій.
 И все, какъ мертвое, окрестъ:
 Ни листъ не шевелится,
 Ни звѣрь близъ сихъ не пройдетъ
 мѣстъ,
 Ни птица не промчится.

Но полночь лишь сойдетъ съ не-
 бесь—
 Вранъ черный встрепенется,
 Зашепчетъ пробужденный лѣсъ,
 Могила потрясется;
 И видима бродяща тѣнь
 Тогда въ пустынѣ ночи,
 Какъ блѣдный на туманѣ день,
 Ея сияютъ очи;
 То взоръ возводитъ къ небе-
 самъ,
 То, съ видомъ тяжелой муки,
 Къ непроницаемымъ стѣнамъ,
 Моля, подѣмлетъ руки.

И въ нѣдрѣ неприступныхъ стѣнъ
 Молчаніе могилы;
 Окрестъ ихъ, мглою покровенъ,
 Сѣдѣетъ лѣсъ унылый;
 Тамъ вѣтеръ не шумитъ въ ли-
 стахъ,
 Не слышно водъ журчанья,
 Ни благовонія въ цвѣтахъ,
 Ни въ травкѣ нѣтъ дыханья,
 И дѣвы спятъ — ихъ сонъ глу-
 бокъ;
 И жребій искупленья,
 Безвѣстно, близокъ, иль далекъ;
 И нѣтъ имъ пробужденья.

Но въ часъ, когда поля заснуть,
 И мглой земля одѣта
 [Между торжественныхъ минутъ
 Полночи и разсвѣта],
 Одна изъ спящихъ возстаетъ—
 И, странникъ одинокій,
 Свой срочный начинаетъ ходъ
 Кругомъ стѣны высокой;
 И смотритъ вдаль, и ждетъ съ
 тоской:
 „Приди, приди, спаситель!“

Т. II, вып. 2.

Но даль покрыта черной мглой...
 Нейдетъ, нейдетъ спаситель!
 Когда-жъ исполнится луна,
 Чреда приходитъ смѣны;
 Въ урочный часъ пробуждена,
 Одна идетъ на стѣны,
 Другая къ ней со стѣнъ идетъ,
 Встрѣчается, и руку,
 Вздохнувъ, пришелицѣ даетъ
 На долгую разлуку;
 Потомъ къ почюющимъ сестрамъ,
 Задумчива, отходить,
 А та печальна по стѣнамъ
 Одна до смѣны бродитъ.

И скоро - ль? Долго - ль?.. Какъ
 узнать?
 Гдѣ вѣстникъ искупленья?
 Гдѣ тотъ, кто властенъ побѣж-
 дать
 Всѣ ковы обольщенья,
 Къ прелестной прилѣпленъ мечтѣ?
 Кто могъ бы, чистъ душою,
 Небесной вѣренъ красотѣ,
 Непобѣдимъ земною,
 Все предстоящее презрѣть,
 И съ вѣрою смиренной,
 Надежды полонъ, вдаль летѣть
 Къ награждѣ сокровенной?...

БАЛЛАДА ВТОРАЯ.

ВАДИМЪ.

ДМИТРИЮ НИКОЛАЕВИЧУ ВЛУДОВУ.

Вотъ повѣсти моей конецъ,
 И другу посвященъе,
 Пѣвцу-жъ смиренному вѣнецъ
 Будъ дружбы одобренъе.
 Вадимъ мой росъ въ твоихъ глазахъ,
 Твой вкусъ мнѣ былъ учитель;
 Въ моихъ запутанныхъ стихахъ,
 Какъ тайный вождь-хранитель,
 Онъ путь мнѣ къ цѣли проложилъ;
 Но въ пользу-ли услуга!
 Не-знаю... Дѣвъ я разбудилъ,
 Не уснитъ бы друга.

Въ великомъ Новградѣ Вадимъ
 Плѣнялъ всѣхъ красотою,
 И дерзкимъ мужествомъ своимъ,
 И сердца простотою.

Его утѣха—по лѣсамъ
 Скитаться за звѣрами;
 Ужасный вепрамъ и волкамъ
 Разящими стрѣлами
 Въ осенній хладъ и лѣтній зной
 Онъ съ вѣрнымъ псомъ на
 ловлѣ;
 Ему постели—мохъ лѣсной,
 А сводъ небесный—кровлей.

Уже двадцатая весна
 Вадимова настала;
 И чувства тайнаго полна,
 Душа въ немъ унывала.
 „Чего искать? Въ какихъ стра-
 нахъ?
 Къ чему стремить желанье?“
 Но все—и тишина въ лѣсахъ,
 И быстрыхъ водъ журчанье,
 И дни мѣняющійся видъ
 На облакъ небесномъ,
 Все, все Вадиму говоритъ
 О чемъ-то неизвѣстномъ.

Однажды, ловлей утомленъ,
 Близъ Волхова на брегѣ,
 Онъ погрузился въ легкой сонъ...
 Струи въ свободномъ бѣгѣ
 Шумѣли, по корнямъ древесъ
 Съ плесканьемъ разливаясь;
 Душой весны былъ полонъ лѣсъ;
 Листочки, развиваясь,
 Дышали жизнью молодой;
 Все благовонно было...
 И солнце съ тверди голубой
 Къ холмамъ ужъ нисходило.

И къ утру видитъ сонъ Вадимъ:
 Одѣянъ ризой бѣлой,
 Предсталъ чудесный мужъ предъ
 нимъ—
 Во взорѣ лучъ веселый,
 Лицъ важный свѣтелъ, станъ вы-
 сокъ,
 На сѣдинахъ блистанье,
 Въ рукѣ серебряный звонокъ,
 На персяхъ крестъ въ сѣнѣхъ;
 Онъ шель, какъ будто бы ле-
 тѣлъ,
 И, осѣнивъ перстами,
 Благовѣстящими воззрѣлъ
 На юношу очами.
 „Вадимъ, желанное вдали!
 Вѣрь небу, жди смиренно,

Все измѣняетъ на земли,
 А небо неизмѣнно;
 Стремись, я—проводжатый твой!“
 Сказалъ — и въ то-жъ мгно-
 венье

Вдали явилось голубой
 Прелестное видѣнье:
 Младая дѣва, лицъ закрытъ
 Завѣсою туманной,
 И на главѣ ея лежитъ
 Вѣнокъ благоуханной.

Вздыхая жалобно, рукой
 Манило привидѣнье
 Идти Вадима за собой...
 И юноша въ смятенъи,
 Къ ней, сердцемъ вспыхнувъ, по-
 летѣлъ...
 Но вдругъ... призракъ сокрылся,
 Вдали звонокъ одинъ гремѣлъ,
 И блѣдный лучъ свѣтился;
 И вмѣстѣ съ дѣвою пропалъ
 Старикъ въ одеждѣ бѣлой...
 Вадимъ проснулся: день сіялъ,
 А въ вышинѣ... звенѣло.

Онъ смотритъ вдалъ на свѣтлый
 югъ:
 Такъ ясно все и чисто;
 Оттолъ черезъ обширный лугъ
 Струю серебрястой
 Катился Волховъ; небеса
 Сливались тамъ съ землею;
 Туда, за холмы, за лѣса,
 Мчалъ облака толпою
 Летучій, вешній вѣтерокъ...
 Смятенный, въ ожиданьи,
 Онъ смотритъ, слушаетъ... зво-
 нокъ.
 Умолкъ—и все въ молчаньи.

Три сряду утра тотъ же сонъ;
 Душа его въ волненьѣ.
 „О, что же ты, взываетъ онъ,
 Прекрасное явленье?
 Куда зовешь, волшебный гласъ?
 Кто ты, пришлецъ священ-
 ный?
 Ахъ! гдѣ она? Увижу-ль васъ?
 И сердцу откровенный
 Предѣлъ откроется-ль очамъ?..“
 Но отчетно онъ очами
 Летитъ къ далекимъ небесамъ...
 Туманъ подъ небесами.

И цѣлый міръ его мечтой.
 Предъ нимъ одушевился,
 Востокъ ли свѣжею красой
 Денницы золотился—
 Ему являлся тамъ покровъ
 На образѣ престольномъ.
 Дышалъ ли запахомъ цвѣтовъ —
 Въ немъ скорбь о неизвѣстномъ
 Стремленіе вдаль, любви тоска,
 Томленіе разлуки;
 И въ каждомъ шумѣ вѣтерка
 Звонка призывны звуки.

И онъ, невластный побѣдить
 Могущаго стремленья,
 Къ отцу и къ матери просить
 Идетъ благословенья.
 „Куда? [печальная въ слезахъ
 Сказала мать сыну]
 Въ чужихъ испытывать странахъ
 Невѣрную судьбину?
 Постой! на родинѣ твоей
 Домъ отчій безопасный;
 Здѣсь сладостна любовь друзей,
 Здѣсь дѣвицы прекрасны!“

— „Увы! желаннаго здѣсь нѣтъ;
 Спокой себя, родная!
 Меня отъ васъ въ далекій свѣтъ
 Ведеть рука святая.
 И не задремлетъ ни на часъ
 Хранитель постоянный.
 Но гдѣ онъ? Чей я слышалъ гласъ?
 Кто вождь сей безымянный?
 Куда ведетъ? Какой стезей?
 Не знаю—и напрасенъ
 Въ незнаньи страхъ... живъ спут-
 никъ мой;
 Путь вѣры безопасенъ.“

Надѣвъ на сына крестъ златой,
 Отвѣтствуетъ родная:
 „Прости, да будетъ надъ тобой
 Его любовь святая!“
 Снимаетъ со стѣны отецъ
 Свои доспѣхи ратны:
 „Прости, вотъ мечъ мой, кладе-
 нецъ,
 Мой щитъ и шлемъ булатный“.
 Сынъ въ землю матери, отцу;
 Цѣдуетъ образъ, плачетъ;
 Конь борзій подведенъ къ крыльцу;
 Онъ сѣлъ—онъ крикнулъ—ска-
 четъ...

И пыльный по дорогѣ слѣдъ
 Поднялъ конь быстроногой;
 Но вотъ уже и слѣда нѣтъ,
 И пыль слилась съ дорогой...
 Вздохнулъ отецъ; со вздохомъ мать
 Пошла въ свою свѣтлицу;
 Ей долго ночь въ слезахъ встрѣ-
 чать,
 Въ слезахъ встрѣчать денницу;
 Передъ Владычицей зажгла
 Съ молитвою лампаду,
 Чтобы ему покровъ была,
 Чтобы ей дала отраду.

Вотъ на распутіи Вадимъ;
 Весь міръ неизмѣримый
 Ему открытъ; за нимъ, предъ нимъ,
 Поля необозримы;
 Въ чужбинѣ онъ; въ желанный край
 Невѣдома дорога.
 „Что-жъ медлишь? Вѣрь—не выби-
 рай;

Впередъ, во имя Бога;
 Куда и какъ привести меня,
 То вождь мой знаетъ болѣ!“
 Такъ онъ подумалъ—и коня
 Пустилъ бѣжать по волѣ,

И добрый конь какъ будто самъ
 Свою дорогу знаетъ,
 Онъ все на югъ, онъ по полямъ
 Путь новый пробиваетъ.
 Потокъ ли встрѣтитъ—и въ потокъ,
 Лишь только пѣна прыщеть,
 Ко рву-ль примчится—разомъ скокъ,
 Лишь только воздухъ свищеть;
 Заглохъ ли лѣсъ—съ нимъ широка
 Дорога въ чащѣ лѣса;
 Утесъ ли крутъ—онъ сѣдока
 Стрѣлой на крутъ утеса.

Бѣгутъ за днями дни... Вадимъ
 Все далѣ; конь послушный
 Не устаетъ, и всюду имъ
 Въ пути приемъ радушный;
 Ко граду-ль случай заведетъ,
 Къ селу-ль, къ лачужкѣ-ль дым-
 ной,

Вездѣ пришельцу у воротъ
 Привѣтъ гостепримный,
 Вездѣ заботливо даютъ
 Хлѣбъ-солъ на подкрѣпленье,
 На темну ночь святой приютъ,
 На путь благословенье.

Когда-жъ застигнетъ мракъ ночной
 Въ лѣсу, иль въ полѣ чистомъ,
 Нашъ витязь, щитъ подъ головой,
 Спитъ на коврѣ росистомъ
 Благоуханной муравы;

Надъ нимъ, катясь, сіяютъ
 Ночныя звѣзды; вокругъ главы
 Младые сны летаютъ;
 И конь, не дремля, сторожить;
 И къ сторонѣ той, мнится,
 И звѣрь опасный не бѣжитъ,
 И змѣй приползть боится.

И дни бѣгутъ—весна прошла,
 И соловьи отпѣли,
 И лина въ рощахъ расцвѣла,
 И нивы пожелтѣли.
 Вадимъ все далѣ; ужъ предъ нимъ
 Широкий Днѣпръ сіяетъ;
 Онъ ѣдетъ берегомъ крутымъ,
 И взоръ его летаетъ
 Съ высотъ по злачнымъ берегамъ:
 Здѣсь видитъ лугъ цвѣтущій,
 Тамъ златоверхій городъ, тамъ
 Близъ водъ рыбачьи кущи.

Однажды—вечеръ знойный рдѣлъ
 На небѣ, лѣсъ дремучій
 Сквозь пламень зарева синѣлъ,
 И громовыя тучи
 Вслѣдъ за багровою луной
 Съ востока поднимались
 И яркой молніи змѣей
 Въ ихъ нѣдрѣ извивались, —
 Вадимъ вѣзжаетъ въ темный лѣсъ;
 Тамъ все въ тѣни молчало,
 Лишь трепетаніе дровесъ
 Грозу предвозвѣщало.

И дичь являлася кругомъ;
 Чуть небеса сквозъ сѣни
 Свѣтили гаснущимъ лучомъ;
 И дерева, какъ тѣни,
 Мелькали въ безднѣ темноты
 Съ разверстыми вѣтвями;
 Вадимъ впередъ—хрустятъ кусты
 Подъ конскими ногами;
 Вездѣ плетень изъ сучьевъ имъ
 Дорогу задвигаетъ...
 Но ихъ мечомъ крушитъ Вадимъ,
 Конь гудью разрываетъ...

И ѣдетъ онъ ужъ цѣлый часъ;
 Вдругъ—жалобныя крики;

То нѣжный и молящій гласъ,
 То яростный и дикій.
 Зажглася въ немъ кровь, на вопли онъ
 Сквозъ чащу вѣтвей рвется;
 Конь пышетъ, лѣсъ трещитъ и стонъ
 Все ближе раздается;
 И вдругъ подъ нимъ въ дичи глухой,
 Какъ будто изъ тумана,
 Чуть освѣщенная луной,
 Открылася поляна.

И чтѣ-жъ у витязя въ глазахъ?
 Шумя между кустами,
 Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
 Съ дубиной за плечами,
 Огромный великанъ бѣжитъ
 И на рукахъ могучихъ
 Красавицу младую мчитъ;
 Она въ слезахъ горючихъ,
 То силится бороться съ нимъ,
 То скорбно вопить къ Богу...
 „Стой!“ крикнулъ хищнику Вадимъ,
 И заслонилъ дорогу.

Ни слова тотъ на грозну рѣчь, —
 Какъ бѣшенный отпрянулъ,
 Сорвалъ дубину съ крѣпкихъ плечъ
 Взмахнулъ, въ Вадима грянулъ,
 И очи вслыхнули, какъ жаръ...
 Конь легкій отшатнулся,
 Въ корнистый дубъ пришелъ ударъ,
 И дубъ, треща, погнулся;
 Вадимъ всей силою меча
 Ударилъ въ исполина —
 Рука отпала отъ плеча,
 И въ прахъ легла дубина.

И хищникъ, рухнувъ, захрипѣлъ
 Подъ конскими ногами,
 Рванулъ встать, оцѣпенѣлъ,
 И стихъ, грозя очами;
 И смерть молчаньемъ заперла
 Уста, вопить отверсты;
 И, роя землю, замерла
 Рука, разинувъ персты.
 Спѣшить къ похищенной Вадимъ;
 Она, какъ листъ, дрожала,
 И, сѣвши на коня за нимъ,
 Въ слезахъ къ нему припала.

„Скажи мнѣ, дѣвица, кто ты?
 Кто буйный оскорбителъ
 Твоей дѣвичьей красотъ?
 И гдѣ твоя обитель?“

— „Князь кievскій—родитель мой;
Градъ Кіевъ недалеко;
Проѣдемъ скоро лѣсъ густой,
Увидимъ брегъ высокій;
Подъ бегомъ тѣмъ кипятъ, шумятъ
Въ скалахъ струи Днѣпровы,
На брегѣ томъ и Кіевъ-градъ,
Озолоченны кровы.

„Я тамъ дни мирные вела,
Не знаясь съ кручиной,
И въ старости отцу была
Утѣхою единой.
Не въ добрый часъ литовскій князь,
Врагъ церкви православной,
Меня узрѣлъ и, распался
Душою звѣрноправной,
Послалъ къ намъ въ Кіевъ-градъ
гонца,

Чтобъ, тайною рукою
Меня похитивъ у отца,
Умчалъ въ Литву съ собою.

Онъ скрылся на Днѣпрѣ-рѣкѣ
Въ лѣсномъ уединеніи,
Отъ Кіева недалеко;
О дерзкомъ замысленъи
Никто и сонный не мечталъ;
Губитель не встрѣчался
Въ лѣсу ни съ кѣмъ; какъ волкъ,
онъ ждалъ

Добычи—и дождался!
Я нынче раннею порою
Въ лугъ вышла, полевые
Сбирать цвѣтки; пошли со мной
Подружки молодыя.

„Мы росу брали на цвѣтахъ,
Росою умывались,
И рвали ягоды въ кустахъ,
И громко окликались,
Ужъ солнце жгло съ полунебесъ,
Я шла одна, кустами
Вилась дорожка, темный лѣсъ
Чернѣлъ передъ глазами.
Вдругъ шумъ... смотрю... злодѣй
за мной;

Страхъ подкосилъ мнѣ ноги;
Онъ сильною меня рукою
Схватилъ—и въ лѣсъ съ дороги!

„Ахъ! что-бъ въ удѣлъ досталось
мнѣ,
Что было бы со мною,

Когда-бъ не ты? Въ чужой странѣ
Изныла-бъ сиротою.

Отъ милыхъ ближнихъ вдалекѣ
Живетъ ли сердцу радость?
И въ безутѣшной бы тоскѣ
Моя увяла младость;
И съ горемъ дряхлый мой отецъ
Повлекся бы ко гробу...
Но слабость защитилъ Творецъ,
Сразилъ Всевышній злобу!“

Межъ тѣмъ съ поляны въ гущину
Вѣзжаетъ витязъ; тучи,
Толпясь, заволокли дуну;
Сталъ душень лѣсъ дремучій...
Гроза собиралась: межъ листовъ
Дождь крупный пробивался,
И шумъ тяжелыхъ облаковъ
Съ ихъ ропотомъ мѣшался...
Вдругъ вихоръ набѣжалъ на лѣсъ
И взрылъ деревъ вершины,
И загорѣлися небесъ
Кипящія пучины.

И все взревѣло... дождь рѣкой;
Громъ страшный, трескъ за трес-
комъ;

И шумъ воды, и вихря вой,
И поминутнымъ блескомъ
Воспламеняющійся лѣсъ;
И встрѣчу, справа, слѣва,
Ряды валящихся древесъ;
Конь рвется; въ страхѣ дѣва;
И, заслонивъ ее щитомъ,
Вадимъ смятенный ищетъ,
Гдѣ-бъ пріютиться... но громомъ
Все дичь, и буря свищетъ.

И вдругъ ужъ нѣтъ дороги имъ,
Стѣна изъ камней мшистыхъ;
Громъ мчался по бокамъ кру-
тымъ;

Въ разсѣлинахъ лѣсистыхъ,
Спираясь, вихоръ бушевалъ.
И молніи горѣли,
И въ безднѣ бури груди скалъ
Сверкали и гремѣли.

Вадимъ назадъ... но вдругъ ударъ!
Ель, треснувъ, запылала;
По вѣтвямъ пробѣжалъ пожаръ,
Окрестность заблистала,

И въ заревѣ открылась имъ
Пещера подъ скалою.

Спѣшить къ убѣжищу Вадимъ;
 Заботливой рукою
 Онъ снялъ сопутницу съ коня,
 Сложилъ съ раменъ кольчугу,
 Зажегъ костеръ, и близъ огня,
 Взявъ на руки подругу,
 На броню сѣлъ. Дымясь, сверкалъ
 Въ кострѣ огонь трескучій;
 Поверхъ пещеры громъ леталъ,
 И бунтовали тучи...

И прислонивъ къ груди своей
 Вадимъ княжну младую,
 Изъ золотыхъ ея кудрей
 Жаль влагу дождевую;
 И къ персямъ дѣвственнымъ уста
 Прижавъ, ихъ грѣлъ дыхань-
 емъ;

И въ нихъ вливалась теплота;
 И съ тихимъ трепетаньемъ
 Онѣ касались устамъ...
 И дѣвица молчала...
 И къ юноши прильнувъ плечамъ,
 Рука ея пылала...

Лазурны очи опушта,
 Въ объятіяхъ Вадима,
 Она, какъ тихое дитя,
 Лежала недвижима;
 И что съ невинною душой
 Сбылось—не постигала;
 Лишь сердце билось, и порой,
 Вся вспыхнувъ, трепетала...
 Лишь пламень гаснущій сіялъ
 Сквозь тѣнь рѣсницъ склонен-
 ныхъ,

И вздохъ невольный вылеталъ
 Изъ устъ воспламененныхъ.

А витязь?.. Что съ его душой?..
 Увы! сихъ взоровъ сладость,
 Сихъ чистыхъ, подъ его рукою
 Горящихъ персей младость,
 И мягкій шолкъ кудрей густыхъ,
 По раменамъ разлитыхъ,
 И свѣжій блескъ ланитъ младыхъ,
 И усть полукоткрытыхъ
 Палящій жаръ, и тихій гласъ,
 И милое смятенье,
 И ночи таинственный часъ,
 И вкругъ уединенье—

Все чувства разжигало въ немъ...
 О, власть очарованья!

Уже исполнены огнемъ
 Кипящаго лобзанья,
 На дѣвственныхъ ея устахъ
 Его уста горѣли,
 И жарче розы на щекахъ
 Дрожащей дѣвы рдѣли;
 И все... но вдругъ смутился онъ,
 И въ радостномъ волненіи
 Затрепеталъ... знакомый звонъ
 Раздался въ отдаленіи.

И долго жалобно звенѣлъ
 Онъ въ безднѣ поднебесной;
 И кто-то, чудилось, летѣлъ
 Незримый, но извѣстной;
 И взоръ, исполненный тоской,
 Мелькалъ сквозь покрывало;
 И подъ воздушной пеленой
 Печальное вздыхало...
 Но вдругъ сильнѣй потрясся лѣсъ,
 И небо зашумѣло...
 Вадимъ взглянулъ—призракъ ис-
 чезъ;
 А въ вышинѣ... звенѣло.

И вслѣдъ за милою мечтой
 Душа его стремится;
 Уже, подернувшись золою,
 Едва, едва курится
 Въ кострѣ огонь; на небесахъ
 Нѣтъ тучъ, не слышно рева;
 Небрежно на его рукахъ,
 Припавъ къ нимъ грудью, дѣва
 Младенческой вкушаетъ сонъ,
 И тихо, тихо дышитъ;
 И близокъ ужъ разсвѣтъ; а онъ
 Не видитъ и не слышитъ.

Сталь вѣять свѣжій вѣтерокъ,
 Взошла звѣзда денницы,
 И обогранился востокъ;
 И пробудились птицы;
 Конь топомъ топнувъ, конь заржалъ:
 Вадимъ очнулся—ясно
 Все было вкругъ; но сонъ смы-
 калъ
 Глаза княжны прекрасной;
 Къ ней тихо пригоснулъ онъ;
 Вздыхнувъ, она одѣла
 Власами грудь сквозь тонкій сонъ,
 Взглянула—покраснѣла...

И витязь въ шлемѣ и бронѣ
 Изъ-подъ скалы съ княжною

Выходитъ. Солнце въ вышинѣ
 Горѣло; подъ горою,
 Сіяя, пѣну разстилалъ
 По камнямъ Днѣбрь широкой;
 И лѣсъ кругомъ благоухаль;
 И благовѣсть далекой
 Былъ слышенъ. На коня Вадимъ,
 Перекрестясь, садится;
 Княжна попрежнему за нимъ;
 И конь по брегу мчится.

Вдругъ путь широкой межъ деревьевъ:
 Ихъ чаща раздалася,
 И въ голубой дали небесъ,
 Какъ звѣздочка, зажглася
 Глава Печерская съ крестомъ;
 Конь скачетъ быстрымъ скокомъ;
 Ужь въ градѣ онъ, ужъ предъ двор-
 цомъ,

И видятъ: на высокомъ
 Крыльцѣ великій князь стоитъ;
 Въ очахъ его кручина;
 Передъ крыльцомъ народъ кипитъ,
 И строится дружина.

И смѣлыхъ вызываетъ онъ
 Въ погону за княжною,
 И избавителю свой тронъ
 Сулитъ съ ея рукою.
 Но топотъ слышенъ въ тишинѣ;
 Густая пыль клубится;
 И видятъ, съ дѣвой на конѣ
 Красивый всадникъ мчится.
 Народъ отхлынулъ, какъ волна;
 Дружина разступилась,
 И на рукахъ отца княжна
 При кликахъ очутилась.

Обнявъ Вадима, князь сказалъ:
 „Я не нарушу слова;
 Въ тебѣ Господь мнѣ сына далъ
 Замѣною родного.
 Я старъ: будь хилыхъ старца
 дней

Опорой и усладой!
 А смѣлой доблести твоей
 Будь дочь моя наградой.
 Когда-жъ наступитъ мой конецъ,
 Тогда мою державу
 И свѣтлый княжескій вѣнецъ
 Наслѣдуй въ честь и славу“.

И громко, громко раздалось
 Дружины восклицанье;

И зашумѣло, полилось
 По граду ликованье;
 Богатый пиръ на весь народъ;
 Весь городъ изукрашенъ;
 Кипитъ въ задранныхъ кружкахъ
 медь,
 Столы трещать отъ брашенъ;
 Поютъ пѣвицы; колокола
 Гудятъ, не умолкая;
 И отъ огней потѣшныхъ мгла
 Зардѣлася ночная.

Веселье всемъ; одинъ Вадимъ
 Невеселье—мысль далеко!
 Сердечной думою томимъ,
 Безмолвенъ, одинокой,
 Ни пѣснямъ, ни привѣтамъ онъ
 Не внемлетъ равнодушный;
 Онъ ступить шагъ—и слышитъ
 звонъ;
 Подыметъ взоръ—воздушный
 Призракъ летаетъ передъ нимъ
 Въ знакомомъ покрывалѣ;
 Приклонитъ слухъ—твердятъ: „Ва-
 димъ,

Не забывайся, далѣ!“

Идетъ къ Днѣпровскимъ берегамъ
 Онъ тихими шагами,
 И, смутенъ, взоръ склонилъ къ во-
 дамъ...

Небесная съ звѣздами
 Была въ нихъ твердь отражена;
 Вдали, противъ заката,
 Взошла полная луна;
 Вадимъ глядитъ... межъ злата
 Осыпанныхъ луною волнъ
 Какъ будто бы чернѣетъ,
 Въ зыбяхъ ныряя, легкой чолнъ;
 За нимъ струя бѣлѣетъ.

Глядитъ Вадимъ... челнокъ плы-
 веть...

Натянуто вѣтрило;
 Но безъ гребца весло гребетъ,
 Безъ кормщика кормило;
 Вадимъ къ нему... къ Вадиму онъ...
 Садится... чолнъ помчало...
 И вдругъ... какъ будто съ юга
 звонъ;
 И вдругъ... все замолчало...
 Плыветъ челнокъ; Вадимъ гля-
 дитъ;
 Сверкая волны плещутъ,

Лѣсистый брегъ назадъ бѣжить,
Почныя звѣзды блещуть.

Быстрѣй, быстрѣй въ рѣкѣ волна:
Челнокъ быстрѣй, быстрѣе;
Свѣтлѣе на небѣ луна,
На брегѣ лѣсъ темнѣе.
И далѣ, далѣ... все кругомъ
Молчить... какъ великаны
Скалы нагнулись надъ Днѣпромъ;
И чѣренъ сквозъ туманы
Глядится въ рѣку тихій лѣсъ
Съ утесистой стремнины,
И ужъ луна почти небесъ
Дошла до половины.

Сидить, задумавшись, Вадимъ;
Вдругъ... что-то пролетѣло;
И облачко луну, какъ дымъ
Невидимый, одѣло;
Луна померкла, по волнамъ,
По тихимъ сѣнямъ лѣса,
По берегу, по крутымъ скаламъ
Раскинулась завѣса;
Шатнулъ вѣтриломъ вѣтерокъ,
И руль зашевелился;
Ко берегу повернулъ челнокъ,
Доплылъ, остановился...

Вадимъ на брегъ; отъ берега чолнъ,
Вѣтрило заиграло;
И вдругъ вдали, съ зыбями волнъ
Смѣшавшись, все пропало.
Въ недоумѣннѣ Вадимъ;
Кругомъ скалы, какъ тучи;
Безмолвень, дивъ, необозримъ,
По камнямъ боръ дремучій
Съ рѣки до берега вышины
Восходить; все въ молчаньи...
И тускло падаетъ луны
На мглу вершинъ сіянье.

И тихо по скаламъ крутымъ,
Влекомый тайной силой,
На верхъ взбирается Вадимъ.
Онъ смотритъ—все уныло;
Какъ трупы, сосны подъ травой
Обрушенныя тлѣютъ,
На сучьяхъ мохъ виситъ сѣдой;
Разинувшись, чернѣютъ
Разсѣлины дуплистыхъ пней,
И въ нихъ глазами блещеть
Сова, иль чешуями змѣй,
Ворочаясь, трепещеть.

И, мнится, жизни въ той странѣ
Отъ вѣка не бывало!
Какъ бы съ созданья въ мертвомъ
снѣ

Древа... И не смущало
Ихъ сна ничто: ни вѣтерка
Передъ денницей шопоть,
Ни легкой шорохъ мотылька,
Ни вепря тяжкій топоть.
Уже Вадимъ на вышинѣ;
Вдругъ боръ рѣдѣетъ темный...
Раздвинулся... и при лунѣ
Явился холмъ огромный...

И на вершинѣ древнѣй храмъ:
Блестящими крестами
Увѣнчаны главы, къ дверямъ
Тяжелыми винтами
Огромный пригвожденъ затворъ;
Вкругъ храма переходы,
Столбы, обрушенный заборъ,
Растреснутые своды
Трапезы, келій рядъ пустыхъ,
И всюду по колѣни
Полынь, и длинныя отъ нихъ
По скату холма тѣни...

Вадимъ подходит: не вдали
Могильный видѣнъ камень,
Крестъ наклонился до земли,
И легкой, блѣдный пламень,
Какъ свѣчка, теплится надъ нимъ;
И воронъ, птица ночи,
На немъ, какъ призракъ недвижимъ
Сидитъ, унылы очи
Вперивъ на мѣсяцъ. Вдругъ, кры-
ломъ
Взмахнувъ, онъ пробудился,
Взвился... и на небѣ пустомъ,
Трикратно крикнувъ, скрылся...

Объялъ Вадима тайный страхъ;
Глядитъ въ недоумѣннѣ—
И дивное тогда въ глазахъ
Вадимовыхъ явленье;
Онъ видитъ, нѣто приподнялъ
Изохшими руками
Могильный камень, блѣденъ всталъ,
Туманными очами
Блеснулъ, возвелъ ихъ къ небесамъ,
Какъ будто-бы молясь,
Пошелъ, стучаться началъ въ
храмъ...

Но дверь не отперлася.

Вдохнувъ, повлекся далѣ оный,
И тихій подѣ стопами
Былъ слышенъ шумъ, и долго,
Стоитъ

Пуская, межъ стѣнами,
Между обломками столбовъ,
Какъ блѣдный дымъ, мелькала
Бредуща тѣнь... вдругъ межъ ку-
стовъ

Вдали она пропала.
Тамъ, боромъ покровенъ, утесъ
Вздымался, крутъ и страшенъ,
И при лунѣ изъ-за древесъ
Являлись кровы башенъ...

Вадимъ туда: уединенъ
На грудѣ скалъ мохнатыхъ,
Надъ чернымъ боромъ, обнесенъ
Оградой стѣнъ зубчатыхъ,
Стоитъ тамъ замокъ, тихъ, какъ сна
Безмолвное жилище,
И вся окрестъ его страна
Угрюма, какъ кладбище;
И башни по угламъ стоятъ,
Какъ призраки, сѣдые,
И сгромоздились у вратъ
Скалы сторожевыя.

Душа Вадимова полна
Смятеннымъ ожиданьемъ,
И свѣтитъ сумрачнымъ луна
Сквозь облако сяньемъ.
Но вдругъ... слетѣлъ съ луны ту-
манъ,

И боръ засеребрился,
И замокъ весь, какъ великанъ,
Надъ боромъ освѣтился;
И отъ востока вѣтерокъ
Подулъ передразвѣтный,
И чу!.. изъ-за стѣны звонокъ
Послышался привѣтный.

И что-жь оный видитъ? По стѣнѣ
Какъ тѣнь уединенна,
Съ восточной къ западной странѣ,
Туманнымъ облеченна
Покровомъ, дѣвица идетъ;
Навстрѣчу къ ней другая;
И та, приближась, подаетъ
Ей руку и, вздыхая,
Путь одинокій вдоль стѣны
На западъ продолжаетъ;
Другая-жь, къ замку съ вышины
Спустившись, исчезаетъ.

И за идущею вослѣдъ
Вадимъ летитъ очами;
Ужь, ясенъ, молодой разсвѣтъ
Встаетъ межъ облаками;
Ужь загорается востокъ...
Она все далѣ, далѣ...
И тихо ранній вѣтерокъ
Играетъ въ покрывалѣ;
Идетъ—глаза опущены,
Глава на грудь склонилась;
Пришла на поворотъ стѣны,
Поворотила, скрплась.

Стоитъ, какъ вкопанный, Вадимъ;
Душа въ немъ замираетъ:
Какъ будто ликъ свой передъ
нимъ

Судьба разоблачаетъ.
Блѣднѣе тусклая луна,
Свѣтлѣй востокъ багровый;
И озаряется стѣна,
И ярко блещутъ кровы;
Къ восточной обратясь странѣ,
Ждетъ витязь... вдругъ вспы-
лала
Въ немъ кровь... глядитъ... тамъ
на стѣнѣ

Идущая предстала.

Идетъ; на темный смотреть боръ;
Какъ будто ждетъ въ волненьи;
Какъ бы чего-то ищетъ взоръ
Въ пустынномъ отдаленьи...
Вдругъ солнце въ пламени лучей
На краѣ неба стало...
И витязь въ блескѣ передъ ней!
Какъ облакъ покрывало
Слетѣло съ юнаго чела,
Ихъ встрѣтились взоры;
И пала отъ воротъ скала,
И раздались ихъ створы.

Стремится на ограду оный;
Идетъ она съ ограды;
Сошлись... о, вѣщій, вѣрный сонъ!
О часъ святой награды!
Свершилось! Все—и раннихъ лѣтъ
Прекрасныя желанья,
И озаряющія свѣтъ
Младой души мечтанья,
И все, чего мы здѣсь не зримъ,
Что вѣрѣ лишь открыто—
Все вдругъ явилось передъ нимъ.
Въ единый образъ слито!

Глядят на небо, слезы льютъ,
 Восторгомъ словъ лишены...
 И вдругъ изъ терема идутъ
 Къ нимъ дѣвы пробужденны:
 Какъ звѣзды, блещутъ очеса,
 На ясныхъ лицахъ радость,
 И искушенія краса,
 И новой жизни младость!
 О, сладкій воскресеня часъ!
 Имъ мнилось: міръ рождася!
 Вдругъ... звучно благовѣста гласъ
 Въ тиши небесъ раздался.

И что-жь? Храмъ Божій отворёнъ,
 Тамъ слышится моленье.
 Они туда... храмъ освѣщенъ,
 Въ кадильницахъ куренье,
 Передъ угодникомъ горить,
 Какъ въ древни дни, лампада,
 И благодатное бѣжитъ
 Сіяніе отъ взгляда,
 И нѣкто, свѣтель, въ алтарѣ
 Простеръ передъ погиромъ,
 И возглашается горѣ
 Хвала незримымъ клиромъ.

Молясь, съ подругой сталъ Вадимъ
 Предъ царскими дверями,
 И вдругъ... святой налой предъ
 нимъ,
 Главы ихъ подъ вѣнцами,
 Въ рукахъ ихъ свѣчи зажжены,
 И кольца обручальны
 На персты ихъ возложены,
 И слышенъ гимнъ вѣнчальный...
 И вдругъ... все тихо! гимнъ мол-
 чить,
 Безмолвны своды храма,
 Одинъ лишь, таинственъ, блеститъ
 Алтарь средь оиміама.

И въ семь молчанья кто-то къ
 нимъ
 Привѣтный подлетаетъ,
 Ихъ кличетъ именемъ роднымъ,
 Ихъ нѣжно отзываетъ...
 Куда-же?.. О, священный видъ!
 Могила передъ ними.
 И въ ней спокойно, дернъ покрытъ
 Цвѣтами молодыми,
 И дышитъ вѣтерокъ окрестъ,
 Какъ духъ безплотный вѣя,
 И обвиваетъ свѣтлый крестъ
 Прекрасная лилея.

Они упали ницъ въ слезахъ,
 Ихъ сердце вѣсли ждало,
 И трепетомъ священный прахъ
 Могила вопрошало...
 И было все для нихъ отвѣтъ;
 И холмъ помолодѣлый,
 И луга обновленный цвѣтъ,
 И бѣгъ рѣки веселый,
 И воскресенныя дерева
 Съ вершинами живыми,
 И, какъ безсмертье, небеса
 Спокойныя надъ ними...

Промчались вѣки вслѣдъ вѣкамъ...
 Гдѣ замокъ? Гдѣ обитель?
 Гдѣ чудомъ освященный храмъ?..
 Все скрылось... лишь хранитель
 Давно-минушаго, живеть
 На прахѣ ихъ преданье.
 Есть мѣсто... тамъ игривыхъ водъ
 Плѣнительно сверканье,
 Тамъ вѣчно зелень пышный лѣсъ,
 Тамъ сладокъ вѣтра шопоть,
 И съ тихимъ говоромъ древесъ
 Волны сліянный ропоть.

На мѣстѣ ономъ, такъ гласитъ
 Правдивое преданье,
 Былъ пепель инокинъ сокрытъ:
 Въ постѣ и покаянны
 При гробѣ грѣшника-отца
 Оиѣ кончины ждали,
 И примиреннаго Творца
 Въ молитвахъ прославляли...
 И улетѣла къ небесамъ
 Съ земли ихъ жизнь святая,
 Какъ улетаетъ оиміамъ
 Съ кадилъ, благоухая.

На мѣстѣ ономъ, въ свѣтлый часъ
 Земли преображенья,
 Когда, послышавъ утра гласъ,
 Съ звѣздою пробужденья,
 Востока ангелъ въ тишинѣ
 На край небесъ взлетаетъ,
 И по туманной вышинѣ
 Зарю распространяетъ,
 Когда и холмъ, и лугъ, и лѣсъ,—
 Все оживленнымъ зрится,
 И предъ святилищемъ небесъ,
 Какъ жертва, все дымится,—

Бываютъ тайны чудеса,
 Невиданныя взоромъ:

Отшельницъ слышны голоса;
 Горѣ хвалебнымъ хоромъ
 Поютъ; сквозь занавѣсъ зари
 Блистаютъ крестъ, слянны
 Изъ свѣта зрятся алтари,
 И, яркими вѣнчанны
 Звѣздами, дѣвѣ предстоятъ
 Съ молитвой ихъ святынѣ,
 И серафимовъ тѣми кипятъ
 Въ плачущей пучинѣ!

Шильонскій узникъ.

Повѣсть лорда Байрона.

I.

Взгляните на меня: я сѣдъ,
 Но не отъ хилости и лѣтъ;
 Не страхъ незапный въ ночь одну
 До срока далъ мнѣ сѣдину.
 Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой;
 Но не труды, не хладъ, не зной—
 Тюрьма разрушила меня.
 Лишенный сладостнаго дня,
 Дыша безъ воздуха, въ цѣняхъ,
 Я медленно дряхлѣлъ и чахъ,
 И жизнь казалась безъ конца.
 Удѣлъ несчастнаго отца:
 За вѣру — смерть и стыдъ
 цѣпей,

Удѣломъ сталъ и сыновей.
 Насъ было шесть—пяти ужъ нѣтъ.
 Отецъ, страдалецъ съ юныхъ лѣтъ,
 Погибшій старцемъ на кострѣ,
 Два брата, падшїе во прѣ,
 Отдавъ на жертву честь и кровь,
 Спасли души своей любовь.
 Три живо схоронены
 На днѣ тюремной глубины—
 И двухъ сожрала глубина;
 Лишь я, развалина одна,
 Себѣ на горе уцѣлѣлъ,
 Чтобъ ихъ оплакивать удѣлъ.

II.

На лонѣ водѣ стоитъ Шильонъ;
 Тамъ въ подземельи семь колоннъ
 Покрываютъ влажнымъ мохомъ лѣтъ.
 На нихъ печальный брезжетъ свѣтъ,
 Лучъ, ненарокомъ съ вышины
 Упавшій въ трещину стѣны

И заронившїйся во мглу.
 И на сыромъ тюрьмы полу
 Онъ свѣтитъ тускло одинокъ,
 Какъ надъ болотомъ огонекъ,
 Во мракѣ рѣющей ночью.
 Колонна каждая съ кольцомъ;
 И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ;
 И тѣхъ цѣпей желѣзо—ядъ;
 Мнѣ въ члены вгрызлося оно;
 Не будетъ ввѣкъ истреблено
 Клеймо, надавленное имъ.
 И день тяжелъ глазамъ моимъ,
 Отвыкнувшимъ съ толь давнихъ лѣтъ
 Глядѣть на радующій свѣтъ;
 И къ волѣ я душой остылъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣд-
 ній былъ
 Убитъ неволей предо мною,
 И, рядомъ съ мертвымъ, я живой
 Терзался на полу тюрьмы.

III.

Цѣпями тѣми были мы
 Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены,
 Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
 Мы шагу не могли ступить...
 Въ глаза другъ друга различить
 Намъ блѣдный мракъ тюрьмы жѣ-
 шаль;

Онъ намъ лицо чужое далъ—
 И братъ сталъ брату незнакомъ.
 Была услада намъ въ одномъ:
 Другъ другу голосъ подавать,
 Другъ другу сердце пробуждать
 Иль былью славной старины,
 Иль звучной пѣсней войны—
 Но скоро то же и одно
 Во мглѣ тюрьмы истощено;
 Нашъ голосъ страшно одичалъ;
 Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
 Глухой тюремныи стѣны;
 Онъ не былъ звукомъ старины,
 Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ,
 Могучимъ, вольнымъ и живымъ.
 Мечта-ль?.. Но голосъ ихъ и мой
 Всегда звучалъ мнѣ, какъ чужой.

IV.

Изъ насъ троихъ я старшїй былъ;
 Я жребїй собственный забылъ,
 Дыша заботою одной,
 Чтобъ имъ не дать упасть душой.

Нашъ младшій братъ, любовь отца...
 Увы! черты его лица,
 И глазъ умильная краса,
 Лазоревыхъ, какъ небеса,
 Напоминали нашу мать.
 Онъ былъ мнѣ все, и увядать
 При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,
 Прекрасный, какъ тотъ дневный
 свѣтъ,
 Который съ неба мнѣ свѣтиль,
 Въ которомъ я на волѣ жилъ.
 Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ:
 Умомъ младенчески-игривъ,
 Безпечно-весель самъ съ собой...
 Но передъ горестью чужой
 Изъ голубыхъ его очей
 Бѣжали слезы, какъ ручей.

V.

Другой былъ столь же чистъ ду-
 шой,

Но духъ имѣлъ онъ боевой:
 Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
 Радъ вызвать къ битвѣ цѣлмый свѣтъ
 И въ первый рядъ на смерть готовъ...
 Но безъ терпѣнья для оковъ.
 И онъ отъ звука ихъ завялъ.
 Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
 Какъ медленно въ печали гасъ
 Нашъ братъ, незримый намъ, близъ
 насъ!
 Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ хол-
 мовъ,
 Гонитель вепрей и волковъ—
 И гробъ тюрьма ему была:
 Невольи сила не снесла.

VI.

Шильонъ Леманомъ окружонъ,
 И водъ его со всѣхъ сторонъ
 Неизмѣрима глубина;
 Въ двойную волны и стѣна
 Тюрьму совокупились тамъ;
 Печальный сводъ, который намъ
 Могилой живо служилъ,
 Изрытъ въ скалѣ подводной былъ;
 И день, и ночь была слышна
 Въ него бьющая волна
 И шумъ надъ нашей головой
 Струй, отшибаемыхъ стѣной.
 Случалось—бурей до окна
 Бывала взброшена волна,

И брызговъ дождь насъ окроплялъ;
 Случалось—вихорь бушевалъ,
 И содрогалася скала;
 И съ жадностью душа ждала,
 Что рухнетъ и задавить насъ;
 Свободой былъ бы смертный часъ.

VII.

Середній братъ нашъ—я сказалъ—
 Душой скорбѣлъ и увядалъ.
 Унылъ, угрюмъ, ожесточень,
 Отъ пищи отказался онъ:
 Бѣда тюремная жестка;
 Но для могучаго стрѣлка
 Нужду переносить легко.
 Намъ козь альпійскихъ молоко
 Смѣнила смрадная вода;
 А хлѣбъ нашъ былъ, какой всегда—
 Съ тѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы—
 Слезами смачивать должны
 Невольники въ своихъ цѣпяхъ.
 Не отъ нужды скорбѣлъ и чахъ
 Мой братъ: равно завялъ бы онъ,
 Когда-бъ и нѣгой окруженъ
 Безъ воли былъ... зачѣмъ молчать?
 Онъ умеръ... я жъ ему подать
 Руки не могъ въ послѣдній часъ,
 Не могъ закрыть потухшихъ глазъ;
 Вотще я цѣпи грызъ и рвалъ—
 Со мною рядомъ умиралъ
 И умеръ братъ мой, одинокъ;
 Я близко былъ и былъ далекъ.
 Я слышать могъ, какъ онъ дышалъ,
 Какъ онъ дышать переставалъ,
 Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ,
 И какъ ужасно вдругъ затихъ
 Во глубинѣ тюремной мглы...
 Они, снявъ съ трупа кандалы,
 Его безъ гроба погребли
 Въ холодномъ лонѣ той земли,
 На кой онъ невольникъ былъ.
 Вотще я ихъ въ слезахъ молилъ,
 Чтобъ брату тамъ могилу дать,
 Гдѣ могъ бы дневный лучъ сіять;
 То мысль безумная была,
 Но душу мнѣ она зажгла:
 Чтобъ воленъ былъ хоть въ гробѣ
 онъ;
 „Въ темницѣ [мнилъ я] мертвыхъ
 сонъ
 Не тихъ...“ Но былъ въ отвѣтъ
 слезамъ
 Холодный смѣхъ; и братъ мой тамъ

То страшный міръ какой-то былъ;
 Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
 Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
 Безъ Промысла, безъ благъ и бѣдъ,
 Ни жизнь, ни смерть—какъ сонъ
 гробовъ,

Какъ океанъ безъ береговъ,
 Задавленный тяжелой мглой,
 Недвижный, темный и нѣмой...

X.

Вдругъ лучъ незаный посѣтилъ
 Мой умъ... то голосъ птички былъ.
 Онъ умолкалъ... онъ снова пѣлъ...
 И мнилось, съ неба онъ летѣлъ;
 И былъ утѣшно-сладокъ онъ.
 Имъ очарованъ, оживленъ,
 Заслушавшись, забылся я;
 Но не надолго... мысль моя
 Стезей привычною пошла;
 И я очнулся... и была
 Опять передо мной тюрьма,
 Молчанье то же, та же тьма;
 Какъ прежде, блѣдною струей
 Прокрадывался лучъ дневной
 Въ стѣнную скважину ко мнѣ...
 Но тамъ же, въ свѣтѣ, на стѣнѣ,
 И мой пѣвецъ воздушный былъ;
 Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
 Своимъ лазоревымъ крыломъ...
 Онъ озаренъ былъ яснымъ днемъ;
 Онъ пѣлъ привѣтно надо мной...
 Какъ много было въ пѣсни той!
 И все то было про меня!

Ниразу до того я дня
 Ему подобнаго не зрѣлъ;
 Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
 О братѣ, и покинуть былъ;
 И онъ съ любовью навѣстилъ
 Меня тогда, какъ ни однимъ
 Ужъ сердцемъ не былъ я лю-
 бимъ:

И въ сладость пѣснь его была:
 Душа невольно ожила...
 Но кто-жъ онъ самъ былъ, мой пѣ-
 вецъ?

Свободный ли небесъ жилецъ?
 Или, недавно изъ цѣпей,
 По случаю къ тюрьмѣ моей,
 Играя въ небѣ залегъ
 И о свободѣ мнѣ пропѣлъ?
 Сважу-ль?.. Мнѣ думалось порой,
 Что у меня былъ неземной,

А райскій гость; что братній духъ
 Порадовать мой взоръ и слухъ
 Примчался птичкою съ небесъ...
 Но утѣшитель вдругъ исчезъ;
 Онъ улетѣлъ въ сіянье дня...
 Нѣтъ, нѣтъ, то не былъ братъ...
 меня

Покинуть такъ не могъ бы онъ,
 Чтобъ я, съ нимъ дважды разлу-
 чень,

Остался вдвое одинокъ,
 Какъ трупъ межъ гробовыхъ до-
 соекъ.

XI.

Вдругъ новое въ судьбѣ моей:
 Къ душѣ тюремныхъ сторожей
 Какъ будто жалость путь нашла;
 Дотолѣ ихъ душа была
 Безчувственнѣй желѣзъ моихъ;
 И что разжалобило ихъ,
 Что милость вымолило мнѣ,
 Не знаю... но опять къ стѣнѣ
 Уже прикованъ не былъ я;
 Оборванная цѣпь моя
 На шеѣ билася моей;
 И по тюрьмѣ я, вмѣстѣ съ ней,
 Вдоль стѣнъ, кругомъ столовъ
 бродилъ,
 Не смѣя братнихъ лишь могилъ
 Дотронуться моей ногой,
 Чтобы послѣднія земной
 Святыни тамъ не оскорбить!

XII.

И мнѣ оковами прорытъ
 Ступени удалось въ стѣнѣ;
 Но воля не входила мнѣ
 И въ мысли... я былъ сирота,
 Міръ сталъ чужой мнѣ, жизнь
 пуста,
 Съ тюрьмой я жизнь сдружилъ
 мою:
 Въ тюрьмѣ я всю свою семью,
 Все, что знавалъ, все, что лю-
 билъ,

Невозвратно сохранилъ!
 И въ области веселой дня
 Никто ужъ не жилъ для меня;
 Безъ мѣста на пиру земномъ,
 Я былъ бы лишній гость на немъ,
 Какъ облако, при ясномъ днѣ

Потерянное въ вышинѣ,
И въ радостныхъ его лучахъ
Ненужное на небесахъ...
Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ
На красоту знакомыхъ горъ,
На ихъ утесы, ихъ лѣса,
На близкія къ нимъ небеса.

XIII.

Я ихъ увидѣлъ—и они
Всѣ были тѣ-жъ: на вышинѣ—
Вѣковъ созданіе—снѣга,
Подъ ними Альпы и луга,
И бездна озера у ногъ,
И Роны блестящій потокъ
Между зеленыхъ береговъ;
И слышенъ былъ мнѣ шумъ ручь-
евъ,
Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ;
И по лазоревымъ водамъ
Сверкали ясны облака;
И быстрый парусъ челнока
Между небесъ и водъ летѣлъ;
И хижины веселыхъ сель,
И кровы свѣтлыхъ городовъ
Сквозъ паръ мелькали вдоль бре-
говъ...
И я примѣтилъ островокъ:
Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
Въ пространствѣ былъ онъ голу-
бомъ;

Цвѣли три дерева на немъ;
И горный воздухъ вѣялъ тамъ
По муравъ и по цвѣтамъ,
И воды были тамъ живѣй,
И обвивалися нѣжнѣй
Кругомъ родныхъ береговъ онѣ.
И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
Челнокъ съ пловцами приставалъ,
Гостилъ у берега, отплывалъ,
И, при свободномъ вѣтеркѣ
Летя, скрывался вдалькѣ;
И въ облакахъ орелъ игралъ,
И никогда я не видалъ
Его столь быстрымъ—то къ окну
Спускался онъ, то въ вышину
Взлеталъ—за нимъ душа рвалась;
И слезы новыя изъ глазъ
Пошли, и новая печаль
Мнѣ сжала грудь... мнѣ стало
жалъ

Моихъ покинутыхъ цѣпей.
Когда-жъ на дно тюрьмы моей

Опять сойти я долженъ былъ—
Меня, казалось, обхватилъ
Холодный гробъ; казалось, вновь
Моя послѣдняя любовь,
Мой милый братъ передо мной
Былъ взять несытою землей;
Но какъ ни тяжело ныла грудь—
Чтобъ отъ страданья отдохнуть,
Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ.

XIV.

День приходилъ — день ухо-
дилъ —
Шли годы—я ихъ не считалъ;
Я, мнилось, память потерялъ
О перемѣнахъ на земли...
И люди, наконецъ, пришли
Мнѣ волю бѣдную отдать.
За что и какъ? О томъ узнать
И не pomysслилъ я—давно
Считать привыкъ я за одно:
Безъ цѣпи - ль я, въ цѣпи - ль я
былъ,—
Я безнадежность полюбилъ;
И имъ я холодно внималъ,
И равнодушно цѣпь скидалъ,
И подземелье стало вдругъ
Мнѣ милой кровлей... тамъ все —
другъ,
Все—однодомецъ было мой:
Паукъ темничный надо мной
Тамъ мирно ткалъ въ моемъ окнѣ;
За рѣзвой мышью при лунѣ
Я тамъ подматривать любилъ;
Я къ цѣпи руку приучилъ;
И... столь себѣ невѣрны мы!..
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ—
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ!

«Камоэнсъ».

Отрывокъ изъ драматической поэмы.

(Подражаніе Фр. Гальху).

КАМОЭНСЪ [однимъ].

...Я усталъ; всѣ силы
Мои истощены; и жаръ и холодъ
Я чувствую; въ глазахъ моихъ
темнѣетъ;

Ужь не она-ль? Не смерть-ли, зван-
 ный другъ,
 Ко мнѣ подходитъ? [*Помолмавъ*].
 Всѣхъ я схоронилъ;
 Все, что любилъ я, что меня любило
 Давно во гробѣ... Я стою одинъ
 Передъ своей могилою, одинъ...
 И не протянетъ мнѣ никто руки,
 Чтобы помочь въ нее сойти; свалюся
 Туда, какъ чумный трупъ, рукой
 наемной
 Толкнутый въ общій гробъ. Сча-
 стливъ стократно
 Простой поселянинъ! Трудомъ при-
 лежнымъ
 Довольный, скромный, замысловъ
 высокихъ
 Не вѣдая, своей тропинкой онъ
 Идетъ; когда же смертный часъ его
 Наступитъ, онъ въ кругу своихъ,
 близъ доброй
 Жены, участницы всего, что было
 И горькаго, и радостнаго въ жизни,
 Среди дѣтей, воспитанныхъ съ лю-
 бовью,
 Смиренно, тихо, ясно умираетъ;
 И всѣми онъ любимъ, и, съ нимъ
 прощаясь,
 Всѣ плачутъ, и глаза ему родная
 Рука при смерти зажимаетъ. Я же?..
 О, какъ меня все обмануло! Я
 Жилъ одиноко—и одиноко умру...
 Сокровищемъ она казалась мнѣ
 Въ тотъ часъ, когда насъ буря
 окружала,
 Когда корабль нашъ объ утесъ въ
 щены
 Расшибся—да; сокровищемъ тогда
 Она, мое созданье, „Лузиада“
 Казалась мнѣ! И въ море съ „Лу-
 зиадой“
 Я кинулся, и отдалъ на пограние
 Волнамъ все, все—и съ гордымъ
 торжествомъ
 На берегъ нищимъ вышелъ... спа-
 сена
 Была, мое созданье, „Лузиада!“
 Часъ роковой! погибельная пѣснь!
 Погибельный вѣнецъ, мнѣ данный
 славой!
 Для нихъ отъ мирнаго, земнаго
 счастья
 Отрекся я—и что-жь отъ нихъ
 осталось?

Разувѣреніе во всемъ, что прежде
 Я почиталъ высокимъ и прекрас-
 нымъ... [*Помолмавъ*].
 Мнѣ холодно, и дрожь въ моихъ
 костяхъ:
 Послѣдняя минута Камоэнса—
 И никого, чтобъ вздохъ его при-
 нять!
 Въ прошедшемъ ночь, въ гряду-
 щемъ ночь; разстроены,
 Разрушены гений... Мужество и
 вѣра
 Потрясены, и вся земная слава
 Лежить въ пыли... Что жизнь моя
 была?
 Безумство, бѣшенство...

IV.

КАМОЭНСЪ И ВАСКО КВЕВЕДО.

ВАСКО.

Здѣсь, сказано, могу его найти!..
 Ахъ, вотъ онъ!.. это онъ!.. такимъ
 видалъ я
 Его въ снѣ... но только бодрымъ,
 смѣлымъ,
 И молнія въ глазахъ, и голова,
 Поднятая торжественно и гордо...
 Что нужды! Это онъ... Хотя и
 старъ.
 И хилъ, но на лицѣ его печать
 Его великой пѣсни.

КАМОЭНСЪ.

Кто тутъ?

ВАСКО.

Васко

Квеведо, сынъ знаконца твоего,
 Юзе Квеведо...

КАМОЭНСЪ.

Ты?

ВАСКО.

Отецъ меня

Прислалъ сюда, донъ Людвига, при-
 гласить
 Тебя въ нашъ домъ переселиться;
 тамъ
 Найдешь достойное тебя жилище
 И дружбу... но не рано-ль я при-
 щель?

КАМОЭНСЪ.

Когда-бъ промедлилъ часъ, при-
шелъ бы поздно.
Приблизься, посмотри: ужъ надо
мною
Летаетъ ангелъ смерти; для меня
Все миновалось; но прими совѣтъ
Отъ умирающаго Камоэнса
И сохрани его на пользу жизни...

ВАСКО.

Ты умираешь?.. Нѣтъ, не можетъ
быть,
Чтобъ умеръ Камоэнсъ!

КАМОЭНСЪ.

Минуты, другъ,
Намъ дороги! послушай, сынъ мой,
ты,
Я слышала отъ отца, служенью
музъ
Жизнь посвятить свою желаешь...
правду-ль
Сказалъ онъ?

ВАСКО.

Правду, я клянуся Богомъ!

КАМОЭНСЪ.

Одумайся; то выборъ роковой;
Ты молодъ, и твоя душа, земного
Еще не вѣдая, стремится къ небу,
И твое стремленіе зовешь
Любовію къ поэзіи, отъ неба
Ишедшей, какъ твоя душа! Но
знай,
Любовь еще не сила; постигать—
Не есть еще творить; а увлекаться
Стремленіемъ къ великому—еще
Не есть великаго достигнуть.

ВАСКО.

Знаю.

КАМОЭНСЪ.

Такъ загляни-жь во глубину своей
Души, и что ее бы ни влекло—
Самонадѣянность, или просто дѣт-
скій
Позывъ на подраженіе, или тревога
Випучей младости, или раздраженіе
Излишне-напряженныхъ нервъ —
себя,

Мой другъ, не ослѣпляй! Другія
всѣ

Искусства намъ возможно приобрѣсть
Наукою; поэтъ же творить,
Святѣйшее оставивъ про себя,
Природа,—гении рождаются сами;
Нисходитъ прямо съ неба то, что
къ небу

Возносить насъ!

ВАСКО.

Того, что происходитъ
Теперь во мнѣ и что я самъ такое,
Я изъяснить словами не могу.
Но выслушай мою простую повѣсть:
Ребенкомъ тихимъ, книги лишь
однѣ

Любя, я выросъ, преданный меч-
танью.

Мой взоръ былъ обращенъ во внутрь
моей

Души; я внѣшняго не замѣчалъ...
Уединеніе имѣло голосъ,

Понятный для меня; и прелесть
лунныхъ

Ночей меня стремилъ въ область
тайны.

На путь отца смотрѣлъ я съ от-
вращеніемъ;

Меня влекло невѣдомо къ чему...
Вдругъ раздалась чудесно „Лузіада“—

И стало все во мнѣ свѣтло и ясно;
Сомнѣнье кончилось, и выбирать

Ужъ нужды не было... „за нимъ!
за нимъ!“

Въ моей душѣ гремяло и пылало;
И каждое бѣшеніе сердца мнѣ

Твердило то-жь: „за нимъ! за
нимъ“... И власть,

Влекущая меня—неодолима;
Теперь рѣши, поэтъ ли я, или нѣтъ?

КАМОЭНСЪ.

Свидѣтель Богъ! твои глаза бле-
стятъ,

Какъ у поэта; но послушай, другъ,
Хоть-бъ ихъ блескъ и правду го-
ворилъ,

Остановись, не покидай смиренной
Тропы, протянутой передъ тобою;
Судьба тебѣ добра желаетъ; мнѣ
Повѣрь, я дорогѣй купилъ цѣной
Признаніе, что счастье земное
Не на пути поэта.

В А С К О .

Дай его
Мнѣ заслужить — и пусть оно по-
гибнетъ!

К А М О Э Н С Ъ .

Слѣпецъ, тебя зоветь надежда славы!
Но что она? и въ чемъ ея награды?
Кто раздааетъ ихъ? и кому онѣ
Даются и не всѣ-ль ея дары
Обруганы завидующей злобой?
За нихъ ли жизнь на жертву от-
давать?

Лишь у гробовъ, которымъ ужъ
никто
Завидовать не станеть, иногда
Садить она свой лавръ, дабы онѣ
цвѣль

Надъ тлѣніемъ, которое когда-то
Здѣсь человѣкомъ было и страдало,
Нося торжественно на головѣ
Подъ лаврами пронзительные терны.
Но для того, кто въ гробѣ спитъ,
навѣки

Безчувственный для здѣшнихъ благъ
и бѣдъ,
Не все-ль равно — польнъ ли надъ
костями

Его растеть, иль лавръ... Не вся-ль
туть слава?

В А С К О .

Я молодъ, но ужъ мнѣ видать слу-
чалось,

Какъ незаслуженно ея вѣнецъ
Безстыдная ничтожность похищала,
Ругаясь надъ скромно-молчаливымъ
Достоинствомъ? Но для меня не
счастье,

Не золото—скажу ли?—и не слава
Приманчивы...

К А М О Э Н С Ъ .

Не счастье и не слава?
Чего же ищешь ты?

В А С К О .

О, долго, долго
Хранилъ я про себя святую тайну!
Но посвященному, о Камоэнсъ,
Тебѣ я двери отворю въ мое
Святилище, гдѣ я досель одинъ
Доступному мнѣ божеству молился.

Нѣтъ, нѣтъ! не счастья, не славы
здѣсь

Ищу я: быть хочу крыломъ могу-
чимъ,

Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту; зорей, побѣду дня
Предвозвѣщающей, великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ прав-
ды,

Лекарствомъ душъ, безвѣріемъ кру-
шимыхъ,

И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которую предъ нами горній міръ
Задержнулъ, чтобъ порой для смерт-
ныхъ глазъ

Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое при-
званье!

К А М О Э Н С Ъ .

О, молодость на крыльяхъ серафимъ-
скихъ!

Какъ мало ходъ житейскаго тебѣ
Понятенъ! Возносить на небеса
Свинцовыя ихъ души, ихъ слѣпые
Глаза воспламенять, глухонѣмыхъ
Плѣнять гармоніей!..

В А С К О .

Что мнѣ до нихъ,
Безчувственныхъ жильцовъ земли, иль
дерзкихъ

Губителей всего святого! Мнѣ —
Они чужіе. Для чего Творецъ
Такой имъ жалкій жребій избралъ,
это

Извѣстно одному Ему; онѣ благъ
И справедливы; обителей есть много
Въ дому Отца—всѣмъ будетъ воз-
даянье.

Но для чего сюда онѣ ихъ по-
слалъ—

О, это мнѣ понятно!.. Здѣсь безъ
нихъ

Была ли бы для душъ, покорныхъ
Богу,

Возможна та святая брань, въ ко-
торой

Мы на землѣ для неба созрѣваемъ?
Мы не затѣмъ ли здѣсь, чтобы

среди тяжкихъ
Скорбей, гоненій, видя торжество
Порока, силу зла и слыша хохотъ

Безстыднаго разврата иль насмѣшку
Безвѣрія, изъ этой бездны вынести
Въ душѣ неоскверненной вѣру въ
Бога?..

О, Камоэнсъ! Поэзія небесной
Религии сестра земная, свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ заж-
женный,

Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ буръ
не сбились

Съ пути. Поэтъ, на пламени его
Свой факель зажигай! Твои всѣ
братья

Съ тобою заодно засвѣтятъ каждый
Хранительный свой огонь, и будутъ
здѣсь

Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племень звѣздами путе-
выми;

При блескѣ ихъ, что-бъ труженикъ
земной

Ни испыталъ—душой онъ не падетъ,
И вѣра въ лучшее въ немъ не по-
гибнетъ.

О, Камоэнсъ! о, вѣрѣ моимъ сло-
вамъ!

Еще во мнѣ того, что въ этотъ мигъ
Я чувствую, ни разу не бывало;
Богъ языкомъ младенческимъ моимъ
Съ тобою говорить: ты совершилъ
Свое святое назначенье, ты
Свой пламенникъ зажегъ неугасимо;
Мнѣ въ душу онъ проникъ, какъ
Божій лучъ;

И сколькихъ онъ другихъ согрѣлъ,
утѣшилъ!

И пусть разрушено земное счастье,
Обмануты ласкавшія надежды
И чистыя обруганы мечты...

Объ нихъ ли сѣтовать? Таковъ
удѣлъ

Всего, всего прекраснаго земного!
Но не умереть живая пѣснь твоя;
Во всѣхъ вѣкахъ и поколѣньяхъ
будутъ

Ей отвѣчать возвышенныя души.
Ты жилъ и будешь жить для всѣхъ
время!

Прямой поэтъ, твое бессмертно
слово!

КАМОЭНСЪ.

Его глаза сверкаютъ, щеки рдѣютъ;
Пророчески со мной онъ говоритъ;

Отъ словъ его вся внутренность моя
Трепететь; не самимъ ли Богомъ
присланъ

Ко мнѣ младенецъ этотъ?.. Ты, мой
сынъ,

Лишь о грядущемъ мыслишь —
оглянись

На настоящее и на меня,
Пѣвца твоей великой Лузиды!

Смотри, какъ я, въ нечистомъ
лазаретѣ,

Отечествомъ презрѣнный и забытый
Людьми, кончаю жизнь на томъ

одрѣ,
Гдѣ за два дня издохъ въ цѣпяхъ
безумный.

Таковъ въ своихъ наградахъ свѣтъ;
страшись

Моей стези; бѣги надеждъ поэта!

ВАСКО.

Бѣжать твоихъ надеждъ, твоей
стези

Страшиться?.. Нѣтъ, бросаю на
колѣни

Передъ твоей страдальческой по-
стелью,

На коей ты, какъ мученикъ сми-
ренный,

Зришь небеса отверстія, гдѣ ждетъ
Тебя твой Богъ, тебя не обма-
нувшій!

Благодарю тебя, о Камоэнсъ,
За все, чѣмъ былъ ты для моей

души!

И здѣсь со мной тебя благодарятъ
Всѣ современники, и всѣхъ вре-
мень

Грядущихъ вѣрные друзья святини,
Поклонники великаго, твой,

По чувству, братья. Пусть людская
злоба,

Презрѣніе, насмѣшка, нищета
Достоинству въ награду достаются—

Прекраснѣй лавра, мученикъ, твой
тернъ!

И умереть въ темницѣ лазарета
Верхъ славы!.. О, судьба! дай въ

жизни мнѣ
Быть Камоэнсомъ! Дай, какъ онъ,
быть свѣтомъ

Отечества и вѣка моего

Величіемъ—и всѣ земныя блага
Тебѣ я отдаю на жертву!

КАМОЭНСЪ.

О!

Клянусь моей послѣдней минутой
 И всей моей блаженно - скорбной
 жизнью,
 И всѣмъ святымъ, что я въ душѣ
 хранилъ,
 И всѣми чистыми ея мечтами
 Клянуся, ты назначенъ быть поэ-
 томъ!
 Не своелюбіе, не тщетный при-
 зракъ
 Тебя влекутъ — тебя зоветъ самъ
 Богъ;
 Къ великому стремишься ты сми-
 ренно,
 И ты дойдешь къ нему — ты серд-
 цемъ чистъ!

ВАСКО.

Дойду?... О, Камоэнсъ! ты-ль это
 мнѣ
 Пророчишь?... Повтори-жь мнѣ,
 буду-ль я
 Поэтомъ?

КАМОЭНСЪ.

Ты поэтъ! имѣй въ себѣ
 Довѣренность, объ этомъ часѣ помни;
 И если нѣкогда захочетъ взять
 Судьба свое, и путь твой омра-
 чится—
 Подумай, что своимъ эирнымъ сло-
 вомъ
 Ты съ Камоэнсовыхъ очей туманъ
 Печали свѣялъ, что въ послѣдній
 часъ,
 Обезнадѣженный сомнѣньемъ, онъ
 Твоей душой былъ вдохновленъ, и
 снова
 На пламени твоёмъ свой прежній
 пламень
 Зажегъ—и жизнь прославилъ, уни-
 рая.
 О, помни, другъ, объ этомъ часѣ,
 помни
 О той рукѣ, ужъ смертью охлад-
 жденной,
 Которая на званіе поэта
 Теперь тебя благословляетъ. Жизнь
 Зоветъ на битву! съ Богомъ! возсіяй
 Прекраснымъ днемъ, денница мо-
 лодая!

А Камоэнсово ужъ солнце сѣло,
 И смерть надъ нимъ покровъ свой
 разстилаетъ...

ВАСКО.

Ты не умрешь! На имени твоёмъ
 Покоится безсмертье!

КАМОЭНСЪ.

Такъ, оно
 На немъ покоится. Его призывъ
 Я чувствую: я былъ поэтъ вполне.
 Неправедно ропталъ я на стра-
 данье;
 Мнѣ въ душу Богъ вложилъ его—
 онъ правъ
 Страданіемъ душа поэта зрѣветъ,
 Страданіе—святая благодать!..
 И здѣсь любилъ я истину святую,
 И голосъ мой былъ голосомъ ея;
 И не развѣтается, какъ прахъ ни-
 чтожный,
 Жизнь вдохновенная моя; без-
 смертны
 Мои мечты; ихъ сѣмена живыя
 Не пропадутъ на жатвѣ поколѣній.
 Предъ Господа могу предстать я
 смѣло.

ВАСКО.

Что, что съ тобой?..

*[Въ эту минуту совершается ви-
 дѣніе: надъ головою Камоэнса яв-
 ляется духъ въ образъ молодой дѣвы,
 увѣнчанной лаврами, съ сіяющимъ
 крестомъ на груди. За нею яркій
 свѣтъ].*

КАМОЭНСЪ.

Оставь меня, мой сынъ!
 Я чувствую, великій часъ мой
 близко...
 Мой духъ опять живой исполненъ
 силы;
 Меня зоветъ знакомый сердцу гласъ;
 Передо мной исчезла тьма могилы,
 И въ небесахъ моихъ опять за-
 жглась
 Моя звѣзда, мой путеводець ми-
 лый!..
 О, ты-ль? тебя-ль часъ смертны
 мнѣ отдалъ,
 Моя любовь, мой свѣтлый идеаль?

Не мнѣ васъ разлучать. Къ чему
богатство!

Кто въ наши дни богатъ? Теперь
все наше

До перваго врага, или пожара;
Теперь одинъ спасительный пріютъ:
Грудь вѣрная испытаннаго мужа.

ЛУИЗА.

Арманъ!

АРМАНЪ [*подавая ей руку*].

Твой навсегда!

ЛУИЗА.

А ты, сестра?

ТИВО.

На каждую дамъ тридцать деся-
тинъ,
И огородъ, и дворъ, и стадо—
Богъ
Благословилъ меня, благословить
И васъ!

АЛИНА.

Утѣшь отца, сестра Иоанна,
Пусть въ этотъ день устроится три
счастья

ТИВО.

Подите; завтра мы сыграемъ свадьбу:
И пиръ на всю деревню; пригото-
вуйте,
Что надобно.

[*Алина, Луиза, Арманъ и Этьенъ
уходятъ*].

Твои, Жаннета, сестры
Выходятъ замужъ; ихъ судьба счаст-
лива;

При старости онѣ—мое веселье,
Одна лишь ты мнѣ горе и пе-
чаль!

РАЙМОНДЪ.

Сосѣдъ, начто Жаннету огорчать!

ТИВО [*указывая на Раймонда*].

Вотъ юноша, прекрасный, честный,
съ нимъ

Никто у насъ въ деревнѣ не срав-
нится;

Тебѣ онъ отдалъ душу; три весны,

Какъ онъ задумчивый съ желаньемъ
тихимъ,
Съ безропотнымъ, покорнымъ по-
стоянствомъ

Вздыхаетъ по тебѣ; а ты молчишь,
Ты холодно сама въ себѣ таишься;
И ни одинъ изъ нашихъ поселянъ
Улыбкою твоею не утѣшенъ!

Смотри: ты въ полнотѣ прекрасной
жизни!

Пора надеждъ, весна твоя пришла;
Прѣтешь... но я напрасно ожидаю,
Чтобъ любовь въ душѣ твоей со-
зрѣла;

Прискорбно это мнѣ. Боюсь, но
вижу,
Что надъ тобой ошиблася при-
рода;

Я не люблю души холодной, чер-
ствой,
Безчувственной, въ порѣ прекрасной
чувства!

РАЙМОНДЪ.

Не принуждай ее, мой честный
Аркъ.

Любовь моей Иоанны есть прекрас-
ный

Небесный плодъ: прекрасное сво-
бодно;

Оно медлительно и тайно зрѣеть.
Теперь ея веселье жить въ го-
рахъ;

Къ намъ въ хижины, жилища
суеты,

Съ вершины ихъ она сходить бо-
ится.

Нерѣдко я съ благоговѣньемъ ти-
химъ

Изъ дола вслѣдъ за ней смотрю,
когда

Она одна, въ величии передъ стадомъ
Стоить и взоръ склоняетъ въ раз-
мышленіи

На мелкія обители земныя.

Я вижу въ ней тогда знаменованіе
Чего-то высшаго, и часто мнится,
Что изъ другихъ временъ пришла
она.

ТИВО.

А это мнѣ противно! для чего
Чуждаться ей своихъ сестеръ ве-
сельныхъ?

Всегда встаетъ до ранихъ пѣту-
ховъ,
Чтобы бродить по высотамъ пусты-
нымъ;
И въ страшный часъ—въ который
человѣкъ
Довѣрчивый тѣснится къ чело-
вѣку—
Украдкою, какъ птица, другъ раз-
валивъ,
Въ туманное жилище привидѣній,
Въ ночную тьму бѣжить, чтобъ
горный вѣтеръ
Подслушивать на темномъ пере-
кресткѣ.
Зачѣмъ она всегда на этомъ
мѣстѣ?
Зачѣмъ сюда гонять ей стадо?
Часто
Видалъ я, какъ она часъ цѣлый въ
думѣ
Подъ этимъ деревомъ Друидовъ,
гдѣ
Боится быть счастливое созданье,
Сидитъ недвижима... а здѣсь не
пусто;
Здѣсь водится недобрый съ дав-
нихъ лѣтъ,
У стариковъ ужасныя преданья
Сохранены объ этомъ старомъ дубѣ;
И часто шумъ какихъ-то голосовъ
Намъ слышится въ его печальныхъ
вѣтвяхъ.
Однажды мнѣ случилось запоздать,—
Меня вела дорога мимо дуба...
И вдругъ, мнѣ видится: подъ нимъ
сидитъ
Туманное, а что?.. не знаю! тихо
Исохшею рукой приподняло
Широкую одежду, и меня
Какъ будто бы манило... сотво-
ривъ
Молитву, я бѣжалъ скорѣе прочь.
раймондъ [указывая на образъ въ
часовнѣ].

Не вѣрю я: не козни сатаны,
А чудотворный ликъ Пречистой
Дѣвы
Ее всегда приводитъ въ это мѣсто.

т и в о .

Нѣтъ, нѣтъ! и сны, и страшныя ви-
дѣнья

Меня, мой другъ, тревожать не на-
прасно:

Три ночи я все вижу, будто въ
Реймсѣ

Она сидитъ на королевскомъ тронѣ;
Семь яркихъ звѣздъ вѣнцомъ на
головѣ;

Въ ея рукѣ какой-то чудный ски-
петръ.

И изъ него три бѣлыя лилеи,
И я—ея отецъ—и обѣ сестры,
И герцоги, и графы, и прелаты,
И самъ король передъ нею на ко-
лѣняхъ!..

Моей ли хижинѣ такая слава?
Нѣтъ, это не къ добру; то—знакъ
паденья;

Иносказательно мнѣ этотъ сонъ
Ея души изобразилъ надменность;
Убожества она стыдится, Богъ
Ей даровалъ богатство красоты,
Ее щедрѣй всѣхъ нашихъ поселя-
нокъ

Благословилъ чудесными дарами...
И гордость грѣшная зашла къ ней
въ душу;

А гордостью и ангелы погибли.
И ею врагъ въ свои насъ ловить
сѣти.

р а й м о н д ѣ .

Но кто жъ скромнѣй, кто непороч-
нѣй въ нравахъ

Твоей смиренной Иоанны? Стар-
шимъ

Сестрамъ она съ веселымъ серд-
цемъ служить;

Въ селѣ у насъ она всѣхъ выше!..
правда!

Но гдѣ найдешь работницу при-
лежнѣй?

Бывалъ ли ей и низкій трудъ про-
тивень?

Ты видишь, подъ ея рукой чудесно
Твои стада и жатвы процвѣтаютъ;
На все, къ чему она коснется, схо-
дитъ

Непостижимое благословенье.

т и в о .

Непостижимое... такъ, правда!
ужасъ

Объемлетъ при такомъ благосло-
вении.

Ни слова! я молчу... молчать мнѣ
должно...
Мнѣ - ль вызывать на судъ свое
дитя?
Могу лишь остеречь; могу мо-
литься;
Но остеречь мой долгъ... Оставь
сей дубъ;
Не будь одна; не рой кореньевъ въ
полночь;
Не составляй изъ сока ихъ питья,
И не черти въ пескѣ волшебныхъ
знаковъ.
Намъ въ области духовъ легко про-
никнуть;
Насъ ждуть они и молча стере-
гутъ,
И, тихо внемля, въ буряхъ выле-
тають.
Не будь одна: въ пустынѣ искуси-
тель
Передъ самимъ Создателемъ явился.

[БЕРТРАНДЪ *входитъ съ шлемомъ
въ рукахъ*].

РАЙМОНДЪ.

Молчи, идетъ Берtrandъ; онъ воз-
вратился
Изъ города. Но что несетъ онъ?

БЕРТРАНДЪ.

Вы
Дивитесь, что съ такимъ добромъ
я къ вамъ
Явлюсь?

ТИБО.

Подлинно; откуда взялъ
Ты этотъ шлемъ? На что знакъ
бѣды и смерти
Принесъ ты къ намъ въ жилище
тишины?

[ІОАННА, *которая до сихъ поръ не
принимала никакого участія въ томъ,
что вокругъ нея происходило, ста-
новится внимательнѣе и подходитъ
ближе*].

БЕРТРАНДЪ.

И самъ едва могу я объяснить,
Какъ мнѣ достался онъ. Я поку-
палъ
Желѣзные издѣлья въ Вокулерѣ;

На площади толпилась тѣма народа
Вкругъ бѣглецовъ, лишь только
прибѣжавшихъ
Съ недоброю изъ Орлеана вѣстью;
Весь городъ былъ въ волненьи;
сквозь толпу
Съ усиленіемъ я продирался... вдругъ
Цыганка смуглая со мной столкну-
лась;
Въ рукахъ у ней былъ этотъ шлемъ;
она,
Пронзительно въ глаза мнѣ посмо-
трѣвъ,
Сказала: „ты, я знаю, ищешь шлема;
Вотъ—шлемъ, не дорожь онъ,
возьми“.—„На что!“

Я отвѣчалъ ей, „къ латникамъ
пойди;

Я—земледѣлецъ, мнѣ нѣтъ нужды
въ шлемѣ!“—

Но я никакъ не могъ отгово-
риться;

„Возьми, возьми!“ она одно твердила,
Теперь для головы стальная кровля
Приютитъ всѣхъ каменныхъ па-
латъ!“—

И такъ изъ улицы одной въ дру-
гую

Она за мной гналася съ этимъ
шлемомъ.

Я посмотрѣлъ: онъ былъ красивъ
и свѣтелъ;

Былъ рыцарской достоинъ головы;
Я взялъ его, чтобъ ближе разгля-
дѣть;

Но, между тѣмъ, какъ я стоялъ въ
сомнѣнни,

Она изъ глазъ моихъ, какъ сонъ,
пропала;

Ее толпой народа унесло...

И этотъ шлемъ въ моихъ рукахъ
остался!

ІОАННА [*ухватяся за него по-
спѣшно*].

Отдай мнѣ шлемъ!

БЕРТРАНДЪ.

На что? Такой нарядъ
Не дѣвичьей назначень головѣ.

ІОАННА [*вырывая шлемъ*].

Отдай, онъ—мой и мнѣ принадле-
жить.

Т И Б О.

Иоанна, что съ тобой?

РАЙМОНДЪ.

Оставь ее;
Въ ней мужествомъ наполнена
душа,
И ей уборъ воинственный приличенъ.
Ты помнишь самъ, какъ прошло
весной
Она въ горахъ здѣсь волка одолѣла,
Ужаснаго для стады и пастуховъ.
Одна, одна, душою львица, дѣва
Чудовище сразила, и ягненка
Исторгнула изъ челюстей кровавыхъ!
Чью-бъ голову сей шлемъ не украшалъ,
Но ей приличнѣй онъ.

Т И Б О.

Берtrandъ, кака
Бѣда еще случилась? Что сказали
Бѣжавшіе изъ Орлеана?

БЕРТРАНДЪ.

Боже,
Помилуй короля и нашъ народъ!
Мы въ двухъ большихъ сраженіяхъ
разбиты;
Враги въ срединѣ Франціи; все
взято
До самыхъ береговъ Лауры; войска
Со всѣхъ сторонъ сошлись подъ
Орлеанъ,
И страшная осада началась.

Т И Б О.

Какъ! сѣверъ весь уже опустошенъ,
А хищникамъ все мало! къ югу
мчатся
Съ войной...

БЕРТРАНДЪ.

Безчисленный снарядъ осадный
Со всѣхъ сторонъ придвинуть къ
Орлеану.
Какъ лѣтомъ пчелъ волнующей
рой,
Слетаяся, жужжить кругомъ улья,

Какъ саранча, на нивы темной тучей
Обрушившись, кипитъ необозримо:
Такъ Орлеанъ безчисленно народы
Осыпали, въ одно столпившись
войско;
Отъ множества племенъ разноязычныхъ
Наполненъ станъ глухимъ, невнятнымъ шумомъ:
И всѣхъ своихъ землевластителей герцоговъ
Бургундскій въ строй съ пришельцами поставилъ:
Изъ Литвиха, изъ Генего, изъ Гента,
Богатаго и бархатомъ и шолкомъ;
Изъ мирнаго Брабанта, изъ Намюра,
Изъ городовъ Зеландіи приморскихъ
Блισταющихъ опрятностью веселой,
Отъ пажитей голландскихъ, отъ Утрехта,
Отъ сѣверныхъ Фризландіи предѣловъ,
Подъ знамена могущаго Бургунда
Сошлись полки разрушить Орлеанъ.

Т И Б О.

О, горестный, погибельный раздоръ!
На Францію оружіе французовъ!

БЕРТРАНДЪ.

И броней покрывшись, Изабелла,
Мать короля, князей баварскихъ
племя,
Примчалась въ станъ враговъ, и разжигаетъ
Ихъ хитрыми словами на погибель
Того, кто жизнь пріялъ у ней подъ
сердцемъ!

Т И Б О.

Срази ее проклятіемъ, Господь!
Богоотступница, погибнешь ты,
Какъ нѣкогда Іезавель погибла!

БЕРТРАНДЪ.

Заботливо осадой управляетъ
Рушитель стѣнъ, ужасный Салисбюри;

Съ нимъ Лионель, боець съ душой
звѣриной;
И вождь Тальботъ, одинъ судьбу
сражений
Свершающій убойственнымъ мечемъ;
Они клялись, въ отвагѣ дерзновен-
ной,
Всѣхъ нашихъ дѣвъ предать на
посрамленье;
Сразить мечомъ, кто встрѣтится съ
мечемъ!
Придвинуты къ стѣнамъ четыре
башни,
И, городомъ владычествуя грозно,
Съ ихъ высоты убійства жаднымъ
окомъ,
Невидимый, считаетъ Салисбюри,
На улицахъ поспѣвшихъ пѣшеко-
довъ.
Ужь много бомбъ упало въ городъ;
церкви
Въ развалинахъ, и самъ велико-
лѣнный
Храмъ Богоматери грозитъ падень-
емъ.
Безчислены подкопы подъ стѣнами;
Весь Орлеанъ стоитъ теперь надъ
бездной,
И робко ждетъ, что вдругъ подъ
нимъ она,
Гремящая, разверзится и вспых-
нетъ.

[И о а н н а слушаетъ съ великимъ, без-
престанно усиливающимся, внима-
ниемъ и, наконецъ, надъясаетъ на голову
шлемъ].

т и в о .

Но гдѣ Сантраль? Что сдѣлалось
съ Ля Гиромъ?
Гдѣ Дюнуа, отечества надежда?
Съ побѣдою впередъ стремится
врагъ—
А ты объ нихъ не знаешь и не
слышишь,
И что король? Ужель онъ равноду-
шенъ
Къ потерѣ городовъ, къ бѣдамъ
народа?

БЕРТРАНДЪ.

Король теперь съ дворомъ своимъ
въ Шинонѣ;

Людей взять негдѣ, всѣ полки раз-
биты.
Что смѣлый вождь? Что рыцарей
отважность,
Когда нѣтъ силъ, когда все войско
въ страхѣ?
Насъ Богъ казнить; ниспосланный
имъ ужасъ
Къ безстрашнѣйшимъ запаль глу-
боко въ душу;
Все скрылося; всѣ вызовы напрасны;
Какъ робкія бѣгутъ къ заградямъ
овцы,
Послышавши ужасный волчій вой,
Такъ, древней чести измѣнивъ,
французы
Спѣшатъ искать защиты въ крѣп-
кихъ замкахъ...
Едва одинъ нашелся храбрый ры-
царь:
Онъ слабый полкъ собралъ и къ
королю
Съ шестнадцатю знаменами идетъ.

И О А Н Н А [постынно].

Кто этотъ рыцарь?

БЕРТРАНДЪ.

Бодрикуръ; но трудно
Отъ поисковъ врага ему укрыться:
Двѣ арміи преслѣдуютъ его.

И О А Н Н А .

Но гдѣ же онъ? Скажи скорѣе, что
слышно?

БЕРТРАНДЪ.

На переходъ одинъ отъ Вокулера
Стоитъ онъ лагеремъ.

т и в о .

Молчи, Иоанна;
Ты говоришь о томъ, чего не смыс-
лишь.

БЕРТРАНДЪ.

Увѣрившись, что врагъ неодолимъ,
И помощи отъ короля не чая—
Чтобы спастись отъ ига иноземцевъ
И сохранить себя законной власти—
Рѣшились граждане Вокулера
Могущему Бургунду покориться,
Но съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ при-
нялъ договоръ:

И власть; и милость; стать предъ
 нимъ боится
 Виновный; предъ него съ надеждой
 правый
 Идетъ въ лицо судьи смотрѣть безъ
 страха...
 Но царь-пришлецъ, чужой страны
 питомецъ,
 Предъ кѣмъ отцовъ священныи
 прахъ не скрытъ
 У насъ въ землѣ, — земли не возлю-
 бить нашей.
 Кто нашимъ юношамъ товарищъ не
 былъ,
 Кому языкъ нашъ въ душу не бѣ-
 житъ,
 Тотъ будетъ ли для насъ отецъ въ
 коронѣ?

т и в о .

Да защититъ Всевышній короля
 И Францію! Намъ, мирнымъ посе-
 лянамъ,
 Мечъ незнакомъ; намъ браннаго
 коня
 Не укротить; мы будемъ ждать сми-
 ренно,
 Кого намъ дастъ владыкою по-
 бѣда!
 Сраженія успѣхъ есть Божій судъ.
 Король нашъ тотъ, кто былъ миро-
 помазанъ
 Въ священномъ Реймсѣ, кто пріялъ
 державу
 Надъ древними гробами Сень-Де-
 ни!..
 Друзья, пора къ работѣ! помни
 каждый
 Ближайшій долгъ свой; пусть князья
 земные
 Земную власть по жеребью бе-
 рутъ!
 А намъ смотрѣть въ тиши на раз-
 рушенье:
 Покорной намъ земли оно не тро-
 нетъ;
 Пускай пожжетъ селенья наши пла-
 мень,
 Пускай кони притопчутъ наши
 нивы—
 Съ молодой весной взойдетъ младая
 жатва,
 А низкія легко возстанутъ кровли.
 [Всѣ, кромѣ Иоанны, уходятъ].

И О А Н Н А [долго стоитъ въ задумчи-
 вости].

Простите вы, холмы, поля родные!
 Приютно-мирный, ясный долъ, прости!
 Съ Иоанной вамъ ужъ болѣ не ви-
 даться,
 Навѣкъ она вамъ говоритъ: „прости!“
 Друзья-луга, древа, мои питомцы,
 Вамъ безъ меня и цвѣсть, и доцвѣ-
 тать;
 Ты, сладостный долины голосъ эхо,
 Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
 Прохладный гротъ, потокъ мой
 быстротечный,
 Иду отъ васъ и не приду къ вамъ
 вѣчно!

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ услодъ,
 Отнынѣ вы со мной разлучены;
 Мои стада, не буду вамъ оградой...
 Безъ пастыря бродить вы суждены;
 Досталось мнѣ пасти иное стадо
 На пажитяхъ кровавыя войны.
 Такъ вышнее назначило избранье;
 Меня стремить не суетныхъ желанье.

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
 Въ горящій кустъ къ пророку нис-
 ходилъ,
 Кто на царя воздвигнулъ Моисея,
 Кто отрока Давида укрѣпилъ—
 И съ сильнымъ въ бой сталь пас-
 тырь не блѣднѣя—
 Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
 Тотъ здѣсь вѣщаль ко мнѣ изъ
 сѣни древа:
 „Иди о мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!

Надѣтъ должна ты латы боевыя,
 Въ желѣзо грудь младую заковать;
 Страхись надеждъ, не знай любви
 земныя:
 Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не заки-
 гать,
 Не быть тебѣ душой семьи родныя;
 Цвѣтущаго младенца не ласкать!..
 Но въ битвахъ я главу твою про-
 славлю;
 Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя
 поставлю!

Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый
 въ брани,

И роковой пробьет отчизнѣ часть—
 Возьмешь мою ты орифламу въ
 длани,
 И мощь враговъ сорвешь, какъ жница
 клась;
 Поставишь имъ надменной власти
 грани,
 Преобратишь во плачь побѣдный
 гласъ,
 Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ
 и силу трону
 И Карла въ Реймсъ введешь при-
 нять корону!⁴

Мнѣ общалъ Небесный извѣщенье;
 Исполнилось... и племъ сей посланъ
 И мѣ.

Какъ бранный огонь его прикосно-
 венье,
 Съ нимъ мужество, какъ Божій хе-
 рувимъ...
 Въ кипящій бой несетъ души стрем-
 ленье;

Какъ буря, пылъ ея неукротимъ...
 Се битвы кличь! полки съ полками
 стали!

Взвились кони и трубы зазвучали!
[Уходитъ].

Явленіе IX.

французскій король, королева, при-
 дворные, архіепископъ, дюна,
 рауль.

архіепископъ.

Графъ, государь,
 Забудьте гнѣвъ, другъ другу дайте
 руку;
 Раздору мѣста нѣтъ; за насъ Все-
 вышній!

[Король и Дюна обнимаются].

король.

Друзья, мое сомнѣнье разрѣшите;
 Я вѣрю вамъ и вѣрить вамъ стра-
 шусь;
 Когда и какъ столь быстро перемѣна
 Чудесная свершилась?

архіепископъ *[Рауль].*

Говори.

РАУЛЬ.

Шестнадцать было насъ знаменъ;
 мы шли
 Примкнуть къ тебѣ; нашъ храбрый
 предводитель
 Былъ рыцарь Бодрикуръ изъ Воку-
 лера.

Но только мы достигли Фермантон-
 скихъ
 Высотъ и въ доль, Ионной орошен-
 ный,
 Спустились... вдругъ явился намъ
 вдали

Равнину всю занявшій неприятель.
 Хотимъ назадъ... возвратный путь
 захваченъ;

Спасенья нѣтъ! побѣда невозможна!
 Храбрѣйшіе упали духомъ; ратникъ
 Оружіе готовъ былъ кинуть; тщетно,
 Совѣтуясь, вожди искали средства
 Къ отпору—средства нѣтъ... Но въ
 этотъ мигъ

Свершается неслыханное чудо:
 Изъ глубины густой дубовой рощи
 Выходитъ къ намъ дѣвица; яркій
 шлемъ

На головѣ; идетъ, какъ божество,
 Прекрасная и страшная на взглядъ,
 И темными кудрями по плечамъ
 Детаютъ волосы... и вдругъ чело
 Сіяніемъ небеснымъ обвилоса;

Когда она, приблизившись, сказала:
 „Что медлите, французы? На врага!
 Будь онъ морскихъ песковъ неис-
 числимѣй —

За васъ Господь и Дѣва Пресвятая!“
 И вмгъ она изъ рукъ знаменосца
 Исторгла знамя; съ нимъ впередъ,
 и въ страшномъ

Величїи пошла передъ рядами.
 Мы, изумясь, безмолвные, невольно
 За дивною воительницей вслѣдъ..
 И на врага ударили, какъ буря.
 Оторопѣвъ, ударомъ оглушенный,
 Недвижимый, испуганными смотреть
 Очами онъ на гибельное чудо...

И вдругъ — какъ будто сталь Гос-
 подній ужасъ
 Ему въ лицо—онъ дрогнулъ и бѣ-
 жить,

Бросая щитъ и мечъ; и по равнинѣ
 Въ единый мигъ все войско разме-
 талось;

Забыто все; невнятенъ кликъ во-
ждей;
Преслѣдуемъ, разимый безъ отпора,
Бѣжитъ онъ, глазъ не смѣя обра-
тить;
Въ рѣку стремглавъ и конь, и всад-
никъ мчатся...
И то была не битва, но убійство;
На мѣстѣ ихъ двѣ тысячи легло.
Но болѣе въ волнахъ рѣки поги-
бло...
А наши все остались невредимы!
КОРОЛЬ.

Неслыхано! чудесно!
АГНЕСА.
Кто она?
РАУЛЬ.

Одинъ король сію узнаетъ тайну.
Пророчицей, посланницею Бога
Она себя зоветъ и обѣщаетъ
До совершенія луны прогнать
Врага и снять осаду Орлеана.
Ей вѣруя, народъ сраженъ жа-
ждетъ;
И скоро здѣсь она сама явится...
[Звонъ колоколовъ и шумъ за сценою].
Вы слышите?.. шумитъ народъ...
Она!

КОРОЛЬ *[къ Дю Шателю].*
Введи ее сюда. *[Архидіакону].*
Но чтѣ мнѣ думать?
Побѣда намъ отъ дѣвы... и когда же?
Когда лишь Богъ одинъ спасти насъ
можетъ.
Естественно-ль? И гдѣ законъ при-
роды?
Скажи, отецъ, повѣрить ли мнѣ
чуду?

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЮ.
Даздравствуетъ спасительница-дѣва!
КОРОЛЬ.

Идетъ. *[Къ Дюнуа].*
Займи мое на время мѣсто;
Пророчицу мы опыту подвергнемъ;
Когда съ небесъ ей послано все-
знание —
Она сама откроетъ короля.

Явленіе X.

ПРЕЖНІЕ, ІОАННА, за нею чинов-
ники орлеанскіе и множество рыца-
рей, которые занимаютъ всю глубин-
у сцены. Съ величіемъ выступаетъ
она впередъ и осматриваетъ пред-
стоящихъ одного за другимъ.

ДЮНУА *[съ важностью].*
Ты-ль, дивная?..
ІОАННА *[прерываетъ его величе-
ственно].*

Ты Бога испытуешь!
Не на своемъ ты мѣстѣ, Дюнуа;
Вотъ тотъ, къ кому меня послало
небо!

*[Ръшительно приближается къ ко-
ролю, преклоняетъ предъ нимъ колѣ-
но, потомъ встаетъ и на нѣскольکو
шаговъ отступаетъ. Дюнуа сходитъ
съ мѣста. Король остается одинъ
посреди сцены].*

КОРОЛЬ.
Мое лицо ты видишь въ первый
разъ;
Кто далъ тебѣ такое откровенье?

ІОАННА.
Я видѣла тебя... но только тамъ,
Гдѣ ты никѣмъ не зримъ былъ,
кромѣ Бога.

*[Приближается и говоритъ таин-
ственно].*

Ты помнишь-ли, чтѣ было въ эту
ночь?
Тогда, какъ все кругомъ тебя за-
снуло
Глубокимъ сномъ—не ты-ль, поки-
нувъ ложе,
Съ молитвою предъ Господомъ про-
стерся?
Вели имъ выйти... я твою молитву
Тебѣ скажу.

КОРОЛЬ.
Чтѣ Богу я повѣрилъ,
Не потаю того и отъ людей.
Открой при нихъ моей молитвы
тайну —
Тогда твое признаю назначенье.

„Дерзай—она рекла мнѣ—чистой
дѣвѣ

Доступно все великое земли,
Когда земной любви она не знаетъ“.
Тогда моихъ очей она коснулась...
Подъемлю взоръ: исполнено все
небо

Сіяющихъ крылатыхъ серафимовъ;
И въ ихъ рукахъ прекрасныя ли-
леи;
И въ воздухѣ провѣялъ сладкій го-
лосъ...

И такъ Пречистая три ночи сряду
Являлась мнѣ и говорила: „встань,
Господь тебя къ иному призываетъ!“
Но въ третью ночь она, являсь во
гнѣвѣ,

Мнѣ строгое сіе вѣщала слово:
„Удѣль жены—тяжелое терпѣнье;
Возьми твой крестъ, покорствуй не-
бесамъ;

Въ страданіи земное очищенье;
Смиранный здѣсь — возвышенъ бу-
детъ тамъ“.

И съ словомъ симъ она съ себя
одежду
Пастушки сбросила и въ дивномъ
блескѣ

Явилась мнѣ царицею небесъ,
И на меня съ утѣхой поглядѣла,
И медленно на свѣтлыхъ облакахъ
Къ обители блаженства полетѣла.

*[Всѣ тронуты. Ангела въ слезахъ
закрываетъ лицо руками].*

АРХІЕПИСКОПЪ *[по домогъ мол-
чаніи].*

Должно молчать передъ глаголомъ
неба

Сомнѣніе премудрости земной!
Здѣсь истинѣ событіе свидѣтель;
Единый Богъ подобное творить!

КОРОЛЬ.

Достоинъ-ли я милости такой?
Всевидающій, необольстимый, ты,
Свидѣтель душъ, въ моей душѣ чи-
таешь.

ІОАННА.

Покорности всегда Господь досту-
пенъ;
Смирился ты—тебя онъ возвели-
чилъ.

КОРОЛЬ.

Итакъ съ врагомъ могу еще бо-
роться?

ІОАННА.

Я Францію во власть твою пре-
дамъ!

КОРОЛЬ.

И Орлеанъ не будетъ завоеванъ?

ІОАННА.

Скорѣй назадъ Луара потечетъ.

КОРОЛЬ.

И Реймса я съ побѣдою достигну?

ІОАННА.

По трупамъ ихъ тебя въ него введу!

*[Всѣ предстоящіе рыцари, показы-
вая мужество, времязъ копьями и
щитами].*

ДЮНА.

Вели ей стать предъ нашимъ вой-
скомъ; слѣпо

За дивною мы бросимся вослѣдъ.
Намъ вождь—ея пророческое око;
А вѣрныи ей защитникъ — этотъ
мечъ.

ЛЯ ГИРЬ.

Будь миръ на насъ, будь врагъ въ
союзѣ съ адомъ—
Не дрогнемъ, стой она лишь впе-
реди!

Мы рады въ бой! Чудесная, веди!
Самъ Богъ побѣдъ пойдетъ съ то-
бою рядомъ!

КОРОЛЬ.

Такъ, я тебѣ свое ввѣрю войско,
Его вожди твою признаютъ власть.
Прими сей мечъ, сей знакъ верхов-
ной силы;

Покинутый строптивымъ полковод-
цемъ—

Его кладу въ достойнѣйшую руку;
И будь отнынѣ ты...

ІОАННА.

Постой, дофинъ,
Орудіе могущества земного

Не совершить побѣды! Мечь дру-
гой,
Предызбранный сразить врага, я
знаю.
Чудеснымъ сномъ мнѣ этотъ мечъ
указанъ;
Мнѣ вѣдомо то мѣсто, гдѣ онъ
скрытъ.

КОРОЛЬ.

Гдѣ?

ІОАННА.

Въ городѣ старинномъ Фьербуа
Кладбище есть святой Екатерины;
На древнемъ томъ кладбищѣ есть
палата,
Гдѣ множество набросано оружіемъ—
Военная добыча древнихъ лѣтъ—
Межъ ними скрытъ мой мечъ обѣ-
тованный.
Примѣта-жь: три лилеи золотыя
Изсѣчены на лезвѣ булатномъ.
Найди сей мечъ—въ немъ сила и
побѣда!

КОРОЛЬ.

Немедленно исполнить, дю Шатель.

ІОАННА.

И болѣе хочу носить я знамя,
Обшитое пурпурной полосой,
Изобразить на немъ святую Дѣву
Съ Спасителемъ-младенцемъ на ру-
кахъ,
И подъ ея стопами шаръ земной:
Въ ея рукѣ такое было знамя.

КОРОЛЬ.

Исполню все.

ІОАННА [*къ архіепископу*],

Святой архіепископъ,
Моей главы коснись твоей рукою,
И дочь свою, отецъ, благослови!
[*Становится на колѣни*].

АРХІЕПИСКОПЪ.

Не намъ тебя благословлять; то-
бою
Сошло на насъ благословенье... Съ
Богомъ
Гряди; а мы, и въ мудрости своей,
Слѣпцы!

ПАЖЪ.

Герольдъ отъ графа Салисбюри.

ІОАННА.

Введи! Господь приводитъ къ намъ
его.

Явленіе XI.

ТЪ ЖЕ, ГЕРОЛЬДЪ.

КОРОЛЬ.

Кѣмъ посланъ ты, герольдъ? Съ ка-
кою вѣстью?

ГЕРОЛЬДЪ.

Найду-ли здѣсь я Карла Валуа?

ДЮНУА.

Презрительный ругатель, какъ дер-
зашъ

Ты короля законнаго французовъ
Здѣсь на его землѣ не признавать?
Твой санъ тебѣ защита; безъ того...

ГЕРОЛЬДЪ.

Одинъ король законный у францу-
зовъ;
Но онъ теперь живетъ въ британ-
скомъ станѣ.

КОРОЛЬ [*къ Дюнуа*].

Спокойся, другъ... доканчивай, ге-
рольдъ!

ГЕРОЛЬДЪ.

Военачальникъ мой, жалѣя крови,
Которая пролита и прольется,
Свой грозный мечъ въ ножнахъ оста-
новилъ

И, гибнущій спасая Орлеанъ,
Съ тобой вступить желаетъ въ до-
говоръ.

КОРОЛЬ.

Въ какой?

ІОАННА.

Позволь мнѣ именемъ твоимъ
Сказать отвѣтъ герольду.

КОРОЛЬ.

Говори.
Тебѣ рѣшить судьбу войны, иль мира.

І О А Н Н А.

Кто говоритъ, герольдъ, въ твоёмъ
лицѣ?

Г Е Р О Л Д Ъ.

Графъ Салисбюри, вождь британ-
цевъ.

І О А Н Н А.

Лжешь,
Герольдъ! одни живые говорятъ;
Итакъ, твой вождь здѣсь говоритъ
не можетъ.

Г Е Р О Л Д Ъ.

Но вождь мой живъ—и здравіемъ
и силой
Исполненъ онъ врагамъ на истре-
бленье!

І О А Н Н А.

Вчера былъ живъ—а нынче на зарѣ
Убитъ онъ выстрѣломъ изъ Ор-
леана,

Когда стоялъ на башнѣ Лятурнель.
Смѣхешься ты моей чудесной вѣ-
сти,

Но вѣрь не мнѣ—своимъ глазамъ,
герольдъ.

Ты, въ лагерь свой вступая, будешь
встрѣченъ

Печальными его похоронами.

Теперь скажи: въ чемъ ваше пред-
ложенье?

Г Е Р О Л Д Ъ.

Когда тебѣ все тайное открыто—
Его сама ты знаешь безъ меня.

І О А Н Н А.

Но знать его не нужно мнѣ теперь,
Внимай, герольдъ, внимай и по-
втори

Мои слова британскимъ полковод-
цамъ:

Ты, англійскій король, ты, гордый
Глостеръ,

И ты, Бедфордъ, бичи моей страны,
Готовьтесь дать Всевышнему отчетъ
За кровь пролитую; готовьтесь вы-
дать

Ключи градовъ, отъятыхъ вопреки
Святѣйшаго божественнаго права.
Отъ Господа предызбранная дѣва

Несеть вамъ миръ, иль гибель,—вы-
бирайте!

Вѣщаю здѣсь, и вѣдомо да будетъ:
Не вамъ, не вамъ Всевышній за-
вѣщаль

Святую Францію—но моему
Владыкѣ, Карлу; онъ отъ Бога из-
бранъ;

И вступить онъ въ столицу съ тор-
жествомъ,

Любовію народа окруженный...

Теперь, герольдъ, спѣши къ твоимъ
вождямъ;

Но знай, когда съ сей вѣстію до
стана

Достигнешь ты—ужь дѣва будетъ
тамъ,

Съ кровавою свободой Орлеана.

[Уходитъ; всѣ за нею].

[Во время сраженія Иоанна увлеклась
погоней за рыцаремъ въ черномъ пан-
цирѣ].

Явленіе XII.

Другое мѣсто на полѣ сраженія; утесы,
деревья; вдали башни Реймса, освѣ-
щенные восходящимъ солнцемъ.

Р Ы Ц А Р Ъ, въ черномъ панцирѣ съ
опушеннымъ забраломъ. І О А Н Н А
преслѣдуетъ его; онъ останавли-
вается.

І О А Н Н А.

Коварный! я твою узнала хитрость;
Обманчиво притворнымъ бѣгствомъ
ты

Меня сюда увлекъ изъ жаркой
битвы,

Чтобы своихъ спасти отъ грозной
встрѣчи

Съ моимъ мечемъ; но самъ теперь
погибнешь.

Ч Е Р Н Ы Й Р Ы Ц А Р Ъ.

Почто за мной ты гонишься? Почто
Такъ бѣшено къ моимъ стопамъ
пристала?

Не суждено мнѣ пасть твоей рукой!

І О А Н Н А.

Противенъ ты душѣ моей, какъ
ночь,

Которой цвѣтъ ты носишь; истре-
бить

Тебя съ лица земли—неодолимо
Влечетъ меня могущее желанье.
Скажись, кто ты? Открой забрало.

Если-бъ
Передо мной Тальботъ не палъ въ
сраженнѣ,
Тогда бы я сказала: „ты Тальботъ.“

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Иль смолкнулъ гласъ пророческаго
духа?

І О А Н Н А.

Нѣтъ, громко онъ вѣщаетъ мнѣ,
что здѣсь
Моя бѣда стоитъ съ тобою рядомъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Іоанна д'Аркъ, съ побѣдою до
Реймса
Дошла ты—стой! не далъ! Будь до-
вольна

Своимъ вѣнцомъ и счастье отпусти,
Служившее тебѣ рабомъ покорнымъ;
Не жди, чтобы оно забунтовало;
Ласкаетъ насъ, но вѣрность нена-
видитъ,

И никому не служить до конца.

І О А Н Н А.

Почто ты мнѣ велишь съ моей до-
роги
Сойти, забывъ начатый мною под-
вигъ?
Свершу его, исполню свой обѣтъ!

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Могучая, ты все ниспровергаешь;
Покорень бой тебѣ—но удержишь
Отъ боя; мнѣ повѣрь, пока не
поздно.

І О А Н Н А.

Не выпущу меча я изъ руки,
Доколь враги не втоптаны во прахъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Смотри-же, тамъ сияютъ башни
Реймса;
Туда твой путь; ты видишь бле-
щеть куполь
Соборныя величественной церкви—
Въ нее вступить ты можешь съ тор-
жествомъ,

Въ ней увѣнчать монарха, свой
обѣтъ
Исполнить, но... Іоанна, не входи
Въ ту церковь! мнѣ повѣрь—и воз-
вратись.

І О А Н Н А.

Но кто же ты, прельститель дву-
язычный?

Ты мнишь меня смутить и ужас-
нуть

Обманчивымъ пророчествомъ...

*(Черный рыцарь хочетъ уйти; она
заступаетъ ему дорогу).*

Постой!

Отвѣтствуй мнѣ... или гибни!..

(Хочетъ ударить его мечемъ).

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ *(прикасается
къ ней рукой и она остается не-
подвижна).*

Умерщвляй

Одно лишь смертное.

(Громъ и молнія; рыцарь исчезаетъ).

І О А Н Н А. ☉

*(Домо молчитъ въ изумленіи, по-
томъ опомнившись, говоритъ).*

То былъ не здѣшній,

И не живой... то было привидѣнье,
Враждебный духъ, возникнувшій изъ
ада,

Чтобы смутить во мнѣ святую вѣру.
Но мнѣ съ мечемъ владыки моего
Кто страшень? Нѣтъ, иду; зоветь
побѣда;

Пусть на меня весь адъ вооружится;
Живъ Богъ—моя надежда не сму-
тится!

Явленіе X.

ІОАННА, ЛІОНЕЛЬ.

Л І О Н Е Л Ь.

Отступница, готовься въ бой, по-
гибнуть

Одинъ изъ насъ на этомъ мѣстѣ
долженъ;

Храбрѣйшіе тобой умерщвлены;
Герой Тальботъ въ объятіяхъ моихъ
Съ великою душой своей разстался;
Отмщу за храбраго, или будь одна

Для насъ судьба; но пасть ли мнѣ,
 или нѣтъ,
 Ты прежде знать должна, кого твой
 рокъ
 Съ тобою свелъ: я—Лионель, послѣд-
 ній
 Британскій вождь, еще непобѣж-
 денный.

*(Нападаетъ на нее; черезъ минуту
 она вышибаетъ изъ руки его мечъ).*

О, счастье!

*(Борется съ нею; Иоанна во время
 борьбы срываетъ съ него шлемъ, и
 онъ остается съ непокрытою голо-
 вою; поднявши мечъ, чтобы его по-
 разить, она говоритъ).*

И О А Н Н А.

Умри! святая Дѣва
 Моей рукой тебя приносить въ
 жертву!

*(Въ эту минуту ея глаза встрѣ-
 чаются съ глазами Лионеля; пора-
 женная видомъ его, она стоитъ не-
 подвижна, и рука ея опускается).*

Л И О Н Е Л Ь.

Что медлишь? Что ударъ твой за-
 держало?

Взявъ честь, возьми и жизнь; я не
 хочу

Пощады; я въ твоихъ рукахъ!

*(Она подаетъ ему знакъ рукою, чтобы
 онъ бѣжалъ).*

Бѣжать
 Мнѣ должно? Быть обязаннымъ тебѣ?
 Презрѣнной жизнью? Скорѣй по-
 гибнуть!

И О А Н Н А *(отвертивъ глаза).*

И знать я не хочу, что жизнь
 твоя

Была въ моихъ рукахъ...

Л И О Н Е Л Ь.

Я ненавижу
 Тебя и даръ твой; не хочу пощады;
 Не медли, поражай того, кто самъ
 Сразить тебя хотѣлъ.

И О А Н Н А.

Убей меня
 И удались.

Л И О Н Е Л Ь.

Что слышу?

И О А Н Н А *(закрывъ лицо руками).*

Горе мнѣ!

Л И О Н Е Л Ь *(приближаясь къ ней).*

Молва идетъ, что ни одинъ брита-
 нецъ

Тобой не пощажень; за что же мнѣ
 Пощада одному?

И О А Н Н А.

*(Собравшись съ духомъ, поднимаетъ
 мечъ, чтобы его поразить; но опять,
 взглянувъ на него, опускаетъ руку).*

Святая Дѣва!

Л И О Н Е Л Ь.

Почто зовешь святыю! О тебѣ
 Не вѣдаетъ она; ты небесами
 Отвержена.

И О А Н Н А *(въ сильнѣйшемъ отчаяннѣ).*

О горе! горе! что
 Я сдѣлала? нарушенъ мой обѣтъ!
(Домаетъ въ горести руки.)

Л И О Н Е Л Ь *(смотритъ на нее съ
 участіемъ и подходитъ ближе).*

Несчастная, жалѣю о тебѣ;
 Ты трогаешь меня; со мной однимъ
 Великодушною была ты; сердце
 Мое тебя, я чувствую, простило;
 Съ участіемъ оно къ тебѣ стремится.
 Скажи, кто ты? откуда?

И О А Н Н А.

Прочь! бѣги!

Л И О Н Е Л Ь.

Мнѣ жаль твоей цвѣтущей красоты,
 Жаль младости твоей; твой милый
 образъ
 Тѣснится въ душу мнѣ, и я хотѣлъ бы
 Тебя спасти, но какъ и чѣмъ спасу?
 Поди со мной; оставь союзъ твой
 страшный;
 Оставь погибельный свой мечъ.

И О А Н Н А.

Увы!
 Носить его я недостойна.

ЛЮНЕЛЬ.

Брось

Его; иди со мной.

ІОАННА *(въ ужасъ)*.

Съ тобой? О, небо!

ЛЮНЕЛЬ.

Пойдемъ; еще тебя спасти воз-
можно

И я тебя спасу... но поспѣши!
Моя душа печалью непонятной
Томится по тебѣ... невыразимымъ
Желаніемъ спасти тебя полна.

*(Беретъ ее за руку. Вдали показыва-
ются Дюнуа и Ля Гиръ)*.

ІОАННА.

О Боже! Дюнуа... они ужь близко;
Бѣги!.. тебя найдутъ.

ЛЮНЕЛЬ.

Я—твой защитникъ.

ІОАННА.

О нѣтъ! бѣги! умру, когда погиб-
нешь.

ЛЮНЕЛЬ.

Иль дорогъ я тебѣ?

ІОАННА.

О, Пресвятая!

ЛЮНЕЛЬ.

Увидимся-ль? Услышу-ль о тебѣ?

ІОАННА.

Нѣтъ, никогда!

ЛЮНЕЛЬ.

Сей мечъ въ залогъ, что я
Тебя найду. *(Вырываетъ изъ рукъ
ея мечъ)*.

ІОАННА.

Ты смѣешь, безразсудный?

ЛЮНЕЛЬ.

Теперь я уступаю силѣ; мы
Увидимся. *(Уходитъ поспѣшно)*.

Явленіе XI.

ДЮНУА, ЛЯ ГИРЪ, ІОАННА.

ЛЯ ГИРЪ.

Она! Она!

ДЮНУА.

Іоанна,
Спокойна будь: друзья твои съ то-
бою.

ЛЯ ГИРЪ.

Не Люнель ли тамъ бѣжитъ!

ДЮНУА.

Его, Іоанна, битва рѣшена;
Рейсмъ отворилъ ворота; весь на-
родъ

Бѣжитъ толпой навстрѣчу королю.

ЛЯ ГИРЪ.

Ночто она?.. Шатается, блѣднѣетъ!..

ДЮНУА.

Ты ранена? *(Іоанна падаетъ къ нимъ
на руки)*.

Снять панцирь! рана
Въ плечѣ и легкая.

ЛЯ ГИРЪ.

Но льется кровь.

ІОАННА.

Пускай она съ моею льется жизнью.
(Лихається памяти).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленіе I.

Богато убранная зала; колонны обвиты
гирляндами изъ цвѣтовъ; вдали слышны
флейты и гобой; они играютъ во все
продолженіе первой сцены.

ІОАННА.

*(Стоитъ въ задумчивости и слу-
шаетъ, потомъ говоритъ)*:

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы;

Но души моей желаніе
Не живетъ на небесахъ.
Грозной силы повелѣніе
Мнѣ-ль безсильной совершить?
Мнѣ ли дать ожесточеніе
Сердцу, жадному любить?

Нѣтъ! изъ чистыхъ небожителей
Избирай Твоихъ свершителей!
Съ неприступныхъ облаковъ
Призови Твоихъ духовъ,
Безмятежныхъ, не желающихъ,
Не скорбящихъ, не теряющихъ...
Дѣву съ нѣжною душой
Да минуетъ выборъ Твой!

Мнѣ-ль свирѣпствовать въ сра-
женіи?
Мнѣ-ль рѣшить судьбу царей?..
Я пасла въ уединеніи
Стадо родины моей...
Бурный путь мнѣ указала Ты,
Въ домъ царей меня ввела;
Но... лишь гибель мнѣ послала
Ты...
Я-ль сама то избрала?

Явленіе II.

АГНЕСА, ІОАННА.

А Г Н Е С А .

(Идетъ въ сильномъ волненіи чувства къ Иоаннѣ, хочетъ броситься къ ней на шею, но, одумавшись, падаетъ передъ нею на колѣни).

Нѣтъ! нѣтъ! во прахъ передъ то-
бою!..

І О А Н Н А *(стараясь ее поднять)*.

Встань,
Агнеса, ты свой санъ позабываешь!

А Г Н Е С А .

Оставь меня; томительная радость
Меня къ твоимъ ногамъ бросаетъ—
сердце
Предъ божествомъ излить себя
стремится;
Незримаго въ тебѣ боготворю.
Нашъ ангелъ ты! тобою мой вла-
ститель
Сюда введенъ; готовъ обрядъ вѣн-
чанья;

Стоитъ король въ торжественной
одеждѣ;
Сбираются кругомъ монарха пѣры,
Чтобы нести регалии во храмъ;
Народъ толпой бѣжитъ къ собор-
ной церкви;
Повсюду кликъъ и звонъ колоколовъ...
Кто дастъ мнѣ силъ снести такое
счастье?

*(Иоанна поднимаетъ ее. Агнеса смо-
трить на нее пристально).*

Лишь ты одна сурово равнодушна;
Ты благъ, тобою даруемыхъ, не дѣ-
лишь;
Ты холодно глядишь на нашу ра-
дость;

Ты видѣла величіе небесъ
И счастья земному неприступна.

*(Иоанна въ сильномъ движеніи схва-
тываетъ ее за руку, потомъ задум-
чиво опять ее опускаетъ).*

О, если бѣ ты узнала сладость чув-
ства!
Войны ужъ нѣтъ; сложи твой бра-
нный панцырь...
И грудь открой чувствительности
женской...

Моя душа, горящая любовью,
Чуждается тебя вооруженной.

І О А Н Н А .

Чего ты требуешь?

А Г Н Е С А .

Обезоружь
Себя, покинь твой мечъ; любовь
страшится
Окованной желѣзомъ тяжкимъ груди;
Будь женщина и ты любовь узнаешь.

І О А Н Н А .

Мнѣ, мнѣ себя обезоружить? Нѣтъ,
Я побѣгу съ открытой грудью въ бой...
Навстрѣчу смерти... нѣтъ, тройной
булатъ
Пусть будетъ мнѣ защитой отъ ва-
шихъ
Пировъ и отъ меня самой!

А Г Н Е С А .

Іоанна,
Графъ Дюнуа, великодушный, слав-
ный,

Къ тебѣ горитъ святымъ, великимъ
чувствомъ;
О! вѣрь мнѣ, быть любовію героя
Удѣлъ прекрасный... но любить героя
Еще прекраснѣе...
(*Иоанна отвращается въ сильномъ
волненіи*).

Ты ненавидишь
Его?.. Нѣтъ, нѣтъ, егонелюбишь ты;
Но ненависть... лишь тотъ намъ не-
навистенъ,
Кто милаго изъ нашихъ рукъ исторг-
нулъ;
Но для тебя нѣтъ милаго; ты серд-
цемъ
Спокойна... Ахъ, когда-бъ оно смяг-
чилось!

І О А Н Н А.

Жалѣй меня, оплачь мою судьбу!

А Г Н Е С А.

Чего-жъ тебѣ недостаетъ для счастья?
Все рѣшено; отчизна спасена;
Съ побѣдою, торжественно въ свой
Реймсъ
Вступилъ король, и слава твой удѣлъ;
Тебя народъ честить и обожаетъ;
Во всѣхъ устахъ твоя хвала; ты—
геній,
Ты—божество сихъ праздниковъ ве-
сельныхъ,
И самъ король не столь въ своей
коронѣ
Величественъ, какъ ты!

І О А Н Н А.

О, если-бъ скрыться
Могла во тѣмѣ подземной я отъ васъ!

А Г Н Е С А.

Что слышу? Какъ понять тебя,
Иоанна?
И нынѣ кто-жъ взглянуть дерзнетъ
на свѣтъ,
Когда тебѣ глаза потушить должно?..
Мнѣ, мнѣ краснѣтъ, мнѣ, низкой
предъ тобою,
Не смѣющей и мыслию постигнуть
Величія души твоей прекрасной.
Открою-ль все ничтожество мое?
Не славное спасеніе отчизны,
Не торжество побѣдъ, не обновлен-
ный

Престола блескъ, не шумный пиръ
народа
Мнѣ радости причина, нѣтъ, о динъ
Живеть въ моей душѣ—иному чув-
ству
Въ ней мѣста нѣтъ—онъ, сей бого-
творимый;
Его народъ привѣтствуетъ; его
Бѣгутъ встрѣчать; предъ нимъ
цвѣты бросаютъ
И онъ, для всѣхъ единствен-
ный—онъ мой!

І О А Н Н А.

Счастливица, завидую тебѣ!
Ты любишь тамъ, гдѣ любить все;
ты смѣешь
Свободно, вслухъ изречь свое бла-
женство;
Передъ людьми его ты не таишь;
Ихъ общій пиръ есть пиръ твоей
любви;
И этотъ весь безчисленный народъ,
Ликующій съ тобой въ однѣхъ стѣ-
нахъ—
Прекрасное твое онъ чувство дѣ-
лать;
Тебя привѣтствуетъ, тебя вѣнчаетъ;
Ты съ радостью всеобщей заодно;
Твоей душѣ небесный день сіяетъ;
Любовью все твоей озарено!

А Г Н Е С А (*падая въ ея объятія*).

О, радость! мой языкъ тебѣ поня-
тентъ!
Иоанна, ты... любви ты не чужда!
Что чувствую—ты выразила сильно;
И ободренная душа моя
Довѣрчиво тебѣ передается...

І О А Н Н А (*вырывааясь изъ ея объятій*).

Прочь, прочь! бѣги меня; не зара-
жайся
Губительнымъ сообществомъ моимъ,
Поди, будь счастлива! а мнѣ дай
скрыть
Во мразь мой стыдъ, мой страхъ,
мое страданье!

А Г Н Е С А.

Я трепещу; ты мнѣ непостижима!
Но кто-жъ тебя постигнулъ? Кто
проникъ
Во глубину твоей великой тайны?

Кто может вѣдать, что святому
сердцу,
Что чистотѣ души твоей понятно?

І О А Н Н А.

Нѣтъ, нѣтъ, ты—чистая, святая—
ты;

Когда-бъ въ мою ты внутренность
проникла,

Ты-бъ отъ меня, какъ отъ врага,
бѣжала!

Явленіе III-е.

І О А Н Н А, А Г Н Е С А, Д Ю Н У А И Л Я Г И Р Ъ
С О З Н А М Е Н Е М Ъ І О А Н Н Ы.

Д Ю Н У А.

Мы за тобой, Іоанна; все готово;
Король тебя зоветъ: въ ряду вель-
можъ,

Ближайшая къ монарху, ты должна
Предъ нимъ нести святую ориф-
ламму.

Онъ признаетъ и хочетъ всенародно
Передъ лицомъ всей Франціи при-
знать,

Что лишь тебѣ одной принадлежитъ
Вся честь сего торжественнаго дня.

Л Я Г И Р Ъ.

Вотъ знамя; поспѣшимъ; король,
вожди

И весь народъ зовутъ тебя, Іоанна.
(Хочетъ подать ей знамя, она от-
ступаетъ съ ужасомъ).

І О А Н Н А.

О, Боже! мнѣ предшествовать ему?
Мнѣ передъ нимъ нести святое
знамя?

Д Ю Н У А.

Кому-жъ, Іоанна? Чья рука посмѣетъ
Святыни сей коснуться? Это знамя
Носила ты въ сраженьи; имъ дол-
жна ты

И торжество побѣдное украсить.

І О А Н Н А.

Прочь, прочь!

Л Я Г И Р Ъ.

Іоанна, что съ тобой? Трепещешь

Предъ собственнымъ ты знаменемъ
своимъ!

Узнай его, оно твое; ты имъ
Побѣду намъ дала; взгляни, на немъ
Сіяетъ ликъ Владычицы небесной!
(Развертываетъ знамя).

І О А Н Н А (въ ужасъ смотря на
знамя).

Она, Она!.. въ такомъ являлася
блескъ

Она передо мной... Смотрите, гнѣ-
вомъ

Омрачено Ея чело; и грозно
Сверкаетъ взоръ, къ преступницѣ
склоненный!

А Г Н Е С А.

Ты виѣ себя; опомнись, ты ви-
дѣньемъ

Обманчивымъ испугана; тотъ об-
разъ...

Онъ—слабый, земной руки созданье;
Сама-жъ Она небесъ не покидала!

І О А Н Н А.

О, грозная! карать ли Ты пришла?
Гдѣ молніи Твои? Пускай сraziaтъ
Онѣ мою преступную главу.

Разрушень нашъ союзъ; я посра-
мила,

Унизила Твое святое имя!

Д Ю Н У А.

Что слышу я! Какой языкъ ужасный!

Л Я Г И Р Ъ (къ Дю Шателю).

Какъ изъяснить ея волненье, рыцарь?

Д Ю Ш А Т Е Л Ъ.

Я вижу то, чего давно боялся.

Д Ю Н У А.

Какъ? Чтѣ ты говоришь?

Д Ю Ш А Т Е Л Ъ.

Того открыть,
Чтѣ думаю, не смѣю я; но дай Богъ,
Чтѣбъ было все ужъ кончено, и
нашъ

Король ужъ коронованъ былъ.

Л Я Г И Р Ъ.

Іоанна,

Иль ужасъ тотъ, который разли-
вала

Ты знаменемъ своимъ, оборотился
Противъ тебя? Узнай его, Иоанна;
Однимъ врагамъ погибельно оно;
Для Франціи оно—символъ спасенья.

І О А Н Н А.

Такъ, такъ, оно спасительно для
вѣрныхъ:

Лишь на враговъ оно наводитъ
ужасъ.

(Смѣшъ маршъ).

Д Ю Н У А.

Возьми его, возьми; ты слышишь,
ходъ
Торжественный уже начался; пой-
демъ.

(Принуждаютъ ее взять знамя; она
беретъ его съ видимымъ отвраще-
ніемъ и уходитъ; всѣ прочіе за нею).

[Послѣ коронаціи отецъ Иоанны передъ
всѣми обвинилъ ее въ волшебствѣ. Она
не оправдывалась, и французы изгнали
ее. Безъ борьбы отдалась она въ плѣнъ
англичанамъ].

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Явленіе XI.

ІОАННА ВЪ ПЛѢНУ. АНГЛІЙСКАЯ КОРО-
ЛЕВА, СОЛДАТЫ.

І О А Н Н А.

Я буду за него молиться; кто
Языкъ мой окуетъ?.. Но... что я
слышу?

Военный маршъ народа моего;
Какъ мужественно гремитъ мнѣ въ
душу!

Побѣда Франціи! британцамъ ги-
бель!

Впередъ, мои безстрашные, впе-
редъ!

Иоанна близко; знамя передъ вами
Она нести не можетъ, какъ бы-
вало;

Она въ цѣпяхъ—но духъ ея сво-
бодно

Стремится въ бой за вашей бран-
ной пѣснью!

КОРОЛЕВА (одному изъ солдатъ).

Взойди на башню; съ ней все поле
видно;

Разсказывай, что тамъ случится...

(Солдатъ всходитъ на башню).

І О А Н Н А.

Дружно!

Мужайся, мой народъ, то бой по-
слѣдній;

Еще побѣда—и врага не стало!

КОРОЛЕВА.

Что видишь тамъ?

СОЛДАТЪ.

Сошлись... Вотъ кто-то ска-
четъ!

Какъ бѣшенный, на ворономъ конѣ,
Покрытый тигромъ; вслѣдъ за нимъ
жандармы.

І О А Н Н А.

Графъ Дюнуа! впередъ, мой бод-
рый витязь!

Побѣда тамъ, гдѣ ты!

СОЛДАТЪ.

Бургундскій герцогъ
Ударилъ на мость!

КОРОЛЕВА.

Смерть тебѣ, предатель!

СОЛДАТЪ.

Ему Фастольфъ дорогу заступилъ;
Сошли съ коней... дерутся, грудь на
грудь...

Бургундцы съ нашими перемѣша-
лись...

КОРОЛЕВА.

Узналъ ли ты дофина? Не ви-
дать ли

Тамъ королевскихъ знаковъ?

СОЛДАТЪ.

Все въ пыли
Смѣшалось; ничего не различишь!.

І О А Н Н А.

Когда-бъ мой взоръ имѣлъ онъ,
иль на башнѣ

Стояла я—ничто-бъ не ускользнуло
Отъ зоркости моей! и вдалекѣ
Отъ ворона орла-бъ я отличила.

СОЛДАТЪ.

Теперь во рву ужасная тревога...
Тутъ всѣ вожди...

КОРОЛЕВА.

А наше знамя?

СОЛДАТЪ.

Вѣть.

ІОАННА.

О, если-бъ я хотя въ проломъ
стѣны
Смотрѣть на нихъ могла; тогда-бъ
и взоръ мой
Сраженіемъ повелѣвалъ!

СОЛДАТЪ.

Бѣгутъ!

Бѣгутъ! Побѣда!

КОРОЛЕВА.

Кто бѣжитъ?

СОЛДАТЪ.

Французы!

Бургундцы; поле все покрылось
ими!

ІОАННА.

О, Боже! до того-ль меня поки-
нешь?

СОЛДАТЪ.

Какой-то раненый упалъ... на по-
мощь
Бѣгутъ толпы... то вѣрно вождь...

КОРОЛЕВА.

Французъ,

Иль нашъ?

СОЛДАТЪ.

Снимаютъ шлемъ; графъ Дюнуа!

ІОАННА (*въ отчаяніи порывается
изъ шпсы*).

А я въ цѣпяхъ!

СОЛДАТЪ.

Вотъ кто-то, въ голубой
Богатой мантіи, съ шитьемъ и съ
бѣлымъ

Перомъ на шлемѣ... онъ несется
прямо

На нашихъ.

ІОАННА (*съ живостью*).

То—король, мой государь!

СОЛДАТЪ.

Конь испугался... прынулъ... и
упалъ...

Онъ бьется подъ конемъ... онъ въ
стременахъ

Запутался... къ нему помчались
наши...

Ужъ близко... вотъ они... онъ окру-
женъ!

(*Иоанна сопровождаетъ каждое слово
отчаяннымъ движеніемъ*).

ІОАННА.

Иль ангеловъ на небесахъ не
стало?

КОРОЛЕВА (*съ рвательнымъ смѣ-
хомъ*).

Теперь пора... Защитница, спасай!

ІОАННА (*бросившись на колѣни*).

Господь, Господь! въ бѣдѣ моей
жестокой,

На небеса Твои, съ надеждой, съ
вѣрой,

Въ тоскѣ, въ слезахъ я душу по-
сылаю;

Всесилень Ты — тончайшей пау-
тинѣ

Тебѣ легко дать крѣпость твердой
стали;

Всесилень Ты—тройнымъ желѣз-
нымъ узамъ

Тебѣ легко дать брѣнность пау-
тины;

Ты повелишь,—и цѣпь сія падеть;
И сей тюрьмы разрушится стѣна!

Ты—дивный Богъ, съ тобой слѣ-
пецъ Самсонъ

И въ слабости могущество низри-
нулъ;

Тебя призвавъ, онъ столбъ пере-
ломилъ—

И на врага упали своды храма!

СОЛДАТЪ.

Побѣда!

КОРОЛЕВА.

Что?

СОЛДАТЪ.

Король взятъ въ плѣнъ.

ІОАННА (вскочивъ).

Нѣтъ! съ нами

Богъ!

(Она схватила обѣими руками свои щипы и разомъ перервала ихъ; потомъ бросилась на близъ стоявшаго воина, вырвала изъ рукъ его мечъ и убѣжала; всѣ остались неподвижны отъ изумленія и ужаса).

Явленіе XII.

ПРЕЖНІЕ, КРОМЪ ІОАННЫ.

КОРОЛЕВА (*послѣ долгого молчанія*).

Что это? Во снѣ-ль я! Гдѣ она?
И эту цѣпь она перервала!
Своимъ глазамъ повѣрить я не смѣю!

СОЛДАТЪ (*съ башни*).

Она на крыльяхъ... вихремъ мчится.

КОРОЛЕВА.

Гдѣ

Она?

СОЛДАТЪ.

Ударилъ въ средину битвы;
Мой взоръ за ней не поспѣваетъ—
вдругъ
И тамъ, и тутъ, и въ тысячѣ мѣстахъ
Является она!.. тамъ раздвоить
Толпу!.. тамъ сломить строй!.. все
передъ ней
Бѣжитъ и падаетъ!.. французы стали,
Опять построились!.. о горе! наши
Разсыпались!.. оружіе бросаютъ!..
Знамена пали!..

КОРОЛЕВА.

Какъ? Ужель она
Отыметъ вѣрную у насъ побѣду?

СОЛДАТЪ.

Она пробилась къ королю—и силь-
ной

Рукою вырвала его изъ битвы!..
Къ ней бросился Фастольфъ!.. онъ
опрокинутъ!..
Вождь окруженъ!.. его схватили...

КОРОЛЕВА.

Стой!

Ни слова болѣе, сойди!

СОЛДАТЪ.

Бѣгите!

Спасайтесь! они хотятъ ударить
На замокъ нашъ. (*Сходитъ
съ башни*).

КОРОЛЕВА (*вынимая мечъ*).

Обороняйтесь! Стойте!

Явленіе XIII.

ЛЯ ГИРЬ ВВѢГАЕТЪ СЪ СОЛДАТАМИ; КО-
РОЛЕВИЦЫ СОЛДАТЫ БРОСАЮТЪ ОРУЖІЕ.

ЛЯ ГИРЬ (*почтительно подходя
къ ней*).

Поддайтесь побѣдѣ, королева!
Всѣ ваши рыцари въ плѣну; безъ
нужды
Не должно крови лить; мои услуги
Я предлагаю вамъ... Куда велите
Васъ проводить?

КОРОЛЕВА.

Туда, гдѣ нѣтъ дофина;
Мнѣ все равно, лишь бы его не
встрѣтить!
(*Отдаетъ мечъ и смѣдуетъ за Ля
Гиромъ*).

Явленіе XIV.

Поле сраженія; назадъ сцены солдаты
съ распущенными знаменами; впереди
король и герцогъ бургундскій; на ру-
кахъ у нихъ лежитъ Іоанна, смертельно
раненная и неподвижная; они тихо по-
двигаются впередъ; Агнеса вбѣгаетъ.

Ты живъ, освобожденъ, ты снова
мой!

КОРОЛЬ.

Освобожденъ... но вотъ цѣна сво-
боды!
Смотри! (*Указываетъ на Іоанну*).

АГНЕСА.

Юанна! Боже! умираетъ!

ГЕРЦОГЪ.

Скончалась! улетѣлъ нашъ ангель!

тихо,

Безгорестно, какъ спящее дитя,
Она лежитъ и райскій миръ сіяетъ
Въ чертахъ ея лица; уже дыханье
Не подымаетъ груди ей; но жизнь
Чувствительна еще въ ругѣ горячей.

КОРОЛЬ.

Ея ужъ нѣтъ; она ужъ не проснется;
Ея глаза померкли для земного;
И съ высоты преображенный ангель
Не зреть ни слезъ, ни угрызений
нашихъ.

АГНЕСА.

Она жива! она глаза открыла!..

ГЕРЦОГЪ.

Иль хочешь къ намъ изъ гроба
воротиться?
Иль смерть покорна ей?.. Она
встаетъ.

ЮАННА (*осматриваясь*).

Гдѣ я?

ГЕРЦОГЪ.

Съ своимъ народомъ! посреди
Твоихъ, Юанна!

КОРОЛЬ.

Здѣсь твои друзья!
Здѣсь твой король!

ЮАННА (*домо смотрѣвъ неподвиж-
ными глазами*).

Ахъ! нѣтъ! вы въ заблужденьи;
Я не волшебница.

КОРОЛЬ.

Ты—ангелъ чистый;
Мы были слѣпы, нашъ былъ умъ
въ затмении.

ЮАННА (*осматриваясь съ веселой
улыбкой*).

И такъ опять съ народомъ я моимъ!
И не отвержена, и не въ презрѣньи!
И не клануть меня! и я любима...
Такъ! все теперь опять я узнаю:

Вотъ мой король... вотъ Франціи
знамена...

Но моего не вижу... Гдѣ оно?

Безъ знамени явиться не могу;
Его мой Богъ, Владыка мой, мнѣ
ввѣрилъ;

Его должна передъ Господній тронъ
Я положить; теперь съ нимъ по-
казаться

Я смѣю: я ему не измѣнила!

КОРОЛЬ (*отвративъ глаза*).

Подайте знамя... Вотъ оно; возьми!
(*Она беретъ его, подымается и
стоитъ нисколько не будучи под-
держиваема; небо сіяетъ яркимъ
блескомъ*).

ЮАННА.

Смотрите, радуга на небесахъ.
Растворены врата ихъ золотыя;
Средь ангеловъ—на персяхъ вѣч-
ный Сынъ—
Въ божественныхъ лучахъ стоитъ
Она,

И съ милостью ко мнѣ простерла
руки..

О, что со мною?.. Мой тяжелый
панцырь

Сталъ легкою крылатою одеждой...
Я въ облакахъ... я мчуся быстро-
течно...

Туда... туда!.. земля ушла изъ
глазъ...

Минута—скорбь, блаженство—без-
конечно!

(*Знамя выпадаетъ изъ рукъ ея, и
она мертвая на него опускается;
все стоятъ въ горестномъ молча-
ннн. — Король подаетъ знакъ, и тихо
склоняютъ на нее все знамена, такъ
что она совершенно ими закрыта*).

Ундина.

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ ЛЯМОТЬ-ФУКЕ ¹⁾.

[Посвященіе В. Кн. Маріи Николаевнѣ].

Бывали дни восторженныхъ ви-
дѣній;

Моя душа поэзіей цвѣла;

¹⁾ Повинуясь волѣ, которую мнѣ было
особенно пріятно исполнить, я расска-

Ко мнѣ леталъ съ вѣстями чудный
геній;

Природа вся мнѣ пѣснью была.

Оно прошло, то время золотое;
Съ природы снять магическій вѣ-
нецъ;

Свѣтъ узанный свое лицо земное
Разоблачилъ, и призракамъ конецъ!

Но о мечтѣ, какъ о весенней
птичкѣ,

Пѣвавшей мнѣ, съ усладой помню я;
И прелести явленьемъ по при-
вычкѣ

Любуется, какъ встарь, душа моя.

Здѣсь есть одна — жива, какъ
вдохновенье,

Какъ ясная надежда молода —
На душу мнѣ ея одно явленье
Поэзію наводитъ навсегда...

Передъ пустой когда-то колыбелью
Задумчиво-безмолвенъ я стоялъ.

„Кто обреченъ святому новоселью
Тобой въ жильцы?“ судьбу я во-
просалъ.

И съ первую блеснувшей мнѣ
денницей

Ужъ милый гость въ той колыбели
былъ;

Онъ въ ней лежалъ подъ царской
багряницей,

Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій ан-
гель милъ.

Года прошли — и мой расцвѣлъ
младенецъ,

Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій ан-
гель, милъ;

И мнится мнѣ, что неба уроженецъ
Утѣхой въ немъ на землю присланъ
былъ.

Его-то я порою здѣсь встрѣчаю,
Какъ чистую поэзію мою;

залъ русскими стихами Ундины. Въ 1833 г., находясь въ Швейцаріи и живя уединенно на берегу Женевского озера [въ деревенькѣ Вернѣ, близъ Монтрѣ], написалъ я первыя три главы этой повѣсти. По возвращеніи моемъ въ Россію, занятія другого рода надолго отвлекли меня отъ начатаго поэтическаго труда, и только въ нынѣшнемъ году я могъ опять за него приняться. Последнія главы Ундины написаны въ сельскомъ уединеніи близъ Дерпта, гдѣ я провелъ половину лѣта и могъ попрежнему посвятить досугъ своей поэзіи. — Ж. — Элистрферъ. 26 іюля 1836.

Имъ иногда я душу воскрешаю;
При немъ подчасъ, забывшись, и
пою.

ГЛАВА I.

О томъ, какъ рыцарь прѣхалъ въ
хижину рыбака.

Лѣтъ за пятьсотъ и поболѣ слы-
чилось, что въ ясный, весенній
Вечеръ сидѣлъ передъ дверью из-
бушки своей престарѣлый,
Честный рыбакъ и починивалъ сѣть.

Страна та, въ которой
Жилъ онъ, была прекрасное мѣсто.
Лугъ, гдѣ стояла

Хижина, длинной косою входилъ
въ широкое лоно

Моря: можно было подумать, что
берегъ душистый

Въ свѣтлолазурныя, чуднопрозрач-
ныя воды съ любовью

Нѣжной тѣснился, что море, влаж-
ной, трепещущей грудью,

Нѣжно прижавшись къ нему и его
обнимая, плѣнялось

Свѣжестью шелковой зелени, бле-
скомъ цвѣтовъ и прохладой

Темныхъ сѣней древесныхъ. Прав-
да, въ краю томъ немного

Было людей: рыбакъ съ женою — и
только; дремучій

Лѣсъ отдѣлялъ полуостровъ отъ
твердой земли. И ужасенъ

Былъ тотъ лѣсъ своей темнотой
неприступной; и слухи

Страшные были объ немъ въ на-
родѣ; тамъ было нечисто:

Злые духи гнѣздились въ немъ и
пугали прохожихъ

Такъ, что не смѣли и близко къ
нему подходить. Но смиренный,

Старый рыбакъ не боялся враждеб-
ныхъ духовъ; на продажу

Рыбы ѣздилъ онъ въ городъ, ле-
жавшій за лѣсомъ; полонъ

Набожныхъ мыслей, входилъ онъ
въ его глубину, и ни разу

Тамъ ничего онъ не встрѣтилъ,
хранимый небесною силой...

Сидя безопасно въ тотъ вечеръ за
неведомъ, вдругъ онъ услышалъ

Шумъ въ лѣсу, какъ будто бы топоть коня и желѣзной Брони звукъ; онъ слушаетъ... шумъ приближается; робость Имъ овладѣла, и все, что до тѣхъ поръ въ несчастныхъ ночи Снилось ему о таинственномъ лѣсѣ, представилось разомъ Мыслямъ его; особливо-жъ одинъ великанскаго роста, Бѣлый, всегда головою странно кивающій. Въ темный Лѣсъ онъ со страхомъ глядитъ, и ему показалось, что въ самомъ Дѣлѣ сквозь черныя вѣтви смотреть кивающій призракъ. Вспомнивъ, однако, что все никакой еще не случилось Съ нимъ бѣды ни въ лѣсу, ни въ избушкѣ, въ которой такъ долго Жилъ онъ съ женою вдвоемъ, что нечистый надъ ними не властенъ, Онъ ободрился, и прочелъ молитву, и сдѣлалось скоро Даже ему и смѣшно, когда онъ увидѣлъ, какую Шутку съ нимъ глухая робость сыграла: кивающій образъ Былъ не что иное, какъ быстрый ручей, изъ средину Лѣса бѣгущій и съ пѣной впадающій въ озеро; шумъ же, слышанный имъ, былъ отъ рыцаря: шагомъ на бѣломъ, Бодромъ конѣ изъ чащи лѣсной онъ ѣхалъ и прямо Къ хижинѣ ихъ приближался. Мантией алаго цвѣта Былъ покрытъ его фиолетовый, золотомъ шитый, Стройный колетъ; на бархатномъ черномъ беретѣ вилися Бѣлыя перья; висѣлъ у бедра на цѣпи драгоцѣнной Мечъ съ золотою рукояткою искусной работы; а бѣлый Рыцаревъ конь былъ степенъ, силенъ и живъ; онъ, копытомъ Легкимъ едва къ луговой муравѣ прикасаясь, воздушной Поступью шель и, сгибая красивую шею, какъ лебедь, Грызъ узду, облитую пѣной. Старикъ, пораженный

Видомъ статнаго рыцаря, неводъ покинулъ и, снявши Шляпу, смотрѣлъ на него съ привѣтной улыбкой. Приблизясь, Рыцарь сказалъ: „могу-ль я съ конемъ найти здѣсь на эту Ночь убѣжище?“— „Милости просимъ, гость благородный; Лучшимъ стойломъ будетъ коню твоему нашъ зеленый Лугъ, подъ кровлей вѣтвистыхъ деревьевъ, а вкусную пищу Самъ онъ найдетъ у себя подъ ногами; тебѣ-жъ мы охотно Уголь очистимъ въ нашемъ убогомъ жилищѣ и ужинъ Скудный съ тобою раздѣлимъ“.

Рыцарь, кивнувъ головою, Спрыгнулъ съ коня, его разнуздаль и по свѣжему лугу Бѣгать пустилъ; потомъ сказалъ рыбаку: „ты охотно, Добрый старикъ, принимаешь меня, но когда-бъ и не столько Былъ ты сговорчивъ, то все бы со мной не раздѣлялся нынче: Море, вижу я, здѣсь передъ нами, и далѣ дороги Нѣтъ никакой; а вечеромъ поздно въ этотъ проклятый Лѣсъ возвращаться, избави Боже!“

„Не станемъ объ этомъ Слишкомъ много теперь говорить!“— сказалъ, озираясь, Старый рыбакъ и въ хижину ввелъ усталаго гостя. Тамъ, передъ яркимъ огнемъ, горѣвшимъ въ каминѣ и въ чистой Горницѣ трепетный блескъ разливавшимся, на стулѣ широкомъ Съ спинкой рѣзною сидѣла жена рыбака пожилая. Гостя увидѣвъ, старушка встала, ему поклонилась Чинно и сѣла опять, ему отдать не подумавъ Мѣсто свое. Рыбакъ, засмѣявшись, сказалъ: „благородный Рыцарь, прошу не взыскать, что хозяйка моя свой покойный Стулъ для себя сберегла: у насъ такой ужъ обычай; Лучшее мѣсто всегда старикамъ уступается“.— „Что ты,

Дѣдушка!“ съ кроткой усмѣшкой
сказала хозяйка: „вѣдь гость нашъ
Вѣрно такой-же Христовъ человекъ,
какъ и мы, и придетъ-ли,
Самъ ты скажи, молодому на умъ,
чтобъ ему уступали
Старые люди лучшее мѣсто? Садися,
мой добрый
Рыцарь, на эту скамейку, она про-
должала, да только
Тихе сиди, не ворочайся, ножка
одна ненадежна“.
Рыцарь взялъ осторожно скамейку,
придвинулъ къ камину,
Сѣлъ, и сердцу его такъ стало при-
ютно, какъ будто-бъ
Былъ онъ у милыхъ родныхъ, воз-
вратяся изъ чужбины въ отчизну.
Стали они разговаривать. Рыцарь
развѣдать о страшномъ
Лѣсѣ хотѣлъ, но рыбаекъ ночью
порою боялся
Рѣчь о немъ заводить; за то о своей
одинокой
Жизни и промыслѣ трудномъ своемъ
разсказывалъ много.
Съ жадностью слушали мужъ и же-
на, когда говорилъ имъ
Рыцарь о томъ, какъ въ разныхъ
земляхъ онъ бывалъ, какъ от-
цовскій
Замокъ его у истоковъ Дуная сто-
итъ, какъ прекрасна
Та сторона; онъ прибавилъ: „меня
называютъ Гульбрандомъ,
Имя же замка Рингштегенъ“. Такъ
говоря, не однажды
Рыцарь слышалъ какой-то шорохъ
и плескъ за окошкомъ,
Точно, какъ будто водой, кто опрыс-
кивалъ стекла снаружи.
Всякій разъ съ досадою нахмуривалъ
брови, послушавъ плесканье,
Старый рыбаекъ; но когда же, какъ
ливнемъ, вдругъ обдало стекла
Такъ, что окно зазвенѣло и въ гор-
ницу брызги влетѣли,
Съ сердцемъ вскопчилъ онъ и крик-
нулъ въ окошко съ угрозой:
„Ундины!
Полно проказничать; стыдно; въ хи-
жинѣ гости“. При этомъ
Словъ стало тамъ тихо, лишь из-
рѣдка слышенъ былъ легкій

Шопотъ, какъ будто-бы кто поти-
хоньку смѣялся. „Почтенный
Гость, не взыщи! сказалъ рыбаекъ,
возвратившись на мѣсто:
Можетъ быть шалостей много еще
ты увидишь, но злого
Умысла нѣтъ у нея. То наша дочка
Ундины,
Только не дочка родная, а найде-
нышъ, сущій младенецъ,—
Все проказить, а будетъ ей лѣтъ
ужъ осмнадцать; но сердце
Самое доброе въ ней“. Покачавъ го-
ловою, старушка
Молвила: „такъ говорить ты волѣнь;
когда ты усталый
Съ ловли приходишь домой, то тебѣ
на досугъ забавны
Эти проказы; но съ утра до вѣчера
дома, глазъ на глазъ,
Съ нею пробывъ, отъ нея не до-
биться путнаго слова—
Дѣло иное; тутъ и святой потеряетъ
терпѣнье“.—
„Полно, старуха! рыбаекъ отвѣчалъ;
ты бьешься съ Ундиной,
Я—съ причудливымъ моремъ: развѣ
не часто мой неводъ
Портитъ оно и плотины мои раз-
мываетъ, а все мнѣ
Любо съ нимъ; то же и ты, хоть
порою и охнешь, однако
Все Ундиночку любишь. Не такъ-
ли?“— „Что правда, то правда;
Вовсе ее разлюбить ужъ нельзя“,
кивнувъ головою,
Кротко сказала старушка. Вдругъ
растворилася настежъ
Дверь; и въ нее бѣлокурая, легкая
станомъ, съ веселымъ
Смѣхомъ впрхнула Ундины, какъ
что-то воздушное. „Гдѣ же
Гости, отецъ? Зачѣмъ ты меня об-
манулъ?“ Но увидя
Рыцаря, вдругъ замолчала она, и
глаза голубые,
Вспыхнувъ звѣздами подъ сумракомъ
черныхъ рѣсницъ, устремились
Быстро на гости, а онъ, изумлен-
ный чуднымъ явленьемъ,
Былъ какъ вкопанный, жадно смо-
трѣлъ на нее и боялся
Взоръ отвести: онъ думалъ, что ви-
дять сонъ, и взглядѣтся

Въ образъ прекрасный спѣшилъ,
пока онъ не скрылся. Ундина
Долго смотрѣла, пурпурныя губки
раскрывъ, какъ младенецъ;
Вдругъ, вострепенувшись рѣзвою
птичкой, она подбѣжала
Къ рыцарю, стала предъ нимъ на
колѣна и, цѣпью блестящей,
Къ коей привѣшенъ былъ мечъ,
игралъ, сказала: „прекрасный,
Милый гость, какою судьбой очу-
тился ты въ нашей
Хижинѣ? Долго ты по свѣту дол-
женъ былъ странствовать прежде,
Нежели къ намъ дорогу найти? Ска-
жи, черезъ лѣсъ нашъ
Какъ ты пріѣхалъ?“ Но онъ отвѣ-
чать не успѣлъ; на Ундину
Крикнула съ сердцемъ старушка:
„оставь въ покоѣ, Ундина,
Гостя; встань и возмись за рабо-
ту“. Ундина, ни слова
Ей не сказавши въ отвѣтъ, схва-
тила скамейку и, сѣвши
Подлѣ Гюльбранда съ своимъ руко-
дѣльемъ, тихонокъ шепнула:
„Вотъ, гдѣ я буду работать“. Ста-
рикъ, притворясь, что не ви-
дитъ
Новой проказы ея, хотѣлъ продол-
жать; но Ундина
Рѣчь перебила его: „у тебя я спро-
сила, мой милый
Гость, откуда пріѣхалъ ты къ намъ?
Дождусь ли отвѣта?“—
„Изъ лѣсу, прямо пріѣхалъ я, пре-
лестъ моя“. — „Разкажи же,
Какъ ты въ лѣсу очутился, и что
въ немъ чуднаго видѣлъ?“
Трепетъ почувствовалъ рыцарь,
вспомнивъ о лѣсѣ; невольно
Онъ обратилъ глаза на окошко, въ
которое кто-то
Бѣлый, ему показалось, глядѣлъ;
но было въ окошкѣ
Пусто, за стеклами ночь густая чер-
нѣла. Собравшись
Съ духомъ, разказъ онъ готовъ
былъ начать; но старикъ то-
ропливо
Молвилъ ему: „недоброе время те-
перь намъ объ лѣсѣ
Рѣчь заводить; разкажешь намъ
завтра“. Услышавши это,

Съ мѣста вскочила Ундина, и глаз-
ки ея засверкали.
„Нынче, не завтра онъ долженъ раз-
сказывать! нынче, теперь-же!“
Вскрикнула съ сердцемъ она, и,
бровки угрюмо нахмуривъ,
Топнула маленькой ножкою объ
полъ; и въ эту минуту
Такъ забавно мила и прелестна бы-
ла, что въ Гюльбрандѣ
Вспыхнуло сердце, и онъ еще болѣ
плѣнился смѣшною,
Дѣтской ея запальчивостью, нежели
рѣзвостью прежней.
Но рыбаекъ, разсердясь не на шут-
ку, причудницу началъ
Крѣпко журить за ея упрямство и
дерзкую вольность
Съ гостемъ. Старушка пристала къ
нему. Тутъ Ундина сказала:
„Если браниться хотите со мной, а
того не хотите
Сдѣлать, о чемъ я прошу, такъ
прощайте-жъ; одни оставайтесь
Въ вашей скучной, дымной лачуж-
кѣ!“ Съ сими словами
Прыгнула въ двери она и въ ми-
нуту во мракѣ пропала.

ГЛАВА II.

О томъ, какъ ундина въ первый
разъ явилась въ хижинѣ рыбака.
Рыцарь вскочилъ, за нимъ и ры-
бакъ, и бросились оба
Въ дверь, чтобъ ее удержать, но
напрасно: Ундина такъ быстро
Скрылась, что даже было нельзя
догадаться, въ какую
Сторону вздумалось ей побѣжать.
Испуганнымъ взоромъ
Рыцарь спросилъ рыбака: „что дѣ-
лать?“—„Ужъ это не въ первый
Разъ, рыбаекъ проворчалъ, такими
побѣгами часто
Насъ забавляетъ она, теперь опять
мнѣ придется
Цѣлую ночь напролѣтъ безъ сна
проворочаться съ боку
На бокъ на жесткой постели моей:
вѣдь мало-ль, что можетъ
Встрѣтиться почью!“—„Зачѣмъ же
медлить? Пойдемъ поскорѣе

Сами за нею“. — „Трудъ бесполезный; ты видишь, какая
Тьма на дворѣ; куда мы пойдѣмъ?
И кто угадаетъ,
Гдѣ она спряталась?“ — „Будемъ, по
крайней мѣрѣ, прибавилъ
Рыцарь, хотѣ кликать ее!“ И кри-
чать онъ началъ: „Ундина!
Гдѣ ты, Ундина?“ Старикъ пока-
чалъ головою. „Какъ хочешь,
Рыцарь, кричи, она не откликнется
намъ! а ужъ вѣрно
Гдѣ-нибудь близко сидитъ; еще ты
не знаешь, какая
Это упрямица“. Такъ говоря, стар-
рикъ съ безпокойствомъ
Въ темную ночь глядѣлъ и не могъ
утерпѣть, чтобъ туда же
Вслѣдъ за Гюльбрандомъ не крик-
нуть: „Ундиночка! милая! гдѣ
ты?“
Правду однако онъ предсказалъ:
нигакой тамъ Ундины
Не было. Долго кричавъ по-напрас-
ну, они, наконецъ, возвратились
Оба въ хижину; тамъ ужъ было
темно, и старушка,
Менѣ мужа о томъ, что съ Унди-
ной случится, заботясь,
Спать улеглась, и въ каминѣ огонь,
догорѣвши, потухнулъ;
Только немногіе уголья тлѣли, и си-
нее пламя,
Изрѣдка вспыхнувъ, трепещущій
свѣтъ разливало и гасло.
Снова разведши огонь, рыбакъ на-
полнилъ большую
Кружку виномъ и поставилъ ее пе-
редъ гостемъ. — „Мы оба,
Рыцарь, едва ли заснемъ; такъ не
лучше ли будетъ, когда мы,
Вмѣсто того, чтобъ въ безсонницѣ
жестокой рогожей
Грѣшное тѣло тереть, посидимъ у
огня и за доброй
Кружкой вина о томъ и другомъ по-
бесѣдуемъ? Какъ ты
Думаешь, добрый мой гость?“ — Гюль-
брандъ согласился охотно,
Сѣсть принудивъ его на почетномъ
оставленномъ стулѣ,
Честный старикъ помѣстился съ
нимъ рядомъ, и вотъ друже-
любно

Стали они разговаривать; только
при каждомъ малѣйшемъ
Шорохѣ — стукнетъ ли что въ окош-
ко, и даже нерѣдко
Просто безъ всякаго стука и шоро-
ха — вдругъ умолкали
Оба, и палецъ поднявши, глаза не-
подвижно уставивъ
Въ двери, слушали; каждый шеп-
таль: „идетъ!“ и не тутъ-то
Было; не шель никто; и вздохнув-
ши, они начинали
Снова свой разговоръ. — „Разскажи
мнѣ, сказалъ напоследокъ
Рыцарь, какъ вамъ случилось найти
Ундину?“ — „А вотъ какъ
Это случилось, рыбакъ отвѣчалъ:
тому ужъ двѣнадцать
Будетъ лѣтъ, какъ я съ товаромъ
моимъ черезъ этотъ
Лѣсъ былъ долженъ отправиться въ
городъ; жену я оставилъ
Дома, какъ то бывало всегда; а въ
то время и нужно
Было ей дома остаться. Зачѣмъ, ты
спросишь, Господь намъ
Въ позднія наши лѣта даровалъ
прекрасную дочку?
Какъ же было покинуть ее? Товаръ
мой продавши,
Я возвращался домой, и солгать не
хочу, не случилось
Мнѣ ничего, какъ и прежде, въ
лѣсу недобраго встрѣтить;
Богъ мнѣ сопутствовалъ всякій разъ,
когда черезъ этотъ
Страшный лѣсъ мнѣ идти удава-
лось; а съ нимъ и опасный
Путь не опасенъ!“ — При этомъ словѣ
старикъ съ умиленнымъ
Видомъ шапочку снялъ съ головы
и, руки сложивши,
Въ набожныхъ мысляхъ минуты на
двѣ умолнулъ; потомъ онъ
Шапочку снова надѣлъ, и такъ про-
должалъ: „я съ веселымъ
Сердцемъ домой возвращался, а дома
ждало несчастье:
Вся въ слезахъ навстрѣчу ко мнѣ
жена прибѣжала.
„Царь небесный! что случилось!“ я
воскликнулъ“. Гдѣ наша
Дочка?“ — „Она у того, чье имя ты
въ эту минуту,

Бѣдный мой мужъ, призываетъ!“ же-
 на отвѣчала. И, молча,
 Горько заплакавъ, пошелъ я за нею
 въ хижину; тѣла
 Милой малютки моей я глазами ис-
 калъ тамъ, но тѣла
 Не было. Вотъ, какъ это случилось:
 съ нашимъ младенцемъ
 Подлѣ воды на травѣ жена спо-
 койно сидѣла;
 Съ нимъ въ беззаботномъ весельи
 играла она; вдругъ малютка
 Сильно къ водѣ протянулась, какъ
 будто чудесное что-то
 Въ свѣтлыхъ примѣтя струяхъ; ви-
 дить жена, что нашъ милый
 Ангель смѣется, рученками что-то
 хватая; но въ этотъ
 Мигъ, какъ будто, какой невидимой
 силой швырнуло
 Въ волны дитя, и въ ихъ глубинѣ
 бѣдняжка пропала.
 Долго я тѣла искалъ, но напрасно,
 нигдѣ и примѣты
 Не было. Вотъ мы, на старости двѣ
 сироты, въ безотрадномъ
 Горѣ сидѣли въ тотъ вечеръ вдвоемъ
 у огня и молчали:
 Если-бъ и можно было отъ слезъ
 говорить, то не стало-бъ
 Духу; и такъ мы оба молчали, гла-
 за устремивши
 Въ тусклый огонь; какъ вдругъ въ
 дверяхъ послышался легкой
 Шорохъ; онѣ растворились—и что
 же видимъ мы? Чудной
 Прелести дѣвочка, лѣтъ шести, въ
 богатомъ уборѣ,
 Намъ улыбаясь, какъ ангель, стоитъ
 на порогѣ. Сначала
 Мы въ изумленьи не знали, живой
 ли то былъ человѣчекъ,
 Или обманчивый призракъ какой;
 но скоро примѣтиль
 Я, что вода съ золотыхъ кудрей и
 съ платья малютки
 Капала: я подумалъ, что, вѣрно, мла-
 денецъ недавно
 Былъ въ водѣ, и что скорая по-
 мощь нужна. И, вздохнувши,
 Такъ сказалъ я женѣ: „никто не по-
 думалъ спасти намъ
 Милое наше дитя; по крайней мѣрѣ
 мы сами

Сдѣлаемъ то для другихъ, чего не
 могли намъ другіе
 Сдѣлать, и что на землѣ блажен-
 ствомъ было бы нашимъ.
 Мы раздѣли малютку, ее положили
 въ постель и напиться
 Дали горячаго ей; а она все мол-
 чала, и только,
 Свѣтлонебесными глазками глядя на
 насъ, улыбалась.
 Скоро заснула она и, свѣжа, какъ
 цвѣточекъ весенній,
 Утромъ проснулась; когда-жъ мы
 разспрашивать стали, откуда
 Родомъ она, и какъ попала къ намъ
 въ хижину, толку
 Не было въ странныхъ отвѣтахъ ея
 никакого; и вотъ ужъ
 Ровно двѣнадцать лѣтъ, какъ съ
 нами живетъ, а добиться
 Путнаго мы не могли отъ нея ни-
 чего; по рассказамъ
 Вздорнымъ ея подуматъ легко, что
 она къ намъ упала
 Прямо съ луны: о какихъ-то зам-
 кахъ прозрачныхъ, жемчужныхъ
 Гротахъ, коралловыхъ рощахъ и
 разныхъ другихъ небылицахъ
 Все твердить и теперь, какъ твер-
 дила тогда; удалося
 Вывѣдать только одно, что катаясь
 по морю въ лодкѣ
 Съ матерью, въ воду упала она, и
 что волны на здѣшній
 Берегъ ее принесли, гдѣ она и очну-
 лась... Въ сомнѣнны
 Тяжкомъ остались мы: хотя и было
 нетрудно
 Намъ рѣшиться, на мѣсто родной
 потерянной дочки,
 Взять чужую, намъ данную Богомъ
 самимъ; но не знали
 Мы, крещена ли она, или нѣтъ? Ска-
 зать же объ этомъ
 Намъ ничего не умѣла бѣдняжка,
 хотя и понятно
 Было ей, что она жила по волѣ Гос-
 подней
 Въ здѣшнемъ свѣтѣ, хотя и была
 смиренно готова
 Все то исполнить, что съ волей Гос-
 подней согласно. И вотъ, что
 Мы въ такомъ затрудненнн придумали
 вмѣстѣ съ женою:

Если она еще не была крещена, то
не должно
Медлить минуты; а если уже крещена, то и дважды
Долгъ святой совершить не будетъ
грѣха. Но какое
Дать ей имя? И въ умъ намъ при-
шло, что ее Доротеей
Было бѣ всего приличнѣй назвать:
мы слыхали, что значить
Это имя „Даръ Божій“, она же бы-
ла милосерднымъ
Господомъ Богомъ дарована горести
нашей въ отраду.
Но объ имени этомъ она и знать
не хотѣла. „Ундиной
Звали меня отецъ мой и мать; хочу
и остаться
Вѣчно Ундиной!“—Но было ли то
христіанское имя,
Мы не знали. И вотъ я пошелъ за
священникомъ въ городъ;
Онъ согласился придти къ намъ;
сначала имя Ундины
Было противно ему, какъ и намъ;
но наша малютка
Въ платицѣ странномъ своемъ бы-
ла такъ чудесно красива,
Такъ ласкалась къ нему и въ то
же время такъ мило,
Такъ забавно спорила съ нимъ, что
самъ онъ не въ силахъ
Былъ противиться ей—и ее окре-
стили Ундиной.
Сладостно было смотрѣть на нее въ
продолженъе святаго
Таинства: дикая рѣзвость исчезла,
и тихимъ, смиреннымъ
Англемъ стояла она, какъ будто бы
чувствуя, что съ ней
Въ это время творилось. Правду
молвить, немало
Съ нею хлопотъ намъ, и если бы все
рассказать мѣлъ“... Но рыцарь
Тутъ перервалъ рыбака; онъ шеп-
нулъ: „послушай! послушай!
Что тамъ?“—Не разъ ужъ во время
рассказа былъ онъ встревоженъ
Шумомъ воды; но въ эту минуту
былъ явственно слышенъ
Ревъ потока, который бѣжалъ съ
возрастающей силой
Мимо хижины. Оба вскочили и бро-
сились къ двери;

Въ мѣсячномъ свѣтѣ открылося имъ,
что ручей, выходящій
Изъ лѣса, сильно разлившись, во-
рочая камни, ломая
Съ трескомъ деревья, въ море бѣ-
жалъ; и было все небо,
Такъ же, какъ море, взволновано;
тучи горами катились
Мимо луны, поминутно ее заслоняя,
и чудно
Вся окрестность подъ блескомъ и
тьмой трепетала; при свистѣ
Вихря было внятно, какъ море сви-
рѣное глось
Свой воздымало, и какъ, скрипя отъ
отъ вершины до корня,
Гнулись и шумно спшибались вѣт-
вями деревья.—„Ундина!..
Царь мой небесный!.. Ундина!“ ста-
рикъ закричалъ, но отвѣта
Не было. Оба тогда побѣжали, за-
бывши о бурѣ,
Каждый своею дорогой къ лѣсу и
громко при шумѣ
Вѣтра въ ночной глубинѣ раздава-
лось: „Ундина! Ундина!“

ГЛАВА III.

О томъ, какъ была найдена ундина.

Странное что-то чувствовалъ ры-
царь, скитаясь во мракѣ
Ночи, подъ шумомъ бури, одинъ;
въ бесполезномъ исканьи;
Снова стало казаться ему, что Унди-
на лишь призракъ,
Въ темномъ лѣсу его обманувшій,
была; и при свистѣ
Вихря, при громѣ воды, при трескѣ
деревьевъ, при чудномъ
Всей за минуту столь мирно-пре-
красной страны превращеньи,
Началъ думать, что море, дугъ,
источникъ, рыбацья
Хижина, старый рыбакъ, и все, что
съ нимъ ни случилось,
Было обманъ; но жалобный крикъ
старика, зовущій Ундины,
Все ему издали слышался. Вотъ, на-
конецъ, очутился
Онъ въ самомъ краю лѣсного ручья,
который въ разливѣ

Бурномъ своемъ бѣжалъ широкою,
мутной рѣкою,
Таеъ, что отъ лѣса отрѣзанный
мысъ, на которомъ стояла
Хижина, сдѣлался островомъ. „Боже!
рыцарь подумаль,
Что, когда Ундина отгажилась въ
лѣсъ, и назадъ ей
Нѣтъ оттуда дороги, и тамъ у
злыхъ привидѣній,
Плачетъ она одна въ темнотѣ?“ Отъ
ужаса вскрикнувъ,
Онъ поспѣшно поднялъ съ земли
огромный дубовый,
Бурей оторванный сукъ, чтобъ, дер-
жась за него, перебраться
Въ лѣсъ черезъ воду. Хотя и самъ
онъ дрожалъ, вспоминая
Все, что тамъ видѣлъ прошедшимъ
днемъ; хотя и казалось
Въ эту минуту ему, что стоялъ тамъ,
вровнѣ съ деревьями,
Бѣлый, слишкомъ знакомый ему ве-
ликашъ и, оскаливъ
Зубы, киваль ему головою—но са-
мый сей ужасъ
Только что съ большею силою влечь
его въ лѣсъ: тамъ Ундина
Въ страхѣ, одна, безъ защиты была.
И вотъ ужъ ступилъ онъ
Смѣлой ногою въ кипучую воду,
какъ вдругъ недалеко
Сладостный голосъ сказалъ: „не
ходи, не ходи, берегись
Злого потока; старикъ сердить и
обманчивъ“. Знакомы
Рыцарю были прелестные звуки;
они замолчали;
Онъ же стоялъ въ водѣ, озирался
и слушалъ; но мѣсяцъ
Темной задернуло тучей, и волны
быстро неслися,
Ноги его подмывая, и онъ, черезъ
силу держась,
Былъ какъ въ чаду, и кружилась
его голова; и глазами
Долго искавъ въ темнотѣ, наконецъ,
онъ воскликнулъ: „Ундина!
Ты ли? Гдѣ ты? Если не хочешь
явиться, я брошусь
Самъ въ потокъ за тобой; отклик-
нись; мнѣ лучше погибнуть,
Нежели быть безъ тебя“. И глубже
въ воду пошелъ онъ.

Тотъ же голосъ и такъ же близко
сказаль: „оглянися!“
Въ эту минуту вышелъ мѣсяцъ изъ
тучи, и рыцарь
Въ блескѣ его увидѣлъ Ундину.
Быль маленький островъ
Подлѣ берега быстрымъ разливомъ
ручья образованъ;
Тамъ, подъ навѣсомъ деревьевъ гу-
стыхъ, въ травѣ угнѣздившись,
Призракомъ свѣтлымъ сидѣла Унди-
на. Было нетрудно
Въ этомъ мѣстѣ потокъ перейти, и
Гульбрандъ очутился
Вмигъ близъ Ундины на мягкой
травѣ; она-жь, приподнявшись,
Руки вдругъ шеи его обвила и его
поневолѣ
Рядомъ съ собой посадила. „Теперь
ты расскажешь мнѣ, милый,
Повѣсть свою, шепнула она, мы
одни; старики насъ
Здѣсь не услышатъ и скучнымъ
свомъ ворчаньемъ не могутъ
Намъ помѣшать; а эта густая дре-
весная кровля
Стоить ихъ хижины дымной!“—
„Здѣсь рай, Ундина!“ воскликнулъ
Рыцарь, прижавши ко груди ее съ
поцѣлуемъ горячимъ.
Въ эту минуту рыбаекъ, проискавши
напрасно Ундину,
Къ мѣсту тому подошелъ и уви-
дѣлъ ихъ съ берега. „Рыцарь!
Онъ закричалъ, непохвальное дѣло
ты дѣлаешь; нами
Быль ты довѣрчиво принять, а ты
теперь, обнимаясь
Съ нашей дочкой, шепчешься съ
нею тайкомъ и оставилъ
Въ страхѣ меня, старика, одного по-
пустому за нею
Бѣгать въ потемкахъ“.—„Я самъ,
отвѣтствовалъ рыцарь, лишь только
Въ эту минуту встрѣтился съ нею!“—
„Тѣмъ лучше; скорѣе жъ.
Оба ко мнѣ перейдите сюда на твер-
дую землю“.
Но Ундина о томъ не хотѣла и слы-
шать; и лучше
Въ страшный лѣсъ она соглашалась
съ милымъ, прекраснымъ
Гостемъ пойти, чѣмъ въ несносную
хижину, гдѣ не хотѣли

Дѣлать того, о чемъ просила она,
и откуда
Рано или поздно прекрасный гость
удалится. Прижавшись
Крѣпко къ нему, она гармонически,
тихо запѣла:
„Въ душной долинь волна печально
трепещетъ и бьется;
Влившись въ море, она изъ моря
назадъ не полетѣтъ.“
Горько заплакалъ рыбакъ, услышавъ
ту пѣсню; ее же
Слезы его, какъ будто, не трогали;
къ рыцарю съ дѣтской
Лаской она прижималась. Но ры-
царь сказалъ ей: „Ундина,
Развѣ не видишь, какъ плачетъ
отецъ? Не упрямься-жь; намъ
должно,
Должно къ нему возвратиться“. Въ
нѣмомъ изумленьи Ундина
Быстро свои голубые глаза на него
устремилъ,
Кротко сказала потомъ: „когда ты
такъ думаешь, милый,
Я согласна“. И, съ видомъ покор-
нымъ, глаза опустивши,
Встала она; и, на руки взявши ее,
безопасно
Рыцарь потокъ перешелъ. Старикъ
со слезами на шею
Кинулся къ ней и въ радости былъ,
какъ дитя; приобѣжала
Скоро къ нимъ и старушка; свою
возвращенную дочку
Нѣжно они цѣловали; упрековъ не
было; въ добромъ
Сердцѣ Ундины все также утихло,
и ихъ обнимала
Съ лаской сердечной она, просила
прощенья, смѣялась,
Плакала, милая всѣ имена имъ да-
вала. А утро
Тою порой занялось, и буря умолкла,
и птицы
Начали пѣть на свѣжихъ, дождемъ
ожемуженныхъ вѣткахъ;
Стало свѣтло, и опять приступать
принялася Ундина
Къ рыцарю съ просьбой, чтобъ началъ
рассказъ свой. И такъ согла-
сились
Завтракъ принести подъ деревья.
Ундина проворно усѣлась

Подлѣ Гульбрандовыхъ ногъ на
травѣ; другого же мѣста
Выбрать никакъ не хотѣла; и ры-
царь рассказывать началъ.

ГЛАВА V.

О томъ, какъ рыцарь жилъ у ры-
бака въ хижинѣ.

Можетъ быть, добрый читатель,
тебѣ случалось въ жизни,
Долго скитавшись туда и сюда, по-
падать на такое
Мѣсто, гдѣ было тебѣ хорошо, гдѣ
живущая въ каждомъ
Сердцѣ любовь къ домашнему быту,
къ семейному миру,
Съ новою силой въ тебѣ пробужда-
лась; и снова ты видѣлъ
Край родимый; и всѣ обаянія мла-
дости блага
Первой, чистой любви, на могилахъ
минувшаго снова
Въ прежней красѣ расцвѣтали, и
ты говорилъ, отдыхая:
„Здѣсь живетъ такъ сладко, здѣсь
сердцу будетъ пріятно“.
Вспомнивъ такую минуту, когда
очарованной думой
Ты обнималъ безыменное, тайное
счастье земное,
Ты, читатель, поймешь, что дол-
женъ былъ чувствовать рыцарь,
Вдругъ поселившись въ этомъ пре-
дѣлѣ, далеко отъ свѣта.
Часто онъ съ радостью тайной
смотрѣлъ, какъ потокъ, свирѣ-
пѣя,
День-ото-дня расширялся, и островъ
все далѣ и далѣ
Въ море входилъ, разлучаясь съ
твердой землею; казалось,
Миръ кончался за нимъ. На сердцѣ
рыцаря стало
Тихо, свѣтло и легко. Рыбакъ
былъ мудрецъ простодушный;
Зная людей, извѣдавъ тревоги жи-
тейскія, бывши
Ратникомъ самъ въ молодыхъ лѣ-
тахъ, на досугъ онъ много
Могъ рассказать про войну и про
счастье, несчастье земное;

Словомъ, онъ былъ живая лѣтопись;
 время безъ скуки
 Шло въ разговорахъ межъ старцемъ
 отжившимъ и юношей, полнымъ
 Пламенной жизни: мудрость сми-
 ренная, прямо изъ жизни
 Взятая здравымъ разсудкомъ и вѣ-
 рою въ Бога, вливалась
 Въ душу Гульбранда и въ ней посе-
 ляла блаженную ясность.
 Бодрый старикъ промышлялъ по-
 прежнему рыбною ловлей;
 Былъ не безъ дѣла и рыцарь: въ
 хижинѣ къ счастью нашелся
 Старый доспѣхъ рыбака, само-
 стрѣль; его починивши,
 Съ нимъ ежедневно рыцарь ходилъ
 на охоту; а вечеръ
 вмѣстѣ всѣ передъ яркимъ огнемъ
 проводили, и полный
 Кубокъ тогда частенько постуки-
 валь въ кубокъ; въ запасѣ
 Было вино и нерѣдко съ нимъ
 длилась бесѣда до поздней
 Ночи. Но мирной сей жизни была
 душою Ундина.
 Въ этомъ жилищѣ, куда суеты не
 входили, какимъ-то
 Райскимъ видѣньемъ сіяла она:
 чистота херувима,
 Рѣзвость младенца, застѣнчивость
 дѣвы, причудливость никсы,
 Свѣжесть цвѣтка, порхливость силь-
 фиды, измѣнчивость струйки...
 Словомъ, Ундина была несравнен-
 нымъ, мучительно-милымъ,
 Чуднымъ созданьемъ; и прелесть
 ея проникала, томила
 Душу Гульбранда, какъ прелесть
 весны, какъ волшебство
 Звуковъ, когда мы такъ полны
 болѣзненно-сладкою думой.
 Но вертлявый, проказливый нравъ
 и смѣшныя причуды Ундины
 Были подчасъ и докучливой му-
 кой; за то и журили
 Крѣпко ее старики; и тогда ша-
 лунья такъ мило
 Дулась на нихъ, такъ забавно вор-
 чала; потомъ такъ сердечно
 Съ ними, раскалса, мирилась; по-
 томъ проказила снова, и снова
 Ей доставалось; и все то было вол-
 шебною, тайною

Сѣтью, которою, мало-по-малу, опу-
 талось сердце
 Рыцаря. Съ нею онъ сталъ неразлу-
 ченъ; съ каждою мыслью,
 Съ каждымъ чувствомъ слилася Ун-
 дина. Но, имъ обладая,
 Той же силѣ она и сама покора-
 лась; хотя въ ней
 Все осталось попрежнему: рѣзвость,
 причуды, упрямство,
 Вздорныя выдумки, дѣтскія шало-
 сти, взбалмошный хохоть...
 Но Ундина любила — любила без-
 печно, какъ любить
 Птичка, летая средь чистаго неба.
 Старикъ и старушка,
 Видя Ундины и рыцаря вмѣстѣ, не-
 вольно привыкли
 Ихъ почитать женихомъ и невѣстой.
 И рыцарю также
 Часто на мысль приходило, что въ
 мѣрѣ для него невозвратно
 Входъ загражденъ, что съ людьми
 никогда ужъ ему не встрѣчаться.
 Если жъ случалось, что рыцаревъ
 конь, на свободѣ бродившій
 По лугу, ржаньемъ своимъ его про-
 буждалъ и, какъ будто,
 Спрашивалъ: „скоро ли въ битву?“
 иль, если ему попадался
 Брошенный щитъ на глаза, иль
 праздно на стѣнѣ висѣвшій
 Мечъ, ненарокомъ сорвавшись съ
 гвоздя, изъ ноженъ выдвигался
 Въ звонкомъ паденьи—дума о сла-
 вѣ и подвигахъ бранныхъ
 Душу его шевелила. Но въ этой
 тревогѣ себя онъ
 Тѣмъ утѣшалъ, что возвратъ для
 него невозможенъ; къ тому же
 Мнилось ему, что Ундина была
 рождена не для низкой
 Доли; и словомъ, онъ вѣрилъ, что
 все то не случай, а Божій
 Промыселъ было. И такъ, одинъ за
 другимъ, непримѣтно
 Дни уходили, ясные, тихіе. Но и
 въ спокойномъ
 Этомъ быту напоследокъ случилось
 разстройство: привыкли
 Каждый вечеръ рыбака и рыцаря,
 отужинавъ, съ полнымъ
 Кубкомъ чась, другой проводить
 въ разговорѣ радушномъ;

Вдруг неостало вина: запасъ рыбака небогатый
 Вышелъ; взять же новаго было негдѣ... Наморщивъ
 Лбы, сидѣли Гульбрандъ и рыбакъ за столомъ, а Ундина,
 Глядя на нихъ, умирала со смѣху. Скучень и дологъ
 Былъ тотъ вечеръ и рано всѣ разошлись. На другой день
 Около ужина вышла Ундина изъ хижинны. „Вы мнѣ
 Оба несносны, сказала она, не хочу я на ваши
 Длинныя лица смотрѣть и слушать вашу зѣвоту“.
 Съ этимъ словомъ захлопнула двери и скрылась. А вечеръ
 Былъ ненастенъ, вѣтеръ шумѣлъ и море сердилось.
 Въ страхѣ рыбакъ и рыцарь вскочили, вспомнивъ, какъ въ
 первый Разъ они перепуганы были Ундиной. Но только
 Въ двери за нею они собрались побѣжать, какъ Ундина
 Имъ навстрѣчу явилась сама. „За мною! за мною
 Всѣ! закричала она, гостинецъ прислало намъ море;
 Бочка, и вѣрно съ виномъ, лежитъ на пескѣ“. За Ундиной
 Всѣ пошли, и подлинно бочка нашлася; поспѣшно
 Рыцарь, старикъ и съ ними Ундина ее покатали
 Къ хижинѣ; буря сбиралась; сквозь сумерки было
 Видно, какъ на морѣ волны свои подымали сѣдья
 Головы, дождь вызывая изъ тучъ; и тучи бѣжали
 Шибко и шумно, какъ будто грозясь напасть на идущихъ;
 Вотъ ужъ начали сыпаться первыя капли. Ундина
 Вдругъ повернула голову и, пальчикъ поднявши, сердито
 Имъ погрозила тучѣ и ей закричала: „смотри ты,
 Туча, не смѣй замочить насъ! еще намъ далеко до дома“.

Съ сердцемъ рыбаку ей сказала: „уймися, Ундина, грѣхъ!“ И, умоленувъ,
 Стала она про себя потихоньку смѣяться. Однако
 За сухо всѣ добрались до мѣста, но только успѣли
 Бочку подъ кровлю поставить и вскрыть и отвѣдать, какое
 Было вино въ ней, какъ дождь проливной зашумѣлъ, зашатались
 Съ скрипомъ дерева, и море дико завывало. Но бурю
 Въ хижинѣ скоро забыли; за полными кружками снова
 Умъ разогрѣлся и ожили шутки; и этой бесѣдѣ
 Прелестъ двойную давалъ огонекъ, всегда столь приятный
 Въ тепломъ пріютѣ, при шумѣ вѣтра и моря, во время
 Ночи ненастной. Но вдругъ старикъ, какъ будто что вспомнивъ,
 Сталь задумчивъ; потомъ, помолчавши минуту, сказалъ онъ:
 „Царь небесный; помилуй насъ грѣшныхъ! мы здѣсь на досугѣ
 Шутимъ и этимъ прекраснымъ виномъ веселимся; а бѣдный
 Прежній хозяинъ его, быть можетъ, погибъ и, волнами
 Брошенный, Богъ вѣсть куда, лишенъ погребенья!“ При этомъ
 Словѣ Ундина съ лукавой усмѣшкой подвинула кружку
 Къ рыцарю. „Пей, не бойся“, она прошептала. Но рыцарь
 За руку взялъ старика и воскликнулъ: „я честью клянуся,
 Если-бъ могли мы его отыскать и спасти, то ночная
 Буря помѣхою мнѣ не была бы; съ опасностью жизни
 Я бы на помощь къ нему побѣжалъ; за то обѣщаюсь,
 Если когда возвращуся въ край обитаемый, вдвое,
 Второе ему иль дѣтямъ его заплатить за прекрасный
 Этотъ напитокъ, который безъ воли его намъ достался“.
 Добрый старикъ кивнулъ головою въ знакъ одобренья;

Въ немъ успокоилась совѣсть и съ большимъ вкусомъ онъ допилъ Кружку. Но тутъ Ундина сказала Гультранду: „ты денегъ Сколько угодно можешь за это вино разсорить; но бросаться Въ воду и жизни своей не жалѣть... Сказано было; что это ужъ глупо Милый, погибнешь? Не правда-ль, не правда-ль, ты лучше съ Ундиной Здѣсь останешься?“ — „Правда, Ундиночка“, рыцарь съ улыбкой Ей отвѣчалъ. „Признайся-жь, что глупо сказалъ ты; вѣдь каждый Самъ себѣ ближе; и что до другихъ намъ?..“ Старушка, услышавъ Это, тяжело вздохнула; а добрый рыбакъ, не стерпѣвши, Началъ кричать на Ундину: „у турковъ, у нехристей что ли Выросла ты, прости мнѣ Господи? Что за горячку Снова ты намъ говоришь, грѣховодница?“ — Вдругъ замолчавши, Робко Ундина прижалась къ Гультранду; потомъ прошептала: „Что же такое сказала я имъ? Ужь и ты не сердить-ли, Милый мой рыцарь?“ Но рыцарь, пожавши ей руку, расправилъ Кудри, упавшіе кольцами ей на глаза, и ни слова Ей не отвѣтствовалъ: брань рыбака его оскорбила. Такъ сидѣли всѣ четверо, молча, нахмутивши брови; Добрую четверть часа продолжалось это молчанье. [Рыцарь женился на Ундиѣ].

ГЛАВА VII.

о томъ, что случилось въ свадебный вечеръ.

Смирно стояла Ундина во все продолженье обряда, Но лишь только онъ кончился, вдругъ, какъ будто волшебной Силой вакой, что ни было въ ней и причудъ, и безпутныхъ

Выдумокъ, все забродило и вспенилось; вдругъ принялася Всѣхъ тормошить, старика, старушку и рыцаря, не былъ Даже и самъ священникъ оставленъ въ покоѣ. Суровымъ Словомъ хотѣла хозяйка шальную унять, какъ бывало, но рыцарь Съ значущимъ взглядомъ назвалъ ее своею женою; Та замолчала. И самъ онъ, однако, такимъ поведениемъ Не былъ доволенъ; но тутъ ни его увѣщанья, ни ласки, Ниже упреки, ничто помочь не могло. Унималась, Правда, она на минуту, когда замѣчала досаду Рыцаря: нѣжно тогда къ нему прижимаясь, рученкой Милой своею трепала его по щекамъ и шептала На ухо слово любви съ небесной улыбкой; но снова Съ первою взбалмошной мыслию тожь начиналось и пуще, Нежели прежде. Священникъ сказалъ напоследокъ: „Ундина, Рѣзвость такая забава, но въ эту минуту приличнѣй Было бы вамъ, новобрачной, подумать о томъ, какъ съ душою Даннаго Богомъ супруга свою сочетать христиански Душу“. — „Душу? смѣясь, закричала Ундина. Такое Слово приятно звучитъ; но много-ли въ этомъ приятномъ Звукѣ смысла? А если кому души не досталось, Что тому дѣлать? Еще сама я не знаю, была ли, Есть ли душа у меня?..“ Оскорбленный глубоко, священникъ, Строго взглянувъ на нее, замолчалъ; испугавшись, Ундина Съ дѣтскимъ смиреньемъ къ нему подошла и шепнула: „послушай, Добрый отецъ, не сердися, мнѣ это такъ грустно, такъ грустно, Что и сказать не могу я; не будь же со мною, незлобнымъ,

Робкимъ созданьемъ, — такъ строгъ!

Напротивъ того съ снисхожде-
ниемъ
Выслушай то, что хочу исповѣдать
искреннимъ сердцемъ“.
Видно было, что тяжкая тайна ле-
жала на сердцѣ Ундины;
Что-то хотѣла сказать, но вдругъ
поблѣднѣла и горько,
Горько заплакала. Всѣ на нее съ
любопытствомъ смстѣли;
Что творилось съ нею, не вѣдалъ
никто. Напослѣдокъ
Слезы обтерла она, и священнику,
въ сильномъ волненіи
Сжавши руки, сказала: „отецъ мой,
не правда-ль, ужасно
Душу живую имѣть? И не лучше-ль,
скажи мнѣ, не лучше-ль
Вѣчно пробить безъ души?..“ Она
замолчала, уставивъ
Острый, разстроенный взоръ на свя-
щенника. Всѣ поднялися
съ мѣстъ, какъ будто дичаяся ея;
не дождавшись отвѣта,
съ тяжкимъ вздохомъ, она про-
должала: „великое время,
Страшное время душа! при одномъ
ужъ ея ожиданьи
Грусть и тоска терзаютъ меня; а
доннѣ мнѣ было
Такъ легко, такъ свободно“. Она
опять зарыдала,
Скрыла въ ладони лицо и, свою
наклонивши головку,
Плакала горько, а свѣтлыя кудри,
скатаяся на прекрасный
Лобъ и на жаркія щеки, повисли
густымъ покрываломъ.
Съ строгимъ лицомъ подошелъ къ
ней священникъ; „Ундина, ска-
заль онъ,
Именемъ Господа Бога тебѣ го-
ворю: исповѣдай
Душу свою передъ нами, и если
таится въ ней злое,
Богъ милосердъ, Онъ помилуетъ“.
Тихимъ покорнымъ младенцемъ
Стала она передъ нимъ на колѣни
и, руки сложивши,
Набожно къ небу глаза подняла, и
крестилась, и, имя
Божіе слава, твердила, что не было
зла никакого

Въ сердцѣ ея. Священникъ ска-
заль, обратясь къ Гульбранду:
„Рыцарь, вамъ повѣряю я ту, съ ко-
торою нынѣ
Самъ сочеталъ васъ: душою она
безпорочна, но много
Чуднаго въ ней. Примите мой доб-
рый совѣтъ: осторожность,
Твердость, любовь; остальное на
власть милосердаго Бога
Съ вѣрой оставьте!“ Сказавъ, но-
вобрачныхъ священникъ
Перекрестилъ и вышелъ; за нимъ
рыбакъ и старушка,
Также крестясь и молитву читая,
вышли. Ундина
Все еще на колѣняхъ стояла въ
молчаньи; когда же
Всѣ удалились, она потихоньку ли-
цомъ обернула
Къ рыцарю, кудри раздвинула,
мало-по-малу, какъ будто
Въ чувство входя, головку свою
подняла, и уныло
Очи лазурныя, полныя слезъ, на
него устремила.
„Милый, ты, вѣрно, также покинешь
меня, прошенала
Робко она, но чѣмъ же я бѣдная,
чѣмъ виновата?“
Руки ея такъ призывно, такъ жар-
ко къ нему поднялися,
Взоры ея такъ похожи на небо пре-
красное стали,
Голосъ ея такъ глубоко изъ сердца
раздался, что рыцарь
Все позабылъ и въ порывѣ любви
протянулъ къ ней объятія;
Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась
къ милому въ руки Ундины,
Грудью прильнула ко груди его и
на ней онѣмѣла.

ГЛАВА VIII.

о томъ, что случилось на другой
день свадьбы.

Свѣжій, утренній лучъ разбудилъ
новобрачныхъ; блаженствомъ
Ясныя очи Ундины горѣли; а ры-
царь въ глубокой

Думѣ молчалъ про себя; всю ночь
онъ видѣлъ какой-то
Странный, мучительный сонъ: все
спилось ему, что хотѣли
Бѣсы его обольстить подъ видомъ
красавицъ, что въ змѣевъ
Адскихъ красавицы всѣ передъ
нимъ обращались. Проснувшись
Въ страхѣ, онъ началъ Смотрѣть
недовѣрчиво: тутъ ли Ундина?
Нѣтъ ли въ ней какой перемѣны?..

Но было все тихо,
Буря кончилась; полный мѣсяцъ
свѣтилъ, и Ундина
Сномъ глубокимъ спала, положивши
горячую щеку
На руку; вольно дышала она и
сквозь сонъ, какъ журчанье,
Шопотъ невнятный бродилъ по
жарко-раскрывшимся губкамъ.
Видомъ такимъ успокоенный, ры-
царь заснулъ, но въ другой разъ
Тотъ же сонъ! наконецъ засіяла
заря и проснулись оба.
Сонъ рассказавши, рыцарь просилъ,
чтобъ Ундина простила
Страхъ безразсудный ему. Вздох-
нувши, прекрасную руку
Съ грустью она ему подала, и ни
слова; но сладкій,
Полный глубокой любовію взглядъ,
какого дотолѣ
Рыцарь въ лазоревыхъ глазкахъ ея
не встрѣчалъ, безотвѣтно
Выразилъ все. Съ довольнымъ серд-
цемъ онъ всталъ, и къ домашнимъ
Вышелъ; всѣ трое сидѣли, молча;
на лицахъ ихъ видно
Было, что тяжело тревожило ихъ ожи-
данье развязки;
Видно было, что внутренно Бога
священникъ молилъ: да поможетъ
Имъ защититься отъ козней врага.

Но какъ скоро явился
Съ яснымъ лицомъ необрачный,
то вмгъ и у нихъ просіяли
Души и лица; рыбакъ и старушка
заплакали; къ небу
Взоръ благодарный поднялъ свя-
щенникъ. Потомъ и Ундина
Вышла; они хотѣли пойти къ ней
навстрѣчу, но стали
Всѣ неподвижны: такъ знакома и
такъ незнакома

Имъ въ красотѣ довершенной она
показалась. Священникъ
Первый къ ней подошелъ; но лишь
только онъ руку, чтобъ дать ей
Благословеніе, поднялъ, она ему
поклонилась
Въ землю и стала прощенья про-
сить въ словахъ безразсудныхъ,
Сказанныхъ ею вчера; потомъ при-
молвила: „добрый
Другъ, помолись о спасеніи моей
души многогрѣшной!“
Вставши, она обняла стариковъ, и
то, что сказала
Имъ, было такъ полно души, такъ
было ихъ слуху
Ново, и такъ далеко отъ всего,
что прежде плѣняло
Въ ней, не касаясь до сердца, что
оба они, зарыдавши,
Стали молиться вслухъ и ее назы-
вали „небеснымъ
Ангеломъ“, „дочкой родною“; она же
съ сердечнымъ смиреньемъ
Ихъ цѣловала; такой и осталась
она съ той минуты:
Кроткой, покорной женою, хозяй-
кой заботливой, въ то же
Время дѣвственно-чистымъ, боже-
ственно-милымъ созданиемъ.
Рыцарь, старикъ и старушка, давно
ужъ привыкнувъ къ причудамъ
Дѣтскимъ ея, все ждали, что снова
она, какъ и прежде,
Станетъ проказить, но въ этотъ
разъ они обманулись:
Ангеломъ тихимъ осталась Ундина.
Священникъ, любясь
Ею, воскликнулъ: „Радуйтесь, ры-
царь; Господь милосердый
Вамъ даровалъ чрезъ меня, недо-
стойнаго, рѣдкое счастье;
Будетъ добро вамъ и въ здѣшней,
и въ будущей жизни, когда вы
Чистымъ его сохраните. Господь
помоги вамъ обоимъ!“
Около вечера, съ нѣжностью робкой
Ундина, взявши Гульбранда
За руку, тихо его повлекла за со-
бою на вольный
Воздухъ. Безоблачно солнце седи-
лось на зеленой
Дернѣ сквозь чащу деревь, за ко-
торыми тихо горѣло

Море вдали. Во взорахъ жены молодой трепетало
 Пламя любви, какъ роса на лазурныхъ
 листкахъ; но, казалось, Грустная тайна уста ей смыкала,
 порой выражаясь Вздохомъ невнятнымъ. Въ молчаньи
 она вела за собою Рыцаря далѣ; когда же съ ней говорилъ онъ,
 отвѣта Не было, взоръ одинъ отвѣчалъ; но въ этомъ
 сердечномъ Взорѣ цѣлое небо любви и смиренья лежало.
 Такъ подошли напоследокъ они къ лѣсному потоку...
 Чтò же рыцарь увидѣлъ? Разливъ уже миновался;
 Мелкимъ ручьемъ стремился потокъ. „Онъ исчезнетъ
 Къ утру совсѣмъ, сказала Ундина, скрывая рыданье;
 Завтра кончится все, и тебѣ ужъ препятствія болѣ,
 Милый, не будетъ отсель удалиться, какъ скоро захохочетъ.“ —
 „Вмѣстѣ съ тобою, Ундиночка“, рыцарь отвѣтствовалъ. — „Это
 Въ волѣ твоей“, шепнула она, усмѣхаясь сквозь слезы.
 Другъ, я знаю, что ты Ундиночку любишь. Она же
 Всею душою твоя, и навѣкъ. Но, милый, послушай,
 Перенеси меня на рукахъ на этотъ зеленый
 Островъ; тамъ пріютнѣй. Хотя и самой мнѣ сквозь волны
 Было-бъ нетрудно туда проскользнуть, но, другъ, мнѣ такъ сладко
 Быть на рукахъ у тебя. И, если намъ должно разстаться,
 То хотъ въ послѣднее счастье земнымъ подышу я
 Здѣсь у тебя на груди“. И растроганъ, встревоженъ,
 Рыцарь Ундину на руки взялъ и понесъ черезъ воду.
 Было то мѣсто знакомо, то былъ островокъ, на которомъ
 Встрѣтился рыцарь съ Ундиною въ бурю. Ее опустили онъ
 Тихо на шелковый дернъ и хотѣлъ помѣститься съ ней рядомъ...

„Нѣтъ, не рядомъ со мной, а противъ меня ты садися,
 Милый! сказала она, хочу я прежде, чѣмъ словомъ
 Будешь отвѣтствовать мнѣ, твой отвѣтъ въ непритворныхъ
 Взорахъ твоихъ заранѣ угадывать. Слушай. Ты долженъ
 Знать, ужъ на дѣлѣ узналъ ты, что есть на свѣтѣ созданья,
 Вамъ подобныя видомъ, но съ вами различнаго свойства.
 Рѣдко ихъ видите вы. Въ огнѣ живутъ саламандры,
 Чудныя, рѣзвыя, легкія; въ нѣдрахъ земли, неприступныхъ
 Свѣту, водятся хитрые гномы; въ воздухѣ вѣютъ
 Сильфы; лоно морей, озеръ и ручьевъ населяютъ
 Духи веселые водъ. Прекрасно и вольно живется
 Тамъ, подъ звонкокристальными сводами; небо и солнце
 Свѣтятъ сквозъ нихъ и небесныя звѣзды туда проникаютъ;
 Тамъ, на высокихъ деревьяхъ коралловыхъ, пурпуромъ яркимъ,
 Темнымъ сапфиромъ блистаютъ плоды; тамъ гуляешь по мягкимъ,
 Свѣжимъ песочнымъ коврамъ, узорами раковинъ пестрыхъ
 Хитро украшеннымъ; многое, бывшее чудомъ минувшихъ
 Лѣтъ, обличенное тайнымъ серебряныхъ водъ покрываломъ,
 Видится тамъ въ величавыхъ развалинахъ: влага съ любовью
 Ихъ объемлетъ, въ мохъ и цвѣты водяные ихъ рядить,
 Пышнымъ вѣнцомъ тростника ихъ сѣдья главы обвиваетъ.
 Жители странъ водяныхъ обольстительно-милы, прекраснѣй
 Самыхъ людей. Случалось не разъ, что рыбакъ, подглядѣвши
 Дѣву морскую — когда, изъ воды подымаяся тайно,
 Пѣла она и качалась на зыбкой волнѣ — повергался
 Въ хладную влагу за нею. „Ундинами“ чудныя эти
 Дѣвы слывуть у людей. И вдругъ ты теперъ предъ собою

Въ самомъ дѣлѣ видишь Ундицу?—
 Гульбрандъ содрогнулся:
 Холодъ по членамъ его пробѣжалъ;
 неподвиженъ, какъ камень,
 Молча и дико смотрѣлъ онъ въ
 лицо разсказчицы милой,
 Силъ не имѣя очей отвести. Пока-
 чавъ головою,
 Грустно замолкла она, вздохнула,
 потомъ продолжала:
 „Видомъ наружнымъ мы то-же, что
 люди, быть можетъ и лучше,
 Нежели люди; но съ нами не то,
 что съ людьми: покидая
 Жизнь, мы вдругъ пропадемъ, какъ
 призракъ, и тѣломъ, и духомъ
 Гибнемъ вполнѣ, и самый нашъ
 слѣдъ исчезаетъ; изъ праха
 Въ лучшую жизнь переходите вы;
 а мы остаемся
 Тамъ, гдѣ жили, въ воздухѣ, искрѣ,
 волнѣ и пылинкѣ.
 Намъ души не надо! пока продол-
 жается наше
 Здѣсь бытiе,—намъ стихiи покорны;
 когда-жъ умираемъ,
 Въ ихъ переходимъ мы власть, и
 онѣ насъ вмiгъ истребляютъ;
 Веселы мы и насъ ничто не трево-
 жить, какъ птичекъ
 Въ рошѣ, рыбокъ въ водѣ, мотыль-
 ковъ на дугу благовонномъ.
 Все однако стремится возвыситься:
 такъ и отецъ мой,
 Сильный царь въ голубой глубинѣ
 Средиземнаго моря,
 Мнѣ, любимой, единственной до-
 чери, душу живую
 Дать пожелалъ, хотя онъ и видѣлъ,
 что съ нею и горе
 [Всѣхъ одаренныхъ душою удѣлъ]
 меня не минуетъ.
 Но душа не иначе дана быть намъ
 можетъ, какъ только
 Тѣснымъ союзомъ любви съ чело-
 вѣкомъ. И, милый, отнынѣ
 Я съ душою навѣки; тебѣ одному
 благодарна
 Я за нее, и тебѣ-жъ благодарна
 останусь, когда ты
 Жизнь не осудишь мою на вѣчное
 горе. Что будетъ
 Съ бѣдной Ундиной, когда ты по-
 кинешь ее? Но обманомъ

Сердце твое сохранить она не хо-
 тѣла. Теперь ты
 Знаешь все, и если меня оттолк-
 нуть ты рѣшился,
 Сдѣлай это теперь же: одинъ пе-
 рейди на противный
 Берегъ; я брошуся въ этотъ потокъ;
 онъ—мой дядя; издавна
 Въ нашемъ лѣсу онъ свободную,
 чудную жизнь, какъ пустынный,
 Розно съ родней и друзьями прово-
 дить. Онъ силенъ и многимъ
 Старымъ рѣкамъ и могучимъ пото-
 камъ союзникъ. Принесъ онъ
 Нѣкогда къ жителямъ хижины здѣш-
 ней меня беззаботнымъ,
 Яснымъ, веселымъ младенцемъ, и
 онъ же нынѣ отсюда
 Въ домъ отца моего меня отнесетъ
 измѣненнымъ, живую
 Душу прiявшимъ созданьемъ, лю-
 бящей, скорбящей женою!“—
 Далъ она говорить не могла; пора-
 женный, плѣненный,
 Рыцарь ее обхватилъ и на руки
 поднялъ и вынесъ
 На берегъ; тамъ передъ небомъ са-
 мимъ повторилъ онъ обѣтъ свой:
 Съ ней неразлучно жить на землѣ
 и дѣлить все земное.
 Въ сладкомъ согласи, за руки взяв-
 шись, медлительнымъ шагомъ
 Въ хижину оба пошли. И Ундина,
 глубоко постигнувъ
 Благо святое души, перестала жа-
 лѣть о прозрачномъ
 Морѣ и влажныхъ жилищахъ от-
 цовскаго чуднаго царства.
 [Рыцарь измѣнилъ Ундины. Она броси-
 лась въ Дунай. Онъ собирается жениться
 на Бергальдѣ].

ГЛАВА XVII.

о томъ, какъ рыцарь видѣлъ сонъ.

Было время межъ утра и ночи,
 когда на постели
 Рыцарь сонный, не сонный; лежалъ.
 Уже забываются
 Началъ онъ; вдругъ передъ нимъ,
 невидимкой, ужасное что-то

Стало; и онъ очнулся, какъ будто
услышавъ какой-то
Голосъ, шепнувшей: „къ тебѣ подо-
шелъ посѣтитель безплотный“.
Силиться сталъ онъ, чтобъ вовсе
проснуться; но вотъ онъ услышалъ
Снова: какъ будто надъ нимъ и
подъ нимъ лебединыя крылья
Вѣяли, волны журчали и пѣли; и
онъ, утомленный,
Въ сладкой дремотѣ опять упалъ
головой на подушку.
Вотъ, наконецъ, и подлинно сонъ
овладѣлъ имъ; и началъ
Видѣть во снѣ онъ, что будто имъ
слышанный шумъ лебединыхъ
Крыльевъ—крыльями сталъ, что
будто его подхватили
Эти крылья и съ нимъ надъ зем-
лей и водой полетѣли
Съ сладостнымъ вѣяньемъ, съ звон-
кимъ стенаніемъ... „Стонъ лебе-
диный!
Стонъ лебединый! [Себѣ непрестан-
но твердилъ поневолѣ
Сонный рыцарь] вѣдь онъ предвѣ-
щаетъ намъ смерть“. И казаться
Стало ему, что подъ нимъ Среди-
земное море; и лебедь,
Слышалось, пѣлъ: „разступись, оза-
рись, Средиземное море!
Внизъ посмотрѣлъ онъ: лазурныя
воды стали прозрачнымъ,
Чистымъ кристалломъ, и могъ онъ
насквозь до самаго dna ихъ
Видѣть; и тамъ онъ увидѣлъ Унди-
ну; подъ свѣтлымъ, кристалъ-
нымъ
Сводомъ сидѣла она и плакала
горько; и было ужъ много,
Много въ ея лицѣ перемѣны; не та
ужъ Ундина
Это была, съ которою, въ прежнее
время, такъ счастливъ
Былъ онъ въ замкѣ Рингштеттенѣ,—
очи, столь ясныя прежде,
Были тусклы, щеи впали, болѣз-
ненъ былъ образъ.
Все то рыцарь замѣтилъ; но ею са-
мой онъ, казалось,
Не былъ замѣченъ. И вотъ подо-
шелъ къ ней—рыцарь увидѣлъ—
[Что дядя Ундины Струй упрекаетъ
ее за слезы].

...Тутъ Ундина съ такимъ повели-
тельнымъ видомъ
Встала, что Струй передъ нею, какъ
будто, смутился. „Хотя я
Здѣсь подъ водами живу, сказала
она, но съ собою
Я принесла и душу живую; о чемъ
же такъ горько
Плачу, того тебѣ никогда не по-
нять! но блаженны
Слезы мои, какъ все блаженно тому,
кто имѣетъ
Вѣрную душу“. Струй, покачавъ го-
ловою съ сомнѣньемъ,
Началъ о чемъ-то думать, потомъ
сказалъ: „ты, какъ хочешь,
Чванься своею живою душою, но
все ты подъ властью
Нашихъ стихійныхъ законовъ, и
все ты обязана строгій
Судъ нашъ надъ нимъ совершить въ
ту минуту, когда онъ
Вѣрность нарушитъ тебѣ и женится
снова!“—„Но въ этотъ
Мигъ онъ еще вдовецъ, отвѣчала
Ундина, и грустнымъ
Сердцемъ любить меня“.—„Вдовецъ,
я не спору, со смѣхомъ
Струй отвѣчалъ, но онъ и женихъ,
а скоро и мужемъ
Будетъ; тогда ужъ ты, не прогнѣ-
вайся, съ нашимъ посольствомъ,
Хочешь, не хочешь, пойдешь; а это
посольство, сама ты
Знаешь какое—смерть“. „Но знаю и
то, что не можно
Въ замокъ Рингштеттенъ войти
мнѣ, сказала съ улыбкой Ундина,
Камень лежитъ на колодцѣ“.—„А
если онъ выйдетъ изъ замка?“
Струй возразилъ. „А если велитъ
онъ камень съ колодца
Сдвинуть? Вѣдь онъ объ этихъ без-
дѣлкахъ забылъ“. „Для того-то,
Съ ясной сквозь слезы улыбкой ска-
зала она, и летаетъ
Духомъ теперь онъ поверхъ Среди-
земнаго моря, и слышитъ
Сонный все то, что мы съ тобой
говоримъ; я нарочно
Это устроила такъ, чтобъ онъ осте-
регся“. Примѣтя
Рыцаря, Струй взбѣсился, топнулъ
ногой, кувыркнулся

Въ волны, и быстро уплыль, раз-
дувшисьъ отъ ярости китомъ.
Лебеди снова, со звономъ, со сто-
номъ начали вѣять,
Начали рѣять; и снова рыцарю ви-
дѣться стало,
Будто летить онъ, летить надъ го-
рами, летить надъ водами,
Будто на замокъ Рингштеттенъ сле-
тѣль, и, будто, проснулся.
Такъ и было: проснулся Гульбрандъ
у себя на постели.
Въ эту минуту вошелъ кастелянъ
объявить, что близъ замка
Встрѣченъ былъ патеръ Лаврентій,
что онъ въ лѣсу недалеко
Сдѣлалъ себѣ изъ сучьевъ шалашъ
и въ немъ поселился.—
„Мнѣ на вопросъ, зачѣмъ онъ жи-
ветъ здѣсь, когда отказался
Рыцаревъ бракъ освятить, отвѣчалъ
онъ: „развѣ одни лишь
Браки должны освящать мы? Другіе
нерѣдко обряды
Намъ совершать случается. Если
не могъ пригодиться
Я на одно, пригожусь на другое и
жду; пированье
Можетъ легко перейти въ горе-
ванье. И такъ, кто имѣетъ
Очи, да видить; кто уши имѣетъ,
да слышитъ!“ Въ раздумьи
Долго рыцарь сидѣлъ, вспоминая
свой сонъ, и значенье
Словъ отца Лаврентія силясь по-
нять; но, пришедши
Къ милой невѣстѣ, онъ все поза-
былъ, разгулялся, и снова
Сдѣлался веселъ, и все осталось по-
прежнему въ замкѣ.

—
ГЛАВА XVIII.

О томъ, какъ рыцарь праздновалъ
свадьбу.

Если рассказывать мнѣ, читатель,
подробно, каковъ былъ
Въ замкѣ Рингштеттенѣ свадебный
пиръ, то будетъ съ тобою
То же, какъ если бы вдругъ ты уви-
дѣлъ множество всякихъ
Рѣдкихъ сокровищъ, покрытыхъ
траурнымъ флеромъ и въ этомъ

Злую насмѣшку нашелъ надъ нич-
тожностью счастья земнаго.
Правда, въ этотъ свадебный день
ничего не случилось
Страшнаго въ замкѣ—духамъ во-
дянымъ, ужъ это мы знаемъ,
Было проникнуть въ него нельзя—
но со всѣмъ тѣмъ нашъ рыцарь,
Гости, рыбаки и даже служители
были всѣ какъ-то
Смутны; казалось всѣмъ, что на
праздникѣ съ ними кого-то
Главнаго нѣтъ, и что этимъ глав-
нымъ никто ужъ не могъ быть
Кромѣ смиренной, ласковой, всѣми
любимой Ундины.
Всякій разъ, когда отворялися две-
ри, невольно
Всѣ на нихъ обращали глаза и
ждали; когда же,
Вмѣсто желанной, явился иль съ
блюдомъ дворецкій, иль ключ-
никъ
Съ кубкомъ вина благороднаго, каж-
дый печально въ тарелку
Взоръ опускалъ и сидѣлъ безгла-
сень, какъ будто бы въ грустной
Думѣ о прошломъ. Всѣхъ веселѣе
была молодая;
Но и ей самой, какъ будто, совѣстно
было
Въ брачномъ зеленомъ вѣницѣ, въ
жемчугахъ и въ богатомъ вѣн-
чальномъ
Платѣ на первомъ мѣстѣ сидѣть,
тогда какъ Ундина,
„Трупомъ еще неотпѣтымъ, на днѣ
Дуная лежала,
Или носима была безъ пріюта мор-
скими волнами“.
Эти отцовы ¹⁾ слова и прежде мучили
ей сердце;
Тутъ же они отзывались въ ухахъ
ея безпрестанно.
Рано гости оставили замокъ, и
каждый съ какимъ-то
Тяжкимъ предчувствіемъ. Рыцарь
пошелъ къ себѣ, молодая
Также къ себѣ—раздѣваться. Кру-
гомъ возобранной
Были прислужницы. Вотъ, чтобъ
немного свои поразсѣять

¹⁾ Бертальда оказалась настоящей до-
черью стараго рыбака.

Черныя мысли, Бертальда велѣла
 подать дорогіе
 Перстни, жемчужныя нитки и платя,
 рыцаремъ къ свадьбѣ
 Ей подаренныя; стала примѣривать
 то и другое.
 Лестя ей, прислужницы вслухъ вос-
 хищались ея красотою;
 Съ видомъ довольнымъ слушаа ихъ,
 Бертальда смотрѣлась
 Въ зеркало; вдругъ сказала: „ахъ,
 Боже! какая досада!
 Вотъ опять у меня на шеѣ веснуш-
 ки; а можно бѣ
 Тотчасъ согнать ихъ; стоило бѣ
 только водой изъ колодца
 Нашего разъ обернуться; ахъ,
 еслибъ мнѣ нынче жъ хотъ кружку
 Этой воды достали!“ „О чемъ же
 тутъ думать? сказала,
 Бросившись въ двери, одна изъ
 прислужницъ.— „Неужто успѣетъ
 Эта проказница камень поднять?“ съ
 довольной усмѣшкой
 Вслѣдъ за нею смотря, Бертальда
 подумала. Скоро
 Сдѣлался шумъ на дворѣ; съ ры-
 чагами къ колодцу бѣжали
 Люди. Бертальда сѣла подлѣ окна
 и при яркомъ
 Блескѣ полной луны, освѣщавшемъ
 дворъ замка, ей было
 Видно все, что дѣлалось тамъ. Ра-
 ботники дружно
 Двинули камень, хотя иному изъ
 нихъ и прискорбно
 Было подумать, что имъ теперь на-
 длежало разрушить
 То, что было приказано сдѣлать
 прежнею, доброй
 Ихъ госпожею; но трудъ былъ не
 такъ-то великъ, какъ сначала
 Думали; имъ изнутри колодца, какъ
 будто, какая
 Сила камень поднять помогала. Ди-
 вясь, говорили
 Между собою работники: „можно по-
 думать, что бьетъ тамъ
 Сильный ключъ“. И въ самомъ дѣлѣ
 съ отверстія камень
 Самъ собой подымался; безъ всякой
 помощи, свободно
 Сдвинулся онъ и, со стукомъ глу-
 химъ откатясь, повалился.

Вдругъ изъ колодца что-то, какъ
 будто, бѣлый, прозрачный
 Столбъ водяной, поднялся торже-
 ственно, тихо... Сначала
 Подлинно бьющимъ ключомъ пока-
 залось оно, но поднявшись
 Выше, какимъ-то блѣднымъ, въ бѣ-
 лый покровъ облеченнымъ
 Женскимъ образомъ стало. И плача,
 и жалобно руки
 Вверхъ подымая, оно медлительно,
 шагомъ воздушнымъ
 Прямо къ замку двигалось. Въ
 ужасѣ всѣ отбѣжали
 Прочь отъ колодца. Бертальда же,
 стоя въ окнѣ, цѣпенѣла,
 Холодомъ страха облитая. Вотъ,
 когда поровнялся
 Съ самымъ окошкомъ идущій образъ,
 сквозъ покрывало
 Онъ поглядѣлъ на Бертальду прон-
 зительнымъ окомъ, съ тяжелымъ
 Вздохомъ; и блѣднымъ лицомъ
 Ундины тогда показался
 Образъ Бертальдѣ; мимо ея она,
 упинаясь,
 Нѣхотя, медленно шла, какъ будто
 на судъ. „Позовите
 Рыцаря!“ громко вскричала Берталь-
 да. Но всѣ въ неподвижномъ
 Страхѣ стояли на мѣстѣ... Сама Бер-
 тальда, какъ будто
 Собственнымъ крикомъ своимъ при-
 веденная въ ужасъ, умолкла.
 Того порою чудесная гостья прибли-
 зилась къ двери
 Замка, знакомую лѣстницу, радъ
 знакомыхъ покоевъ
 Тихо, молча, плача, прошла... о,
 такую ль бывало,
 Здѣсь видали ее? Въ то время еще
 нераздѣтый
 Рыцарь въ уборной своей стоялъ
 передъ зеркаломъ. Тусклый
 Свѣтъ проливала свѣча. Вдругъ
 кто-то легонько
 Стукнулъ въ дверь... такъ точно,
 бывало, случалась Ундины.
 „Всеэто призракъ!“ сказалъ онъ, „по-
 ра мнѣ въ постелю“. — „Въ постели
 Будешь ты скоро, но только въ хо-
 лодной“, шепнулъ за дверями
 Плачущій голосъ.—И въ зеркало
 рыцарь увидѣлъ, какъ двери

Тихо, тихо за нимъ растворились,
какъ бѣлая гостья
Въ нихъ вошла, какъ чинно замокъ
заперла за собою.
„Камень съ колодца сняли, она
промолила тихо;
Здѣсь я; и долженъ теперь умереть
ты“. Холодъ, по сердцу
Рыцаря вдругъ пробѣжавшій, по-
чувствовать даль, что минута
Смерти настала. Зажавши руками
глаза, онъ воскликнулъ:
„О, не дай мнѣ въ послѣдній мой
часъ обезумѣть отъ страха!
Если ужасенъ твой видъ, не сни-
май покрывала, и строгій
Судъ соверши надо мной, мнѣ лица
твоего не являя“.
„Ахъ! она отвѣчала, развѣ еще
разъ увидѣть,
Другъ, не хочешь меня? Я прекра-
сна, какъ прежде, какъ въ оный
День, когда твоею невѣстою стала“.
— „О, если бѣ
Это правда была! [Гульбрандъ вос-
кликнулъ] о, если бѣ
Мнѣ хоть одинъ поцѣлуй отъ тебя!
и пускай бы
Въ немъ умереть!“ — „Охотно, возлюб-
ленный мой!“ покрывало
Снявши, сказала она; и прекрасной
Ундиною, прежней
Милой, любящей, любимой Ундиною
первыхъ, блаженныхъ
Дней предстала. И онъ, трепеща
отъ любви и отъ близкой
Смерти, склонился къ ней въ руки.
Съ небеснымъ она поцѣлуемъ
Въ руки его приняла, но изъ нихъ
уже не пустила
Болѣ его; а крѣпче, все крѣпче къ
нему прижимаясь,
Плакала, плакала тихо, плакала
долго, какъ будто
Выплакать душу хотѣла: и быстро,
быстро лиясь,
Слезы ея проникали рыцарю въ
очи, и съ сладкой
Болью къ нему заливались въ грудь,
пока напоследокъ
Въ немъ не пропало дыханье, и
онъ не уалъ изъ прекрасныхъ
рукъ Ундины бездушнымъ трупомъ
къ себѣ на подушку.

„Я до смерти его ушла!“ встрѣ-
ченнымъ ею
Людямъ за дверью сказала Ундина
и тихимъ, воздушнымъ
Шагомъ по двору, мимо Бертальды,
мимо стоявшихъ
Въ страхъ работниковъ, прямо про-
шла къ колодцу, безгласной,
Грустной тѣнью спустилась въ его
глубину и пропала...

ГЛАВА XIX.

О томъ, какъ рыцарь былъ погребенъ.

Патеръ Лаврентій, услышавъ о
томъ, какъ внезапно и чудно
Кончилъ жизнь владѣтель замка
Рингштеттена, тотчасъ
Въ замкъ явился; и онъ, входя на
дворъ, осѣненный
Липами, встрѣтился тамъ съ мона-
хомъ, недавно вѣнчавшимъ
Рыцаря: въ ужасѣ тотъ удалиться
сѣвшилъ. „Такъ и должно!
Патеръ Лаврентій сказалъ, теперь
моя наступила
Очередь; мнѣ помощникъ не ну-
женъ“. Хотѣлъ онъ невѣстѣ,
Вдругъ овдовѣвшей, отрадное слово
сказать въ подкрѣпленье;
Но Бертальда, ему не внимая, мол-
чала угрюмо.
Старый рыбакъ моллся и плакалъ
и, въ горѣ смиряясь,
Думалъ: „оно иначе и быть не могло;
то Господній
Судъ; и конечно Гульбрандова смерть
никому не могла быть
Такъ тяжела, какъ именно той, ко-
торую съ смертной
Вѣстью прислали къ нему, отвер-
женной, бѣдной Ундинѣ“.
Стали готовить обрядъ похоронный,
какъ было прилично
Сану покойника: тѣло его положить
надлежало
Подлѣ церкви приходской, тамъ,
гдѣ были гробницы
Предковъ его, одарившихъ множе-
ствомъ вкладовъ богатыхъ
Эту церковь. И щитъ, и шлемъ
ужь лежали на кровлѣ

Гроба, чтобъ съ нимъ пуститься въ
могилу, ибо нашъ рыцарь
Былъ послѣдній въ родѣ своемъ,
который съ нимъ вмѣстѣ
Кончился весь. И ходъ печальный
уже начинался;
Пѣснь погребальная къ свѣтло-спо-
койной небесной лазури
Тихо всходила; съ длиннымъ кре-
стомъ, во всемъ облаченъ,
Патеръ Лаврентій шелъ впереди;
за нимъ шла Бертальда
Въ горькихъ слезахъ, на дряхлую
руку отца опираясь.
Вдругъ посреди Бертальдиныхъ жен-
щинъ, одѣтыхъ въ глубокой
Трауръ и шедшихъ въ свѣтъ ея,
замѣтили бѣлый
Образъ, въ длинномъ, густомъ по-
крывалѣ, тихо идущій,
Грустно потушивши голову. Стра-
хомъ проникнуть былъ каждый,
Шедшій подлѣ такого товарища;
всѣ сторонились,
Пятились, такъ что порядокъ хода
разстроился. Силой
Два смѣльчака хотѣли незваного
изъ ряду вывести;
Но, отъ нихъ ускользнувши, какъ
легкая тѣнь, онъ на прежнемъ
Мѣстѣ явился опять и послѣдовалъ
тихо за гробомъ.
Вотъ, напоследокъ, онъ, мало-по-
малу, мѣняясь мѣстомъ
Съ тѣми, кто въ страхѣ слѣдшилъ
отъ него удалиться, подлѣ
Самой вдовы очутился; но ею сна-
чала примѣченъ
Не былъ и сзади пошелъ смирен-
но-печальный. Достигнулъ
Ходъ до кладбища, и всѣ обступили
могилу. Тутъ въ первый
Разъ Бертальда незваного гостя
увидѣла; въ страхѣ
Стала она рукою махать, чтобъ онъ
удалился;
Но покровенный, кротко упорствуя,
трясъ головою,
Руки къ ней простиралъ и какъ
будто молилъ о пощадѣ.
Вспомнила тутъ невольно Берталь-
да Ундины, какъ руку
Къ ней она подняла на Дунаѣ,
когда ей хотѣла

Такъ добродушно подать ожерелье,
и какъ подъ водами
Скрылась потомъ навсегда. Но въ
это мгновеніе подаль
Знакъ отецъ Лаврентій, чтобъ всѣ
умолкли. И стали
Гробъ опускать въ могилу, и мало-
по-малу засыпанъ
Былъ онъ землею. Когда же со-
всѣмъ былъ набросанъ могильный
Холмъ, и читать послѣднюю на-
чалъ молитву священникъ,
Стала вдова на колѣни, стали и
всѣ на колѣни.
Въ томъ числѣ и могильщики, кон-
чивши насыпь. Когда же
Снова всѣ встали... ужъ бѣлый
образъ пропалъ; а на мѣстѣ,
Гдѣ онъ стоялъ на колѣняхъ,
сквозь травку сочился прозрачный
Ключъ; серебристо вѣясь, онъ впе-
редь пробирался, покуда
Всей не обвилъ могилы; тогда ру-
чейкомъ побѣжалъ онъ
Далѣ, и бросился въ свѣтлое озеро
ближней долины.
Долго, долго спустя, про него тѣхъ
мѣсть поселяне
Чудную повѣсть любили прохожимъ
разсказывать; долго,
Долго жило повѣрье у нихъ, что
ручей тотъ Ундины,
Добрая, вѣрная, слитая съ милымъ
и въ гробѣ, Ундины...

Отрывки изъ «Одиссеи».

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ ДО КОНЦА ТРИДЦАТЬ
ПЕРВАГО.

Совѣтъ боговъ. Они посылаютъ къ нимѣ Калипсо, съ повелѣніемъ отпустить немедленно Одиссея. Калипсо даетъ Одиссею орудія, нужны для постройки плота. Въ четыре дня судно готово, и на пятый день Одиссей пускается въ путь, получивъ отъ Калипсы все нужное на дорогу. Семнадцать дней плаваніе продолжается благополучно. На восемнадцатый день Посейдонъ, возвращаясь отъ эоіоповъ, узнаетъ въ морѣ Одиссея, плывущаго на легкомъ плоту своемъ; онъ посылаетъ бурю, которая разрушаетъ плотъ; но Одиссей получаетъ отъ Лекотея покрывало,

которое спасаетъ его отъ потопленія; цѣлыя три дня носить его бурныя волны; наконецъ, ввечеру третьяго дня онъ выходитъ на берегъ Феакійскаго острова Схеріи.

Эосъ, покинувши рано Титона прекрасное ложе,
 На небо вышла сіять для блаженныхъ боговъ и для смертныхъ.
 Боги тогда собрались на великій совѣтъ; предѣдалъ имъ
 Въ тучахъ гремящій Зевесъ, всемогущею властію первый.
 Стала Аѳина рассказывать имъ о бѣдахъ Одиссея,
 Въ сердцѣ тревожася долгой неволей его у Калипсы:
 „Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, блаженныя, вѣчныя боги,
 Кроткимъ, благимъ и привѣтливимъ быть ужъ теперь ни единый
 Царь скиптоносный не долженъ, но, правду изъ сердца изгнавши,
 Каждый пускай притѣсняетъ людей, беззаконствуя смѣло—
 Если могли вы забыть Одиссея, который былъ добрымъ,
 Мудрымъ царемъ и народъ свой любилъ, какъ отецъ благодушный;
 Брошенный бурей на островъ, онъ горе великое терпитъ
 Въ свѣтломъ жилищѣ могучей богини Калипсы, насильно
 Имъ овладѣвшей, и путь для него уничтоженъ возвратный:
 Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
 Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.
 Нынѣ-жъ враги и младого хотятъ умертвить Телемака,
 Въ морѣ внезапно напавъ на него: о родителей свѣдаты
 Поплылъ онъ въ Пилосъ божественный, въ царственный градъ Лакедѣмонъ“.
 Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
 „Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло!
 Ты не сама ли разсудкомъ рѣшила своимъ, что погубить
 Нѣкогда всѣхъ ихъ, домой возвратясь, Одиссей? Телемака-жъ

Ты проводи осторожно сама—то, конечно, ты можешь;
 Пусть невредимо онъ въ милую землю отцовъ возвратится;
 Пусть и они, не свершивъ злодѣянья, придутъ въ Итаку“.
 Такъ отвѣчавъ, обрattился онъ къ Эрмію, милому сыну:
 „Эрмію, нашъ вѣстникъ заботливый, нимфѣ прекраснокудрявой
 Нынѣ лети объявить отъ боговъ, что отчизну увидѣтъ
 Срокъ наступилъ Одиссею, въ бѣдахъ постоянному; путь свой
 Онъ совершитъ безъ участія свыше, безъ помощи смертныхъ;
 Моремъ, на крѣпкомъ плоту, повстрѣчавши опаснаго много,
 Въ день двадцатый достигнетъ онъ берега Схеріи тучной,
 Гдѣ обитаютъ родные богамъ феакійцы, и будетъ
 Ими ему, какъ безсмертному богу, оказана почестъ.
 Въ милую землю отцовъ съ кораблемъ ихъ отплывъ, онъ въ подарокъ
 Мѣди и злата и разныхъ одеждъ драгоцѣнныхъ получитъ
 Много, столь много, что даже изъ Трои подобной добычи
 Онъ не привезъ бы, когда-бъ безпрепятственно могъ возвратиться.
 Такъ напоследокъ по волѣ судьбы онъ возлюбленныхъ ближнихъ,
 Землю отцовъ и богато украшенный домъ свой увидитъ“.
 Кончилъ. И медлить не сталъ благовѣстникъ, Аргусоубійца.
 Къ свѣтлымъ ногамъ привязавши свои золотыя подошвы,
 Амврозіальныя, всюду его надъ водой и надъ твердымъ
 Лономъ земли безпредѣльныя легкимъ носящія вѣтромъ,
 Взялъ онъ и жезлъ свой, по волѣ его наводящій на бодрыхъ
 Сонъ; отверзающій сномъ затворенныя очи у спящихъ.
 Въ путь устремился съ жезломъ много сильный убійца Аргуса.
 Скоро, достигнувъ Піеріи, къ морю съ эира слетѣлъ онъ;

Быстро помчался потомъ по волнамъ
 рыболовомъ крылатымъ,
 Жадно хватающимъ рыбъ изъ от-
 верстаго бурюю нѣдра
 Бездны безплодносоленой, купаая въ
 ней сильныя крылья.
 Легкою птицей морской пролетѣвъ
 надъ пучиною, Эрмій
 Острова, моремъ вдали сокровен-
 наго, скоро достигнулъ.
 Съ зыби широкодуманной на твер-
 дую землю поднявшись,
 Берегомъ къ темному гроту пошелъ
 онъ, гдѣ свѣтлокудрявой
 Нимфы обитель была, и ее самое
 тамъ увидѣлъ.
 Пламень трескучій сверкалъ на ея
 очагѣ и весь островъ
 Былъ накурень благовоніемъ кедра
 и дерева жизни,
 Ярко плававшихъ. И голосомъ звон-
 коприятнымъ богиня
 Пѣла, сидя съ челнокомъ золотымъ
 за узорною тканью.
 Густо разросшись, отвсюду пещеру
 ея окружали
 Тополы, ольхи и сладкій люціе
 духъ кипарисъ;
 Въ листовныхъ сѣняхъ гнѣздились
 тамъ длиннокрылыя птицы:
 Копчики, совы, морскія вороны
 крикливыя, шумной
 Стаей по взморью ходящія, пищи
 себѣ добывая;
 Сѣтью зеленою стѣны глубокаго
 грота окинувъ,
 Росъ виноградъ и на вѣтвяхъ тяже-
 лые грозды висѣли;
 Свѣтлой струею четыре источника
 рядомъ бѣжали
 Близко одинъ отъ другого, туда и
 сюда извиваясь
 Вкругъ зеленѣли густые луга, и
 фіалокъ и злаковъ
 Полные сочныхъ. Когда бы въ то
 мѣсто зашелъ и безсмертный
 Богъ—изумился-бъ и радость въ его
 бы проникнула сердце.
 Былъ изумленъ и боговъ благовѣст-
 никъ, сразитель Аргуса;
 Но, посмотрѣвши на все съ изу-
 мленьемъ и радостью сердца,
 Въ гротъ онъ глубокій вступилъ
 нанослѣдокъ; и съ перваго взгляда

Нимфа, богиня богинь, догадавши-
 ся, гостя узнала
 [Быть незнакомы другъ другу не мо-
 гутъ безсмертныя боги,
 Даже когда-бъ и великое ихъ раз-
 лучало пространство!]
 Но Одиссея, могучаго мужа, тамъ
 Эрмій не встрѣтилъ;
 Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ
 брегѣ и плакалъ;
 Горемъ и вздохами душу питая,
 тамъ дни проводилъ онъ,
 Взоръ, помраченный слезами, впе-
 ривъ на пустынное море.
 Эрмія съѣсть приглася на богато
 украшенныхъ креслахъ,
 Нимфа, богиня богинь, у него съ
 любопытствомъ спросила:
 „Эрмій, носитель жезла золотого,
 почтенный и милый
 Гость мой, зачѣмъ прилетѣлъ? У
 меня никогда не бывалъ ты
 Прежде; скажи же, чего ты желаешь?
 Охотно исполню,
 Если исполнить возможно и если
 властна я исполнить.
 Прежде, однако, ты долженъ при-
 нять отъ меня угощенье.“
 Съ сими словами богиня, поставив-
 ши столъ передъ гостемъ,
 Съ сладкой амврозіей нектаръ ему
 подала пурпуровый.
 Пищи охотно вкусилъ благовѣст-
 никъ, убійца Аргуса.
 Душу довольно свою насладивши
 божественной пищей,
 Словомъ такимъ онъ отвѣтствовалъ
 нимфѣ прекрасокудрявой:
 „Знать отъ меня ты, отъ бога, бо-
 гиня, желаешь, зачѣмъ я
 Здѣсь? Объявлю все по истинѣ, волю
 твою исполняя.
 Посланъ Зевесомъ; не самъ произ-
 вольно сюда прилетѣлъ я—
 Кто произвольно захочетъ измѣрить
 бесплоднаго моря
 Степь несказанную, гдѣ не увидишь
 жилищъ человѣка,
 Жертвами чтущаго насъ, принося-
 щаго намъ экатомбы?
 Но повелѣній Зевеса эгидодержавца
 не смѣетъ
 Между боговъ ни одинъ отъ себя
 отклонить, ни нарушить.

Вѣдомо Дію, что скрыть у тебя зло-
получивѣйшій самый
Мужъ изъ мужей, передъ градомъ
Пріама сражавшихся девять
Лѣтъ, на десятый же, градъ нис-
провергнувъ, отплывшихъ въ
отчизну;
Но при отплытіи дерзко они раз-
дражили Аѳину:
Бури послала на нихъ и великія
волны богиня,
Онъ же, соутниковъ вѣрныхъ сво-
ихъ потерявъ, напоследокъ,
Схваченный бурей, сюда былъ вол-
нами великими брошенъ.
Требуютъ боги, чтобъ былъ онъ не-
медля тобою отосланъ,
Ибо ему не судьба умереть далеко
отъ отчизны;
Воля, напротивъ, судьбы, чтобъ
возлюбленныхъ ближнихъ род-
ную,
Землю и свѣтлоустроенный домъ
свой опять онъ увидѣлъ.
Такъ онъ сказалъ ей. Калипсо, бо-
гиня богинь, содрогнувшись,
Голосъ возвысила свой и крылатое
бросила слово:
„Боги ревнивые! сколь вы безжалост-
но къ намъ непреклонны!
Васъ раздражаетъ, когда мы, бо-
гини, приедемъ на ложе
Смертнаго мужа и намъ онъ ста-
новится милымъ супругомъ.
Такъ Оріонъ свѣтоносною Эосъ былъ
нѣкогда избранъ;
Гнали его вы, живущіе легкою жиз-
нію боги,
Гнали до тѣхъ поръ, пока злато-
тронный онъ Артеиды
Тихой стрѣлою въ Ортигіи не былъ
внезапно застрѣленъ.
Такъ Язіонъ былъ прекраснокудря-
вой Димитрою избранъ;
Сердцемъ его возлюбя, раздѣлила съ
нимъ ложе богиня
На полѣ, три раза вспаханномъ;
скоро о томъ извѣщенъ былъ
Зевсъ и его умертвилъ онъ, низри-
нувши пламенный громъ свой.
Нынѣ и я васъ прогнѣвала, боги,
давъ смертному мужу
Помощь, когда, обхвативъ корабель-
ную доску, въ волнахъ онъ

Гибнулъ — корабль же его быстро-
ходный былъ пламеннымъ гро-
момъ
Зевса разбитъ посреди безпредѣльно-
пустынного моря:
Такъ онъ, соутниковъ вѣрныхъ
своихъ потерявъ, напоследокъ,
Схваченный бурей, сюда былъ вол-
нами великими брошенъ.
Здѣсь пріютивши его и заботясь о
немъ, я хотѣла
Милому дать и безсмертье, и вѣчно
цвѣтущую младость.
Но повелѣній Зевеса эгидодержавца
не смѣять
Между боговъ ни одинъ отклонить
отъ себя, ни нарушить;
Пусть онъ — когда ужъ того такъ
упорно желаетъ Кроніонъ —
Морю невѣрному снова предастся;
помочь я не въ силахъ;
Нѣтъ корабля, ни людей мореход-
ныхъ, съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту
многоводнаго моря.
Дать лишь совѣтъ осторожный
властна я, дабы онъ отсюда
Могъ безпрепятственно въ милую
землю отцовъ возвратиться.“
Ей отвѣчая, сказалъ благовѣстникъ,
убійца Аргуса:
„Волю Зевеса уваживъ, немедля его
отошли ты,
Иль, боговъ раздраживъ, на себя
навлечешь наказанье.“
Такъ отвѣчавъ, удалился безсмерт-
ныхъ крылатый посланникъ.
Свѣтлая нимфа пошла къ Одиссею,
могучему мужу,
Волю Зевеса принявши изъ устъ
благовѣстнаго бога.
Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ
брегѣ, и очи
Были въ слезахъ; утекала медли-
тельно капли за каплей
Жизнь для него въ непрестанной
тоскѣ по отчизнѣ; и хладный
Сердцемъ къ богинѣ, съ ней ночи
свои онъ дѣлилъ принужденно
Въ гротѣ глубокомъ, желанью ея
непокорный желаньемъ.
Дни же свои проводилъ онъ, сидя
на прибрежномъ утесѣ.

Горемъ и плачемъ и вздохами душу
 питаю, и очи,
 Полныя слезъ, обративъ на пусты-
 ню безплоднаго моря.
 Близко къ нему подошедши, ска-
 зала могучая нимфа:
 „Слезы отри, злополучный, и болѣ
 не трать въ сокрушенны
 Сладостной жизни: тебя отпустить
 благосклонно хочу я.
 Бревень большихъ нарубивъ топо-
 ромъ мѣдно-острымъ и въ
 крѣпкій
 Плоть ихъ связавъ, по краямъ
 утверди ты перила на толстыхъ
 Брусьяхъ, чтобъ по морю темному
 плыть безопаснѣе было.
 Хлѣбомъ, водой и виномъ пурпу-
 ровымъ снабжу изобильно
 Я на дорогу тебя, чтобъ и голодъ
 и жажду легко ты
 Могъ утолять; и одежды я дамъ;
 и пошлю за тобою
 Вѣтеръ попутный, чтобъ милой от-
 чизны своей ты достигнулъ,
 Если угодно богамъ, безпредѣльнаго
 неба владыкамъ—
 Мнѣ же ни разумомъ съ ними, ни
 властью равняться не можно“.
 Такъ говорила она. Одиссей, по-
 стоянный въ бѣдахъ, содро-
 нулся;
 Голосъ возвысивъ, онъ бросилъ бо-
 гинѣ крылатое слово:
 „Въ мысляхъ твоихъ не отъѣздъ мой,
 а нѣчто иное, богиня;
 Какъ же могу переплыть на плоту
 я широкую бездну
 Страшнаго, бурнаго моря, когда и
 корабль быстроходный
 Рѣдко по ней пробѣгаетъ съ Зеве-
 совымъ вѣтромъ попутнымъ?
 Нѣтъ! противъ воли твоей не взойду
 я на плотъ ненадежный
 Прежде, покуда сама ты, богиня,
 не дашь мнѣ великой
 Клятвы, что мнѣ никакого вреда
 не замыслила нынѣ“.
 Такъ говорилъ онъ. Калипсо, бо-
 гиня богинь, улыбнулась.
 Щеки ему потрепавши рукою, она
 отвѣчала:
 „Правду сказать, ты хитрецъ, и чрез-
 мѣрно твой умъ остороженъ;

Странное слово, однако, отвѣтствуя
 мнѣ, произнесъ ты.
 Но я клянусь и землею плодосно-
 ной, и небомъ великимъ,
 Стикса подземной водою клянусь,
 ненарушимой, страшной
 Клятвой, которой и боги не могутъ
 изречь безъ боязни,
 Въ томъ, что тебѣ никакого вреда
 не замыслила нынѣ.
 Нѣтъ, я совѣтую то, что сама для
 себя избрала бы,
 Если-бъ въ такомъ же была, какъ
 и ты, затрудненны великомъ;
 Правда святая и мнѣ дорога; не
 желѣзное, вѣрь мнѣ,
 Бьется въ груди у меня, а горячее,
 нѣжное сердце“.
 Кончивъ, богиня богинь впереди
 Одиссея послѣшнымъ
 Шагомъ пошла, и послѣшно пошелъ
 Одиссей за богиней.
 Съ нею [съ безсмертною смертный]
 достигнувъ глубокаго грота,
 Сълъ Одиссей на богатыхъ, оста-
 вленныхъ Эрміемъ, креслахъ.
 Нимфа Калипсо, ему для ѣды и
 питья предложивши
 Пищи различной, какую всегда на-
 сыщаются люди,
 Мѣсто напротивъ его заняла за
 трапезой; рабыни
 Ей благовонной амвросіи подали съ
 нектаромъ сладкимъ.
 Подняли руки они къ приготовлен-
 ной лакомой пищѣ;
 Послѣ-жь, когда утолень былъ ихъ
 голодъ питьемъ и ѣдою,
 Нимфа Калипсо, богиня богинь,
 Одиссею сказала:
 „О, Лаэртидъ, многохитростный
 мужъ, Одиссей благородный,
 Въ милую землю отцовъ, наконецъ,
 предпріявъ возвратиться,
 Хочешь немедля меня ты покинуть—
 прости! но когда бы
 Сердцемъ предчувствовать могъ бы,
 какія судьба назначаетъ
 Злыя тревоги тебѣ испытать до
 прибытія въ домъ свой,
 Ты бы остался со мною въ моемъ
 безмятежномъ жилищѣ.
 Былъ бы тогда ты безсмертенъ. Но
 сердцемъ ты жаждешь свиданья

Съ вѣрной супругой, о ней еже-
 часно крушась и печалась.
 Думаю только, что я ни лица кра-
 сотою, ни стройнымъ
 Станомъ не хуже ея; да и могутъ
 ли смертныя жены
 Съ нами, богинями, спорить своею
 земной красотою?“
 Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ
 Одиссей многоумный:
 „Выслушай, свѣтлая нимфа, безъ
 гнѣва меня; я довольно
 Знаю и самъ, что не нужно съ то-
 бой Пенелопѣ разумной,
 Смертной женѣ, съ вѣчно юной без-
 смертной богиней ни строй-
 нымъ
 Станомъ своимъ, ни лица своего
 красотою равняться;
 Все я, однако, всесчасно крушась и
 печалась, желаю
 Домъ свой увидѣть и сладостный
 день возвращенія встрѣтить;
 Если же кто изъ боговъ мнѣ по-
 шлетъ потопленіе въ темной
 Безднѣ, я выдержу то отвердѣлою
 въ бѣдствіяхъ грудью:
 Много встрѣчалъ я напастей, не-
 мало трудовъ перенесъ я
 Въ море и въ битвахъ, пусть бу-
 детъ и нынѣ со мной, что
 угодно
 Дію“. Онъ кончилъ. Тѣмъ време-
 немъ солнце зашло и ночная
 Тьма наступила. Во внутренность
 грота они удалившись,
 Тамъ насладились любовью, всю
 ночь провели неразлучно.
 Вышла изъ мрака младая съ пер-
 стами пурпурными Эось;
 Всталъ Одиссей и поспѣшно облек-
 ся въ хитонъ и хламиду.
 Свѣтлосеребряной ризой изъ тонко-
 воздушныя ткани
 Плечи одѣла богиня свои, золотымъ
 драгоцѣннымъ
 Поясомъ станъ обвила и покровъ
 съ головы опустила.
 Кончивъ, она собирать начала Одис-
 сея въ дорогу;
 Выбрала прежде топоръ, по рукѣ
 ему сдѣланный, крѣпкій,
 Мѣдный, съ обѣихъ сторонъ изощ-
 ренный, насаженный плотно,

Съ ловкой, красиво изъ твердой
 оливы сработанной ручкой;
 Острую скобель потомъ принесла и
 пошла съ Одиссеемъ
 Вмѣстѣ во внутренность острова:
 множество тамъ находилось
 Тополей черныхъ и ольхъ, и высо-
 кихъ, дооблачныхъ сосенъ,
 Старыхъ, изсохшихъ на солнечномъ
 зноѣ, для плаванья легкихъ.
 Мѣсто ему показавъ, гдѣ была та
 великая роща,
 Въ гротъ свой глубокой Калипсо,
 богиня богинь, возвратилась.
 Началь рубить онъ деревья и скоро
 окончилъ работу;
 Двадцать онъ бревенъ срубилъ, ихъ
 очистилъ, ихъ острою мѣдью
 Вскоблилъ гладко, потомъ уравни-
 льялъ, по шнуру обтесавши.
 Тою порою Калипсо къ нему съ бу-
 равомъ возвратилась.
 Началь буравить онъ брусья и, всѣ
 пробуравивъ, сплотивъ ихъ,
 Длинными болтами сшивъ и боль-
 шими просунувъ шипами;
 Дно-жь на плоту онъ такое широ-
 кое сдѣлалъ, какое
 Мужъ, въ корабельномъ художествѣ
 опытный, строить на прочномъ
 Суднѣ, носящемъ товары купцовъ
 по морямъ безпредѣльнымъ.
 Плотными брусьями крѣпкія ребра
 связавъ, напоследокъ
 Въ гладкую палубу сбилъ онъ ду-
 бовыя толстыя доски,
 Мачту поставилъ, на ней утвердилъ
 поперечную райну,
 Сдѣлалъ кормило, дабы управлять
 поворотами судна,
 Плоть окружилъ для защиты отъ
 моря плетнемъ изъ ракичныхъ
 Сучьевъ, на дно же различнаго гру-
 зу для тяжести бросилъ.
 Тою порою Калипсо, богиня богинь,
 парусины
 Крѣпкой ему принесла. И, устроив-
 ши парусъ [къ нему же
 Всѣ, чтобъ его развѣвать и сви-
 вать, прикрѣпивши веревки],
 Онъ рычагами могучими сдвинулъ
 свой плотъ на священное море.
 День совершился четвертый, когда
 онъ окончилъ работу.

Въ пятый его снарядила въ дорогу
богиня Калипсо.
Баней его освѣживъ и душистой
облещи одеждою,
Нимфа три мѣха на плоть при-
несла: былъ одинъ драгоцѣн-
нымъ
Полонъ напитокомъ, другой ключе-
вою водою, а третій
Хлѣбомъ, дорожнымъ запасомъ и
разною лакомою пищею.
Кончивъ, она призвала благовѣ-
щій вѣтеръ попутный.
Радостно парусъ напрягъ Одиссей
и, попутному вѣтру
Ввѣрившись, поплылъ. Сидя на кор-
мѣ и могучей рукою
Руль обращая, онъ бодрствовалъ;
сонъ на его не спускался
Очи, и ихъ не сводилъ онъ съ
Плеядъ, съ нисходящаго поздно
Въ море Воота, съ Медвѣдицы, въ
людяхъ еще Колесницы
Имя носящей и близъ Оріона свер-
шающей вѣчно
Кругъ свой, себя никогда не купаю
въ водахъ океана.
Съ нею богиня богинь повелѣла ему
неуспшно
Путь соглашать свой, ее оставляя
по лѣвую руку.
[Посейдонъ увидалъ его, взволновалъ мо-
ре, и Одиссей былъ выброшенъ на берегъ
острова феаковъ].

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ДЕНЬ.

Аѳина въ сповидѣніи побуждаетъ Навзикаю, дочь феакійскаго царя Алкиноя, идти вмѣстѣ съ подругами и рабынями мыть платя въ потокѣ. Онѣ собираются близъ того мѣста, гдѣ находится Одиссей, погруженный въ глубокой сонъ. Ихъ голоса пробуждаютъ Одиссея. Онъ приближается къ Навзикаѣ и проситъ ее дать ему одежду и убѣжище; царевна приглашаетъ его слѣдовать за нею въ городъ и даетъ ему нужныя наставленія. Онъ провожаетъ Навзикаю до Палладиной рощи, находящейся недалеко отъ города.

Такъ постоянный въ бѣдахъ Одиссей отдыхалъ, погруженный
Въ сонъ и усталость. Аѳина же той порой низлетѣла

Въ пышноустроенный городъ любезныхъ богамъ феакіанъ,
Жившихъ издавна въ широкополян-
ной землѣ Иперейской,
Въ близкомъ сосѣдствѣ съ циклопа-
ми, дикимъ и буйнымъ народомъ,
Съ ними всегда враждовавшимъ, мо-
гуществомъ ихъ превышая:
Но напослѣдокъ божественный вождь
Навзитою поселилъ ихъ
Въ Схеріи тучной землѣ, далеко
отъ людей промышленныхъ.
Тамъ онъ имъ городъ стѣнами об-
велъ, имъ построилъ жилища.
Храмы богамъ онъ воздвигъ, раз-
дѣлилъ ихъ поля на участки.
Но ужъ давно уведенъ былъ судьбой
онъ въ обитель Аида...
Властвовалъ царь Алкиной, много-
уміемъ богу подобный.
Въ домъ Алкиной вступила богиня
Аѳина Паллада;
Сердцемъ заботясь о скоромъ воз-
вратѣ домой Одиссея,
Въ тайную дѣвичью спальню про-
никла она, гдѣ покойно,
Станомъ и видомъ богинѣ подобясь
младой, почивала
Дочь Алкиной, любезнаго Зевсу ца-
ря Навзикая.
Полѣ порога дверей съ двухъ сто-
ронъ двѣ служанки, харитамъ
Юнымъ подобныя, спали, и на-
крѣпко заперты были
Свѣтлыя двери. Къ царевнѣ воз-
душной стопою приближаясь,
Стала надъ самымъ ее изголовьемъ
богиня Аѳина,
Образъ пріявша дѣвы младой, мо-
реходца Диманта
Славнаго дочери, дружной съ ца-
ревною, съ ней однолѣтней.
Въ видѣ такомъ подошедъ къ Нав-
зикаѣ, богиня сказала:
„Видно тебя беззаботною мать роди-
ла, Навзикая!
Ты не печешься о свѣтлыхъ одеж-
дахъ; а скоро наступитъ
Брачный твой день: ты должна и
себѣ приготовить заранѣ
Платя и тѣмъ, кто тебя поведутъ
къ жениху молодому.
Доброе имя одежды спрятностью
мы наживаемъ;

Мать и отецъ веселятся, любуются нами. Проснись же, Встань, Навзикая, и на рѣку мыть соберитесь всѣ въ Утромъ; сама я приду помогать вамъ, чтобъ дѣло скорѣе Кончить. Недолго останешься ты незамужнею дѣвой; Много тебѣ жениховъ межъ людьми знаменитаго рода Въ нашей землѣ, гдѣ сама знаменитою ты родилася. Встань и явися немедля къ отцу многославному съ просьбой: Дать колесницу и муловъ тебѣ, чтобъ могла ты удобно Взять всѣ повязки, покровы и разные платья, чтобъ также Ты не пѣшкомъ, какъ другія, пошла; то тебѣ непротивно— Путь къ водоемамъ отъ стѣнъ городскихъ утомительно дологъ“. Такъ ей сказавъ, свѣтлокая Зевсова дочь полетѣла Вновь на Олимпъ, гдѣ обитель свою, говорятъ, основали Боги, гдѣ вѣтры не дуютъ, гдѣ дождь не шумитъ кладоносный, Гдѣ не подьметъ метелей зима, гдѣ безоблачный воздухъ Легкой лазурью разлитъ и сладчайшимъ сіяньемъ проникнуть; Тамъ для боговъ въ несказанныхъ утѣхахъ всѣ дни пробѣгаютъ. Давши царевнѣ совѣтъ свой, туда полетѣла Аѳина. Эось тогда златотронная, вставъ, разбудила младую Свѣтлоубранную дѣву. И, сну своему удивляясь, Тотчасъ она, чтобъ родителей, мать и отца, о видѣньи Чудномъ своемъ извѣститъ, къ нимъ пошла въ ихъ покои. Царица Близъ очага тамъ сидѣла въ кругу приближенныхъ служанокъ, Нити пурпурныя тонко суча, а въ дверяхъ отворенныхъ Встрѣтился ей и отецъ: на совѣтъ онъ владыкъ многоумныхъ Шель, приглашенный туда отъ знатнѣйшихъ мужей феакійскихъ. Съ видомъ пріятнымъ къ отцу подошедъ, Навзикая сказала:

„Милый, вели колесницу большую на быстрыхъ колесахъ Дать мнѣ, чтобъ я, въ ней укладъ, всѣ богатяя платья, которыхъ Много скопилось нечистыхъ, отправилась на рѣку мыть ихъ. Должно, чтобъ ты, засѣдая въ высочомъ совѣтѣ почетныхъ Нашихъ вельможъ, отличался своимъ опрятной одеждой; Пять сыновей воспиталъ ты и выростилъ въ этомъ жилищѣ; Два ужъ женаты, другіе три юноши въ лѣтахъ цѣтущихъ; Въ платяхъ, мытемъ освѣженныхъ, они посѣщать хороводы Наши хотятъ. Но объ этомъ одна я забочусь въ семействѣ“. Такъ говорила она; о желанномъ же бракѣ ей было Стыдно отцу поминуть; догадался онъ самъ и сказалъ ей: „Дочка, ни въ мулахъ тебѣ и ни въ чемъ нѣтъ отказа. Поди же; Дамъ повелѣнье рабамъ заложить колесницу большую, Быстроколесную; будетъ при ней для поклажи и коробъ“. Кончивъ, рабамъ повелѣніе далъ онъ. Ему повинуюсь, Взяли они колесницу большую, ее снарядили, Вывели муловъ и къ дышлу, какъ слѣдуетъ, ихъ привязали. Взявъ изъ хранильницы платья и въ коробъ укладъ ихъ, царевна Все помѣстила на быстроколесной, большой колесницѣ. Мать же корзину со всякой ѣдой, утоляющей голодъ, Ей принесла; отпустила съ ней полный виномъ благороднымъ Мѣхъ; не забыла и лакомства дать. Въ колесницу царевна Стала, принявъ отъ царицы фиаль золотой съ благовоннымъ Маслою, чтобъ послѣ кушанья себя и рабынь натереть имъ. Бичъ и блестящія вожжи взяла Навзикая и звучно Муловъ стегнула; затопавъ, они побѣжали проворной Рысью, веза нелѣнливо и грузъ, и царевну. За нею

Слѣдомъ пошли молодья подруги
 ея и служанки.
 Къ устью рѣки многоводной достиг-
 ли онѣ напоследокъ.
 Были устроены тамъ водоемы: вода
 въ нихъ обильно
 Свѣтлой струей лилася, нечистое
 все омывая.
 Къ мѣсту прибывъ, отвязали отъ
 дышла онѣ утомленныхъ
 Муловъ и ихъ по зеленому берегу
 потока пустили
 Сочномедвяной травой питаться; по-
 томъ съ колесницы
 Сняли все платье и въ полные ихъ
 водоемы ногами
 Крѣпко втоптали, проворнымъ усер-
 діемъ споря другъ съ другомъ.
 Начали платья онѣ полоскать и по-
 томъ, дочиста ихъ
 Вымывъ, по взморью на мелкобле-
 стящемъ хрящѣ, на носимомъ
 На берегъ плоскій морскою волною,
 ихъ все разостлали,
 Кончивъ, онѣ искупались въ рѣкѣ
 и, натершись елеемъ,
 Весело съели на мягкой травѣ у рѣки
 за обѣдъ свой,
 Влажные платья оставивъ сушить
 лучезарному солнцу.
 Пищей насытивъ себя и подругъ, и
 служанокъ царевна
 Вызвала въ мячъ ихъ играть, го-
 ловныя сложивъ покрывала;
 Пѣсню же стала сама бѣлокурая
 пѣть Навзикая.
 Такъ стрѣлоносная, ловлей въ го-
 рахъ веселясь, Артемиды
 Многовершинный Тайгетъ и крутой
 Эвримантъ обѣгаетъ,
 Смерть нанося кабанамъ и лѣснымъ
 легконогимъ оленямъ;
 Съ нею, прекрасныя дочери Зевса
 эгидодержавца,
 Вѣгаютъ нимфы полей—и любитесь
 ими Латона;
 Всехъ превышаетъ она головой, и
 легко между ними,
 Сколь ни прекрасны онѣ, распо-
 знатъ въ ней богиню Олимпа.
 Такъ красотою дѣвичьей подругъ
 затмевала царевна.
 Стали онѣ, наконецъ, собираться
 домой; въ колесницу

Муловъ опять заложили и въ ко-
 робъ уклали одежды.
 Тутъ свѣтлоокая дѣва Паллада при-
 думала средство,
 Какъ пробудить Одиссея, чтобъ, съ
 нимъ повстрѣчавшись, царевна
 Въ городъ людей феакійскихъ ему
 указала дорогу:
 Бросила мячъ Навзикая въ подру-
 жекъ, но, въ нихъ не попавши,
 Онъ, отраженный Аѳиною, въ волны
 шумящія прынулъ;
 Громко онѣ закричали; ихъ крикъ
 пробудилъ Одиссея.
 Онъ поднялся и, колеблясь разсуд-
 комъ и сердцемъ, воскликнулъ:
 „Горе! къ какому народу зашелъ я?
 Быть можетъ, здѣсь область
 Дикихъ, не знающихъ правды лю-
 дей? Иль, можетъ быть, встрѣчу
 Смертныхъ, привѣтливыхъ, богообо-
 язненныхъ, гостеприимныхъ?
 Кажется, дѣвичій громкій въблизи
 мнѣ послышался голосъ.
 Или здѣсь нимфы, владѣлицы горъ
 крутоглавыхъ, душистыхъ,
 Влажныхъ луговъ и истоковъ рѣч-
 ныхъ потаенныхъ, играютъ;
 Или достигъ, наконецъ, я жилища
 людей говорящихъ.
 Встанемъ же; должно мнѣ все са-
 мому испытать и развѣдать.“
 Съ сими словами изъ чащи кустовъ
 Одиссей осторожно
 Выползъ; потомъ жловатой рукою,
 покрытыхъ листьями,
 Свѣжихъ вѣтвей наломалъ, чтобъ
 одѣть обнаженное тѣло.
 Вышелъ онъ. Такъ на горахъ оби-
 тающей, силою гордый,
 Въ вѣтеръ и дождь на добычу вы-
 ходитъ, сверкая глазами,
 Левъ, на быковъ и овецъ онъ бро-
 сается въ полѣ, хватаетъ
 Дикихъ оленей въ лѣсу и, нерѣдко,
 тревожимый гладомъ,
 Мелкій скотъ похищать подбѣгаетъ
 къ пастушьимъ заградамъ.
 Такъ Одиссей вознамѣрился къ дѣ-
 вамъ прекраснокудрявымъ
 Нагъ подойти, приневоленъ къ то-
 му неприклонной нуждою.
 Былъ онъ ужасенъ, покрытый мор-
 скою засохшею тиной;

Въ трепетѣ всѣ разбѣжались врозь
по высокому берегу.
Но Алкиноева дочь не покинула мѣ-
ста. Афина
Бодрость вселила ей въ сердце и
въ немъ уничтожила робость.
Стала она передъ нимъ; Одиссей же
не зналъ, что приличнѣй:
Оба ль колѣна обнять у прекрасно-
кудрявыя дѣвы,
Или, въ почительномъ ставѣ от-
даленнѣи, молить умиленнымъ
Словомъ ее, чтобы одежду дала и
пріютъ указала?
Такъ размышляя, нашель, наконецъ,
онъ, что было приличнѣй
Словомъ молить умиленнымъ, въ по-
чтительномъ ставѣ отдаленнѣи
[Тронувъ колѣна ея, онъ прогнѣвалъ
бы чистую дѣву].
Съ словомъ пріятноласкательнымъ
онъ обратился къ царевнѣ:
„Руки, богиня иль смертная дѣва,
къ тебѣ простираю!
Если одна изъ богинь ты, влады-
чица пространнаго неба,
То съ Артемидою только, великою
дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотою
и станомъ высокимъ;
Если жъ одна ты изъ смертныхъ,
подъ властью судьбины живущихъ,
То несказанно блаженны отецъ твой
и мать, и блаженны
Братья твои, съ наслажденіемъ ви-
дя, какъ ты передъ ними
Въ домѣ семейномъ столь мирно
цвѣтешь, иль свои восхищая
Очи тобою, когда въ хороводахъ ты
весело пляшешь.
Но изъ блаженныхъ блаженнѣйшимъ
будетъ тотъ смертный, который
Въ домъ свой тебя уведетъ, одарен-
ную вѣномъ богатымъ.
Нѣтъ! ничего столь прекраснаго меж-
ду людей земнородныхъ
Взоры мои не встрѣчали доннѣ;
смотрю съ изумленьемъ.
Въ Дѣлосѣ только я—тамъ, гдѣ ал-
тарь Аполлоновъ воздвигнуть—
Юную стройновысокую пальму од-
нажды замѣтилъ
[Въ храмъ же зашелъ, окруженный
толпою сопутниковъ вѣрныхъ,

Я по пути, на которомъ столь мно-
го мнѣ встрѣтилось бѣдствій].
Юную пальму замѣтивъ, я въ серд-
цѣ своемъ изумлень былъ
Долго: подобнаго ей благороднаго
древа нигдѣ не видалъ я.
Такъ и тебѣ я дивлюсь. Но, дивясь
тебѣ, не дерзаю
Тронуть колѣней твоихъ: несказан-
ной бѣдой я постигнутъ.
Только вчера, на двадцатый мнѣ
день удалосъ избѣгнуть
Моря: столь долго игралницею былъ
я губительной бури,
Гнавшей меня отъ Огигіи острова.
Нынѣ-жъ сюда я
Демономъ брошенъ для новыхъ на-
пастей—еще не конецъ имъ;
Вѣрно немало еще претерпѣть мнѣ
назначили боги.
Сжался, царевна; тебя, испытавши
превратностей много,
Первую здѣсь я съ молитвою встрѣ-
тилъ, никто изъ живущихъ
Въ этой землѣ незнакомъ мнѣ; ска-
жи, гдѣ дорога
Въ городъ, и дай мнѣ прикрыть об-
наженное тѣло хоть лоскуты
Грубой обвертки, въ которой сюда
привезла ты одежды.
О! да исполнять безсмертные боги
твои всѣ желанья,
Давши супруга по сердцу тебѣ съ
изобиліемъ въ домѣ,
Съ миромъ въ семьѣ! Несказанное
тамъ водворяется счастье,
Гдѣ однодушно живутъ, сохраняя
домашній порядокъ,
Мужъ и жена, благомысленнымъ
людямъ на радость, недобрымъ
Людямъ на зависть и горе, себѣ
на великую славу“.
Дочь Алкиной, отвѣтствуя, такъ
Одиссею сказала:
„Странникъ, конечно твой родъ зна-
менитъ: ты, я вижу, разуменъ.
Дій же и низкимъ и рода высокаго
людямъ съ Олимпа
Счастье даетъ безъ разбора по волѣ
своей прихотливой;
Что ниспослалъ онъ тебѣ, то прими
съ терпѣливымъ смиреніемъ.
Если-жъ достигнуть ты могъ и зем-
ли и обителей нашихъ,

То ни въ одеждѣ отъ насъ и ни
 въ чемъ, для молящаго, много
 Бѣдъ претерпѣвшаго странника нуж-
 номъ, не встрѣтишь отказа!
 Градъ нашъ тебѣ укажу; назову и
 людей, въ немъ живущихъ.
 Въ градѣ живетъ и землей здѣсь
 владѣетъ народъ феакіанъ;
 Я Алкиноя, царя благодушнаго, дочь;
 Алкиноя-жъ
 Нынѣ державнымъ владикой сво-
 имъ признаютъ феакійцы“.
 Тутъ обратилась царевна къ подру-
 гамъ своимъ и служанкамъ:
 „Стойте! куда разбѣжались вы,
 утрашася иноземца?
 Онъ человѣкъ незломысленный,
 нѣтъ вамъ причины страшиться;
 Не было прежде, вы знаете, нѣтъ
 и теперь, и не можетъ
 Быть и впередъ на землѣ никого,
 кто-бъ на насъ, феакіанъ,
 Злое замыслилъ; насъ боги безсмерт-
 ные любятъ; живемъ мы
 Здѣсь, отъ народовъ другихъ въ сто-
 ронѣ, на послѣднихъ предѣлахъ
 Шумнаго моря, и рѣдко насъ кто
 изъ людей посѣщаетъ.
 Нынѣ же встрѣтился намъ злопо-
 лучный бездомный скиталецъ:
 Помощь ему оказать мы должны—
 къ намъ Зевесъ посылаетъ
 Нищихъ и странниковъ; даръ и
 убогій Зевесу угоденъ.
 Страннику пища съ питьемъ при-
 нести посѣдите, подруги;
 Прежде-жъ его искупайте, отъ вѣт-
 ровъ защитное мѣсто
 Выбравъ въ потокѣ“.
 Сказала; со-
 шлись ободренные дѣвы.
 Въ мѣстѣ, отъ вѣтровъ защитномъ,
 его посадивъ, какъ велѣла
 Имъ Навзикая, прекраснокудрявая
 дочь Алкиноя.
 Мантию съ тонкимъ хитономъ онѣ
 близъ него положили.
 Послѣ, принеши фіаль золотой съ
 благовоннымъ елеемъ,
 Стали его приглашать къ омовенію
 въ свѣтломъ потокѣ.
 Но Одиссей благородный отрекся и
 такъ отвѣчалъ имъ:
 Дѣвы прекрасныя, станьте подаль;
 безъ помощи вашей

Смою съ себя я соленую тину и
 самъ наелею
 Тѣло; давно ужъ елей благовонный
 къ нему не касался.
 Но передъ вами купаться не стану
 я въ свѣтломъ потокѣ;
 Стыдно себя обнажить мнѣ при
 васъ, густовласыя дѣвы“.
 Такъ онъ сказалъ; и онѣ, удаляся,
 о томъ извѣстили
 Царскую дочь. Одиссей же, въ по-
 токъ погружившись, тину,
 Грязно облекая плечи и спину
 ему и густые
 Кудри его облѣпившую, смылъ освѣ-
 жительной влагой;
 Чисто омывшись, онъ свѣтлое тѣло
 умастилъ елеемъ;
 Послѣ украсился даннымъ младою
 царвеною платемъ.
 Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина тогда
 Одиссея
 Станомъ возвысила, сдѣлала тѣломъ
 полнѣй и густыми
 Кольцами кудри, какъ пвѣтъ гиа-
 цинта, ему закрутила.
 Такъ, серебро облекая сіяющимъ
 золотомъ, мастеръ,
 Дѣвой Палладой и богомъ Ифес-
 томъ наставленный въ трудномъ
 Дѣлѣ своемъ, чудесами искусства
 людей изумляетъ;
 Такъ красотою главу облекла Одис-
 сею богиня.
 Берегомъ моря пошелъ онъ и сѣлъ
 на песокъ, озаренный
 Силою и прелестью мужества. Цар-
 ская дочь изумилась.
 Слово потомъ обратила она къ гу-
 стовласымъ подругамъ:
 „Слушайте то, что скажу вамъ те-
 перь, бѣлорукія дѣвы;
 Думаю я, что не всѣми богами
 Олимпа гонимый
 Этотъ скиталецъ въ страну феакі-
 анъ божественныхъ прибылъ;
 Прежде и мнѣ человѣкомъ простымъ
 онъ казался; теперь же
 Вижу, что свой онъ богамъ, безпре-
 дѣльнаго неба владыкамъ.
 О! когда бы подобный супругъ мнѣ
 нашелся, который,
 Здѣсь поселившись, у насъ навсегда
 захотѣлъ бы остаться!

Вы-жъ чужеземцу ѣды и питья при-
несите, подруги“.
Такъ говорила царевна. Ея пови-
нуясь волѣ,
Дѣвы немедля ѣды и питья принесли
Одиссею.
Съ жадностью голодъ и жажду свою
утолилъ богоравный,
Твердый въ бѣдахъ Одиссей: ужъ
давно не касался онъ пищи.
Добрая мысль пробудилась тутъ въ
сердцѣ разумной царевны:
Чистыя платья собравъ, въ колес-
ницу она ихъ уклала,
Муловъ потомъ запрягла крѣпконо-
гихъ и, ставъ въ колесницу,
Такъ Одиссею, его приглашая съ
собою, сказала:
„Время намъ въ городъ; вставай, чу-
жеземецъ, и слѣдуй за нами;
Домъ, гдѣ живетъ мой отецъ, я
тебѣ укажу; тамъ, конечно,
Встрѣтишь и всѣхъ знаменитыхъ
людей феакійскихъ; но прежде
Мой ты исполни совѣтъ [ты, я ви-
жу, разумень]: покуда
Будемъ въ поляхъ мы, трудомъ че-
ловѣка удобренныхъ, слѣдуй
Съ дѣвами вмѣстѣ за быстрой моей
колесницею ровнымъ
Съ мулами шагомъ—у васъ впереди
я поѣду; потомъ мы
Въ городъ прибудемъ... съ бойни-
цами стѣны его окружаютъ;
Пристань его съ двухъ сторонъ оги-
баеть глубокая; входъ же
Въ пристань стѣсненъ кораблями,
которыми справа и слѣва
Берегъ уставленъ, и каждый изъ
нихъ подъ защитною кровлей;
Тамъ же и площадь торговая вкругъ
Посейдонова храма,
Твердо на тѣсаныхъ камняхъ огром-
ныхъ стоящаго; снасти
Всѣхъ кораблей тамъ, запасъ па-
русовъ и канаты въ пространныхъ
Зданьяхъ хранятся; тамъ гладкія
также готовятся весла.
Намъ феакійцамъ не нужно ни лу-
ковъ, ни стрѣлъ; вся забота
Наша о мачтахъ и веслахъ и проч-
ныхъ судахъ мореходныхъ;
Весело намъ въ корабляхъ обтегать
многошумное море.

Я-жъ отъ людей порицанья избѣг-
нуть хочу и обидныхъ
Толковъ; народъ нашъ весьма зло-
языченъ; намъ встрѣтиться мо-
жетъ
Гдѣ нибудь дерзкій насмѣшникъ;
увидя насъ вмѣстѣ, онъ ска-
жетъ:
„Съ кѣмъ тамъ сдружилась царевна?
Кто этотъ могучій, прекрасный
Странникъ? Откуда пришелъ? Не
женихъ ли какой иноземный?
Что онъ? Морскою ли бурей къ намъ
занесенный изъ дальнихъ
Странъ человѣкъ [никакихъ мы въ
сосѣдствѣ не знаемъ народовъ]?
Или какой по ея неотступной мо-
литвѣ съ Олимпа на землю
Богъ низлетѣвшій—и будетъ она
обладать имъ отнынѣ?
Лучше-бъ самой ей покинуть нашъ
край и въ странѣ отдаленной
Мужа искать; межъ людей феакій-
скихъ никто не нашелся
Ей по душѣ, хоть и много у насъ
жениховъ благородныхъ!“
Вотъ, что рассказывать могутъ въ
народѣ; мнѣ будетъ обидно.
Я-жъ и сама бы, конечно, во вся-
кой другой осудила,
Если-бъ, имѣя и мать и отца, безъ
согласья ихъ стала,
Въ бракъ не вступивши, она обра-
щаться съ мужчинами вольно.
Ты же совѣтъ мой исполни [тогда и
родитель мой помощь
Скорую дастъ, и отечество ты не за-
медлишь увидѣть]:
Есть близъ дороги священная роща
Аѳины изъ черныхъ
Тополей; свѣтлый источникъ оттуда
бѣжитъ на зеленый
Лугъ; тамъ помѣстья царя Алкиноя
съ его плодоноснымъ
Садомъ, въ такомъ разстоянн отъ
града, въ какомъ человѣчій
Внятенъ намъ голосъ. Тамъ сѣвъ,
погоди ты до тѣхъ поръ, по-
куда
Мы не прибудемъ на мѣсто и цар-
скихъ палатъ не достигнемъ;
когда же
Ты убѣдишься, что царскихъ па-
латъ ужъ могли мы достигнуть,

Встань и во внутренность града войди и разспрашивай встрѣчныхъ,
Гдѣ обитаетъ родитель мой, царь Алкиной многославный.
Домъ же его ты узнаешь легко: безсловесный младенецъ
Можетъ дорогу къ нему указать; ни одинъ феакіецъ
Здѣсь не имѣетъ такого жилища, въ какомъ обитаетъ
Царь Алкиной. Окруженный строениями дворъ перешедши,
Шагомъ поспѣшнымъ пройди ты сквозь залу къ покоемъ царицы;
Тамъ передъ яркоблестящимъ ее очагомъ ты увидишь,
Съ чуднымъ искусствомъ прядущую тонкопурпурныя нити
Подлѣ колонны высокой, въ кругу приближенныхъ служанокъ.
Тамъ же и кресла царевы стоятъ у огня и, на нихъ онъ
Сидя, виномъ утѣшается, свѣтлому богу подобный.
Мимо царя ты пройди и, обнявши руками колѣна
Матери милой моей, умолай, чтобъ она поспѣшила
День возвращенья въ отчизну тебѣ даровать чужеземцу.
Если моленье твое съ благосклонностью приметъ царица,
Будетъ тогда и надежда тебѣ, что возлюбленныхъ ближнихъ,
Свѣтлый свой домъ и семью, и отечество скоро увидишь“.
Кончивъ, ударила звучно блестящимъ бичемъ Навзикая
Муловъ; затопавъ, они отъ рѣки побѣжали проворной
Рысью; другіе же пѣшіе слѣдомъ пошли; но царевна
Муловъ держала на крѣпкихъ вожжахъ, чтобъ отъ нихъ не отстали
Дѣвы и странникъ, и хлопала звучнымъ бичемъ осторожно.
Солнце садилось, когда къ благовонной Палладиной рошѣ
Вмѣстѣ достигли они. Одиссей, тамъ оставшиися, началъ
Дочери Зевса эгидодержавца Палладѣ молиться:

„Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,
Мнѣ вонми ты молитвѣ, тобою невинной, когда я
Гибнулъ въ волнахъ, сокрушенный земли колебателя гнѣвомъ;
Дай мнѣ найти и покровъ, и призьнь у людей феакійскихъ“.
Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ онъ Палладой услышанъ;
Но передъ нимъ не явилась богиня сама, опасаясь
Мощнаго дяди, который упорствовалъ гнать Одиссея,
Богоподобнаго мужа, пока не достигъ онъ отчизны.

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ДЕНЬ.

Алкиной, предложивъ собравшимся на площади гражданамъ устроить отправленіе Одиссея въ его отечество, приглашаетъ вельможъ и людей корабельныхъ къ себѣ на обѣдъ. Пѣіе Демодока во время шра. Потомъ игры: бѣгъ, бросаніе диска, борьба, кулачный бой. Одиссей, оскорбленный Эвриаломъ, бросаетъ камень и всѣхъ изумляетъ своею силою. Пляска, во время которой Демодокъ поетъ объ Арѣ и Афродитѣ. Всѣ возвращаются во дворецъ. Одиссей одаренъ изобильно. За вечернею трапезою Демодокъ поетъ о конѣ деревянномъ и подвигахъ вождей ахейскихъ. Пѣснь его извлекаетъ слезы изъ очей Одиссея; царь Алкиной вопрошаетъ плачущаго о причинѣ его скорби и проситъ, чтобы онъ рассказалъ свои приключенія.

Встала изъ мрака младая, съ перстами пурпурными, Эосъ—
Мирный кинула сонъ Алкиноева сила святая;
Всталъ и божественный мужъ Одиссей, городовъ сокрушитель.
Царь Алкиной многовластный повелъ знаменитаго гостя
На площадь, гдѣ невели кораблей феакійцы собирались.
Сѣли, пришедши, на гладко-обтесанныхъ камняхъ другъ съ другомъ
Рядомъ оны. Той порою Паллада Афина по улицамъ града,
Въ образъ облекшись глашатая царскаго, быстро ходила;
Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратѣ домой Одиссея,

Къ каждому встрѣчному ласково
 рѣчь обращала богиня:
 „Вы, феакійскіе люди, вожди и вла-
 дыки, скорѣе
 На площадь всѣ соберитесь, дабы
 иноземца, который
 Въ домъ Алкиноя премудраго при-
 былъ вчера, тамъ увидѣть:
 Бурей къ намъ брошенный, богу онъ
 образомъ свѣтлымъ подобенъ“.
 Такъ говоря, возбудила она любо-
 пытное рвеніе
 Въ каждомъ, и скоро наполнилась
 площадь народомъ; и сѣли
 Всѣ по мѣстамъ. Съ удивленіемъ
 великимъ они обращали
 Взоръ на Лаэтова сына: ему кра-
 сотою несказанной
 Плечи одѣла Паллада, главу и лицо
 озарила,
 Станъ возвеличила, сдѣлала тѣло
 полнѣе, дабы онъ
 Могъ приобрести отъ людей феакій-
 скихъ пріязнь и вселилъ въ нихъ
 Трепетъ почтительный, мужеской
 силой на играхъ, въ которыхъ
 Имъ испытать надлежало его, от-
 личась предъ народомъ.
 Всѣ собралися они и собраніе сдѣ-
 лалось полнымъ.
 Тутъ, обратясь къ нимъ, царь Ал-
 киной произнесъ: „Приглашаю
 Выслушать слово мое васъ, людей
 феакійскихъ, дабы я
 Высказать могъ вамъ все то, что
 велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
 Гость иноземный—его я не знаю—
 бездомно скитаясь,
 Онъ отъ восточныхъ народовъ сюда
 иль отъ западныхъ прибылъ—
 Молитъ о томъ, чтобъ ему помогли
 мы достигнуть отчизны.
 Мы, сохраняя обычай, молящему
 гостю поможемъ;
 Ибо еще ни одинъ чужеземецъ, мой
 домъ посѣтившій,
 Долго здѣсь, плача, не ждалъ, чтобъ
 его я услышалъ молитву.
 Должно спуститъ на священныя воды
 корабль чернобокій,
 Въ море еще не ходившій; потомъ
 изберемъ пятьдесятъ два
 Самыхъ отважныхъ межъ лучшими
 здѣсь молодыми гребцамъ;

Весла къ скамьямъ прикрѣпивъ ко-
 рабельнымъ, пускай соберутся
 Въ царскихъ палатахъ они и по-
 спѣшно себѣ на дорогу
 Вкусный обѣдъ приготовить; я всѣхъ
 ихъ къ себѣ приглашаю.
 Такъ отъ меня объявите гребцамъ
 молодымъ; а самихъ васъ,
 Скиптродержавныхъ владыкъ и су-
 дей, я прошу въ мой пространный
 Домъ, чтобъ со мною, какъ слѣ-
 дуетъ, тамъ угостить иноземца;
 Всѣхъ васъ прошу, отказаться не
 властенъ никто; позовите
 Также пѣвца Демодока: даръ пѣсней
 пріятъ отъ боговъ онъ
 Дивный, чтобъ все воспѣвать, что
 въ его пробуждается сердце“.
 Кончивъ, пошелъ впереди онъ; за
 нимъ всѣ судьи и владыки
 Скиптродержавные; звать Понтоной
 побѣждалъ Демодока.
 Скоро по волѣ царя пятьдесятъ два
 гребца, на отлогомъ
 Брегѣ бесплодносоленого моря со-
 бравшися, вмѣстѣ
 Къ ждавшему ихъ на пескѣ кораблю
 подошли, совокупной
 Силою черныи корабль на священ-
 ныя сдвинули воды,
 Подняли мачты, устроили всѣ ко-
 рабельныя снасти,
 Въ крѣпкоременныя петли просу-
 нули длинныя весла,
 Должнымъ порядкомъ потомъ па-
 руса утвердили. Отведши
 Легкій корабль на открытое взморье,
 они собралися
 Всѣ во дворцѣ Алкиноя, царемъ
 приглашенные. Скоро
 Всѣ переходы палатъ и дворцы, и
 притворы народомъ
 Сдѣлались полны—тамъ были и юно-
 ши, были и старцы.
 Жирныхъ двѣнадцать овецъ, двухъ
 быковъ криворогихъ и восемь
 Остроключистыхъ свиней Алкиной
 повелѣлъ имъ зарѣзать;
 Ихъ ободравъ, изобильный обѣдъ
 приготовили гости.
 Тою порой съ знаменитымъ пѣвцомъ
 Понтоной возвратился;
 Муза его при рожденіи зломъ и до-
 бромъ одарила:

Очи затмила его, даровала за то
 сладкопѣнье.
 Стулъ среброкованный подалъ пѣвцу
 Понтоной, и на немъ онъ
 Сѣлъ предъ гостями, спиной при-
 слоняся къ колоннѣ высокой.
 Лиру слѣнца на гвоздѣ надъ его
 головою повѣсивъ,
 Къ ней прикоснуться рукою ему—
 чтобъ ее могъ найти онъ—
 Далъ Понтоной, и корзину съ ѣдою
 принесъ, и подвинулъ
 Столъ, и вина приготовилъ, чтобъ
 пилъ онъ, когда пожелаеть.
 Подняли руки они къ предложенной
 имъ пищѣ; когда же
 Былъ удовольствованъ голодъ ихъ
 сладкимъ питьемъ и ѣдою,
 Муза внушила пѣвцу возгласить о
 вождахъ знаменитыхъ,
 Выбравъ изъ пѣсни, въ то время
 вездѣ до небесъ возносимой,
 Повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и муд-
 ромъ царѣ Одиссеѣ,
 Какъ между ними однажды на жерт-
 венномъ пирѣ великомъ
 Распря въ ужасныхъ словахъ заго-
 рѣлась, и какъ веселился
 Въ духѣ своемъ Агамемнонъ враж-
 дой знаменитыхъ ахейнъ:
 Знаменемъ добрымъ ему ту вражду
 предсказалъ Аполлоновъ
 Въ храмѣ Пнейскомъ оракуль, ког-
 да черезъ каменный прагъ онъ
 Бога спросить перешель—а случи-
 лось то въ самомъ началѣ
 Бѣдствій, ниспосланныхъ богомъ бо-
 говъ на троянъ и данаевъ.
 Началъ великую пѣснь Демодокъ;
 Одиссей же, своею
 Сильной рукою широкопурпурную
 мантию взявши,
 Голову ею облекъ и лицо благород-
 ное скрылъ въ ней.
 Слезъ онъ своихъ не хотѣлъ пока-
 зать феакійцамъ. Когда же,
 Пѣнье прервавъ, сладкогласный на
 время умолкъ пѣснопѣвецъ,
 Слезы отерши, онъ мантию снялъ
 съ головы, и наполнивъ
 Кубокъ двудонный виномъ, совер-
 шилъ возліянье безсмертнымъ.
 Снова запѣлъ Демодокъ, отъ вни-
 мавшихъ ему феакіянъ,

Гласомъ его очарованныхъ, вызван-
 ный къ пѣнью вторично;
 Голову мантией снова облекъ Одис-
 сей, прослезясь.
 Были другими его не замѣчены сле-
 зы, но мудрый
 Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и по-
 нялъ причину ихъ, сидя
 Близъ Одиссея и слыша скорбящаго
 тяжкіе вздохи.
 Онъ феакіянамъ веселобивымъ ска-
 залъ: „Приглашаю
 Выслушать слово мое васъ, судей и
 вельможъ феакійскихъ;
 Душу свою насладили довольно мы
 вкуснообильной
 Пищей и звуками лиры, подруги пи-
 ровъ сладкогласной;
 Время отсюда пойти намъ и въ му-
 жескихъ подвигахъ крѣпость
 Силы своей оказать, чтобъ нашъ
 гость, возвратясь, домашнимъ
 Могъ возвѣстить, сколь другихъ мы
 людей превосходимъ въ кулачномъ
 Боѣ, въ борьбѣ утомительной, въ
 прыганьи, въ бѣгѣ проворномъ“.
 Кончивъ, поспѣшно пошелъ впереди
 онъ, за нимъ всѣ другіе.
 Звонкую лиру принявъ и повѣсивъ
 на гвоздь, Демодока
 За руку взялъ Понтоной и изъ залы
 пиршественной вывелъ;
 Вслѣдъ за другими, ведя пѣснопѣв-
 ца, пошелъ онъ, чтобъ видѣть
 Игры, въ которыхъ хотѣли себя от-
 личить феакійцы.
 На площадь всѣ собрались; толпой
 многочисленношумной
 Тамъ окружилъ ихъ народъ. Бла-
 городные юноши къ бою
 Вышли изъ сонма его: Акроней,
 Окіалъ съ Элатреемъ,
 Навтій, Примней, Анхіалъ, Эрет-
 мей съ Анабазіоменомъ;
 Съ ними явились Понтей, Прорейнъ
 и Теоубъ съ Амфіаломъ,
 Сыномъ Политія, внукомъ Тектона;
 присталь напослѣдокъ
 Къ нимъ и молодой Эвриалъ Навбо-
 лидъ, равносильный Арею:
 Всѣхъ феакіянъ затмилъ бы чудес-
 ной своей красотой онъ,
 Если-бъ его самого не затмилъ Лао-
 дамъ безпорочный.

Къ нимъ подошли, наконецъ, Лаодамъ, Галіонтъ съ богоравнымъ Клитонеонъ — три бодрые сына царя Алкиноя. Первые въ бѣгѣ себя испытали они. Устремившись, Съ мѣста того, на которомъ стояли, пустился разомъ, Пыль подымая, они черезъ поприще: всѣхъ былъ проворнѣй Клитонеонъ благородный — какую по свѣжему полю Борозду плугомъ два мула проводятъ, на столько оставивъ Братьевъ своихъ назади, возвратился онъ первый къ народу. Стали другіе въ борьбѣ многотрудной испытывать силу: Всѣхъ Эвріаль одолѣлъ, превзошедши искусствомъ и лучшихъ. Въ прыганьи былъ Анхіаль побѣдителемъ. Тяжкого диска Легкимъ бросаньемъ отъ всѣхъ Эретмей отличился. Въ кулачномъ Боѣ взялъ верхъ Лаодамъ, сынъ царя Алкиноя прекрасный. Тутъ, какъ у всѣхъ ужъ довольно насытилось играми сердце, Къ юношамъ рѣчь обративши, сказалъ Лаодамъ, Алкиноевъ Сынъ: „Не прилично ли будетъ спросить намъ у гостя, въ какихъ онъ Играхъ способенъ себя отличить? Онъ не низкаго роста, Голени, бедра и руки его преисполнены силы, Шея его жиливата, онъ мышцами крѣпокъ; годами Также нестаръ; но превратности жизни его изнурили. Нѣтъ ничего, утверждаю, сильнѣй и губительнѣй моря; Крѣпость и самаго бодрого мужа оно сокращаетъ“ „Умнымъ, сказалъ, отвѣчая на то, Эвріаль Лаодаму, Кажется мнѣ предложенье твое, Лаодамъ благородный. Самъ подойди къ иноземному гостю и сдѣлай свой вызовъ“. Сынъ молодой Алкиноя, слова Эвріала услышавъ, Вышелъ впередъ и сказалъ, обратясь къ царю Одиссею:

„Милости просимъ, отецъ-иноземецъ; себа покажи намъ Въ играхъ, въ какихъ ты искусенъ —но, вѣрно, во всѣхъ ты искусенъ— Бодрому мужу ничто на землѣ не даетъ столь великой Славы, какъ легкія ноги и крѣпкія мышцы, яви же Силу свою намъ, изгнавъ изъ души всѣ печальныя думы. Путь для тебя ужъ теперь недалекъ; ужъ корабль быстроходный Съ берега сдвинуть и наши готовы къ отплытію люди“. Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный: „Другъ, не обидѣть ли хочешь меня ты своимъ предложеньемъ? Мнѣ не до игръ; на душѣ несказанное горе; довольно Бѣдъ испыталъ и немало великихъ трудовъ перенесъ я; Нынѣ-жъ, крушимый тоской по отчизнѣ, сажу передъ вами, Васъ и царя умоляя помочь мнѣ въ мой домъ возвратиться“. Но Эвріаль Одиссею отвѣтствовалъ съ колкой насмѣшкой: „Странникъ, я вижу, что ты не подобишься людямъ искуснымъ Въ играхъ, однимъ лишь могучимъ атлетамъ приличныхъ; конечно, Ты изъ числа промышленныхъ людей, обтекающихъ море Въ многовесельныхъ своихъ корабляхъ для торговли, о томъ лишь Мысля, чтобъ, сбывъ свой товаръ и опять корабли нагрузивши, Болѣе нажить барыша, но съ атлетомъ ты вовсе не сходишь“. Мрачно взглянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей благородный: „Слово обидно твое; человекъ ты, я вижу, злосудный! Боги не всякаго всѣмъ надѣляютъ; не каждый имѣетъ Вдругъ и плѣнительный образъ, и умъ, и могущество слова; Тотъ по наружному виду вниманія мало достоинъ— Прелестью рѣчи за то одаренъ отъ боговъ; веселятся

Люди, смотря на него, говорящаго
 съ мужествомъ твердымъ,
 Или съ привѣтливой кротостью; онъ —
 украшенье собраній;
 Бога въ немъ видятъ, когда онъ
 проходитъ по улицамъ града.
 Тотъ же, напротивъ, безсмертнымъ
 подобенъ лица красотою,
 Прелести-жъ бѣдное слово его ни-
 какой не имѣеть.
 Такъ и твоя красота безпорочна, —
 тебя и Зевесъ бы
 Краше не создалъ; за то не имѣешь
 ты здраваго смысла.
 Милое сердце въ груди у меня воз-
 мутилъ ты своею
 Дерзкою рѣчью. Но я не безопы-
 тень, долженъ ты вѣдать,
 Въ мужескихъ играхъ; изъ первыхъ
 бывалъ я въ то время, когда мнѣ
 Свѣжая младость и крѣпкія мышцы
 служили надежно;
 Нынѣ жъ мои отъ трудовъ и печалей
 истрачены силы;
 Видѣлъ немало я браней и долго
 среди бѣдоносныхъ
 Странствовалъ водъ, но готовъ я
 себя испытать и лишенный
 Силъ; оскорбленъ я твоимъ безраз-
 судноругательнымъ словомъ“.
 Такъ отвѣчавъ, поднялся онъ и,
 мантии съ плечъ не сложивши,
 Камень схватилъ онъ — огромнѣй,
 плотнѣй и тяжелѣе всѣхъ дисковъ,
 Брошенныхъ прежде людьми феакій-
 скими былъ; и съ размаха
 Кинулъ его Одиссей, жиловатую
 руку напрягши;
 Камень, жужжа, полетѣлъ; и подъ
 нимъ до земли головами
 Веслолюбивые, смѣлые гости морей,
 феакійцы
 Всѣ наклонились; а онъ далеко
 черезъ всѣ перемчался
 Диски, легко улетѣвъ изъ руки; и
 Аѳина, подъ видомъ
 Старца, отмѣтивши знакомъ его,
 Одиссею сказала:
 „Странникъ, твой знакъ и слѣпой
 различить безъ ошибки, ощунавъ
 Просто рукою; лежитъ онъ отдѣль-
 но отъ прочихъ, гораздо
 Далѣе всѣхъ ихъ. Ты въ этомъ бою
 побѣдилъ; ни одинъ здѣсь

Камня ни далѣ, ни такъ же далеко,
 какъ ты, неспособенъ
 Бросить“. Отъ словъ сихъ веселье
 проникло во грудь Одиссея.
 Радуюсь тѣмъ, что ему хоть одинъ
 благосклонный въ собраньи
 Былъ судія, съ обновленной ду-
 шой онъ сказалъ предстоя-
 вшимъ:
 „Юноши! прежде добросьте до этого
 камня; за вами
 Брошу другой я и столь же далеко,
 быть можетъ, и далѣ.
 Пусть всѣ другіе, кого побуждаетъ
 отважное сердце,
 Выйдутъ и сдѣлаютъ опытъ; при
 всѣхъ оскорбленный, я нынѣ
 Всѣхъ васъ на бой рукопашный, на
 бѣгъ, на борьбу вызываю;
 Съ каждымъ сразиться готовъ я —
 съ однимъ не могу Лаодамомъ;
 Гость я его — подыму ли на друга
 любящаго руку?
 Тотъ неразуменъ, тотъ пользы своей
 различать неспособенъ,
 Кто на чужой сторонѣ съ друже-
 любнымъ хозяиномъ выйти
 Вздумаетъ въ бой; несомнѣнно, себѣ
 самому повредить онъ.
 Но межъ другими никто для меня
 не презрителенъ, съ каждымъ
 Радъ я схватиться, чтобъ силу мою,
 грудь на грудь, испытать съ
 нимъ.
 Знайте, что я ни въ какомъ не без-
 опытенъ мужескомъ боѣ.
 Гладкимъ лугомъ и самымъ тугимъ
 я владѣю свободно;
 Первой стрѣлой поражу я на вы-
 боръ противника въ тѣсномъ
 Сонмѣ враговъ, хоть кругомъ бы
 меня и товарищей много
 Было и мѣткую каждый стрѣлу на
 врага бы нацѣлили.
 Только однимъ Филоктетомъ бывалъ
 я всегда побѣждаемъ
 Въ Троѣ, когда мы, ахейцы, тамъ,
 споря, изъ лука стрѣляли.
 Но утверждаю, что въ этомъ искус-
 ствѣ со мной ни единый
 Смертный, себя насыщающій хлѣ-
 бомъ, сравниться не можетъ;
 Я не дерзнулъ бы, однако, бороться
 съ героями древнихъ

Лѣтъ, ни съ Иракломъ, ни съ Эвритомъ, мѣткимъ стрѣлкомъ эхалійскимъ;
 Спорить они и съ богами въ искусствѣ своемъ не испугались;
 Эвритъ великій погибъ отъ того; не достигъ онъ глубокой
 Старости въ домѣ семейномъ своемъ; раздраживъ Аполлона
 Вызовомъ въ бой святотатнымъ, онъ изъ лука былъ имъ застрѣленъ.
 Далѣ копьемъ я достигну могу, чѣмъ другіе стрѣлою;
 Можетъ случиться, однако, что кто изъ людей феакійскихъ
 Въ бѣгѣ меня побѣдитъ: окруженный волнами, я силы
 Всѣ истощилъ, на невѣрномъ плоту не вкушая столъ долго
 Пищи, покоя и сна; и мой всѣ разрушены члены“.
 Такъ онъ сказалъ; всѣ кругомъ неподвижно хранили молчанье.
 Но Алкиной, возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссею:
 „Странникъ, ты словомъ своимъ не обидѣть насъ хочешь; ты только
 Всѣмъ показать намъ желаешь, какая еще сохранилась
 Крѣпость въ тебѣ; ты разгнѣванъ безумцемъ, тебя оскорбившимъ
 Дерзкой насмѣшкой—за то ни одинъ, говоритъ здѣсь привыкшій
 Съ здравымъ рассудкомъ, ни въ чемъ не помыслитъ тебя опорочить.
 Выслушай слово, однако, мое со вниманьемъ, чтобъ послѣ
 Дома его повторить при друзьяхъ благородныхъ, когда ты,
 Сидя съ женой и дѣтми за веселой семейной трапезой,
 Вспомнишь о доблестяхъ нашихъ и тѣхъ дарованьяхъ, какія
 Намъ отцовъ благодатью Зевеса достались въ наслѣдство.
 Мы, я скажу, ни въ кулачномъ бою, ни въ борьбѣ не отличны:
 Быстры ногами за то несказанно и первые въ морѣ;
 Любимъ обѣды роскошныя, пѣніе, музыку, пляску,
 Свѣжестъ одеждъ, сладострастныя бани и мягкое ложе.

Но пригласите сюда плясуну феакійскихъ; зову я
 Самыхъ искусныхъ, чтобъ гость нашъ, увидя ихъ, могъ, возвратясь
 Въ домъ свой, тамъ всѣмъ рассказать, какъ другихъ мы людей
 превосходимъ
 Въ плаваньи по морю, въ бѣгѣ проворномъ и въ пляскѣ, и въ пѣннн.
 Пусть принесутъ Демодокъ его звонкогласную лиру;
 Гдѣ-нибудь въ нашихъ просторныхъ палатахъ ее онъ оставилъ“.
 Такъ Алкиной говорилъ, и глашатай, его исполняя
 Волю, поспѣшно пошелъ во дворецъ за желаемой лирой.
 Судьи, въ народѣ избранные, девять числомъ, на средину
 Поприща, строгіе въ играхъ порядка блюстители, вышли,
 Мѣсто для пляски угладили, поприще сдѣлали шире.
 Тою порой изъ дворца возвратился глашатай и лиру
 Подалъ пѣвцу; предъ собранье онъ выступилъ; справа и слѣва
 Стали цвѣтущіе юноши, въ легкой искусныя пляскѣ.
 Топали въ мѣру ногами подъ пѣсню они; съ наслажденьемъ
 Легкость сверкающихъ ногъ замѣчалъ Одиссей и дивился.
 Лирой гремя сладкозвучною, пѣлъ Демодокъ вдохновенный
 Пѣсню о прекраснокудрявой Кипридѣ и богѣ Арѣѣ.
 [Послѣ пѣнія и пляски Одиссею феакійцы принесли дары и затѣмъ пригласили его въ баню].
 Вышелъ онъ свѣжій изъ бани и къ пьющимъ гостямъ въ пировую
 Залу вступилъ. Называя царевна, богиня красою,
 Подлѣ столба, потолокъ подпиравшаго залы, стояла.
 Взоръ изумленный поднявъ на прекраснаго гостя, царевна
 Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:
 „Радуйся, странникъ! но, въ милую землю отцовъ возвратясь,

Помни меня; ты спасеніемъ встрѣчѣ
со мною обязанъ“.

Юной царевнѣ отвѣтствовалъ такъ
Одиссей многоумный:

„О, Навзикая, прекрасновѣтущая
дочь Алкиноя,
Если мнѣ Иры супругъ, громонос-
ный Кроніонъ дозволить
Въ домѣ отеческомъ сладостный
день возвращенія увидѣть,
Буду тамъ помнить тебя и тебѣ
ежедневно, какъ богу,
Сердцемъ молиться: спасеніемъ
встрѣчѣ съ тобой я обязанъ“.

Такъ отвѣчавъ ей, на креслахъ онъ
сѣлъ близъ царя Алкиноя.
Было ужъ роздано мясо; ужъ чаши
виномъ наполнялись.

Тою порой возвратился глашатай съ
пѣвцомъ Демодокомъ,
Чтимымъ въ народѣ. Пѣвецъ
среди свѣтлозданной палаты
Сѣлъ предъ гостями, спиной при-
слонившись къ колоннѣ высокой.

Полную жира хребтовую часть
острозубаго вепря
Взявши съ тарелки своей [для себя
же оставя тамъ болѣ],
Царь Одиссей многославный ска-
заль, обратясь къ Понтоноу:

„Эту почетную часть изготовленной
вкусно веприны
Дай Демодокъ; его, и печальный, я
что несказанно.
Всѣмъ на обильной землѣ обитаю-
щимъ людямъ любезны,
Всѣми высоко честимы пѣвцы; ихъ
сама научила
Пѣнію Муза; ей мило пѣвцовъ бла-
городное племя“.

Такъ онъ сказалъ и проворно от-
несъ отъ него Демодокъ
Мясо глашатай; пѣвецъ благодарно
даініе принять.

Подняли руки они къ приготовлен-
ной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ
сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Такъ, обратясь къ Демодокъ, ска-
заль Одиссей хитроумный:

„Выше всѣхъ смертныхъ людей я
тебя, Демодокъ, поставляю;
Музою, дочерью Діа, иль Фебомъ
самимъ наученный,

Все ты поешь по порядку, что было
съ ахейцами въ Троѣ,
Что совершили они и какія бѣды
претерпѣли;
Можно подумать, что самъ былъ
участникъ всему, иль отъ вѣр-
ныхъ
Все очевидцевъ узналъ ты. Теперь
о конѣ деревянномъ
Чудномъ Эпеса съ помощью дѣвы
Паллады созданны,
Спой намъ, какъ въ городъ онъ
былъ хитроумнымъ введенъ,
Одиссеемъ,
Полный вождей, напоследокъ святой
Иліонъ сокрушившихъ.

Если объ этомъ по истинѣ все намъ,
какъ было, споешь ты,
Буду тогда передъ всѣми людьми
повторять повсемѣстно
Я, что божественнымъ пѣніемъ боги
тебя одарили“.

Такъ онъ сказалъ и запѣлъ Демодокъ,
преисполненный бога.
Началь съ того онъ, какъ всѣ на
своихъ корабляхъ крѣпкоздан-
ныхъ
Въ море отплыли данаи, предавши
на жертву пожару
Брошенный станъ свой, какъ пер-
вые мужи изъ нихъ съ Одис-
сеемъ
Были оставлены въ Троѣ, замкну-
тые въ конской утробѣ,
Какъ напоследокъ коню Иліонъ
отворили трояне.
Въ градѣ стоялъ онъ; кругомъ, не-
рѣшимые въ мысляхъ, сидѣли
Люди троянскіе; было межъ ними
тройкое мнѣнье:
Или губительной мѣдью громаду
пронзить и разрушить,
Или, ее докативши до замка, съ
утеса низвергнуть,
Или оставить среди Іліона мѣри-
тельной жертвой
Вѣчнымъ богамъ: на послѣднее всѣ
согласились, понеже
Было судьбой рѣшено, что падеть
Иліонъ, отворивши
Стѣны коню, гдѣ ахейцы избран-
ные будутъ скрываться,
Черную участь и смерть пригото-
вивъ троянамъ враждебнымъ.

Послѣ воспѣлъ онъ, какъ мужи
 ахейскіе въ градъ ворвались,
 Чрево кочя отворивъ и изъ тем-
 наго выбѣжавъ склепа;
 Какъ разъяренные каждый по своему
 градъ разоряли,
 Какъ Одиссей къ Деифобову дому,
 подобный Арею,
 Бросился вмѣстѣ съ божественно-
 грознымъ въ бою Менелаемъ.
 Тамъ истребительный бой [продол-
 жалъ пѣснопѣвецъ] возжегши,
 Онъ, наконецъ, побѣдилъ, подкрѣ-
 пленный великой Палладой".
 Такъ объ ахейнахъ пѣлъ Демодокъ;
 неслезанно растроганъ
 Былъ Одиссей, и рѣсницы его оро-
 шались слезами.
 Такъ сокрушенная плачетъ вдовица
 надъ тѣломъ супруга,
 Падшаго въ битвѣ упорной у всѣхъ
 впереди передъ градомъ,
 Силясь отъ дня рокового спасти со-
 гражданъ и семейство.
 Видя, какъ онъ содрогается въ смерт-
 ной борьбѣ и, прижавшись
 Грудью къ нему, злополучная сто-
 неть; враги же нещадно
 Древками копій ее по плечамъ и
 хребту поражая,
 Бѣдную въ плѣнъ увлекаютъ на
 рабство и долгое горе;
 Тамъ отъ печали и плача ланиты
 ея увядаютъ.
 Такъ отъ печали текли изъ очей
 Одиссеевыхъ слезы.
 Всѣми другими онъ не замѣченъ
 были; но мудрый
 Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и по-
 нялъ причину ихъ, сидя
 Близъ Одиссея и слыша скорбящаго
 тяжкіе вздохи.
 Онъ феакіянамъ веселюбивымъ ска-
 залъ: „Приглашаю
 Выслушать слово мое вась, судей и
 владыгъ феакійскихъ.
 Пусть Демодокъ звонкострунную
 лиру заставитъ умолкнуть;
 Здѣсь онъ не всѣхъ веселитъ насъ
 ея сладкогласіемъ дивнымъ.
 Съ тѣхъ поръ, какъ пѣнье божествен-
 ный началъ пѣвецъ на вечернемъ
 Нашемъ шире, непрестанно глубоко
 и тяжело вздыхаетъ

Странникъ; конечно, прискорбіе
 сердцемъ его овладѣло.
 Долженъ умолкнуть пѣвецъ, чтобъ
 могли здѣсь равно веселиться
 Гость нашъ и всѣ мы; конечно, для
 насъ то пріятнѣе будетъ.
 Здѣсь же давно къ отправленію въ
 путь иноземца готово
 Все; и подарки ужъ собраны, дан-
 ные дружбою нашей.
 Странникъ молящій не менѣ брата
 родного любезенъ
 Всякому, кто одаренъ отъ боговъ
 не безжалостнымъ сердцемъ.
 Ты же теперь, ничего не скрывая,
 отвѣтствуй на то мнѣ,
 Гость нашъ, о чемъ я тебя вопрошу:
 откровенность похвальна.
 Имя скажи мнѣ, какимъ и отецъ
 твой, и мать, и другіе
 Въ градѣ твоёмъ и отечествѣ ми-
 ломъ тебя величаютъ!
 Между живущихъ людей безымен-
 нымъ никто не бываетъ
 Все; въ минуту рожденія каждый,
 и низкій, и знатный,
 Имя свое отъ родителей въ сла-
 достный даръ получаетъ;
 Землю и градъ, и народъ свой по-
 томъ назови, чтобъ согласно
 Съ волей твоей и корабль, и народъ
 нашъ свое направленіе выбралъ;
 Кормщикъ не правитъ въ моряхъ
 кораблемъ феакійскимъ; руля мы,
 Нужнаго каждому судну, на нашихъ
 судахъ не имѣемъ;
 Сами они понимаютъ своихъ кора-
 бельщиковъ мысли;
 Сами находятъ они и жилища лю-
 дей и поля ихъ
 Тучнообильныя; быстро они всѣ
 моря обтекаютъ,
 Мглою и туманомъ одѣтые; нѣтъ ни-
 когда имъ боязни
 Вредъ на волнахъ претерпѣть, иль
 отъ бури въ пучинѣ погибнуть.
 Вотъ, что однако въ ребячествѣ я
 отъ отца Навзита
 Слышалъ: неразъ говорилъ онъ,
 что богъ Посидонъ недоволенъ
 Нами за то, что развозимъ мы всѣхъ
 по морямъ безопасно.
 Нѣкогда, онъ утверждалъ, феакій-
 скій корабль, проводившій

Странника въ землю его, возвра-
щаяся моремъ туманнымъ,
Будеть разбить Посидономъ, кото-
рый высокой горою
Градъ нашъ задвинетъ. Исполнить
ли то Посидонъ-земледержецъ,
Иль не исполнить—пусть будетъ по
волѣ великаго бога!
Ты же скажи откровенно, чтобъ
могъ я всю истину вѣдать,
Гдѣ по морямъ ты скитался? Ка-
кихъ человѣковъ ты земли
Видѣлъ? Свѣтлонаселенные ихъ го-
рода опиши намъ...
Были-ль межъ ними свирѣпые, ди-
кіе, чуждые правды?
Были-ль благіе для странника, чту-
щіе волю безсмертныхъ?
Также скажи, отчего ты такъ пла-
чешь? Зачѣмъ такъ печально
Слушаешь повѣсть о битвахъ да-
наевъ, о Троѣ погибшей?
Имъ для того ниспослали и смерть,
и погибельный жребій
Боги, чтобъ славною пѣснію были
они для потомковъ.
Ты же, конечно, утратилъ роднъ го-
у стѣнъ Илліонскихъ,
Милаго зятя, иль тестя, которые
нашему сердцу
Самые близкіе послѣ возлюблен-
ныхъ сродниковъ кровныхъ?
Или товарища нѣжнопривѣтнаго,
кроткаго сердцемъ,
Тамъ потерялъ ты? Не менѣ брата
родного любезнѣ
Намъ нашъ товарищъ, испытанный
другъ и разумный совѣтникъ“.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ
Одиссей богоравный:

„Царь Алкиной, благороднѣйшій
мужъ изъ мужей феакійскихъ,
Сладко вниманье свое намъ склоняя,
къ пѣснопѣвцу, который,
Слухъ нашъ плѣняя, богамъ вдох-
новеньемъ высокимъ подобенъ.
Я же скажу, что великая нашему
сердцу утѣха
Видѣть, какъ цѣлою страной обла-
даетъ веселье; какъ всюду
Сладко пируютъ въ домахъ, пѣсно-
пѣвцамъ внимаю; какъ гости
Рядомъ по чину сидятъ за столами,
и хлѣбомъ, и мясомъ
Пышно покрытыми; какъ изъ кра-
теръ животорный напитокъ
Льетъ виночерпій и въ кубкахъ его
опѣненныхъ разноситъ.
Думаю я, что для сердца ничто
быть утѣшнѣе не можетъ.
Но отъ меня о плачевныхъ стра-
даньяхъ моихъ ты желаешь
Слышать, чтобъ сердце мое преис-
полнилось плачемъ сильнѣй-
шимъ.
Что же я прежде, что послѣ, и
что, наконецъ, расскажу вамъ?
Много Ураниды боги мнѣ бѣдствій
различныхъ послали.
Прежде однако вамъ имя свое на-
зову, чтобъ могли вы
Знать обо мнѣ, чтобъ, покуда еще
мною не встрѣченъ послѣдній
День, и въ далекой странѣ я
считался вамъ гостемъ лю-
безнымъ.
Я—Одиссей, сынъ Лаэртовъ, вездѣ
изобрѣтеньемъ многихъ
Хитростей славный и громкой мол-
вой до небесъ вознесенный“...

М а р ь и н а р о щ а .

СТАРИННОЕ ПРЕДАНИЕ.

Тихій и прохладный вечеръ заступалъ уже мѣсто палящаго дня, когда Уладъ, молодой пѣвецъ, приблизился къ берегамъ Москвы-рѣки, на кото-
рыхъ провелъ онъ дни своей цвѣтущей юности. Гладкая поверхность водъ,
тихо лобзаемая легкимъ вѣтеркомъ, покрыта была розовымъ сіяніемъ за-
пада: въ зеркалѣ ихъ отражались съ одной стороны дремучій лѣсъ и те-
ремъ грознаго Рогдая, окруженный высокимъ дубовымъ тыномъ (онъ былъ
построенъ на крутой горѣ—тамъ, гдѣ нынѣ видимъ зубчатые стѣны Кремля,

великолѣнные чертоги древнихъ русскихъ царей, соборы съ златыми главами и колокольню Иванъ-Великій), съ другой зеленые берега, покрытые кустарникомъ и осыпанные низкими хижинами земледѣльцевъ. Повсюду царствовало спокойствіе; воздухъ былъ растворенъ благоуханіемъ цвѣтущей липы; иногда во глубинѣ лѣса раздавался голосъ соловья, или печальное пѣніе иволги; иногда непостоянный вѣтерокъ потрясалъ вершины деревъ; иногда робкій кроликъ, испуганный шорохомъ, бросался въ кустарникъ и шумѣлъ изсохшими вѣтками. Усладъ шелъ по тропинкѣ, извивавшейся между деревьями; душа его, наполненная воспоминаціями, погружена была въ задумчивость. Время прошедшее, время, въ которое находилъ онъ себя счастливымъ, представлялось мыслямъ его со всеѣмъ минувшимъ своимъ очарованіемъ. „Гдѣ ты, моя радость,—воскликнулъ печальный Усладъ,—гдѣ ты, прежнее время? Прихожу на то же мѣсто, на которомъ нѣкогда называлъ я жизнь свою веселіемъ; тѣнистая роща, свѣтлая рѣка, зеленые берега, вы не измѣнились; но, счастье мое, тебя уже нѣтъ! По-прежнему благовонная липа разливаетъ свой сладостный запахъ, по-прежнему звонкій соловей или пустынная иволга поютъ во глубинѣ дремучаго лѣса; а тотъ, кто нѣкогда наслаждался благовоніемъ цвѣтущей липы, или, задумавшись при гласѣ звонкаго соловья и стонѣ пустынной иволги, живѣе мечталъ о своемъ счастьи, тотъ уже не похожъ на самого себя. Ахъ! не узнаете вы меня, мѣста прелестныя; очи мои потускли отъ скорби, ланиты мои поблѣднѣли, лицо мое помрачилось уныніемъ...“ Усладъ приближается къ берегамъ свѣтлаго ручья ¹⁾, который, журча и сверкая, бѣжалъ по золотому песку въ зеленомъ кустарникѣ и сливался съ Москвою; онъ увидѣлъ на крутизнѣ горы уединенный теремъ грознаго Рогдая. Послѣднее блистаніе вечера играло еще на тесовой кровлѣ верхней свѣтлицы и на острыхъ концахъ высокаго тына; вершины древнихъ дубовъ, березъ и липъ, которыми покрыта была вся гора, восходящія однѣ надъ другими, мало-по-малу омрачались, наконецъ, потемнѣли совсѣмъ; на одномъ только теремѣ, который, подобно великану, возвышался надъ лѣсомъ, оставалось умирающее мерцаніе; наконецъ, и оно померкло; повсюду распространился сумракъ. Усладъ, увиди Рогдаевъ теремъ, затрепеталъ, остановился, долго смотрѣлъ на него въ молчаньи, неподвижный, мрачный, сложивъ крестообразно руки; наконецъ, слезы покатились ручьями изъ глазъ его... „Ахъ, Марія!“—воскликнулъ онъ; вздохнулъ изъ глубины сердца, и голова его склонилась ко груди.

Молодой Усладъ родился на берегу Москвы-рѣки въ бѣдной хижинѣ, отъ честныхъ родителей. Природа наградила его прекрасною душою, прекраснымъ лицомъ и дарованіемъ слагать прекрасныя пѣсни. Часто, простертый на берегу свѣтлой Москвы и смотря на ея серебряныя волны, провожалъ онъ вечернюю зарю звонкимъ своимъ рожкомъ. Пріятные звуки раздавались по берегамъ и повторяемы были отголосками сѣнистой рощи. Молодые сельскія дѣвушки любили слушать Услава, когда онъ простыми стихами прославлялъ весну, спокойствіе земледѣльческихъ хижинъ, свободу

¹⁾ Нынѣ мутная Неглинная.—В. Ж.

поднебесныхъ ласточекъ, нѣжность дубравныхъ горлицъ, или изображалъ пріятность *маткиной-душки*, которой запахъ сравнивалъ онъ съ милою душою чадолюбивой матери. Усладъ былъ всѣхъ пріятнѣе на посидѣлкахъ: никто не умѣлъ такъ хорошо рассказывать страшныхъ сказокъ, отъ которыхъ робкія дѣвушки трепетали и прижимались къ своимъ матерямъ, а на головѣ молодыхъ мужчинъ становились волосы дыбомъ; ни съ кѣмъ такъ не любили играть въ хороводы и разныя игры, какъ съ милымъ, веселымъ, добросердечнымъ Усладомъ. Въ селѣ называли его „соловьемъ“. Старушки переставали хмуриться и бранить своихъ дочерей, когда приходилъ къ нимъ Усладъ; а старики, въ его присутствіи, оживлялись и чувствовали себя молодыми. Сельскія дѣвушки засматривались на Улада, который имѣлъ лицо прелестное, черные глаза, омраченные длинными рѣсницами, нѣжные, сіяющіе подъ черными густыми бровями; свѣлорусые волосы, которые легкими кудрями рассыпались по прекрасному лбу, вились вокругъ открытой шеи, бѣлой какъ снѣгъ, и отбѣняли свѣжія, румяныя, какъ молодая роза, щеки. Но чаще другихъ и съ чувствомъ болѣе нѣжнымъ смотрѣла на него прекрасная Марія. Хижина ея построена была на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ быстрый ручей сливался съ прозрачною Москвою. Маріи минуло пятнадцать лѣтъ; она имѣла доброе сердце, но была совершенный младенецъ: все ее веселило, все трогало и увлекало... Она любила свою старую мать болѣе самой себя; часто смотрѣла ей въ глаза и говорила со слезами: „Матушка, другъ мой, я готова отдать тебѣ свою душу“. Она плакала, когда старушка была или больна, или печальна; но въ то же самое время бездѣлица могла овладѣть ея вниманіемъ: она бросалась за пестрымъ мотылькомъ, или смѣялась отъ добраго сердца, когда слышала забавное слово, замѣчала уродливое лицо. Марія была чувствительна: никакое нѣжное чувство не могло изгладиться изъ сердца ея, но оно могло быть забыто (правда, на короткое время) для всякаго новаго, даже слабѣйшаго впечатлѣнія.

Добрая Марія цвѣла, какъ полевая фіалка, подъ сѣнью родительской хижины, хранимая любовью матери. Съ нѣкотораго времени душа ея наполнена была тайнымъ пламенемъ, которымъ оживотворены были въ ней всѣ другія чувства—любовію къ прекрасному Уладу; но это чувство не мѣшало ей быть веселою по-прежнему, по-прежнему поливать свои цвѣты, кормить свою малиновку, распѣвать веселыя пѣсенки, когда она сидѣла вмѣстѣ съ матерью за пряжею на порогѣ хижины, и смѣяться отъ всей души, когда подружки рассказывали ей смѣшныя сказки. Прекрасный пѣвецъ ощущалъ нѣжную томность въ груди своей, когда смотрѣлъ въ глаза добросердечной Маріи. Ахъ! онъ любилъ ее страстно. Милый ея образъ носился передъ нимъ, когда онъ засыпалъ; онъ представлялся ему въ сновидѣніи, онъ видѣлъ его при первомъ блескѣ восходящаго утра. Усладъ былъ задумчивъ, когда былъ съ нею розно, задумчивъ, когда видѣлъ ее передъ собою живую, рѣзвую, веселую. Марія вздыхала, на лицѣ ея изображалось глубокое, сердечное чувство, когда глаза ея встрѣчались съ глазами Улада. Она радовалась, когда Усладъ увѣрялъ ее въ нѣжной своей любви; цѣловала его въ розовыя щеки и говорила ему: „Добрый Усладъ, ты мое счастье!“

Однажды, вечернею порою, пѣвецъ игралъ на рожкѣ своемъ, простертый на берегу источника, въ виду Мариной хижины. Марія, услышавъ знакомые звуки, взяла кувшинъ и пошла за водою къ свѣтлому источнику. Поровнявшись съ Усадомъ, она поставила кувшинъ на зеленую траву, сѣла подлѣ своего друга, поцѣловала его въ пламенную щеку, и, окруживъ его бѣлою рукою, склонила къ нему на плечо свою прелестную голову. Они задумались. Вечеръ былъ тихъ и ясенъ; роща, одушевленная возвратившеюся весною, была наполнена запахомъ черемухи, благовоннымъ дыханіемъ ландышей, маткиной-душки и травъ ароматныхъ; вѣтерокъ порхалъ по деревьямъ; соловьи свистали вдалькѣ; въ воздухѣ слышалось жужжаніе насекомыхъ; легкія струйки источника, озлащаемыя заходящимъ солнцемъ, которое проникало сквозь рѣдкія деревья, сливали нѣжное свое плесканіе съ шорохомъ тростника и трепетаніемъ цвѣтущаго шиповника, осѣнявшаго низкіе берега источника; всѣ сіи звуки производили вмѣстѣ очаровательную гармонию, которая трогала душу и погружала ее въ задумчивое мечтаніе. Усадъ и Марія долго молчали, упоенные любовью.

„Ахъ, Марія! — сказалъ, наконецъ, Усадъ, — люблю тебя болѣе своей жизни. Помнишь ли ту минуту, въ которую мы встрѣтились на берегу свѣтлаго источника? Ты пришла зачерпнуть въ кувшинъ свѣжей воды, заслушалась соловья и стояла въ задумчивости подъ тою развѣсистюю берегою — я возвращался изъ Новгорода, былъ утомленъ путемъ и зноемъ; ты утолила мою жажду и посмотрѣла на меня такимъ ласковымъ взглядомъ, что сердце мое наполнилось въ ту минуту неизъяснимою сладостію. Ахъ! съ той минуты я пересталъ владѣть своею душою; съ той минуты единственное мое счастье быть съ тобою, или о тебѣ думать. Тобою прекрасный Божій міръ сдѣлался для меня еще прекраснѣе! Во всемъ, что радуетъ мою душу, нахожу я твой милый образъ. Твой голосъ усладительнѣе для меня воркованія иволги, когда внимаю ему при блескѣ заходящаго солнца; походка твоя легче игриваго весенняго вѣтерка, когда онъ пролетаетъ надъ поверхностію спокойной Москвы-рѣчки, или колышетъ нѣжную травку. Чувствуя въ рощѣ запахъ *ночной красавицы*, я думаю: „онъ такъ же пріятенъ, какъ сладостное дыханіе моей Маріи“. Свѣтитъ ли полная луна сквозъ частую рощу, я погружаюсь въ задумчивость: мнѣ кажется, что въ свѣтломъ ея мерцаніи летаетъ надо мною твой образъ, что я окруженъ твоимъ невидимымъ присутствіемъ. Часто въ минуту воцаряющагося вечера забываюсь по цѣлому часу вблизи твоей хижины; сокрытый кустами шиповника, смотрю на тебя, когда ты сидишь у дверей вмѣстѣ съ твоею матерью, озаренная розовымъ сіяніемъ вечера; мать твоя перебираетъ долгіе свѣтло-русыя твои волосы, заплетаетъ ихъ въ косы, цѣлуетъ тебя, называетъ своею „радостію“; а ты распѣваешь, какъ соловей, или поднимаешь на свою мать нѣжный, невинный, исполненный сердечной задумчивости взоръ, тогда... но, милый другъ, прелестная, добросердечная моя Марія, могу ли сказать, что я тогда чувствую? Ахъ! въ эту минуту не нахожу въ себѣ души, — она стремится къ тебѣ, она исполнена чистѣйшею, непорочною къ тебѣ любовію!“ — Такъ говорилъ Усадъ. Марія не отвѣчала; но она вздохнула, крѣпче обхватила

его бѣлою рукою, нѣжнѣе прижала ко груди его прелестную свою голову.— „Мы соединимся,—продолжалъ Усладъ,—когда исполнится тебѣ шестнадцать лѣтъ. Шестъ разъ полная луна должна освѣтить вершины деревъ прежде, нежели ты будешь моею; тогда нѣжная твоя мать переселится въ нашу хижину; старость ея пройдетъ спокойно, какъ вечеръ яснаго дня... Теперь, мой милый другъ,—продолжалъ Усладъ, помолчавъ минуту,—я долженъ на время съ тобою разлучиться. Старый Пересвѣтъ, мой благодѣтель, мой наставникъ, идетъ отсюда въ свою отчизну, къ своимъ ближнимъ и сродникамъ—я долженъ его проводить, ибо мы, вѣроятно, разстанемся навѣки. Путешествіе мое продолжится до третьей полной луны. Марія, не забывая меня въ отсутствіи. Когда взойдетъ луна—въ эту минуту золотые рога мѣсяца мелькнули изъ тучи надъ кровлю Рогдаева терема—когда озлатятся струистыя волны, приди на берегъ источника и думай объ Усладѣ: душа его будетъ надъ тобою. Въ каждомъ пріятномъ звукѣ, съ которымъ прольется въ душу твою сладостная унылость, внимай нѣжному голосу его сердца!“—Марія плакала; Усладъ умолкнулъ; они встали... Пѣвецъ поднялъ глаза на высокій Рогдаевъ теремъ—черная туча надъ нимъ носилась; невольно печаль овладѣла его душою: туча сія казалась ему подобіемъ его жребія. „О! что ты принесешь мнѣ, время будущее, время далекое, время неизвѣстное?“—подумалъ онъ. Быстрая молнія раздвоила тучу пламенною бороздою; облака вспыхнули и вдругъ угасли; сердце Услава стѣснилось; онъ бросилъ на Марію задумчивый взглядъ: на миловидномъ ея лицѣ изображена была робость; взоры ея, устремленные на тучу, какъ будто искали на ней слѣдовъ пролетѣвшей молніи. Она вздохнула, поцѣловала Услава и медленно пошла въ свою хижину. Усладъ сѣлъ въ свою лодку, переправился на другой берегъ Москвы, на которомъ находилась его хижина, простерся на траву, печально опустилъ на руку свою голову и долго смотрѣлъ на хижину Маріи, въ которой свѣтился огонекъ, иногда затмеваемый легкою тѣнію. Наконецъ, сіяніе исчезло. Усладъ закрылъ руками глаза и заплакалъ: ему казалось, что въ эту минуту угасло счастье жизни его, что для него уже не было на свѣтѣ Маріи...

Утренняя заря не застала Услава на берегахъ свѣтлой Москвы. Въ первые два дня Марія не переставала крушиться и плакать. Потупивъ голову, закрывъ передникомъ прискорбныя очи свои, орошенные слезами, сидѣла, печальная, на порогѣ хижины и не внимала утѣшеніямъ своей добросердечной матери. На третій день пошла она къ источнику. Вдругъ представляется взору ея незнакомый витязь: на немъ сіяла блестящая броня, голова покрыта была шипакомъ, на плечахъ лежала медвѣжья кожа. Лицо неизвѣстнаго было величественно и сурово: глаза, глубоко впадшіе, ярко блистали изъ-подъ густыхъ бровей; черная, всклокоченная борода закрывала до половины смуглыя щеки его. Марія оторопѣла. Незнакомецъ поглядѣлъ на нее пристально. „Кто ты, красная дѣвица?“—спросилъ онъ. Марія испугалась громозвучнаго голоса, не посмѣла поднять своихъ глазъ и побѣжала опростебю въ хижину. Витязь послѣдовалъ за нею.

То былъ Рогдай, славный, могучій богатырь. Ему принадлежали об-

ширныя поля, между которыми извивалась прозрачная Москва; ему принадлежалъ высокій теремъ, окруженный дубовымъ тыномъ. Онъ долго служилъ могущественною мышцею великому Новгороду; сподвижники называли его: *Рогдай-булатная рука*; а прочіе люди: *Рогдай-жестокое сердце*; ибо ни одно человѣколюбивое чувство не было ему извѣстно, никогда на челѣ его не разглаживались морщины; грозный, неукротимый во мщеніи, ни вопли, ни улыбка невиннаго младенца не проникали въ его неприступную душу. Умертвивъ на соборѣ народномъ одного изъ знаменитѣйшихъ посадниковъ новгородскихъ и принужденный поспѣшно съ вѣрною дружиною сокрыться изъ великаго града, пошелъ онъ въ знаменитый Кіевъ, къ великому князю Владиміру, дабы служить ему вмѣстѣ съ богатырями Ильєю, Чурилою и Добрынею. Желая на перепутьи посѣтить свое наслѣдіе и отческій теремъ, въ которомъ провелъ младенческія лѣта, явился онъ на берегахъ Москвы-рѣки, дня черезъ два по отшествіи пѣвца Улада.

Новое чувство открылось въ душѣ Рогдая въ ту минуту, когда онъ встрѣтился у источника съ Марією; онъ началъ каждый день посѣщать хижину ея матери. Разговаривая со старушкою, бросалъ онъ косвенные взгляды на прелестную дочь ея, которая, потупивъ голову, краснѣя и трепеща, сидѣла за пряжею и роняла изъ рукъ веретено всякій разъ, когда робкіе взоры ея встрѣчались нечаянно съ задумчивыми взорами Рогдая, въ которыхъ пылало мрачное пламя. Неутолимая страсть, сопутствуемая мукою желаній и тайнымъ волненіемъ ревности, свирѣпствовала въ сердцѣ грознаго витязя. Впервые почувствовалъ онъ желаніе быть любимымъ, впервые научился смягчать громозвучный свой голосъ; иногда на устахъ его показывалась усмѣшка; вездѣ и всякую минуту онъ думалъ о Маріи; искалъ ее на берегу источника, во глубинѣ роици; слѣдовалъ за нею въ село, и даже нерѣдко, чтобъ угодить ей, вмѣшивался въ веселія игры поселянъ и поселянокъ. Всякій день приносили ей богатые дары отъ Рогдая: иногда жемчужное блестящее ожерелье, иногда шелковый сарафанъ, обшитый богатымъ галуномъ, иногда ленту съ серебряною бахромою, серьги, золотой перстень.

[Марія прельстилась подарками и вышла за него замужъ. Уладъ съ горестью это узналъ].

Прошла осень, прошла зима... Уладъ скитался по городамъ и селеніямъ. Увы! онъ думалъ забыть прежнее время, забыть утраченное свое счастье—напрасно! Въ тѣхъ самыхъ пѣсняхъ, которыми веселилъ онъ горожанъ и сельскихъ жителей, чтобъ избавить себя отъ голодной смерти, изображались милыя чувства, нѣкогда услаждавшія душу его, изображенъ былъ тотъ счастливый край, гдѣ прежде встрѣчалъ онъ съ веселіемъ каждое утро, провожалъ съ надеждою каждый вечеръ. Наступила весна, и вся любовь, которую онъ почиталъ почти угасшею, опять воспламенилась въ душѣ его. „Нѣтъ,—воскликнулъ Уладъ,—я не могу дышать въ разлукѣ съ нею; гдѣ бы я ни былъ, вездѣ мой жребій—угаснуть въ любви, увянуть въ страданіи; здѣсь, на чужой сторонѣ, все для меня чужое; а тамъ, въ отчизнѣ моей, все—мнѣ другъ, все было свидѣтелемъ моего счастья, все будетъ повѣреннымъ моей скорби. Не буду съ нею встрѣчаться; но буду съ

нею вмѣстѣ, но буду скитаться вокругъ ея жилища, невидимо слѣдовать за нею во глубину рощи, иногда внимать ея голосу, дышать вѣтеркомъ, освѣжающимъ ея грудь, или волнующимъ ея свѣтлыя кудри, орошать слезами слѣды, оставленные на муравѣ легкими ея стопами, въ упоеніи, сокрытый мракомъ ночи, смотрѣть на свѣтъ ея лампы, горячей передъ образомъ и проникающей сквозь окна ея свѣтлицы, и, вмѣстѣ съ нею, молить Божию Матерь о счастья жизни ея. Такъ, моя родина, и вы, отеческія рощи, и вы, цвѣтушіе берега Москвы, опять увидите возвратившагося къ вамъ Улада! возвращусь къ вамъ, чтобъ увянуть на вашемъ лонѣ, увянуть тамъ, гдѣ расцвѣло и увяло мое веселіе. Ахъ! видя, какъ другой влѣдетъ моимъ счастьемъ, скорѣе умру съ печали. Утро взойдетъ, ранняя ласточка взвоется подъ облака, вѣтерокъ побѣжитъ по вершинамъ деревъ, и листья осенніе посыплутся съ шумомъ; тогда, Марія, ты взглянешь въ окно высокаго терема и скажешь: „утренняя ласточка, для чего ты поднялась такъ рано? Вѣтерокъ осенній, для чего рассыпаешь ты красоту дубравы? Для чего въ душѣ моей тоска неизвѣстная?“ Ты выйдешь разсѣять печаль свою въ полѣ; тамъ, близъ тропинки излучистой, на краю кладбища, подъ сѣнію древнихъ березъ, увидишь свѣжую могилу; ты устремишь на нее задумчивые взоры. „Здѣсь положили пѣвца Улада,“—скажутъ тебѣ сельскія дѣвушки, печально собравшіяся вокругъ могилы. Ты вспомнишь прежнія наши радости, вспомнишь пѣвца Улада; пріунывши, возвратишься въ свой теремъ, вздохнешь изъ глубины сердца и скажешь: „Онъ меня любилъ, но его уже нѣтъ“.

Солнце почти закатилось, когда Уладъ остановился на берегу источника, въ виду Рогдаева терема.

Пѣвецъ узнаетъ добродушную Ольгу, любимую подругу Маріи... бросается къ ней навстрѣчу... Ольга закричала, закрыла обѣими руками лицо... „Защитите меня, силы небесныя, —воскликнула она,—привидѣніе! душа Улада!“ Ноги ея подкосились, она упала бы на траву, когда бы Уладъ не принялъ ее въ объятія. „Что съ тобою сдѣлалось, добрая Ольга? Отчего боишься Улада?“ Ольга дрожала, какъ листъ, не смѣла отворить глазъ, крестилась, читала про себя молитву. „Опомнись, милая Ольга, погляди на меня. Я не мертвецъ, я—Уладъ, живой Уладъ, возвратился въ свою отчизну, хочу увидѣть Марію!“ Звуки знакомаго голоса ободрили нѣсколько робкую дѣвушку—нѣсколько минутъ не могла она придти въ себя отъ испуга, наконецъ, мало-по-малу, осмѣлилась отворить глаза... „Точно ли вижу Улада?—спросила она.—Въ самомъ дѣлѣ, его лицо, его пріятные взоры, его знакомый голосъ. Ахъ! добрый Уладъ, зачѣмъ ты здѣсь? Но удалимся отъ этого мѣста—мнѣ страшно! Скоро будетъ полночь; никто изъ нашихъ поселянъ не ходитъ сюда въ это время: я сама нечаянно запоздала въ рошѣ; удалимся, Уладъ; это мѣсто ужасно“. Ольга побѣжала впередъ, потащивъ за собою Улада, и чрезъ двѣ минуты находились они уже на берегу свѣтлаго источника. „Ольга,—сказалъ Уладъ,—я не пойду и не пущу тебя далѣе: хочу знать, отчего такъ страшенъ тебѣ Рогдаевъ теремъ, и что сдѣлалось съ Маріею?“—„Ахъ! добрый Уладъ, о чемъ ты у меня спраши-

ваешь!“ „Говори, милая Ольга, именемъ Бога прошу тебя! неизвѣстность мучительнѣе смерти“. „Хорошо, Усладь, слушай. Садись ко мнѣ ближе; здѣсь не такъ страшно: я вижу на томъ берегу источника нашу хижину“. Они сѣли. Усладь трепеталъ; сердце предсказывало ему что-то ужасное.

„Много, Усладь, очень много перемянилось съ тѣхъ поръ, какъ ты оставилъ нашу деревню,—такъ начала говорить Ольга.—Дорого бѣдная моя подруга заплатила за свое легкомысліе. Ахъ, милосердное небо! для чего, не спросясь съ душою своею, повѣрила она коварнымъ обѣщаніямъ оболстителя?.. Усладь, Марія твоя ни на одну минуту не переставала о тебѣ помнить. Чтò дѣлать, если она, какъ младенецъ, прельстилась золотыми парчами, жемчугомъ, лентами, которыми дарилъ ее грозный Рогдай, и суетною надеждою сіять своими прелестями въ великолѣпномъ градѣ Кіевѣ?

[Но она счастья не нашла].

Суровость витязя Рогдая приводила ее въ трепеть: онъ любилъ страстною любовью, но самая нѣжность его имѣла въ себѣ что-то жестокое. Простодушная Марія, которой слова и взоры всегда согласны были съ тайнымъ расположеніемъ сердца, отвѣтствовала на любовь его одною тихою покорностью: она подходила къ нему только тогда, когда онъ самъ приказывалъ ей приблизиться; не смѣла къ нему ласкаться, а только съ смиреніемъ принимала его надменные ласки. Увы! несчастная Марія, которая прежде была такъ весела и рѣзва, которая прыгала отъ удовольствія въ кругу игривыхъ своихъ подругъ, Марія почти никогда уже не улыбалась, и въ самой улыбкѣ ея изображено было душевное прискорбіе. Рогдай замѣтилъ ея тоску; часто съ видомъ угрюмага подозрѣнія устремлялъ онъ свои взоры на блѣдное лицо Маріи: она содрогалась и потупляла глаза свои въ землю. Часто хотѣлъ онъ спросить ее о причинѣ такой непрерывной унылости, начиналъ говорить и уходилъ, не кончивъ вопроса—и чтò могла бы отвѣчать ему Марія?.. Прошло три недѣли. Въ одно утро (мы сидѣли вмѣстѣ съ Маріею и низали жемчужное ожерелье для ея матери) приходитъ онъ въ ея свѣтлицу. „Марія,—говоритъ онъ,—послѣ завтра мы ѣдемъ въ Кіевъ: будь готова“. Марія поблѣднѣла; руки ея опустились; хотѣла отвѣчать, и слезы побѣжали изъ глазъ ея ручьями. „Чтò это значитъ?“—загремѣлъ ужаснымъ голосомъ витязь.—Марія схватила его руку (въ первый разъ позволила она себѣ такую смѣлость). „Ради Бога,—воскликнула она, устремивъ на него умильный взоръ,—пробудь здѣсь еще одинъ мѣсяцъ, одинъ только мѣсяцъ; дай мнѣ познакомиться съ печальною мыслью, что я должна разстаться съ своею родиною, навсегда покинуть мать свою, моихъ подругъ, мои отеческія поля и році“. Прижавши прекрасное лицо свое къ рукѣ ужаснаго витязя, она орошала ее слезами. Какое сердце могло бы не тронуться умоляющимъ стенаніемъ Маріи? Нѣсколько минутъ молчалъ суровый Рогдай: въ сумрачныхъ взорахъ его блеснуло чувство.—„Не могу отказать тебѣ, Марія,—отвѣчалъ онъ, смягчивши голосъ,—мнѣ сладко тебя утѣшить. Согласенъ; еще на мѣсяцъ остаюсь въ этихъ мѣстахъ; но, Марія!“—тутъ устремилъ онъ на нее подозрительный взглядъ,—„ты худо отвѣчаешь на страстную мою любовь: горе тебѣ, если не одна привязанность къ матери, подругамъ и

отчизнѣ удерживаетъ тебя въ этомъ мѣстѣ“.—Онъ удалился. Марія посмотрѣла на меня и не сказала ни слова: мы обѣ вздохнули.

Прошли еще двѣ недѣли—самыя печальныя для бѣдной Маріи. Она старалась удалить отъ себя воспоминанія объ Усадѣ, но всякую минуту, противъ воли своей, думала: „онъ скоро возвратится, онъ скоро возвратится, онъ придетъ отдать мнѣ свою душу, исполненный сладкой надежды, исполненный прежней любви, а я...“ Она томила въ тоскѣ и слезахъ и не могла утаить ни тоски, ни слезъ своихъ отъ Рогдая; онъ видѣлъ ея печаль—но онъ молчалъ, и грозныя взоры его, часъ отъ часу, становились мрачнѣе; страшная ревность свирѣпствовала въ его сердцѣ. „Марія,—говорилъ онъ иногда, устремивъ на нее пристальное око,—душа твоя неспокойна, совѣсть тебя обличаетъ: взоры мои тебѣ ужасны, Марія,—восклицалъ онъ иногда громозвучнымъ голосомъ, отъ котораго несчастная цѣпенѣла,—я люблю тебя страстно., но горе, если ты меня обманула!“

Наконецъ, наступило время твоего возвращенія, и бѣдная Марія со-всѣмъ потеряла спокойствіе. Увы! она боялась ужаснаго Рогдая, боялась твоего милаго присутствія, боялась собственнаго своего сердца: малѣйшій шорохъ заставлялъ ее содрогаться. Она не хотѣла, она страшилась тебя увидѣть; но, Усадѣ, несмотря на то, какъ будто ожидая тебя, не отходила она отъ окна своей свѣтлицы, по цѣлымъ часамъ просиживала на берегу Москвы, устремивъ неподвижныя взоры на противную сторону рѣки, туда, гдѣ видима соломенная кровля твоей хижины. Въ одно утро—это случилось на другой день послѣ твоей встрѣчи съ пастухомъ нашего села—навѣщаю ее, нахожу одну, печальную попрежнему, на берегу Москвы, на томъ же самомъ мѣстѣ, на которое приходила она и вчера, и всякій день... Сказываю, что тебя видѣли наканунѣ; что ты, узнавши объ ея замужествѣ, не захотѣлъ войти въ деревню; что ты удалился, неизвѣстно куда. Марія заплакала. „Ангель-хранитель, сопутствуй ему,—сказала она,—пусть будетъ онъ счастливъ; пускай, если можетъ, забудетъ Марію!“ Она устремила глаза на небо. Мы стояли тогда на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ волны образуютъ мелкій заливъ, разливаясь по свѣтлымъ камешкамъ... Съ тихимъ плесканіемъ одна волна прикатилась почти къ самымъ ногамъ Маріи, разсыпалась, что-то оставила на пескѣ—я наклоняюсь—вижу пучокъ увидшихъ ландышей, перевязанный волосами, поднимаю его, показываю Маріи. Боже мой, какія слова изобразятъ ея ужась! Казалось, что грозное привидѣніе представилось ея взору, волосы поднялись на головѣ ея дыбомъ... Она затрепетала, поблѣднѣла... „Это мои волосы,—воскликнула она.—Улада нѣтъ на свѣтѣ: онъ бросился въ рѣку!“ Она упала къ ногамъ моимъ безъ памяти. Въ эту минуту показался Рогдай; подходитъ, видитъ безчувственную Марію, поднимаетъ ее; смотритъ съ недоумѣніемъ ей въ лицо,—оно покрыто было блѣдностью смерти; снимаетъ съ головы шишакъ, велитъ мнѣ зачерпнуть въ него воды и орошаетъ ею голову Маріи, которая, какъ увядшая роза, наклонена была на правое плечо. Нѣсколько минутъ старались мы привести ее въ чувство; наконецъ, Марія отворила глаза, но глаза ея были мутны; она посмотрѣла на Рогдая—и не узнала его. „Ахъ, Усадѣ!—сказала она

умирающимъ голосомъ,—я любила тебя болѣе жизни; послѣднія радости, послѣднія надежды, простите!“ Какъ описать то дѣйствіе, которое произвели слова ея на душѣ грознаго Рогдая? Лицо его побагровѣло, глаза его за-веркали, какъ уголья; онъ страшно заскрежеталъ зубами. „Усладъ,—воскликнулъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства,—кто Усладъ? Чтò ты сказала, несчастная?“—Но Марія была, какъ помѣшанная; она не чувствовала, что Рогдай стоялъ передъ нею; судорожнымъ движеніемъ прижимала она его руку къ сердцу и говорила: „На что мнѣ жить? Я любила его болѣе моей жизни, все кончилось!“ Рогдай затрепеталъ; въ изступленіи обхватилъ онъ ее одною рукой поперекъ тѣла и помчалъ, какъ дикій волкъ свою добычу, на высоту горы, къ ужасному своему терему. Я хотѣла за ними послѣдовать. „Прочь!“—заревѣлъ онъ охриплымъ голосомъ, блеснувъ на меня звѣрскими глазами—ноги мои подкосились. Съ той поры, Усладъ, ни разу не видала я нашей Маріи... Вечеру прихожу опять къ горѣ, смотрю на высокій теремъ—все было въ немъ тихо, какъ будто въ могилѣ, свѣтлица Маріи казалась пустою, я долго прислушивалась—но все молчало—ничто, кромѣ трепетанія волнъ и шороха дубравныхъ листьевъ, не доходило до моего слуха; кровь леденѣла въ моихъ жилахъ. Боже мой, думала я, чтò сдѣлали они съ тобою, несчастная Марія? Три дня сряду приходила я къ терему: то же молчаніе, та же пустота. „Куда дѣвалась Марія? Гдѣ витязь Рогдай?“—спрашивали наши поселяне. Одинъ изъ нихъ осмѣлился войти въ самый теремъ; но онъ не нашелъ ни витязя, ни Маріи, ни служителей Рогдаевыхъ; повсюду царствовала пустота, стѣны были голы, всѣ утвари домашнія исчезли—казалось, что никогда нога человѣческая не заходила въ эту обитель молчанія. Увы, Усладъ! съ того времени мы ничего не знаемъ объ участи твоей Маріи. Никто изъ поселянъ не смѣетъ приближаться къ Рогдаеву терему. Горе заблудившемуся пѣшеходцу, который отважится зайти въ него полуночною порою!.. „Божіе проклятiе постигло этотъ вертепъ злодѣйствъ“,—говоритъ нашъ сельскій священникъ. Мы смотримъ на него изъ-за рѣки, содрогаемся и молимъ Небеснаго Царя, чтобы Онъ успокоилъ душу Маріи. Бѣдная мать ея умерла съ печали: мнѣ суждено было отъ Бога заступитъ при ней мѣсто дочери; я посадила на могилѣ ея шиповникъ и молодую липу... Усладъ, кто знаетъ, быть можетъ, она уже встрѣтилась теперь на томъ свѣтѣ съ своею Маріею“.

Ольга перестала говорить; Усладъ не могъ отвѣчать ей ни слова. Несчастный сидѣлъ, потушивъ голову, закрывъ руками лицо—состояніе души его было ужасно; нѣсколько минутъ продолжалось печальное безмолвіе. Усладъ посмотрѣлъ на Маріину подругу: она плакала; онъ поцѣловалъ ее въ щеку.

— „Милая Ольга,—сказалъ онъ,—возвратись къ своей матери; конечно, беспокоитъ ее теперь долговременное твое отсутствіе; оставь меня, я никогда не сойду съ этой горы; она должна быть моимъ гробомъ. Богъ съ тобою, добросердечная Ольга; будь счастлива; скажи въ деревнѣ, что бѣдный Усладъ живъ, что онъ возвратился, что онъ умретъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мучилась и погибла его несчастная Марія“.

Они поцѣловались опять. Ольга переправилась на другой берегъ источника; Усладь пошелъ по излучистой тропинкѣ на высоту горы, къ ужасному терему.

Полночь была уже близко—полная луна, достигшая вершины неба, сіяла почти надъ самою головою Услада. Онъ приближается къ терему; входитъ въ широкія ворота, растворенныя настезъ—они скрипѣли и хлопали; входитъ на дворъ—все пусто и тихо... Дорога отъ воротъ до крыльца, окруженнаго высокими перилами, покрыта крапивою, пылью и решейникомъ. Усладь съ трудомъ передвигаетъ ноги, наконецъ, вступаетъ на крыльцо, идетъ въ двери... Дикая лисица, испуганная приходомъ человѣческимъ, давно не возмущавшимъ сего пустыннаго мѣста, бросилась въ высокую траву, свергнувъ на него глазами; филинъ, пробужденный шорохомъ, встретился, захлопавъ крыльями, полетѣлъ на кровлю и завылъ... Усладь почувствовалъ робость и началъ осматриваться. При свѣтѣ луны увидѣлъ онъ себя въ обширной горницѣ, въ которой находился длинный столъ, приставленный къ стѣнѣ; двѣ, или три скамейки, лежавшія на полу; пустой поставецъ, гдѣ прежде находились образа, и на полу разбросанные черепки разбитыхъ глиняныхъ кружекъ; здѣсь грозный Рогдай угощаль иногда поселянъ и поселянокъ своей деревни. Усладь прошелъ еще двѣ или три горницы: вездѣ представлялись глазамъ его голыя стѣны, вездѣ царствовала тишина, изрѣдка нарушаемая шумомъ нетопыррей, которые быстро надъ нимъ порхали. Наконецъ, онъ видитъ маленькую дверь и узкую лѣстницу, обвившуюся винтомъ вокругъ столба: сердце его сильно затрепетало—эта лѣстница вела въ свѣтлицу Маріи. Усладь идетъ по ступенямъ, входитъ въ свѣтлицу, ярко озаренную лучами луны, которая ударила прямо въ раскрытыя окна. Душа его наполнилась неизъяснимымъ прискорбіемъ, когда онъ увидѣлъ себя въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ бѣдная Марія провела послѣдніе дни своей жизни, встрѣчая утро со вздохами, провожая вечеръ съ уныніемъ. Онъ находилъ горестное удовольствіе дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ нѣкогда она дышала; какъ будто чувствовалъ, что въ тихой, полуночной прохладѣ разливалось вокругъ него ея присутствіе. Все было ею наполнено—на все устремлялъ онъ съ неописаннымъ волненіемъ взоры свои, ибо вездѣ мечтались ему слѣды милаго бытія утраченной Маріи. Въ одномъ углу брошены были ея пальцы съ недоконченнымъ шитьемъ, которое почти истлѣло. Въ другомъ что-то блистало. Усладь приближается, смотреть—что-же? Находитъ тотъ самый образъ Богоматери въ серебряномъ окладѣ, который привезъ онъ ей изъ Кіева и который Марія, до самой разлуки съ Усладомъ, носила на шеѣ; онъ упалъ передъ нимъ на землю, заплакавъ, снялъ его со стѣны, поцѣловалъ и положилъ на грудь свою. Онъ сѣлъ подъ окно, глаза его устремились на рѣку Москву, которая тихо вилась подъ горою, отражая въ волнахъ своихъ и берега, покрытые лѣсомъ, и синее небо, усыпанное легкими сребристыми облаками; окрестности, одѣтыя прозрачною пеленою свѣтлаго сумрака, были спокойны; все молчало—и воздухъ, и воды, и рощи. Усладь задумался; минувшее предстало его воображенію, какъ легкій призракъ; онъ видѣлъ Марію, прежде цвѣтущую, потомъ увядающую во цвѣтѣ лѣтъ.

„Здѣсь,—думалъ онъ,—сидѣла она въ уныніи подѣ окномъ, смотрѣла въ туманную даль и посылала ко мнѣ свои вздохи; здѣсь, проливая слезы, молилася она передѣ святою иконою; здѣсь, о Боже милосердый, можетъ быть, на самомъ этомъ мѣстѣ убійца...“—Онъ содрогнулся; ужасъ проникнулъ всѣ его члены; ему мечталось слышать стenanія, выходящія какъ будто изъ могилы; мечталось, что скорбное, тоскующее привидѣніе бродило по горницамъ оставленнаго терема; жилы его сильно бились; кровь, устремившаяся въ голову, производила въ ушахъ его звуки, подобные погребальному стону.

Часъ полночи, всеобщее безмолвіе, мрачность и пустота ужаснаго терема—все приготавливало душу его къ чему-то необычайному: таинственное ожиданіе наполняло ее. Усладъ сидитъ неподвижно... прислушивается... все молчить... ни звука... ни шороха... Вдругъ отъ дубравы подымается тихій вѣтерокъ; листочки окрестныхъ деревьевъ зашевелились, ясная луна затуманилась, по всѣмъ окрестностямъ пробѣжалъ сумракъ, какое-то легкое, почти нечувствительное дуновеніе прикоснулось къ пламеннымъ щекамъ Услава и заиграло въ его разбросанныхъ кудряхъ: казалось, что въ воздухѣ распространялось благовонное дыханіе весны, разливалась пріятная, едва слышимая гармонія, подобная звукамъ далекой арфы. Усладъ подымаетъ глаза... что же?.. О ужасъ! о радость!.. онъ видитъ... видитъ передѣ собою Марію—свѣтлый, воздушный призракъ, сіяющій розовымъ блескомъ; одежда ея, прозрачная, какъ утреннее облако, летящее передѣ зарею, разстилалась по воздуху струями; лицо ея блѣдное, какъ чистая лилія, казалось прискорбнымъ, на милыхъ устахъ видима была унылая улыбка; задумчивый взоръ ея стремился къ Усладу. Священный ужасъ наполнилъ его сердце.

— „Ты ли, душа моей Маріи?—воскликнулъ онъ, простирая къ привидѣнію трепещущія руки.—О! скажи, для чего покинула ты селенія неба? Велишь ли мнѣ разлучиться съ жизнью? Хочешь ли пріобщить меня къ своему блаженству?—Онъ умолкъ—отвѣта не было... Но призракъ, казалось, хотѣлъ, чтобы Усладъ за нимъ послѣдовалъ—одною рукою указывалъ на дремучій лѣсъ, другою, простертою къ Усладу, манилъ его за собою. Усладъ осмѣлился ступить нѣсколько шаговъ... привидѣніе полетѣло. Усладъ остановился... и, вмѣстѣ съ нимъ, остановился призракъ, опять устремивъ на него умоляющіе взоры... Усладъ былъ въ нерѣшимости... не зналъ, идти ли ему, или нѣтъ... наконецъ, ободрился... пошелъ... руководствуемый таинственнымъ вождемъ, вышелъ на пустынный дворъ, за ворота, наконецъ, въ дремучій лѣсъ, который на нѣсколько верстъ простирался позади Рогдаева терема. Входить въ глубину лѣса—тишина и мрачность окрестъ него царствуютъ; ни одно живое твореніе не представляется взору его; дикіе дубравные звѣри, какъ будто чувствуя присутствіе безплотнаго духа, ему сопутствующаго, уклоняются отъ стези его съ робостью... храни глубокое безмолвіе, идетъ онъ за блѣднымъ, улетающимъ сіяніемъ...

[Идя за призракомъ, онъ приходитъ наконецъ къ пустыннику Аркадію, который указываетъ могилу Маріи].

— „Такъ, воскликнулъ Аркадій, выслушавъ повѣсть Услава,—здѣсь, на

берегу Яузы покоится несчастная твоя Марія; мнѣ назначило Божіе Провидѣніе принять послѣдніе взоры ея и примирить съ небомъ ея отлетающую душу. Слушай: въ одно утро я собиралъ коренья на берегу Яузы; внезапно поразили слухъ мой жалобныя стenanія... Иду... шагахъ въ пятидесяти нахожу женщину, молодую, прекрасную, плавающую въ крови — это была твоя Марія; вдали раздавался конскій топотъ; воинъ, одѣтый въ панцырь, мелькалъ между деревьями; онъ вскорѣ исчезъ въ густотѣ лѣса — то былъ убійца Рогдай. Беру въ объятія умирающую Марію — увы! послѣдняя минута ея уже наступила, уста и щеки ея поблѣднѣли, глаза смыкались... Медленно подняла на меня угасающій взоръ. „Прими мою душу, благослови меня“, — сказала она, усиливаясь приложить руку мою къ сердцу. Я перекрестилъ ее — умирающая посмотрѣла на меня съ благодарностью. „Ангель-утѣшитель, — сказала она, простирая ко мнѣ объятія, — молись о душѣ моей, молись объ Усладѣ“. Взоры ея потухли, голова наклонилась на плечо — она скончалась. Могила ея близко. Ты скоро увидишь ее, Усладъ; заря начинаетъ уже заниматься.

— „Ахъ, несчастная, — воскликнулъ Усладъ. — Какая участь! И этотъ убійца живъ!.. Нѣтъ, Божій угодникъ, клянусь у ногъ твоихъ...“

— „Усладъ, не клянись напрасно, — отвѣтствовалъ старецъ, — небесное правосудіе наказало Рогдая: онъ утонулъ во глубинѣ Яузы, куда занесенъ былъ конемъ своимъ, испугавшимся дикаго волка. Усмири свое сердце, другъ мой; скажи вмѣстѣ со мною: вѣчное милосердіе да помилуетъ убійцу Маріи!“

Усладъ утихнулъ.

— „Очи мои прояснились, — воскликнулъ онъ, и простерся къ ногамъ священнаго старца. — Она сохранила ко мнѣ любовь и за гробомъ. Отецъ мой, тебѣ, воспоминанію и служенію Бога посвятится отнынѣ остатокъ моей жизни“.

Заря освѣтила небо, и лѣсъ оживился утреннимъ пѣніемъ птицъ. Старецъ повелъ Услада на берегъ Яузы и, указавъ на деревянный крестъ, сказалъ: „здѣсь положена твоя Марія.“ Усладъ упалъ на колѣна, прижалъ лицо свое, орошенное слезами, къ свѣжему дерну.

— „Милый другъ, — воскликнулъ онъ, — Богъ не судилъ намъ дѣлиться жизнью: ты прежде меня покинула землю; но ты оставила мнѣ драгоценный залогъ твоего бытія — безвременную твою могилу. Не для того ли праведная душа твоя оставляла небо, чтобъ указать мнѣ мое пристанище и прекратить безотрадное странничество мое въ мірѣ? Повинуюсь тебѣ, священный, утѣшительный голосъ потеряннаго моего друга; не будетъ прискорбна для меня жизнь, посвященная гробу моей Маріи: она обратится въ ожиданіе сладкое, въ утѣшительную надежду на близкій конецъ разлуки“.

Усладъ поселился въ обители Аркадія; на гробѣ Маріи построили они часовню во имя Богоматери. Прошелъ одинъ годъ, и Усладъ закрылъ глаза святому отшельнику. Еще нѣсколько лѣтъ ожидалъ онъ кончины своей въ пустынномъ лѣсѣ; наконецъ, и его послѣдняя минута наступила: онъ умеръ, преклонивъ голову къ тому камню, которымъ рука его украсила могилу Маріи.

И хижина отшельника Аркадія, и скромная часовня Богоматери, и камень, нѣкогда покрывавшій могилу Маріи — все исчезло; одно только наименованіе *Марьиной роши* сохранено для насъ вѣрнымъ преданіемъ. Проѣзжая по Троицкой дорогѣ, взойдите на Мытищинскій водоводъ—вправѣ представится глазамъ вашимъ синѣющій лѣсъ; тамъ, гдѣ прозрачная рѣка Яуза однимъ изгибомъ своимъ прикасается къ рошѣ и отражаетъ въ тихихъ волнахъ и древніе сѣнистые дубы, и бѣдныя хижины, разсыпанныя по берегамъ ея—тамъ нѣкогда погибла несчастная Марія; тамъ сооружена была надъ гробомъ ея часовня во имя Богоматери, тамъ, наконецъ, и Усадь кончилъ печальный остатокъ своей жизни...

Кто истинно добрый и счастливый человекъ.

Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнью, есть прямо-добрый и, слѣдовательно, прямо-счастливый человекъ.

Свѣтъ называютъ „театромъ“—каждый изъ насъ въ одно время и дѣйствующій, и зритель. Актеры стараются блеснуть искусствомъ; зрители восклицаютъ: „великій умъ, чудесное дарованіе!“ Но мало однихъ блистательныхъ успѣховъ на театрѣ свѣта, чтобъ приобрѣсть благородное названіе *добрый*, чтобъ имѣть право именоваться *счастливымъ*.

Ты съ честью служишь отечеству; судья справедливый—всѣ приговоры твои сходны съ приговорами закона и совѣсти; смѣлый, благоразумный полководецъ — никто не видалъ, чтобъ ты блѣднѣлъ въ виду непріятели, чтобъ терялъ присутствіе духа въ минуту неуспѣха, или замѣшательства. Въ обществѣ называютъ тебя приятнымъ, ласковымъ, забавнымъ; нельзя не плѣниться твоимъ разговоромъ; все окружающее тебя оживлено твоимъ остроуміемъ, твоими словами, взглядами, усмѣшками. Говорю смѣло: умный, дѣятельный, любезный, необыкновенный человекъ. Скажу ли: добрый и счастливый?

Нѣтъ! я вижу тебя на сценѣ, въ уборѣ, въ минуту *представленія*, въ минуту торжества; прельщаюсь однимъ наружнымъ, временнымъ твоимъ блескомъ. Ты дѣйствуешь не собственною силою, ты окруженъ безчисленными подпорами: общее мнѣніе—хранитель твоихъ добродѣтелей; быть можетъ, источникъ ихъ—единое твое честолюбіе. Хочу-ли узнать совершенно твой характеръ — я долженъ послѣдовать за тобою во внутренность семейства. Семейство есть тихое, сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются самые благородные, самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго. Здѣсь человекъ одинъ—всѣ призраки исчезли; онъ дѣйствуетъ безъ свидѣтелей, въ кругу знакомцевъ, слишкомъ короткихъ, слѣдственно для него нестрашныхъ; не можетъ удивлять ложнымъ блескомъ; не слышитъ рукоплесканій; онъ можетъ наслаждаться однимъ скромнымъ, для другихъ непримѣтнымъ, но сладостнымъ и неотъемлемымъ счастьемъ. Здѣсь онъ снимаетъ съ себя заимствованные покровы; свободно предается естественнымъ своимъ склонностямъ; никому, кромѣ самого себя, не даетъ отчета; и если

я вижу его спокойнымъ, веселымъ, неизмѣняемымъ въ тѣсномъ кругу любезныхъ; когда приходъ его къ супругѣ и дѣтямъ есть сладостная минута общаго торжества; когда отъ взора его развеселяются лица домашнихъ; когда, возвращаясь изъ путешествія, приноситъ онъ въ домъ свой новую жизнь, новую дѣятельность, новое счастье; когда замѣчаю окрестъ него порядокъ, спокойствіе, довѣренность, любовь — тогда рѣшительно говорю: онъ добръ, онъ счастливъ.

Великіе подвиги въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей бывають нерѣдко однимъ чрезвычайнымъ *усиліемъ*. Нерѣдко человекъ, котораго дѣятельность и обширный умъ въ дѣлахъ государственныхъ, котораго пріятность и живость въ блестящемъ кругу свѣта приводятъ насъ въ изумленіе, бываетъ задумчивъ и скученъ среди своихъ домашнихъ, гдѣ онъ свободенъ, гдѣ надобно дѣйствовать безъ всякаго внѣшняго возбужденія, гдѣ все почерпается во внутренности души, гдѣ можешь быть веселъ только тогда, когда сердце твое наполнено чистыми, живыми, неизмѣняющимися ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни чувствами.

Быть счастливымъ есть наслаждаться самимъ собою — гдѣ же сіе счастье, какъ не въ семействѣ, и что его источникъ, какъ не спокойное, невинное, доброе сердце? Человекъ-гражданинъ, пользуясь покровомъ общества, трудами своими покупаетъ у него почести и отличія; но *добрый* получаетъ сіи отличія и почести на ряду съ *недобрымъ*, имѣющимъ одинакое съ нимъ искусство, дѣятельность, скажу—дарованіе. Въ чемъ же его преимущество собственное, ни съ кѣмъ не раздѣляемое? Въ счастья добраго сердца, въ тѣхъ наслажденіяхъ, которыя вкушаетъ онъ въ кругу семейственномъ—плодъ, заповѣданный для порочнаго...

Не имѣвъ добраго сердца, можно быть въ нѣкоторомъ отношеніи добрымъ гражданиномъ: будь съ дарованіемъ, и будешь успѣшно дѣйствовать на той сценѣ, которая окружена безчисленною толпою судей любопытныхъ и строгихъ. Честолюбіе замѣнитъ для тебя внутреннюю доброту: и та, и другая причины произведутъ одинакое видимое дѣйствіе. Но быть хорошимъ семьяниномъ въ полномъ значеніи сего слова, добрымъ супругомъ, отцомъ, покровителемъ своихъ домашнихъ, говорю безъ исключенія, нельзя, не имѣвъ добраго, нѣжнаго, чувствительнаго сердца. Семейство есть малый свѣтъ, въ которомъ должны мы исполнять въ маломъ видѣ всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ; но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь не можетъ быть заблужденія насчетъ заслуги, здѣсь видятъ тебя такимъ точно, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ. И вотъ причина того печальнаго отдаленія, въ которомъ многіе, такъ называемые, „счастливыцы“ міра живутъ отъ тихаго, уединеннаго семейственнаго круга; они боятся вступить въ его святилище. Что принесутъ они въ него съ собою? Мертвое, или испорченное сердце, чуждое наслажденій невинныхъ, смутное посреди спокойствія и порядка, непостоянное посреди удовольствій однообразныхъ, но сладостныхъ для души ясной, веселой и непорочной.

Ты ищешь вѣрнаго счастья? Почитай обязанностью быть дѣятельнымъ для пользы отечества; но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоценныя

награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства: если душа твоя невинна, если пылаетъ въ ней тихое пламя добра, то въ мирномъ семействѣ найдешь безмятежное, постоянное счастье. Гдѣ можешь любить съ такою полнотою, съ такою взаимностью, съ такимъ забвеніемъ самого себя? Гдѣ можешь быть столь добродѣтельнымъ и столь непосредственно получать за добродѣтели твои воздаяніе? Гдѣ найдешь такихъ вѣрныхъ и согласныхъ съ тобою товарищей и въ радости, и въ печали? Стремись воображеніемъ къ сему блаженству, когда еще его не имѣешь; образуй для него свою душу; помни, что оно существуетъ для одного невиннаго, благороднаго, исполненнаго высокими чувствами сердца: благодѣтельная, животворящая мечта о немъ да будетъ сопутницею твоихъ юношескихъ лѣтъ. Совершенствуя себя для мирной обители семейства, ты избѣжишь опасной заразы разврата: плѣнишься ли блестящимъ безобразіемъ порока, имѣя передъ глазами тѣ чистыя наслажденія, ту благородную дѣятельность, которыя неразлучны съ семейственною жизнью? И если твой выборъ уже сдѣланъ, если душа твоя замѣтила существо для нея необходимое, то окружи себя его воспоминаніемъ; воспоминаніе о немъ будетъ твоею добродѣтелью. Такъ, если Провидѣніе опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ рѣдкимъ—но рѣдкимъ потому, что рѣдки сіи люди, которые полагали бы въ немъ первую и самую благородную цѣль своей жизни, которые минутнаго, живѣйшаго наслажденія, или невѣрной и блистательнѣйшей выгоды не предпочли бы сему спокойному, скромному и неразлучному со всѣми добродѣтелями счастью, — если Провидѣніе, говорю, опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ, то смѣло можешь присвоить себѣ титулъ „счастливица“; ты возвратишь сему титулу все утраченное его достоинство; на языкѣ твоёмъ счастье будетъ знаменованъ добродѣтель, наслажденіе самимъ собою, прямое просвѣщеніе, истинную мудрость.

Какое зрѣлище, возвышающее душу, представляетъ намъ добрый семьянинъ—истинно добрый и счастливый человѣкъ. Войдите въ его домъ веселый, скромный, гдѣ царствуетъ опрятность и чистота: при первомъ шагѣ не окружаетъ ли васъ какое-то неизяснимое, невидимое, трогательное очарованіе? Не чувствуете-ли во глубинѣ души того утѣшительнаго спокойствія, того внутренняго наслажденія собственнымъ бытіемъ, которое всегда возбуждаетъ въ васъ присутствіе счастья? Вы видите передъ собою довольныя лица, плѣняетесь окружающимъ васъ порядкомъ; здѣсь время пролетаетъ быстро; для каждой минуты есть собственно необходимое занятіе; минуты отдѣльнаго труда приготавливаютъ къ минутамъ свиданія, къ минутамъ общаго удовольствія, и всякій трудъ приноситъ съ собою свою награду. Послѣдуйте за добрымъ семьяниномъ и въ свѣтъ, гдѣ исполняетъ онъ обязанности гражданина, и въ домъ его, гдѣ онъ представляется вамъ супругомъ, отцомъ, хозяиномъ, и въ уединенный кабинетъ, гдѣ онъ остается одинъ съ собою, и къ смертному одру, на которомъ онъ ожидаетъ конца, спокойный, увѣренный въ бытіи Божества, которое неотрицаемо для сердца, испытавшаго прямую любовь, уповающий на безсмертіе, которое ощутительно для сердца, испытавшаго прямую любовь—вездѣ вы его найдете одинакимъ.

Въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлають его счастливымъ посреди домашнихъ, хранится и чистый источникъ гражданскихъ его добродѣтелей. Разлучаясь на время съ своимъ семействомъ для исполненія обязанностей въ свѣтѣ, онъ соединенъ съ своими любезными нѣжнымъ, никогда не покидающимъ его сердца о нихъ воспоминаніемъ; ихъ мысленное присутствіе хранить его во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ жизни. Какъ можетъ онъ не дорожить непорочностью своего имени, котораго слава есть слава его любезныхъ? Какъ можетъ не уклоняться отъ зла, когда онъ долженъ приходиться невиннымъ передъ судилище безпристрастное, для него драгоценное и святое, передъ судилище своего семейства, гдѣ обитаетъ его неизмѣнный товарищъ, который вмѣстѣ съ нимъ одною дорогою стремится къ одной и той же цѣли—къ счастью, основанному на совершенствѣ моральномъ, который не узнаетъ его, унизившагося порокомъ, котораго довольный, одобряющій взоръ есть самая утѣшительная для него награда? Но всѣ обязанности, всѣ удовольствія свѣта почитаетъ онъ только посторонними: главная дѣятельность его внутри семейства—мирная, счастливая дѣятельность, которая животворитъ душу его, отдаляетъ отъ него унылость и скуку, возвышаетъ его, усиливаетъ, исцѣляетъ... Онъ веселъ, онъ спокоенъ среди порядка и тишины, которые окрестъ него царствуютъ. Перенеситесь мысленно въ обитель согласныхъ супруговъ, согласныхъ въ понятіи своемъ о жизни, согласныхъ въ выборѣ способовъ ею наслаждаться—здѣсь минуты заботъ не имѣютъ того безпокойства, которое преслѣдуетъ насъ, когда трудимся для однихъ себя: онъ услаждаются трогательнымъ воспоминаніемъ о существахъ намъ любезныхъ, которымъ посвятили мы всю свою жизнь; здѣсь всякое благородное чувство души становится живѣе, возвышеннѣе, непорочнѣе; благотворительность награждается не однимъ тайнымъ одобреніемъ сердца, но, вмѣстѣ, и нѣжнымъ участіемъ милого существа, которое въ глазахъ твоихъ есть образъ всѣхъ добродѣтелей; оно сопутствуетъ тебѣ въ жилище печальнаго и нищаго; ты дѣйствуешь не въ одномъ невидимомъ присутствіи Промысла: ты видишь передъ собою Его посланника въ своемъ товарищѣ, къ которому относишь всякое доброе дѣло, всякое доброе чувство. Что можетъ быть трогательнѣе и пламеннѣе молитвы, произносимой въ присутствіи милой супруги, вмѣстѣ съ нею, въ полнотѣ своего счастья? Для кого можетъ быть ощутительнѣе Провидѣніе, для кого легче любить своего Создателя, какъ не для нѣжнаго супруга и отца, окруженнаго драгоценнѣйшими залогами ихъ милосердія? Молитва одинокаго человѣка есть требованіе,—молитва семьянина есть благодарность.

Но, представляя себѣ счастье, должно воображать и горестныя потери. Супругъ нерѣдко и слишкомъ рано лишается супруги, отецъ переживаетъ дѣтей—утраты незамѣняемыя, ибо онѣ разрушаютъ главное счастье жизни, къ которому относили мы всякое другое. Но развѣ съ утратою любезныхъ теряется для насъ воспоминаніе? Развѣ тому, кто наслаждался настоящимъ, не остается меланхолической, усладительной привязанности къ прошедшему? Ты жилъ для нихъ; ты жилъ вмѣстѣ съ ними; ты радостно летѣлъ къ своей цѣли, окруженный милыми существами; спутники твои исчезли... но

ты самъ не измѣнился; поприше твое опустѣло... но оно все то же, и та же цѣль представляется глазамъ твоимъ въ отдаленіи; стремись къ ней, окруженный знакомыми, дружественными тѣнями. Кто разъ наслаждался семейственными радостями, тотъ никогда, никогда не узнаетъ уже одиночества; горестъ будетъ для него нѣкоторымъ образомъ любовью...

Писатель въ обществѣ.

Положеніе писателя въ большомъ свѣтѣ кажется вамъ затруднительнымъ; вы говорите, что онъ не долженъ надѣяться имѣть въ немъ успѣха: мнѣніе слишкомъ неограниченное. Вопреки ему, позволяю себѣ утверждать, что и писатель наравнѣ со всѣми можетъ съ успѣхомъ играть свою ролю на сценѣ большого свѣта.

Прежде всего опредѣлимъ для самихъ себя: что называется обыкновенно „большимъ свѣтомъ“? Что значить имѣть въ немъ успѣхъ? Какими средствами успѣхъ сей пріобрѣтается?

Слово: „большой свѣтъ“, означаетъ кругъ людей отборныхъ—не скажу лучшихъ—превосходныхъ предъ другими состояніемъ, образованностью, саною, происхожденіемъ; это—республика, имѣющая особенные свои законы, покорная собственному, идеальному и всякую минуту произвольно-смѣняемому правителю—модѣ, гдѣ существуетъ общее мнѣніе, гдѣ царствуетъ разборчивый вкусъ, гдѣ раздаются всѣ награды, гдѣ происходитъ оцѣнка и добродѣтелей и талантовъ. Вообразите множество людей обоого пола, одаренныхъ отъ фортуны или избыткомъ, или знатностью, соединенныхъ, одни съ другими, естественною склонностью къ общезитію, поставляющихъ цѣлью своего соединенія одно удовольствіе, заключенное въ томъ единственно, чтобы взаимно другъ другу нравиться — и вы получите довольно ясное понятіе о томъ, что называете „большимъ свѣтомъ“. Слѣдовательно, свѣтскій человѣкъ есть тотъ, который имѣетъ сношеніе всегдашнее и, болѣе или менѣе, тѣсное съ людьми, принадлежащими къ большому свѣту, которому обыкновенія и законы сей идеальной республики извѣстны въ точности — и тотъ единственно, кто, пользуясь удовольствіями свѣта, умѣетъ самъ доставлять ихъ; кто, обладая общими, отъ всѣхъ, признанными за дѣйствительные, способами нравиться имѣетъ, сверхъ того, собственные, одному ему свойственные и заключающіеся въ особенности его ума, характера и способностей: тотъ, единственно, говорю, можетъ съ одобреніемъ играть, свою ролю на семъ обширномъ театрѣ, гдѣ всякій есть въ одно время и дѣйствующій и зритель. Есть два рода успѣховъ свѣтскихъ. Къ первому надлежитъ причислить сіи мгновенныя торжества, пріобрѣтаемыя блестящими, но мелкими средствами. Представьте человѣка, устремившаго всѣ мысли свои на то единственно, чтобъ нравиться всегда, во всякомъ мѣстѣ и всѣмъ: наружностью, одеждою, краснорѣчіемъ языка, лица, движеній; онъ съ удивительнымъ присутствіемъ духа обращаетъ на пользу свою всякое обстоятельство; умѣетъ въ разговорѣ своимъ быть и забавнымъ, и важнымъ; неподражаемъ

въ мелкихъ вещахъ: въ искусствѣ разсказать привлекательно и быстро анекдотъ, или повѣсть, оживить своею изобрѣтательностью общественныя забавы, представить важное смѣшнымъ, или смѣшное—важнымъ, сказать пріятнымъ образомъ лестное слово; онъ перелетаетъ изъ одного общества въ другое; одушевляетъ каждое мгновеннымъ своимъ присутствіемъ; исчезаетъ въ одномъ, чтобы явиться въ другомъ и снова исчезнуть; такого человѣка называютъ „любезнымъ“; ищутъ его для того, что онъ нуженъ для увеселеній общественныхъ; онъ имѣетъ въ свѣтѣ успѣхъ, никто не думаетъ о моральномъ его характерѣ; ему благодарны за то удовольствіе, которое доставляетъ онъ другимъ въ ту минуту, когда онъ съ ними. Другого рода успѣхъ, болѣе твердый и съ болшею трудностью пріобрѣтаемый, основанъ на уваженіи, которое имѣютъ въ обществѣ къ уму и качествамъ моральнымъ. Чтобы заслужить его, необходимо нужно усовершенствовать свой характеръ, имѣть правила твердыя, разумокъ образованный, быть дѣятельнымъ для блага общаго; съ сими важными преимуществами надлежитъ соединять и мелкое, совершенно необходимое для пріобрѣтенія отъ общества благосклонности, искусство обращаться пріятно. Конечно, тотъ, кто имѣетъ въ виду одну благородную цѣль: заслужить всеобщее уваженіе качествами и поступками превосходными, отстанетъ въ нѣкоторыхъ мелочахъ отъ человѣка, употребившаго всѣ дарованія свои на то исключительно, чтобы усовершенствовать себя въ искусствѣ быть пріятнымъ; конечно, нѣкоторые мелкіе способы послѣдняго могутъ быть или неизвѣстны первому, или оставлены имъ безъ вниманія; но въ томъ же самомъ обществѣ, въ которомъ послѣдній будетъ восхищать другихъ своею любезностью, тайное предпочтеніе всегда останется на сторонѣ перваго: къ нему будутъ привязаны чувствомъ постояннымъ, чувствомъ, которое не уменьшится и въ его присутствіи, ибо своимъ обхожденіемъ простымъ, но пріятнымъ, онъ будетъ соответствовать своему характеру. Понятіе о человѣкѣ, только любезномъ, должно мѣняться съ тѣми обстоятельствами, въ которыхъ онъ представляется обществу; о немъ не имѣютъ общаго мнѣнія; привязанность къ нему или уменьшается, или исчезаетъ въ ту самую минуту, въ которую онъ самъ скрывается отъ вашихъ взоровъ; онъ долженъ непременно быть на сценѣ, чтобы могли о немъ помнить, или ему удивляться.

Теперь спрашиваемъ: почему писателю невозможно искать въ обществѣ успѣха, и званіе писателя противорѣчитъ ли состоянію человѣка свѣтскаго? Вы скажете, можетъ быть: всякій писатель обыкновенными занятіями своими слишкомъ отдѣленъ отъ жизни свѣтской, шумной, разнообразной и неразлучной съ разсѣянностію. Согласенъ, если подъ именемъ свѣтской жизни разумѣете вы скучное состояніе праздныхъ, которые посвятили себя однимъ удовольствіямъ общественнымъ, которые безпрестанно живутъ внѣ себя, не имѣютъ ни занятія собственнаго, ни должности государственной, которыхъ девизъ—быть пріятными безъ пользы, а иногда и со вредомъ другихъ. Но вы видѣли, что успѣхъ въ свѣтѣ — не эфемерный, но истинный и продолжительный—соединенъ необходимо съ дѣятельностью полезною и качествами высокими. Нѣтъ человѣка, который назывался бы просто-свѣтскимъ; каж-

дый имѣть, или долженъ имѣть особенное занятіе, которое на время отдѣляетъ его отъ свѣта и требуетъ уединенія, болѣе или менѣе, продолжительнаго; многіе подчинены обязанностямъ по службѣ, и всѣ вообще семейнымъ заботамъ. Обязанность писателя привязываетъ его къ уединенному кабинету, но разлучаетъ ли она его съ обществомъ и можетъ ли воспрепятствовать быть ему членомъ большого свѣта наравнѣ съ другими имѣющими каждый особенныя свои заботы и должности? Конечно, писатель, такъ же какъ и всѣ избравшіе какую-нибудь важную цѣль, не можетъ приобрести сего легкаго, пріятнаго блеска, которымъ украшены люди, почитающіе, такъ сказать, единственнымъ своимъ ремесломъ искусство жить въ свѣтѣ; но онъ обладаетъ способами нравиться столь же дѣйствительными и безъ сомнѣнія благороднѣйшими.

Писатель—потому единственно, что онъ писатель—лишенъ ли качествъ человѣка любезнаго? Будучи одаренъ богатствомъ мыслей, которыя умѣетъ выражать лучше другого на бумагѣ, долженъ ли онъ именно потому не имѣть способности выражаться съ пріятностью въ разговорѣ и, обращаясь большую часть времени въ своемъ кабинетѣ съ книгами, осужденъ ли необходимо быть страннымъ и неисканнымъ въ обращеніи съ людьми? Не думаю, чтобъ одно было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ другого.

Вы утверждаете, что авторъ, вступая въ общество, долженъ быть непременно жертвою коварнаго любопытства мужчинъ и взыскательнаго самолюбія женщинъ; мнѣніе сіе почитаю не совсѣмъ справедливымъ. Писатель, свѣтскій человѣкъ, будучи всегда въ свѣтѣ, не можетъ возбуждать особеннаго вниманія именно потому, что лицо его уже знакомо, и что онъ играетъ одинаковую роль со всѣми: роль собесѣдника, примѣняющагося къ другимъ своимъ обхожденіемъ, своею наружностью, своимъ тономъ. Въ свѣтѣ не любятъ отличій, неохотно показываютъ удивленіе, и рѣдкій бываетъ въ немъ предметомъ любопытства, которое, само по себѣ, есть уже знакъ отличія. Въ свѣтѣ ни отъ кого не требуютъ многого, можетъ быть, потому что высокія требованія неразлучны съ признаніемъ великаго превосходства; а люди, особенно свѣтскіе, хотя вообще справедливые, не любятъ никогда обнаруживать такого признанія.

Прибавимъ: писатель имѣетъ въ обществѣ существенное преимущество предъ людьми болѣе свѣтскими: онъ можетъ порядочнѣе и лучше мыслить. Отъ умственной работы, которой посвящена большая часть его дня, пріучается онъ обдумывать тѣ предметы, которые свѣтскій человѣкъ только что замѣчаетъ; будучи весьма часто одинъ съ собою, онъ имѣетъ гораздо болѣе времени возобновлять воспоминаніемъ то, что видѣлъ глазами; привычка приводитъ въ порядокъ, предлагать въ связи и выражать съ точностью свои мысли даетъ понятіямъ его особенную ясность, опредѣленность и полноту, которыхъ никогда не могутъ имѣть понятія человѣка, исключительно занимающагося свѣтомъ; послѣдній, по причинѣ разнообразія предметовъ, мелькающихъ мимо его съ необычайною быстротою, принужденъ, такъ сказать, ловить ихъ на-лету и устремлять на нихъ вниманіе свое только мимоходомъ. Уединеніе дѣлаетъ писателя глубокомысленнымъ;

въ обществѣ пріучается онъ размышлять быстро и, наконецъ, заимствуетъ въ немъ искусство украшать легкими и пріятными выраженіями самыя глубокія свои мысли. Конечно, всякій писатель отъ образа своей жизни, болѣе или менѣе ограниченнаго, долженъ быть нѣсколько отъ другихъ отличенъ, но развѣ отличіе и странность одно и то же? И нѣкоторое несходство съ другими, если оно не разительно, а только что замѣтно, развѣ не имѣетъ своей пріятности? Человѣку естественно любить разнообразіе. Привыкнувъ мѣшать уединеніе съ свѣтскою жизнью, писатель удобнѣе другихъ можетъ сохранить особенность своей фізіономіи; конечно, онъ будетъ имѣть съ другими нѣкоторое несходство, но, въ то же время, не отдѣлится отъ нихъ рѣзкою (слѣдовательно непріятною) съ ними противоположною. Оригинальность, разумѣется натуральная, неподдѣльная, имѣетъ въ себѣ нѣчто любезное. Напримѣръ, задумчивая молчаливость, если она впрочемъ соединена съ пріятнымъ умомъ и не происходитъ ни отъ неловкости, ни отъ угрюмаго характера, понравится именно потому, что она служитъ легкою противоположною веселому и слишкомъ вѣтреному многорѣчію людей свѣтскихъ.

Отчего же, спросите вы, болѣшая часть писателей не имѣетъ никакого успѣха въ свѣтѣ, неловки въ обращеніи и вообще менѣе уважаемы, нежели ихъ книги? Отъ трехъ причинъ, изъ которыхъ двѣ общія писателю со всѣми: отъ страстной привязанности къ своему искусству, отъ самолюбія, отъ ограниченности состоянія.

Всякая страсть, наполняя человѣческую душу предметомъ единственно ей любезнымъ, отдѣляетъ ее отъ всего вѣшняго и сему предмету чуждаго. Напримѣръ, взгляните на страстно-влюбленнаго: каковъ онъ въ обществѣ? Молчаливъ, разсѣянъ, на лицѣ его написано задумчивое уныніе; свѣтская принужденность для него мучительна, мысли его тамъ, гдѣ его сердце; начните съ нимъ говорить: онъ будетъ вамъ отвѣчать несвязно, или безъ смысла; онъ скученъ, тяжелъ и страненъ. Таковъ честолюбивый, преданный тайнымъ своимъ замысламъ, таковъ и писатель, исключительно прилѣпленный къ своимъ идеямъ. Онъ неохотно является въ общество и, находясь въ немъ, всегда бываетъ отъ него въ отсутствіи: въ шумную толпу людей переноситъ онъ уединеніе своего кабинета. Онъ неспособенъ примѣняться къ другимъ и часто оскорбляетъ ихъ грубымъ пренебреженіемъ обыкновенныхъ, ему одному неизвѣстныхъ приличій; не можетъ говорить пріятно, потому что неспособенъ внимательно слушать; въ то время, когда вы съ нимъ говорите, онъ, можетъ быть, занятъ разрѣшеніемъ философическаго вопроса, или описываетъ въ воображеніи спокойный вечеръ, тоску осиротѣвшей любви, очарованный замкомъ Альцины. Воображая, что предметы ему любезны для всѣхъ одинаково привлекательны, онъ утомляетъ ими ваше вниманіе и перестаетъ васъ слушать, когда начинается говорить ему о томъ, что важно для васъ самихъ. Имѣетъ ли такой человѣкъ нужду въ обществѣ, которое, можно сказать, для него не существуетъ? Онъ обитаетъ въ особенномъ, ему одному знакомомъ, или имъ самимъ сотворенномъ мірѣ; существа идеальныя всегдашніе его собесѣдники; онъ ограни-

ченъ въ самыхъ естественныхъ своихъ потребностяхъ: все то, что ему нужно, находится въ немъ самомъ, въ его идеяхъ, въ мечтахъ его воспламененнаго воображенія.

Другую причину неуспѣховъ писателя въ свѣтѣ полагаю чрезмѣрность самолюбія, свойственнаго ему со всѣми другими людьми, но вообще въ писателяхъ болѣе ослѣпленнаго, примѣтнаго и смѣшнаго. Напримѣръ, взгляните на людей свѣтскихъ: одинъ, обманувши нѣсколько слабыхъ, или вѣтренныхъ женщинъ, увѣряетъ себя, что уже ни одна изъ нихъ не можетъ быть для него непобѣдима; онъ страненъ своимъ излишнимъ уваженіемъ къ самому себѣ, своею самолюбивою надежностью на красоту свою и любезность; другой, сказавши нѣсколько острыхъ словъ, замѣченныхъ въ одномъ обществѣ и повторенныхъ его друзьями въ другомъ и третьемъ, обманывая себя самолюбіемъ, не открываетъ рта безъ того, чтобы не сказать остроты, ищетъ за каждое имъ произнесенное слово лестнаго одобренія въ глазахъ своихъ слушателей—и, вмѣсто того, чтобы нравиться, бываетъ осмѣянъ. Таковъ и писатель; сдѣлавшись славнымъ по нѣкоторымъ превосходнымъ сочиненіямъ, онъ входитъ въ общество *торжествующимъ*; онъ требуетъ отъ другихъ удивленія, какъ дани, ему принадлежащей; онъ говоритъ рѣшительно, воображая, что мнѣніе его должно имѣть перевѣсъ, что его ожидаютъ, что оно не можетъ не быть принято съ уваженіемъ; гордяся авторскими успѣхами, онъ смѣшиваетъ ихъ съ успѣхами свѣтскими, и, вмѣсто того, чтобы примѣняться къ другимъ, воображаетъ напротивъ, что другіе должны примѣняться къ нему. Вы смотрите на него пристально: онъ думаетъ, что вы ищете на его лицѣ того великаго ума, который сіяетъ въ его твореніяхъ. Мы молчаливы при немъ: это отъ робости, чтобы не сказать въ присутствіи великаго человѣка чего-нибудь глупаго. Вы разговорчивы—какое сомнѣніе? Вы хотите отличиться при немъ краснорѣчіемъ, познаніями, остроуміемъ. Два человѣка, ему незнакомые, шепчутъ, сидя въ углу; одинъ изъ нихъ безъ всякаго намѣренія на него взглянулъ—довольно: они о немъ говорятъ, они удивляются и прозѣ его, и стихамъ, они въ восторгѣ отъ чрезвычайнаго таланта его. Такой человѣкъ долженъ натурально казаться педантомъ, смѣшнымъ, тяжелымъ, неловкимъ; онъ вооружаетъ противъ себя самолюбіе, подвергается гоненіямъ зависти и, отдѣляя себя отъ толпы для того, чтобы ему удивлялись, становится, напротивъ, предметомъ колкихъ насмѣшекъ и наблюденій коварныхъ. Прибавимъ: самолюбіе автора гораздо замѣтнѣе и смѣшнѣе самолюбія прелестниковъ и имъ подобныхъ, тонкаго, искуснаго и болѣе скрытнаго. Они всегда въ свѣтѣ, слѣдовательно и самыя странности ихъ менѣе разительны; ихъ суетная гордость прикрыта маскою простоты; они только изрѣдка себѣ измѣняются. Напротивъ, писатель, будучи весьма часто одинъ и слѣдственно сохранивъ болѣе собственнаго въ своемъ характерѣ и обращеніи, отличіе отъ другихъ и въ смѣшномъ, и въ странномъ. Свѣтскій человѣкъ, научившись замѣчать, по многократному замѣчанію за другими, смѣшную сторону собственнаго своего самолюбія, умѣетъ ее и украшать цвѣтами пріятнаго. Писатель въ этомъ случаѣ простодушнѣе; будучи невнимателенъ къ

другимъ и слѣпъ къ самому себѣ, онъ не старается и не умѣетъ скрывать самолюбія своего, слѣдственно обнаруживаетъ его во всей его странности.

Третья причина случайная: ограниченность состоянія. Она можетъ мѣшать писателю наравнѣ съ другими пользоваться выгодами и удовлетворять требованіямъ свѣтской жизни. Лишенный способовъ играть одинакую роль съ людьми, одаренными избыткомъ, и будучи не въ состояніи доставлять имъ тѣ удовольствія, которыя самъ отъ нихъ получаетъ, писатель— которому вмѣстѣ съ дарованіемъ досталась въ удѣлъ и бѣдность—принужденъ являться въ общество изрѣдка и то не иначе, какъ зритель, не имѣющій никакой тѣсной связи съ дѣйствующими на сценѣ его лицами. Сія необходимость быть простымъ зрителемъ препятствуетъ ему приобрести искусство обхожденія, познакомиться съ приличіями, узнать всѣ нужные обряды свѣтской жизни. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми, составляющими большой свѣтъ, отчужденъ отъ нихъ своимъ состояніемъ, своими обстоятельствами для нихъ неизвѣстными; являясь на глаза ихъ рѣдко, онъ всегда кажется имъ новымъ лицомъ, слѣдовательно, всегда обращаетъ на себя ихъ вниманіе, но вниманіе, производимое не достоинствами личными, а только новостью предмета, простое, можетъ быть, оскорбительное любопытство. Чувствуя свое одиночество и свое неравенство въ способахъ наслаждаться свѣтскою жизнью даже съ такими людьми, которые во всемъ другомъ его ниже, но поддержаны въ свѣтѣ или богатствомъ, или знатнымъ родомъ, чувствуя свое невѣжество въ наукѣ жить, извѣстной всегда тому, кто имѣетъ и можетъ только имѣть сношеніе съ большимъ свѣтомъ, онъ дѣлается робокъ, недовѣрчивъ къ самому себѣ, слѣдовательно, — и неловокъ, и страненъ; неприятность играемой въ обществѣ роли прилѣпляетъ его часъ отъ часу болѣе къ уединенію часъ отъ часу, болѣе отчуждаетъ отъ свѣта, и, слѣдовательно, дѣлаетъ его, часъ отъ часу, неспособнѣе имѣть въ немъ какой-нибудь успѣхъ.

Но писатель, который отъ ограниченности своего состоянія не имѣетъ способовъ наслаждаться пріятностями большого свѣта, ужели долженъ почитать потерю свою весьма важною? Нѣтъ, конечно. Свѣтская жизнь имѣетъ много привлекательнаго, но только для тѣхъ, которымъ даны средства пользоваться всѣми ея преимуществами безъ исключенія. Человѣкъ, желающій, несмотря на препятствія, бѣдностью ему положенныя, оспаривать у сихъ счастливецъ удовольствія, на которыя, такъ сказать, сама фортуна дала имъ полное право, получить въ награду одно оскорбительное чувство собственнаго безилія. Писатель съ дарованіемъ истиннымъ щедро вознагражденъ природою за всѣ обиды пристрастной фортуны. Имѣя въ виду одни благородныя занятія мыслящаго, богатаго чувствомъ и любовью ко всему прекрасному человѣку, онъ будетъ въ тишинѣ души довольствоваться скромнымъ своимъ удѣломъ, своею дѣятельностью въ маломъ кругѣ; онъ будетъ довольствоваться распространеніемъ своего ума и ограниченіемъ своего сердца. Утрату разнообразія въ удовольствіяхъ замѣнитъ онъ продолжительностью ихъ и полнотою. Для него человѣческое общество раздѣлено будетъ на два круга: одинъ, обширный, въ который онъ входитъ изрѣдка съ твердою рѣшимостію быть просто зрителемъ спокойнымъ, холоднымъ,

безъ всякихъ честолюбивыхъ требованій и надеждъ, безъ всякаго соперничества съ людьми, желающими въ немъ торжествовать, равнодушный къ собственнымъ своимъ неуспѣхамъ, желающій единственно приобрѣтенія нѣкоторыхъ новыхъ понятій, нѣкоторой образованности, необходимой его таланту; онъ будетъ незамѣченъ, это вѣрно, за то не будетъ и страненъ, ибо въ свѣтѣ находятъ странными одни усилія самолюбивыхъ, бесполезно желающихъ отличить себя предъ другими какимъ-нибудь превосходствомъ; тихая скромность будетъ его украшеніемъ. Вся дѣятельность его въ семь кругѣ ограничится единственно тѣмъ вліяніемъ, которое онъ можетъ имѣть на него посредствомъ своего таланта. Другой кругъ—тѣсный, есть тотъ, въ которомъ онъ счастливъ, любимъ и любитъ, гдѣ онъ имѣетъ успѣхъ безъ всякаго усилія, не прибѣгая къ утонченному и коварному искусству; тамъ его уединеніе, гдѣ онъ наслаждается жизнью, въ трудѣ безмятежномъ и полезномъ, гдѣ онъ бесѣдуетъ съ самимъ собою, гдѣ онъ высокими чувствами и мыслями совершенствуетъ душу свою, гдѣ онъ ввѣряетъ бумагѣ сокровище собственныхъ мыслей и чувствъ для пользы современниковъ, быть можетъ, и для пользы потомковъ; тамъ его друзья, соединенные съ нимъ одинаковою дѣятельностью, сходствомъ жребія, склонностей, дарованій; ихъ строгая разборчивость его образуетъ, ихъ благодѣтельное соревнованіе животворить въ немъ творческій пламень, въ ихъ искренней похвалѣ его воздаяніе и слава; тамъ, наконецъ, его семейство. Для писателя, болѣе нежели для кого-нибудь, необходимы семейственныя связи; привязанный къ одному мѣсту своими упражненіями, онъ долженъ около себя находить тѣ удовольствія, которыя природа сдѣлала необходимыми для души человѣческой; въ уединенномъ жилищѣ своемъ, послѣ продолжительнаго умственнаго труда, онъ долженъ слышать трогательный голосъ своихъ любезныхъ; онъ долженъ въ кругу ихъ отдыхать, въ кругу ихъ находить новыя силы для новой работы; не имѣя вдали ничего достойнаго исканія, онъ долженъ вблизи, около себя, соединить все драгоцѣннѣйшее для его сердца; вселенная, со всѣми ея радостями, должна быть заключена въ той мирной обители, гдѣ онъ мыслить и гдѣ онъ любитъ.

Торговый Домъ Я. БАШМАКОВЪ и К^о.

С.-Петербургъ. Итальянская ул., 31.

Изданія Я. БАШМАКОВА и К^о и книги, находящіяся на складѣ.

АДАМОВЪ В. Учебникъ элементарной психологіи. Изд. 2, исправ. и допол. 1-е изд. допущено Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ школь. 1906 г., ц. въ колѣн. переплетѣ 1 р.

АННЕНСКИЙ И. Книга отраженій. Проблема Гоголевскаго юмора.—Достоевскій до катастрофы.—Умирающей Тургеневъ.—Три социальныхъ драмы.—Драма настроеній.—Бальмонтъ-лирикъ. Ц. 1 р.

ВУЛЬФИУСЪ, А. Г. Учебникъ средней исторіи. Ц. 70 к. *Доп. М. Н. Пр.—Рек. В. У. З.*

ГЕРАКОВЪ Н. Новая русская хрестоматія. Для старшаго класса жен. институтовъ и гимназій Вѣд. учр. Имп. Маріи. ц. 1 р. 75 к. *Учен. Ком. по учрежден. Имп. Маріи рекомендовано.*

ГИНЦБУРГЪ, Н. Лѣтомъ у дѣдушки. Разсказъ изъ словъ съ буквою ѣ въ корнѣ. Съ 26 рис. Посobie къ изученію корней съ буквою ѣ, построенное на психологическихъ основаніяхъ. Ц. 15 к.

ГУРИНОВИЧЪ. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ, сгруппированныхъ по типамъ. Изд. 2. 1906. Вып. 1-й, 1-е изд. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено къ употребленію въ приготов. клас. сред. учеб. заведен., ц. 20 к. Тоже. Вып. 2-й, ц. 10 к.

— Школьный другъ. Хрестоматія и грамматика въ связи съ уроками правописанія. Курсъ приготовительныхъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, ц. 75 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено условно въ приготовительн. классы среднихъ учеб. завед. и въ низшихъ училищахъ.

— Начатки грамматики въ связи съ уроками правописанія, для первыхъ отдѣлений низшихъ училищъ и пригот. клас. ср. уч. зав., ц. 20 к.

ЗОЛОТАРЕВЪ, С. Очерки по исторіи педагогики на Западѣ и въ Россіи. Ц. въ пер. 1 р. 25 к.

КАУФМАНЪ, Г. Политическая исторія Германіи въ XIX вѣкѣ. Перев. съ нѣмецкаго группы слушательницъ Женскаго Педагогическаго Института. Съ предисловіемъ преподавателя института А. Г. Вульфюса. Ц. 3 р.

КЮРЗЕНЪ Систематическій курсъ ариѳметики для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. ц. 1 р.

КУРЯТНИКОВЪ. Грамматика для народныхъ училищъ. Изд. 7-е. ц. 25 коп.

ЛИБЕНЪ и ШУЙСКАЯ. Краткій курсъ русской исторіи. Съ рис. Изд. 4.

МАРТЫНОВСКИЙ, В. Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школь. Книга для занятій по отечественному языку въ приготовительномъ, 1 и 2 классахъ средне-учебныхъ заведеній, въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Томъ 1-й съ удареніями. Изд. 23. Ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 40 к.

— Тоже. Томъ 2 съ удареніями. Книга для занятій по отечественному языку въ III и IV классахъ средне-учебныхъ заведеній и въ старшихъ классахъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Изд. 19. Ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 40 к.

— Тоже. Безъ удареній, ц. каждому тому по 1 р. 25 к., въ переплетѣ по 1 р. 40 к.

Томъ 1-й Русскіе писатели въ 14 изданіи и томъ 2-й въ 9 изданіи Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. допущены въ качествѣ классной хрестоматіи для среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— То же. Томъ 3. Книга для занятій по теоріи и исторіи словесности въ старшихъ классахъ средн.-учебн. завед. Изд. 7. Ц. 1 р. 85 к.

МИЛОВИДОВЪ, А. Извъ родной поэзіи. Литературная хрестоматія. Образцы классной разработки произведеній на урокахъ объяснительнаго и выразительнаго чтенія. Изданіе 3, заново переработанное, дополненное. Цѣна въ коленкор, переплетъ 1 р. 25 к.

1 изд. опредѣленіемъ **Ученаго Комитета М. Н. Пр.** одобрено для ученическихъ библиотекъ учебныхъ заведеній какъ среднихъ, такъ и низшихъ, а также бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ, **Училищнымъ Советомъ** при **Святѣйшемъ Синодѣ** допущена восторокклассныя и церковно-учительскія школы въ качествѣ учебнаго пособия по русскому языку, **Главнымъ Управленіемъ** военно-учебныхъ заведеній рекомендована для фундаментальныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ.

МИХАЙЛОВЪ, Д. Пособіе къ наглядному изученію русскаго правописанія. Изд. 2. Ц. 35 к. *Доп. М. Н. Пр.—Одобр. Учебн. Ком. Внд. Импер. Маріи.—Рек. Гл. Упр. В. У. З.—Доп. С. С.*

НАДЕЖДИНЪ, П. Пособіе къ чтенію прозаическихъ и поэтическихъ сочиненій для самообразования. Изд. 2-е, исправлен. и дополненное. Ц. 1 р. *Доп. М. Н. Пр.*
— Прибавленіе къ книгѣ: Пособіе къ чтенію прозаическихъ и поэтическихъ сочиненій. Ц. 20 к.

ПЛАТОНОВЪ, С. Ѳ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематической. 2 ч. въ переплетѣ 1 р. 80 к.

— То же. Часть II (отъ Петра Великаго). Ц. 90 к.

Допущено М. Н. Пр. въ качествѣ руководства для средн. учебн. завед.

— Очерки по исторіи смутнаго времени—печатаются.

ПЛАТОНОВА, Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская). Біографич. очеркъ. Съ портретомъ. Ц. 1 р. 50 к.

РУДНЕВЪ, В. Родной мірокъ. Русскій букварь и первая послѣ букваря книжка для чтенія. Учебное руководство для перваго года обученія въ народной школѣ, съ образцами для письма, упражненіями для самостоятельныхъ письменныхъ работъ и большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ. Изд. 22, ц. 25 к. *Доп. М. Н. Пр.*

— Руководство къ обученію чтенію и письму по книгѣ „Родной мірокъ“. Изд. 3, ц. 30 к. *Доп. М. Н. Пр.*

РУДНЕВЪ, Я. Краткое руководство по методикѣ географіи. Для учительскихъ семинарій и школъ, педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій и епархіальныхъ женскихъ училищъ, Изд. 2 испр. ц. 50 к. *Доп. М. Н. Пр.*

— О преподаваніи географіи въ начал. школѣ. Ц. 20 к. *Доп. М. Н. Пр.*

— Элементарный курсъ математической географіи. Руководство для учительскихъ семинарій. Пособіе для 4-хъ клас. город. учил., 2 клас. сельск. и церприх. школъ. Ц. 35 к. *Доп. Св. Сри.*

СКВОРЦОВЪ, И. Записки по педагогикѣ Ч. 1. Общая педагогика. Изд. 14, ц. въ переплетѣ 1 р. 7-ое изд. допущено Уч. Ком. М. Н. Пр., Уч. Ком. по учр. Импер. Маріи рекомендовано.

— Тоже. Часть 2. Общая дидактика. Изд. 7, ц. въ переплетѣ 80 к.

— Философская пропедевтика. Ч. 1. Психологія примѣнительно къ курсу мужскихъ гимназій, ц. въ коленкор. переплетѣ 65 к. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ качествѣ руководства для ср. уч. зав.

— Русская исторія для стар. классовъ сред. учеб. завед. и самообразования. Изд. 2-е, ц. въ переплетѣ 1 р. 70 к.

СТЕФАНОВСКІЙ, И. Учебный курсъ теоріи словесности. Изд. 3, ц. 75 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ качествѣ руководства для ср. уч. зав.

СОКОЛОВЪ, П. А. Педагогическая психологія. Изд. 4. Съ систематич. указателемъ сочиненій и журнальныхъ статей по вопросамъ психологіи и педагогики. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к. 2-е изд. *Одобр. С. С.* для библиотекъ дух. семина. и женск. епарх. училищъ. Уч. Ком. М. Н. Пр. признана заслуживающ. вниманія при пополненіи ученич. библ. средн. учебн. зав.

ШУЙСКАЯ, А. П. Краткій курсъ русской грамматики. Учебникъ и сборникъ примѣровъ для разбора и другихъ упражненій. Изд. 3, ц. въ папкѣ 60 к. *Одобр. С. С.* 2-е изд. *Одобр. М. Н. Пр.*